

*250 лет
Московскому
университету*

Ю.М. Осипов

**Эпоха
Постмодерна**

Монографические труды автора

- Государственное программирование капиталистической экономики. 1979 г., 175 с.
- Хозяйственный механизм государственно-монополистического капитализма. 1987 г., 400 с.
- Хозяйственный государственно-монополистический механизм. 1987 г., 104 с.
- Опыт философии хозяйства. 1990 г., 375 с.
- Основы теории хозяйственного механизма. 1994 г., 367 с.
- Российская реформация. 1994 г., 57 с.
- Теория хозяйства. Начала высшей экономики. В 3 томах: том 1, 1995 г., 468 с.; том 2, 1997 г., 791 с.; том 3, 1998 г., 607 с.
- Очерки философии хозяйства. 2000 г., 365 с.
- Философия хозяйства. В 2 книгах: Курс философии хозяйства. Проблемы философии хозяйства. 2001 г., 624 с.
- Курс философии хозяйства. Примерная программа. 2003 г., 85 с.

- **Время философии хозяйства. В 3 частях.**
2003 г., 656 с.

Ю.М. Осипов

Эпоха Постмодерна

В трех частях

Москва 2004

УДК 330:1
ББК 65.5
О-74

Издание осуществлено при финансовой поддержке
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Научное редактирование — Е.С. Зотова

Редакторы — Т.Г. Трубицына, Н.П. Недзвецкая

Оригинал-макет — И.В. Кузнецова

Художники — Е.Ю. Осипова, К.Г. Поляков

Организационно-производственная группа — Т.С. Сухина, С.В. Смирнов

Осипов Ю.М.

О-74 Эпоха Постмодерна. В трех частях. — М.: ТЕИС, 2004. — 336 с.

ISBN 5-7218-0591-9

Предлагающая необычное видение современности, обозначенной феноменом Постмодерна, книга рассчитана на ответственного читателя, не только склонного к самосто-

ятельному мышлению, но и не обремененного ничего не говорящим, игровым оптимизмом.

ISBN 5-7218-0591-9
пов Ю.М., 2004

УДК 330:1
ББК 65.5
© **Оси-**

Лицензия ИД № 04386 от 26.03.2001 г.
Подписано в печать 26.01.2004 г. Формат 60x88/16
Печать офсетная. Печ. л. 16,0. Тираж 500 экз. Зак. 6210
ООО «ТЕИС»
115407, Москва, Судостроительная ул., 59.

Убаюканный европейской наукой и замороженный американским процветанием, передовой человек вдруг обнаружил себя в весьма странном мире, в котором есть странность, но нет мира — как реальности.

В таком «странном мире» есть все, даже то, чего и не должно быть, но самого мира как раз и нет. И заметался человек по мельтешиющему пространству, которого, как выяснилось, вроде бы тоже нет, заерзал по скользкому времени, которое, как оказалось, куда-то исчезло. И ничего человеку образованному не осталось, как выдумать словечко «постмодерн», припечатав им сорвавшийся с исторических креп мир.

Что ж, постмодерн так постмодерн, — и не такое видали, да и то ли еще будет! Однако разобраться надо — с новизной-то. Что же это за мир такой, который и не мир вовсе? А ведь не мгновение здесь, а эпоха — эпоха Постмодерна, — и сколько же ей длиться?..

Мир стал другим, человек стал другим, и все вообще другое: социум, хозяйство, культура; быт, работа, досуг; политика, государство, война... Все теперь другое, да и не по форме и механизмам только, а по самой сути, пожалуй, что и по самой бессути, ибо где оно — сущее — в этом занятном мире благолепия и благополучия? Не наказание ли это Божие — благополучие и благолепие? Суд Божий покажет, а может, сначала и самосуд — мира этого над самим собой, — и самосуд этот уже идет!

Не нам громко и окончательно судить, но нам ведь жить: рядом, вместе, в нем. Он же и у нас, этот мир! А потому не суд здесь, а всего лишь суждение — чтобы не вслепую! Вот почему и особое внимание к «странному миру», отчего и эта непростая книга — об эпохе Постмодерна!

...И тьма над бездной!

Бросая робкий взгляд на прошедшее десятилетие, поражаешься несоответствию между реально (а, может, и ирреально) происходящим и языком. Обыкновенным русским языком, принятым в приличном — научном или даже интеллектуальном — обществе. Нормальный язык, которым обычно описываются человек, общество, экономика, революции, войны, события, история и тому подобные вещи, т. е. язык, которым мы как-то все еще владеем, — язык *модерна*, не то что не проворачивается, но даже и вовсе не годится. Россия (Россия ли?) оказалась свергнутой в итоге августовского 1991 г. *происшествия* (иного слова тут мы не подберем, ибо событие — *со-бытие* — здесь никак не подходит, — происшествие тут из разряда *не-бытийственных*, из бытия не исходящих, бытием не оправдываемых, к бытию не принадлежащих) во *что-то*, мягко выражаясь, *странное*, то, что даже не назовешь ни состоянием (в состоянии все-таки «стояние», что-то устойчивое, прочное, стабильное), ни процессом (в процессе, хоть и в словечке иностранном, все равно слышится что-то другое — какая-то цель, какое-то к ней движение, какая-то телеология). Россия оказалась свергнутой во что-то странное, что мы так и назовем — *странность*. Во *что-то*, что просто так, посредством привычного культурного языка, неопределимо. Тут как раз не один *конец истории* случился (история прервалась, если не канула в Лету — какая уж история, коли нет ни состояния, ни процесса, ни даже события), но и *конец культуры*, *конец языка* (как общепринятой нормы), а также, уж извините, *конец науки*. Странность на то и странность, чтобы решительно кончать, — нет, не с прошлым, что само собой разумеется, а с наследием, тем самым наследием, которым жили и которое более или менее боготворили — как *идеальное достояние*. Нет более *этого* достояния.

Происшествие и странность. Других слов мы не находим. Можно, конечно, вспомнить о той же бифуркации, но тут, признаемся, слово это никак не подходит, — и не потому, что непонятно, а потому что... слишком определенно, о каком-то про-

смаатриваемом раздвоении говорит, а тут не просто раздвоение, а раздвоение шизофреническое, т. е. не норма, даже в аномалии, а полная, глубокая и непрочитываемая патология.

Как же описывать все это? В каких терминах, не говоря уже о *стиле*? Согласимся, что ученые знания тут не при чем, что ученых стилей тут не требуется. Здесь Гоголь нужен, Салтыков-Щедрин, Достоевский. Даже философия здесь спасует, разве лишь философия абсурда одолеет, но... нет, не одолеет, — в происходящем нет никакого абсурда, точнее, он есть, но лишь на поверхности, — в глубине же все что угодно, но только не абсурд, может, пустота, твердь или даже смерть, но не абсурд.

Какой мыслимый образ более всего подходит для оценки оцениваемого? Думается, что образ, вытекающий из той части одного примечательного романа, которая посвящена тоже происшествию и тоже случившемуся в Москве, как и тоже очень большой странности, а именно появлению и воцарению одного замечательного лица — немца (от «немой»), иностранца (от иной стороны), профессора (по виду). Да, конечно же, мы намекаем на него — на бессмертный труд писателя-философа М. Булгакова, на его «Мастера и Маргариту». И только тут, в этом укромном интеллектуальном уголке идеальной России, мы как раз и находим то, что ищем, — не слово даже, а именно *образ*, накладывающийся стопроцентно на то, что мы пытаемся — отсталые модернисты — как-то осмыслить.

Нет никакого резона повторять содержание романа. Достаточно просто к нему обратиться, вспомнить сам факт, чтобы ухватить исходящий из него *образ*. Образ нас волнует, образ происшествия и происходившего — в романе, — и волнует только для одного — чтобы уловить образ уже нашего — не романного вовсе — происшествия, и с нами, увы, происходящего. Иных возможностей в момент крушения идеального мира у нас нет. Не описать уныло и жутковато — в *модерне*, размазав все и вся, а схватить четкий образ — уже *постмодернистский* (*пост-исторический*, *пост-культурный*, *пост-научный*, возможно, и *пост-бытийственный*), ничего при этом не размазывая (как и не замазывая).

Не революция все-таки была, не переворот и тем более не разворот, как и не... поворот, ибо все это в рамках еще бытия, когда что-то происходит реально и в реальности, т. е. либо нечто в нечто, либо хотя бы ничто в нечто, а здесь как раз произошло либо нечто в ничто, либо совсем уж ничто в ничто. Почему же мы рассуждаем именно так? А посмотрим повнимательнее на август 1991 г., — что, собственно, произошло? Кто знает? Одно, пожалуй, ясно, что *что-то* экстраординарное, но не в плане там радикальности или быстроты, а в плане непонятности — в нормальных терминах нормального человека. Произошел какой-то *оборот*, но не тот оборот, что связан, скажем, с оборотом колеса, а другой, что посерьезнее и потаинственнее, что имеет корреспонденцию с *оборотничеством*, но, разумеется, не в традиционно мистическом смысле, а в смысле какого-то сверхполного и сверхизнаночного выверта — наружу, но исподпольно, исчерно. Произошло не опрокидывание даже, а *сброс, выброс*, некий *пад*, который не просто падение, а *падение в бездну*, где все не так, все по-другому, все не по модерну, а как-то иначе, небытийственно. Тут уж не бытие, а небытие, и не в том плане, что тут совсем ничего, а в том, что тут уже что-то, что как бытие не прочитывается и не осознается. Безвременье — оно ведь одновременно и безбытийность. Что-то есть, но его как бы и нет, поскольку ничего позитивного сказать об *этом* нельзя. Язык немеет (любой язык). Бытийствуем без бытия, стало быть, — в *бездне*.

Да, *бездна!*

Имело место *пришествие*, явилась *странность* — и мы оказались в *бездне*. Что здесь такого уж необычного — по прошествии десятилетия?

Бездна — это не пустота какая-то, и тьма над бездною — вовсе не черная пустота. Бездна — это когда нет устоев, нет законов (и закономерностей), нет какой-либо уважаемой упорядоченности, нет вообще восприятия мира, а мир — не то что бы иллюзия, а нарочито неухватываемая — пляшущая — реальность, а следственно, — ирреальность. Бездна — это когда все позволено, когда нет ответственности, нет меры, нет ориентира. Нет и культуры, нет слова, нет знания — как самооценностей. Все это вроде бы есть, но лишь как средство для чего-то другого — противопо-

ложного. Нет значимости, но зато есть мелькание, суета сует, есть и погибель (всяческая).

Существовать, оказывается, можно и в бездне. Не жить, конечно, а существовать, даже не существовать — это слишком серьезно — от сущего! — а как-то *иметься*. Для такого времяпрепровождения и слова-то не подобрать. Не мир ведь, а *антимир*. А что в нем — в антимире, поди узнай?..

О чем писал М. Булгаков в своем незабвенном романе? Не об этом ли — о превращении *вдруг* мира в антимир, бытия — в небытие, стройности — в странность? Не о бездне ли, *вдруг* разверзшейся, он писал? Не *это* ли он пророчески предвидел?..

Что же это за *срыв* такой?

Что-то было, что-то понималось, что-то действовало... и вдруг — ничего, точнее, какое-то вывернутое из нечего ничто, какая-то большая несуразица, она же и неизвестность — ибо непрочитываема в нормальном интеллектуальном режиме. Здесь явно потребен какой-то уже *постмодерн*, столь же неясный, что и сама читаемая им данность. Неясность на неясность, выверт на выверт, карикатура на карикатуру. Слишком стройна для странности культура, слишком стройна для нее философия, слишком стройна наука. И нет больше ни того, ни другого, ни третьего, точнее, есть — как атавизм, как ширма, как заблуждение. Свободомыслеие теперь, а может, свободоизмыслеие, а может, и свободономыслие. Постмодерн, одним словом — ничего не говорящем в общем-то словом.

Человек вдруг лишился... *слова*, ибо ни смыслы в словах не держатся, ни обозначить словом нечего, ни само происходящее вокруг в слове не нуждается. Прелюбопытнейшая получается картина, а может, и не картина вовсе... Доигрались, так сказать... то ли дворник на дворе, то ли корова, то ли чайник, — поди, разберись.

Что же это за срыв?

Решительный такой — бац, и все тут! Сегодня одно, а завтра — совсем другое. *Оборот*. Что-то *подспудное* — тогда, в империи, при тоталитаризме, — вдруг повылезло откуда-то и не просто о себе заявило, а перевернуло мир, превратив его одним махом (!) в... антимир. Выходит, что в человеке и обществе *что-*

то такое уже давно созрело, и лишь удерживалось какими-то имперско-тоталитарными узами. Мутация уже шла. Человек превращался в другого человека, отношения становились иными, общество потихонечку перелицовывалось. Укреплялись *ис-под-ние* ценности.

Мы все это замечали, конечно, но не думали, не думали... что в таком масштабе, так глубоко, так серьезно... Книга — и та отброшена, а что говорить о классике, которая вдруг перестала быть таковой в одночасье. Нет больше классики, нет книги, а если по видимости и есть еще книга, то это уже не книга, а что-то совсем другое — мимолетное, пошлое, карикатурное. А что значит — нет книги? О, очень многое: это значит, что нет культуры, нет цивилизации, нет истории, нет вообще идеального бытия — того самого, что еще бытием называлось, ибо все это, как ни странно, в книге — в Книге Бытия (не в одной лишь Библии), которой, увы, уже нет — как фундаментального качества. Теперь Интернет. Тоже, конечно, здорово, но не книга. Теперь непосредственное общение — неизвестно кого неизвестно с кем. А книга — не непосредственное общение, а знаниевое сокровище. Этого-то сокровища теперь нет. Теперь лишь скачивание и закачивание. Может, все это и хорошо, но это другое, совсем другое, а по отношению к старому миру (модерну!) не просто инаковое, а инаково смертельное.

Человек и общество (не весь, конечно, человек и не все общество) *смутировали*. Сами по себе. Вот что важно. Произошла *автомутация*. Разумеется, что-то влияло, что-то споспешествовало, что-то поддакивало. Но в основе своей случилась именно *автомутация*. Явилось поколение (в широком смысле — как насельников определенного времени), которое не захотело жить, что называется, по-старому, т. е. хозяйствовать ради всех и ради будущего, что так упорно держала империя, а захотело жить (жить ли?) по-новому, т. е. «хозяйствовать» ради себя и ради индивида (личности?), как и ради настоящего. Каждый для себя и в настоящем. Вот принцип. Тогда зачем книга, зачем культура, зачем цивилизация? Зачем история — как связь времен, как фактор, как требование? Зачем наука — как знание, как образ жизни, как творчество? Зачем философия — как мудрость, как мировоззре-

ние, как бремя? Зачем, собственно, и *хозяйство* — как созидание, как целостность, как всеобщность, как процесс, как жизнь?..

В самом деле, зачем? И вот, оказывается, что все это не нужно, по крайней мере, в стиле устаревшего модерна. *Мутанту мутантово*. Возможно, получилось и так, что не захотел мутант всего лишь старой формы, а в итоге отбросил не только форму, но и содержание с сущностью (а зачем, скажите, мутанту, все эти формы, содержания, сущности?..). В общем, новый образ (образ ли?) бытия (бытия ли?) сопровождался исключением всего ненужного, а этим ненужным оказалось фактически все наполнение жизни. Отсюда и *оборот*.

Автомутация. Что это и откуда это?

А все оттуда же — от человека, от его природы. Не выдержал человек, не выдержала его природа. Не смог он не только на высоте удержаться, а даже на подобии высоты. Сначала от Бога отпрянул, потом и от человека. Да, человек не дотянулся и до человека — того самого, что на бунт с Богом пошел. Бунтанул, и вместо величия — *ниш*. Не выдержал человек и человеческого, не то что Божьего, побрыкался-побрыкался и сдался... перед... нет, нет, это-то само собой разумеется, а... перед... самим собою — ниже себя пошел. От Священного Писания убежал, от философии убежал, от науки бежит... а вот от себя удрать так и не удается. Вот и пришлось выпустить на свет задавленное, темное, пошленькое, да и выставить — как новость, как открытие, как вершину, а вместе с этим и с миром посчитаться: слить все ненужное и залить все нужное, совершив тем самым *постмодерновый переворот*.

Где-то, может, и переворот, а у нас — в России — *оборот*, тоже постмодерновый, но *по-своему* постмодерновый. У нас ведь прыжок в бездну не просто из империи и из тоталитаризма, а еще и из социализма, из советизма, т. е. из попытки, из эксперимента, из натяжения. Вот почему и негативистская мутация оказалась сильнее (диссидентство — не шутка), и прыжок подальше. Наш мутант оказался всех мутантнее и резвее — всех на свете. Никакого снисхождения к прошлому, никакого модерна. Никакой тебе книгоразмыслительной культуры. Все, хватит! Теперь только

компьютер и английский, ну еще имидж. И потребление, много потребления.

Вот и все хозяйство. В том смысле, что хозяйствовать в стране и для страны — глупо, наивно, даже противно. Не хватает еще хозяйствовать (и трудиться!) для будущих поколений. Мутантство и есть, кстати, то одно из «будущих поколений», ради которых и трудились, надо полагать, предшествующие поколения. Теперь черед за ним. Не производство его волнует, а потребление, не вложение, а присвоение, не созидание, а пожирание. Отбросить все ненужное (оборонку, космос, машиностроение, электронику...), оставить только нужное, то, что жить позволяет, на что можно товаров всяких наменять — из-за границы. И жить, жить — по-человечески, как люди — с машинами, с техникой, с собаками, в общем, уже и не модерново, а постмодерново — с дисками, триллерами, детективами... и ездить, ездить... смотреть, отдыхать, наслаждаться... но, разумеется, и работать, но на себя, на себя, много работать, в бизнесе, с деньгами и ради денег, сутками... чтобы потреблять и потреблять... блага, воздух, солнце, зрелища, ландшафты, города, моды, звезд, самолеты, банкеты, рестораны, женщин, мужчин, вино, пиво, водку, шоколад, наркотики... О, как много всего можно и нужно потреблять, о, как нужно работать, о, как много потребно денег! Вот она, жизнь!

Жизнь смутировавшего человека, жизнь смутировавшего общества, жизнь смутировавшего хозяйства.

Что же это за хозяйство такое? Наше хозяйство — в России, возникшее вследствие мутационного оборота?

Своеобразное, мягко говоря, хозяйство — *проедательное*. Хозяйство-наоборот или наоборот-хозяйство, которое подчинено присвоению и потреблению, причем паразитарного по преимуществу свойства, и настолько сильно, что и производство и инфраструктура оказываются в положении *эксплуатируемых*, что, конечно, не новость для человечества, а новостью здесь является сам характер эксплуатации — *пожирательный*. Не просто эксплуатация, а *пожирательная* эксплуатация. Где обновление, где инвестиции, где занятость, где творчество, где целостность, где самостоятельность? Ничего такого в основе нет. Хозяйство с яв-

ными признаками *антихозяйства*, и весьма, надо заметить, устойчивыми.

Была ли реформа? Может, и была, хотя, наверное, было скорее *мутирование*, чем реформа. С какой целью? Нет, не ради перехода к более эффективному и радостному хозяйству, нет. Теперь это уже все знают. И вообще, хозяйственная реформа проводилась не ради хозяйства, как и не ради общества в целом. Она проводилась ради *подчинения* хозяйства, а потому и мутационно. Смутировали в антихозяйство, а соответственно — в бездну. Нет, не в рынок вляпались, хотя и в рынок тоже, но не это главное, — вляпались в *мировую экономическую бездну*, уже постмодерновую, т. е. в *финансомику*, а за предательство и продажу получили возможность, во-первых, паразитировать на природном и созданном богатстве, его проедать; во-вторых, культивировать *паразитическое хозяйство*; в-третьих, держать весьма солидный паразитарный, хотя и чрезвычайно активный и «работоспособный», слой; в-четвертых, кормить заграничного паразита. Внутренний паразитизм подпал (не мог не подпасть) под паразитизм внешний. Став паразитом, не надейся уйти от паразита. Чего-чего, а паразит на паразита всегда найдется. Вот и антихозяйствуй, коли хозяйствовать не хочешь!

Реформа прошла настолько невнятно, тайком и лживо, настолько мутационно, что, во-первых, никто из наивных даже и не заметил *что* и *когда* произошло (случилось, и все тут), а во-вторых, не находится слов, чтобы эту реформу как-то книжно-культурно выразить: вместо той же приватизации сразу лезет, к примеру, какая-то грубая и постмодерновая прихватизация, если не вообще грабеж... причем ведь грабеж же, не так ли?; вместо той же постмодерновой ваучеризации хочется употребить слово мошенничество (как самое мягкое) и т. д. и т. п. Все *это* хорошо знают, однако... однако все идет своим постмодерновым, т. е. Бог знает каким, чередом. Интересно, каким словом заменить, к примеру, модерновую «цивилизацию», если не постмодерновым «криминализмом»? Была «цивильность», теперь «кримильность». И ничего, живем. Было хозяйство, теперь антихозяйство. Ну и что?

В самом деле, ну и что?

Жизнь-то продолжается. Правильно, продолжается. Но какая? И это важно уяснить. Будем и дальше грабить страну, насиловать людей и природу, поощрять беспредел, коррупцию и криминал, терпеть каких-то вдруг возникших откуда-то олигархов, выращивать супербогатых, удерживать супербедных, восхищаться нетворческой занятостью, наслаждаться незанятостью, сворачивать науку, оглуплять образование, искажать историю, обезобразивать культуру, теснить философию, слушаться СМИ, утрачивать язык, смеяться над моралью, неумно пить пиво и т. д., или все-таки... все-таки, а что все-таки, разве *это* кому-нибудь надо? Что ж, и это понять неплохо, понять, что не надо. Любопытно, многие все видят, но менять ничего не хотят. Молодые, правда, меньше видят — сравнивать не с чем, но тоже порой видят, но тоже менять не хотят, как и не знают, на что, собственно, менять. Понимаем, что в помойке, а вылезать не хочется. Бездна держит и держать умеет. Ведь чтобы что-нибудь *такое* захотеть, надо возвыситься — над собой, а как тут возвысишься, коли только-только свалился — и с желанием. А желание свалиться и желание подняться — разные, слишком разные, вещи. И ничто пока не свидетельствует о наступлении желания возвыситься, ничто. Сидеть нам пока в бездне, сидеть.

А прикрытие идейное всегда найдется: тут тебе и экономика, и «общечеловеческие ценности», и «общемировые процессы», и постмодерн, не говоря уже о свободе, «правах человека» и демократии.

Истина.

Истина умерла. В ней более никто не нуждается, и с повестки дня она просто снята. Никто более не обязан ее искать, а тем более ей следовать. Что сказал сходу, то и истина, что полезно — истина, что сработало — тоже истина, а уж если что победило — тем более. Не в истине дело, а в эффекте. Что эффективно, то и истинно. Истина — просто *эффективная ложь*.

Почему же все-таки *бездна*, а не, скажем, кризис, а если и кризис, то не какой-нибудь, а *апокалиптический*?

Кризис, каким мы привыкли его видеть, это некое временное нарушение, искажение, даже потрясение, в некотором роде и смута (в русском понимании). Разумеется, все это есть сейчас в

России, а потому есть и кризис. Однако в России происходит что-то более серьезное и масштабное, чем кризис. Происходит переход на иную ступень бытия, конечно же, нижнюю. Ни Бог, ни природа для *современного* человека не критерий: от таких критериев человек давно отказался; но человек отказывается и от собственно человеческого критерия: человек как идеал — уже не идеал; человек ныне приковывает себя к другим критериям — пользы, эффекта, технологии, новизны, т. е. к критериям, исходящим от удовлетворяющего человека вещественного (не обязательно чисто материального) или материального (не обязательно чисто вещественного) окружения, однако искусственного или неприродного, по преимуществу, происхождения. Созидаемое человеком «вне» и является для него основным критерием бытия. Современный человек — не дикарь и не язычник вовсе (по принятой не слишком удачной терминологии), не человек от Бога или, проще сказать, не религиозный человек, но уже и не ренессансный человек (не человек-гуманист); это какой-то совсем другой человек, для которого всего лучше подходит жаргонное словечко *отвязанный* — от природы, от Бога, от человека. Отвязавшись от природы, Бога и человека, человек был вынужден привязаться к им же созданной вещи — к искусственному или неприродному вещному миру (вместе с такими же идеями). Вместо натурального человека (человека-натуры), религиозного человека (человека-духа) и гуманистического человека (человека-идеи) мир получил и получает под влиянием прогресса *овеществленного человека* или *человека-вещь*. Круг замкнулся — уйдя от природы, человек пришел к неприроде, но в ней же и погряз, растеряв не только природное и божественное, но даже и человеческое. И это не кризис, из которого просматривается выход, не болезнь, которая так или иначе излечима, тем более не недомогание — это, по сути, *катастрофа*, которую очень и очень не хочется признавать.

Ладно, пусть не катастрофа. Но ведь *мутация*. Качественный скачок, а лучше сказать, — соскок, — кажется, что вверх, а на самом деле вниз. Явился и является *другой* человек (и человек ли?). Все это надо осмыслить — серьезно и мужественно (это в эпоху-то карнавалов, игр, насмешек, развлечений, кривляний,

искажений, супердинамической суеты, пустой активности, мнимой занятости, тотальной лжи!..). Нельзя тешить себя иллюзиями. Мутация имеет место, и она, если можно так выразиться, глубже кризиса, а соответственно и дальнобойнее. Мутация бьет сильнее и дальше. Она не просто изменяет бытие, а *переводит бытие в иное бытие*, что, согласимся, совсем не одно и то же. И, к сожалению, переводит в более *низкое бытие*, если не в *антибытие*. Прогресс прогрессом, а *нищ* — это *нищ*.

Но ведь низость человека — не сегодняшнего происхождения. Верно. И даже очень древнего. Однако вряд ли когда-либо перед низостью преклонялись как перед святыней, да еще и в таком — всемирном — масштабе. Дело не в том, что Россия сегодня ужасна, или в России сегодня отвратительно, нет, не в том, а совсем в другом — вряд ли когда-либо цинизм и ложь столь ценились и столь массово им следовали, как и вряд ли они приносили столь великое и масштабное удовлетворение, как и имели когда-либо такое последовательное оправдание. Мир, как известно, давно в грехе, но именно как мир с *грехом*, когда есть и само понятие *греха*, его осознание, как и его осуждение, и попытка от него избавиться, хотя бы как-то сдержать. Грех — не вообще грех, а что-то, осознаваемое как грех — по моральному критерию. А что сейчас? Сейчас мир *без греха*, но не в том смысле, что мир избавился от греха, а в том смысле, что мир отказался от понятия греха — греха просто больше нет. Залезай в телевизор и ври сколько хочешь: это будет называться всего лишь какой-нибудь PR-технологией (не ложью, а «пиаром»), и никто, собственно, за это не осудит, не назовет это грехом, не призовет к раскаянию. Вот ситуация: не мир теперь перед нами, а бездна. А все идеальное, чем напичкан человек (человек ли?) — та самая тьма, что над бездною.

Вот и выходит — ***тьма над бездною!***

А нам возразят, вызываяще, что не страшно. Что ж, и не должно быть страшно, ибо *страх* улетучился вместе с грехом. Теперь живем *без страха* — идеального страха, а соответственно, не живем, а *имеемся*. Каждый сам себе голова, что совсем и не плохо, а вот плохо то, что голова эта без души, а душа, если и осталась, без Духа, который достучаться до остаточной души уже

не может. Нечего тут делать Духу, — хотя он и, ох, как нужен, ибо как без Духа вырваться из бездны, — но пока бытие человеческое не в Его пользу.

Что же делать? А делать-то практически нечего. Тут если что и делать, то не столько практически, сколько трансцендентно. Надо как-то работать над собой, себя самого за волосы из трясины вытаскивать — *преобразиться*. А как это совершить, если все вокруг тянет вниз, если бездна цепка и склизка, если душа истончилась, если на подвиг сил уже нет. На сдвиг — *вниз* — есть, а на подвиг — *вверх* — нет.

Правительство. А что правительство? Разве не впереди оно было — на пути в бездну, разве не оно практически устроило антихозяйство, разве не оно опрокинуло достоинство и возвысило мерзость?.. И даже если правительство вдруг окажется хорошим? Кругом ведь тупики. Мало того, не просматривается, на *что* и на *кого* опереться. Вот почему и не кризис у нас вовсе, а срыв в бездну, апокалиптический срыв, от которого нельзя просто так оправиться, да при этом и управляться-то некому, никто того особенно и не хочет.

Выходит, что сначала захотеть должны — внизу, вверху, повсюду. Достаточно многие и достаточно сильно. И захотеть, видно, придется через какую-то еще катастрофу, или лучше сказать, в катастрофе (катастрофа на катастрофу, катастрофа против катастрофы — клин клином вышибается). *Катастрофа и должна сыграть роль великого обстоятельства, после которого уже никуда — только вверх.*

Заметим, что у М. Булгакова Москва избавлялась от наваждения и команды Воланда через огонь — в пожаре, причем в пожаре, «случившемся» по желанию того же Воланда. Любопытно все это, любопытно. На носу ведь 2001 год — год, стоящий в цепи с другими судьбоносными для России годами — 1905, 1917, 1929, 1941, 1953, 1965... 1989...

Невысокого мы мнения о сегодняшнем человеке, невысокого. А что поделаешь? И не критика здесь заядлая, тем более не очернительство. Это всего лишь *констатация*. Тут мы ожидаем возражения: не все же люди плохие, не все же так отвратительно, не бесконечно же *это* будет продолжаться, выход все равно

найдется, нельзя не верить в человека и т. п. Разумеется, люди разные, да и вовсе не плохие, ситуации разные, далеко не отвратительные, выходы опять же разные могут случиться, когда-нибудь и конец всему *этому* придет, и в человека даже можно верить... Никто не собирается вступать по этим поводам в спор. Он и совершенно бессмыслен. Если хочется нам возразить, то не указанием же на то, что-де что-то есть, что-то может быть, во что-то надо верить и т. п., а утверждением, что мир в целом, как и Россия в целом, сегодня совсем не такие, как это нам кажется, и человек современный тоже совсем другой, не такой, каким мы его показали. Только утверждение это должно быть аргументированным, пусть и не абсолютно доказанным. Нам представляется, что человечество вступает в новую эпоху — эпоху *овеществленного человека, человека-вещи, человека-устройства* (своеобразного *чипо-вея*), лишённого чувства греха, совести, страха, правды, а потому, по-видимому, человечество вступает в *последнюю эпоху — закатную* (за-пад-ную), возможно, что и в предрассветную, но верится в это, надо заметить, с трудом.

А что Россия? Россия, конечно, пала, но не совсем и, наверное, не вся — жизнь в ней еще теплится, чему свидетельством и являются столь жесткие оценки происходящего, которые и мы себе позволяем. В России — борьба. России тяжело, но у нее есть шанс на будущее, — но уже не в современном мире, а в каком-то другом, еще даже никак и не осмысленном.

Да будет!

2000 г.

Конец истории как история конца

Объявлен и все более занимает интеллектуалов тезис о *конце истории*. Ничего особенного в этом нет, если принять во внимание *эсхатологизм*, свойственный — хотим мы того или нет — как реальному бытию, так и восприятию бытия человеком — существом смертным. Все течет, все изменяется. Все рождается и умирает. Царства возникают и гибнут. По кругу ли, по

прямой ли, по спирали ли идет движение — значения не имеет. Все имеет **конец!**

Почему бы и истории не иметь конца, коль скоро конец любого очевиден, а сама история столько уже продемонстрировала всяких концов, что мысль о еще одном конце вовсе не представляется неожиданной? В самом деле, почему?

Трудно, конечно, согласиться с тем, что история вроде бы есть, и вдруг оказывается, что ее вовсе и нет. Бытие-то человека продолжается, следовательно, история как будто бы тоже имеет место. Тогда зачем говорить о конце истории? Выходит, что разговор о конце истории ведется с какой-то особой условностью, когда речь идет не вообще о существовании человечества, а о каком-то определенном существовании — *историческом*, что не совпадает с историей как синонимом человеческого бытия вообще. Недаром же поговаривают о доисторическом человеке. Получается, что есть человек *доисторический*, а есть *исторический*, тогда почему же не быть человеку *послеисторическому*? История, таким образом — не весь путь человечества, а всего лишь отрезок на этом пути. Во всяком случае, человеку (ученому человеку) зачем-то понадобилось определять человека как человека исторического, а под историей понимать не все происшедшее и происходящее с человечеством, а только особенное, отличающееся каким-то особым качеством, к тому же временное, длящееся какой-то срок, имеющее толкуемое человеком начало и конец, как, собственно, и течение — от начала до конца.

Что ж, все это возможно, т. е. возможно сознательное конструирование человеческого бытия, его некая глобальная периодизация, выделение особого исторического периода, а соответственно и понятий *истории вообще* и *истории в частности*: той истории, которая как бы вечна и отражает все бытие человека вообще, и той истории, которая явно временна и касается лишь части бытия человека. Вообще-то о конце истории можно говорить в двух планах — как о конце истории вообще, т. е. самого бытия человечества (угроза тут, как мы знаем, вполне реальная), и как о конце истории в частности, т. е. о завершении какого-то этапа в жизни человечества и о переходе в какой-то иной этап — *послеисторический*. Все сказанное вполне допустимо.

Оговоримся, что нас здесь не очень занимает первый подход — о конце человечества вообще, и мы постараемся говорить преимущественно не о нем; нас более привлекает тезис о конце истории как о конце того, что человеком размышляющим обозначено как история и что стало объектом эксхатологического понимания. Попробуем рассмотреть тезис о конце истории с позиций *человека-историка*, того самого, который сначала сочиняет историю, выделяя в ней особый исторический этап, а затем приканчивает этот исторический этап, заодно почему-то и приканчивая историю (пусть и не историю как бытие человека вообще, а все-таки не просто этап, а историю тоже). Хоть и противоречиво тут все, но и любопытно. И поразбираться с этим стоит.

Здесь уместно задаться одним важным вопросом: написанная и пропагандируемая история, т. е. само знание об истории, или *историческое знание*, это знание об истории как реальности или это всего лишь некое представление человека об истории реальности, т. е., скорее, *история знания*, чем собственно *знание истории*? И мы должны ответить на этот вопрос, прежде чем приступить к каким-либо рассуждениям о конце истории, ибо от данного ответа зависит понимание того, *какой* конец, конец *чего* нам предстоит осмысливать.

Я не профессиональный историк, но историей я интересуюсь, что вполне естественно для любого обществоведа. Не претендуя на профессиональное разбирательство, мне хотелось бы высказать мнение заинтересованного человека об истории, которое складывается в итоге осмысления знания об истории, о человеке и обществе вообще, о природе, о Боге. Разумеется, высказать в краткой, тезисной, органической форме.

Не знаю, прав я или нет, но у меня складывается впечатление, что *истории как достоверной науки в полном смысле слова нет и быть не может*. Это первое. Отсюда вытекает второе: история реальности, которую мы одновременно знаем и не знаем, ибо необходимой достоверности все-таки нет, есть *история не реальности как таковой, а некоего о ней представления, грешащего известной недостоверностью*.

Вот такие получаются выводы — одновременно неутешительные и утешительные. Неутешительные, так как мы в конеч-

ном итоге не особенно знаем реальную историю, и утешительные, ибо мы начинаем относиться к историческому знанию как к знанию неопределенному, даже трансцендентному, а потому обретаем иную уверенность — в обращении с тайной. И это очень важно. Лучше понимать условность исторического знания, его ограниченность и неопределенность, чем либо принимать его за конечную истину, либо по-глупому влезать в бессодержательные споры по поводу тех или иных досужих утверждений.

Нравится наше заключение кому-либо или нет, но нас оно в общем-то устраивает, хотя бы потому, что освобождает от обоюдной неконструктивности: как наивно верить давно написанному и неоднократно повторенному, так и не менее наивно верить вновь высказанному и назойливо предлагаемому. Но это даже не главное: история для нас становится неким мистическим процессом, в котором человек участвует, но о котором он знает ровно столько, сколько и вообще о мире, природе, человеке, Боге, а может, и того меньше. *История более закрыта, чем открыта*. Причем любая: хоть древняя, хоть новая, хоть и непосредственно текущая.

Нет, мы не собираемся низвергать ни историческую науку, ни добываемое ею знание. И то и другое нужно, и то и другое *достаточно* реалистично, чтобы иметь место в культурном достоянии человека. Но важно уразуметь, что история как знание есть *продукт человеческого сознания* и содержит в себе равным образом нечто реальное и нечто нереальное, т. е. субъективно привнесенное, созданное человеком-историком, нередко и просто надуманное. Выражаясь по-современному, историческое знание есть знание во многом *виртуальное*, т. е. состоящее из возможности, проекта, замысла, наконец, оторванной от реальности идеи. История — культура *идеальная*.

Исторический этап, как и исторический человек — не то что бы выдумка человека размышляющего, но его ментальный продукт — и ничего более. Никаких внешних доказательств данного заключения, подтверждающих его реалистичность и подлинность, нет и быть не может. Человек думающий может с этим соглашаться, а главное — он не должен это принимать за совершенную истину — как нечто бесспорное.

Отсюда вопрос: а есть ли он, этот исторический этап, есть ли вообще исторический человек, соответственно, есть ли конец данного этапа и данного человека? Есть ли вообще *проблема*? И если есть, то не является ли она проблемой человеческого сознания, выплеснутого на историю, т. е. на длящееся бытие человека? Еще и *чьего* сознания, ведь не африканского же колдуна?

Думается, что это проблема не столько реальности, сколько ее интерпретации, равным образом — не вообще человека, а *человека европейского*, причем ученого человека, служащего науке — истории, ее философии, т. е. *философии истории*. Это проблема *ученого европейского ума* — и все! Не реальности и не африканца, да и не обыкновенного европейца.

Это совершенно умственная проблема, созданная особым европейским умом. И если этот ум провозглашает конец истории, то это есть некое важное для него заключение в рамках того смыслового пространства (или дискурса), в пределах которого данное заключение валиально, т. е. имеет вообще резон быть (даже при возможной его неправильности).

Конец истории — конец неким историческим конструкциям, сотворенным ранее рефлектирующим европейским умом. Это нужно иметь в виду, чтобы не впасть преждевременно в роковое уныние.

Что бы ни сказали профессиональные историки, но в исторической науке, как и в обществоведческой в целом (если не вообще в науке), очень много от *магизма*, и многие утверждения, даже фактологического свойства, более близки к *заклинаниям*, чем к достоверным истинам. Ничего не поделаешь, последняя истина человеку не дана, вот и приходится ему творить ее самому — искать заменитель. Не только реальная история есть творение человека, его демиургия, но и история истории — историческое знание. Последнее есть прямое создание человека (европейского, по преимуществу, человека), что совсем не вредно иметь в виду каждому, кто с историей (как с наукой) соприкасается.

* * *

Конец истории — философский тезис, выдвинутый европейской образованностью. Ничего другого в принципе нет. Есть тезис. Но он заслуживает пристального внимания.

Раз европеец высказывает такой тезис, то, значит, он предполагает и факт начала истории. Вряд ли мы обнаружим это начало, но можно согласиться, что оно так или иначе связано с появлением истории как знания, т. е. истории истории, но не в смысле еще собственно научного знания, а хотя бы в плане некой исторической рефлексии человека, т. е. обращения человека к своему бытию как по-особому отражаемому сознанием.

Историческое знание — параллельная реальности ментальная реальность. Наряду с действительным бытием имеет место бытие ирреальное, когда второе есть не копия, конечно, первого, но некая его идеальная модель, изоморфное, и весьма отвлеченное, отображение. Историческое знание — образ бытия, вырабатываемый сознательно человеком и удерживаемый в памяти.

В итоге получается, что на место истины реальной, т. е. фактически свершившегося бытия, приходит истина ирреальная, а в голове человека укладывается лишь некая *картина* реального бытия, соответствующая этому последнему лишь отчасти, условно, ограниченно. И эта-то картина и остается в конце концов в человеческом сознании, т. е. картина так или иначе *воображаемая*. Отсюда лишь один шаг до признания исторического знания как знания по сути своей *мифического*. Историческое знание — всего лишь миф, создаваемый человеком по поводу своего реального бытия.

Начало истории. Его фиксация может быть не только различной, но и настолько условной, что ничто не помешает увидеть в этой фиксации просто некоторый миф — миф о начале человеческой истории. Начало истории насквозь мифично. И если начало таково, то почему таковым не может быть и заключение о конце истории?

В самом деле, на каких сверхточных весах взвешено это утверждение — о конце истории? И дело здесь даже не в гипотетичности утверждения, что и так ясно, а именно в его непосредственно мифологическом характере. Конец истории — самый обыкновенный миф, который, правда, может иметь под собой некую, даже весьма значительную, объективность. Быть мифом — не значит быть ложью, но значит при этом и не быть абсолютной правдой.

Конец истории — миф. Но, возможно, вполне оправданный, имеющий под собой реальную почву, известную объективность. Почему нет? Но тут надо принять во внимание, что миф этот порожден *европейским умом*, что позволяет заключить, что конец истории есть некая рефлексия европейской цивилизации, а следовательно — отражает переживание истории на уровне европейского ее понимания и моделирования. Данный тезис выдвинут в рамках европейской историософии и не выходит за пределы конструкции истории, для нее характерной. Это имманентный продукт европейского исторического знания.

И коль скоро история завершается, то, во-первых, понимаемая по-европейски история, во-вторых, завершается, как нетрудно заключить, именно европейская история — как этап или даже ветвь общечеловеческой истории. Европейская история — конечно, не история Европы, даже не история собственно европейской цивилизации. Это история, прошедшая и проходящая *под европейским знаком*. И хотя это, конечно же, часть глобальной общечеловеческой истории, но другой истории (как уже отображенной и смоделированной) человечество практически не знает, во всяком случае, то «просвещенное человечество», которое имеет распространенное ныне научное представление об истории и ее начале.

Тут возникает вопрос: наступает конец истории как таковой, т. е. европейски понимаемой истории, или конец истории как знания, т. е. европейского представления об истории? Что в конечном итоге стоит за утверждением о конце истории — ощущение реальности, пусть и мифологизированной, или всего лишь неспособность европейского знания вместить в себя эту реальность, т. е. ее «невлезаемость» в европейский миф?

Если уж заговорили о конце истории, то это означает, что человечество чего-то уже достигло (в европейском, не забудем, понимании). Чего же? Чего достигло человечество под водительством Европы?

Отвечая на этот вопрос, мы не будем перечислять ни материальных, ни идеальных достижений Европы как таковых — они хорошо известны. Нам, видимо, надо задуматься над каким-то особым состоянием европейского общества, при котором вообще

возникает желание как-то покончить с историей. Заметим, не с историей Европы (Европейской цивилизации, Европейского мира, Европейского человечества), а с историей вообще. Европа-то как раз пусть себе остается, живет и здравствует, но уже... за пределами истории. История объявляется здесь уже окончательно оставляемым прошлым. И эту «прошлость» нам надо как-то понять.

Прошлое, которое не просто прошлое по отношению к настоящему, а прошлое, которое уже *не имеет отношения к настоящему*. Любопытная тут получается вещь. Это примерно как отрицание деревенского прошлого у новоиспеченных жителей города — было и не было, точнее, было, но что об этом особенно говорить, ибо отношения к городскому настоящему уже не имеет. Это как *переход в другой мир*.

Европа испытывает *состояние принадлежности к новому миру*, причем настолько новому, что *прошлое уже не имеет органического единения с новым миром*, и как первая ступень баллистической ракеты должно оторваться и уйти в небытие. Разумеется, история прошлого — как знание — может при этом оставаться, но это уже должна быть не история бытия, как было до сих пор, а история *бытия в небытии*. Знание о прошлом в таком разе и переписать незасорно, совсем по-иному это прошлое толкуя — в угоду новому настоящему.

Европа в новом мире. И в таком новом мире, при котором история — как реальность и как знание о ней — как бы отключается. Была история и нет ее. *Бытие перестает быть историческим*. История оказывается как бы выработанной, израсходованной, съеденной.

Конец истории есть одновременно и история конца.

История конца истории.

Бытие перестает в глазах передового европейца приниматься как история. Европейская цивилизация перестает быть исторической цивилизацией (возможно, и цивилизацией вообще). Европейский человек перестает быть человеком историческим.

Очень интересно! Бытие будто бы продолжается (бытие ли?), но истории больше нет. Она не нужна. В ней нет никакого проку. Традиции, закономерности, просто опыт — все это уже в

небытию. Человек отрывается от своего прошлого, он его не слушает, оно его более не интересует. Прошлое никак более не довлеет над настоящим, а настоящее теперь навсегда остается настоящим. Прошлого нет, но нет одновременно и будущего. Время физическое не остановилось (?!), но время историческое как будто бы остановилось. Во всяком случае, прервалось.

Наступает особый мир. Мир, в котором нет места времени, как, собственно, и пространству. Независимым от человека времени и пространству. Теперь не человек живет во времени-пространстве, а время-пространство живет в человеке. Человек уже не считается с временем-пространством, а созидает его сам. Производные получают теперь от человека время и пространство. Какая уж теперь история? Разве лишь история раскручивающейся свободно созидательной (демиургической) мысли?

Согласимся, что это уже не объективная история объективного мира, а что-то существенно иное — *субъективная история субъективного мира*, а в некотором роде уже не история, ибо нет уже объективности, которую человек был бы вынужден почитать за объект, в чем-то от себя независимый, и за субъект, способный к автоповедению.

Теперь история в руках человека (точнее, в его голове) и какой вообще смысл говорить об истории — ее уже и в самом деле не существует. Она кончилась. А современность — лишь время конца истории, т. е. заключительная фаза *истории конца*. Последний имеет истоки и свою собственную историю.

Об исторической завершенности Европы рассуждают давно. Наверное, не случайно, хотя и не всегда и во всем доказательно. Ибо не вышли сроки! Возможно, что и сегодня весь этот конец истории не более как преждевременный интеллектуальный выплеск. Возможно. Но проблема все-таки есть, она витает в воздухе, занимая все более и более проницательные ученые умы.

Весьма соблазнительно конец истории связать с *концом Европы* (сегодня — *Запада*), но вряд ли на этом пути можно найти вполне удовлетворительное решение, а главное, продуктивное в идейно-смысловом плане. Конец Европы (или Запада) нет, и он — как нечто обязательное — пока не предвидится. Наоборот, наступает эра (может быть, и краткая) европейской (западной)

глобализации мира и необычайного торжества Европы (Запада). *Европейской глобализации и европейского торжества!*

Если и можно говорить о конце Европы, то лишь в аспекте некоторой завершенности европейской цивилизации и европейского человека, той самой завершенности, которая свидетельствует о существенном качественном скачке, сопряженном с переходом в иное бытийственное состояние и в иное, по сути, бытие. С таким концом Европы, видимо, можно согласиться.

Европа остается, но... *перестает быть Европой*. Не натяжка ли? Может быть. Но отказаться от такого предположения мы не можем. Европейский приговор истории влечет за собой и *приговор самой Европе*, ибо вряд ли оторванную от истории Европу можно почитать именно за Европу. На место Европы, по сути, приходит уже что-то другое — какая-то *не-Европа*.

Тут есть над чем подумать.

Сначала Европа изменила под себя течение всемирной истории, по-своему протрактовала и придала ей особое — европейское — качество. Европа предложила истории стать *историей самовозвышения человека*, приравняв человека к Богу Творцу. Человек стал творцом собственной истории, ее демиургом. Так началась история по-европейски. Предшествующая история была немедленно подделана под данное событие. Более того, фактически была создана вся ныне почитаемая история. Самое почетное место занимала в ней собственно европейская история.

Однако...

Однако имело место и кое-что другое, о чем Европа не особенно тогда задумывалась. Европеизация истории, как и создание под эту Европеизацию всей истории, означала и нечто неожиданное, а именно... начало конца истории, о котором мы сегодня говорим. История конца — весьма давняя история, восходящая к возникновению в сознании человека — европейского человека — истории и ее научного отражения. *Как было начало, так и был конец*. Конец был предположен началом. История тогда началась, чтобы в один прекрасный момент... завершиться.

История конца не может не привести так или иначе к концу.

Конец истории.

Действительно, европейский человек сегодня — уже не па-сынок ни природы, ни истории. *Природа и история им покорены.* На место природы пришла *неприрода*, созданная европейским человеком. На место истории — *неистория*, также обязанная своим возникновением европейскому человеку. Неприрода и неистория! Новый мир. Мир полностью *hoto*-генный, человеком созданный. Европа выполнила свою сверхзадачу, Европа может уйти.

И она, кажется, уходит. Что еще остается? Только уйти, т. е. стать не-Европой.

Тут много всего.

Во-первых, из борющегося с внешним миром созидателя своего мира европейский человек превращается все более в хозяина-менеджера, озабоченного уже более всего сохранением достигнутого, его усовершенствованием, как и обеспечением своего благополучия в созданном искусственном мире. Труд — уже не европейский феномен. На место труда приходит его имитация, на месте творчества — развлечение — свободного в своей фантазии человека. На место предмета, вещи (которая, кстати, вещает!) — иллюзия, фантом (которые уже ничего не вещают, вещает лишь сам человек). Наука перестает быть наукой и становится игрой (не столько исследованием, сколько выдумкой). Игрой становится даже война (Ирак, Босния, Косово — Югославия). Быт оказывается все более прозрачным и призрачным. Мир виртуализируется, переставая быть внешним, априорно данным, объективным. Убыстрившееся время как бы исчезает. Человек живет вне времени. То же самое происходит и с сжавшимся пространством. Ставшее ненужным слово сворачивается. Чтение тоже. Наступает тотальная аудиовизуализация. Жизнь театрализуется, карнавализуется. Мир, бытие все более приближаются к калейдоскопическому образу.

Во-вторых, непреодолимое нашествие вне-Европы или генетической не-Европы, своеобразная варваризация Европы. Пришельцы, конечно, поддерживают Европу, трудясь и живя не по-европейски, но и сами европеизируются. Европа наполняется неевропейцами, более жизнеспособными. Такова плата за про-

гресс и благополучие. Идет поедание сладкого европейского пирога. Иммиграция для Европы — это химия для ракового больного, жизнь вроде бы продлевает, но ценою смертельного отравления всего организма. Внутри Европы живет и разрастается европеизированная не-Европа, имеющая тенденцию стать и анти-Европой.

В-третьих, Европа не может обходиться без эксплуатации остального мира, тоже частично европеизирующегося. Отсюда евроцентристская глобализация, порождающая противоположные и малоконтролируемые тенденции: с одной стороны, вынужденное расползание менеджериальной Европы по миру, а с другой — неизбежный антиевропеизм остального мира, в всяком случае его значительной части. Так или иначе, все это работает против Европы, т. е. за ее уход в небытие.

В-четвертых, Европа становится Европой без перспективы, без привлекательной сверхзадачи, без исторического оптимизма. А это уже не Европа, это что-то другое — та самая не-Европа, которая идет на смену Европе.

В-пятых, что, пожалуй, самое главное, Европа *обесмысливается*. Смысл Европы исчезает. Его нет. Он замещается новым смыслом. Однако каким? Вопрос очень серьезный. Не приходит ли в итоге просто бессмыслие — некое *послеисторическое бессмыслие*? Почему нет? Ведь все в Европе готовы свободно творить свои собственные смыслы, а что в результате — для Европы?..

У нас есть некоторые основания говорить ***о конце Европы как о содержательном самоотрицании Европы***. Да, такой конец, кажется, прослеживается. И весь вопрос теперь в том, что же идет на смену Европе в виде после-Европы, что-то устойчивое и перспективное или же что-то хрупкое и бесперспективное?

Есть немало доводов-ощущений, что у после-Европы нет большого будущего, т. е. нет объективного времени-пространства, от которого она, кстати, сама и отказалась, что после-Европа — все же более призрак, чем утверждающая себя реальность, а потому тезис о конце истории так или иначе работает на тезис о конце Европы — пока не физическом.

Но остаются и контрдоводы, образующиеся от упования на изворотливость европейского ума и образа поведения, на их неисчерпанность. Что ж, не будем делать окончательных выводов, а предоставим возможность их сделать самой действительности. Мы не собираемся хоронить Европу, да и вообще это не наша забота, но не поразмышлять о судьбе Европы мы не можем, ибо судьба эта и нас касается — россиян. Оставим вопрос открытым, но примем во внимание сам факт его постановки. Почему бы Европе и в самом деле не прыгнуть куда-нибудь в никуда, т. е. в небытие, ведь она многое для этого весьма упорно делает? Достаточно посмотреть пристальнее на совершенного европейца — хоть массового, хоть элитарного. Хорошо жить в Европе, но что-то не очень хочется ей во всем следовать! Да и достаточно ли хорошо сознает Европа, куда она в реальности идет?..

* * *

Конец истории.

Прежде всего, это, безусловно, конец, с одной стороны, сделанной Европой истории, а с другой — написанной и идеально смоделированной по европейским лекалам истории, т. е. европеизированного представления об истории, исторического знания, его европейской, по сути, версии. Но этим дело не ограничивается.

Мы уже упоминали о возможном конце человеческого бытия вообще, во всяком случае некоторой его катастрофе, позволяющей говорить о таком конце (конце Света). Оснований для подобных разговоров предостаточно. Не менее «концевым» представляется и вариант избежания катастрофы, о которой идет речь, посредством резкого сокращения населения Земли ради жизни оставшегося «золотого миллиарда». Но вовсе не избежание катастрофы, а выбор просто иного ее варианта, во всяком случае, если и не конца Света, то конца мира — уж точно. Эсхатология истории сопряжена с эсхатологией человека как и наоборот, хотя сопряженность эта не прямая и, надо полагать, разновременная. И упускать данную сопряженность из виду было бы неправильно.

Однако нас в большей мере занимает сейчас собственно эсхатология истории.

Срок истории, судя по всему, пришел. Не имеет значения, наступил ли уже в буквальном смысле конец истории или он только наступает и наступит лишь в будущем. Главное, что проблема поставлена. Она поставлена не сегодня, но сегодня она вызывает особый интерес. И не так уж важно, когда в точности наступил или наступит конец истории. Важнее, пожалуй, задуматься над самим фактом постановки данной эсхатологической проблемы.

Здесь представляется уместным обратить внимание на известное *разочарование* от реальной истории и от ее научной трактовки, постигшее *homo sapiens* на рубеже второго и третьего тысячелетий от Р. Х. (да будет ли оно — это третье тысячелетие, т. е. стоит ли говорить именно о тысячелетии, не лучше ли довольствоваться просто XXI веком?).

Что касается реальной истории, то на рубеже XX и XXI вв. уже нет, несмотря на громадные успехи естественно-технического знания и производства, той эйфории, которая владела еще совсем недавно *homo sapiens*, вставшим на путь стремительного переустройства мира и общества. Проблема потребления оказалась решенной для части человечества, даже было создано общество потребления, досуга, развлечения, но счастье-то так и не было достигнуто, несмотря на принижение идейно-духовной составляющей в сознании человека. Более того, возникла реальная угроза жизни на планете Земля (по крайней мере, высокоорганизованной жизни). Имеет место, таким образом, *конфликт между человеком и его историей*, который возник далеко не сегодня, но сейчас явно обострился и особенно болезненно воспринимается.

Что касается написанной истории, то тут тоже имеет место аналогичный конфликт, выраженный в известной неудовлетворенности от исторического знания. Такая неудовлетворенность восходит, во-первых, к слишком большой, если так можно выразиться, *неустойчивости* исторического знания, вызывающей сомнения в его достоверности; во-вторых, к слабой, если тоже так можно выразиться, *эффективности* данного знания, которое не играет необходимой образовательно-наставнической роли, т. е. мало чему учит человека, не просто сегодня живущего, но жиз-

нюю всю игрующего. *Историческое знание в итоге не имеет достаточного значения в жизни современного человека.* Им можно пренебречь. И пренебрегают. И в пренебрежении заходят уже настолько далеко, что впору как раз говорить о конце истории.

История — как реальная и как написанная — *более не творит человека, последний творит себя сам.* А это уже вне-историческое существование человека. Сейчас, как выясняется, все возможно, точнее, очень многое, что не означает, конечно, что все так и случается, как того хочет человек. Реальность, конечно, корректирует творчество человека, но иным образом — через *непредвиденные последствия*, а не посредством какого-то руководства обстоятельств, норм, законов и закономерностей, т. е. разнообразной объективности. Объективность как бы перестает быть самостоятельным и активным субъектом. Она оказывается все более лишь объектом управления со стороны человека. И отвечать человеку вынуждена не прямо, а косвенно — через непредвиденные последствия от действий человека. А человек стремится все более и более контролировать объективность, стремясь лишить ее возможности наносить контрудары.

История все меньше творит себя сама, она все более является объектом человеческого управления. Тогда это уже и не история. Что-то другое — неисторическое. Что это за история, которая лишена самостоятельности, самоорганизации, самореализации? Это уже не история — не история жизни, человечества, мира. Это действительно что-то другое.

Можно ли, к примеру, исторически описать происходящее в современном мире, вставить это описание в общую картину истории, найти органическую связь описанного со всем историческим прошлым и т. д.? Вряд ли. Скорее, современность просто не подлежит историческому описанию, она как бы сама себе история, но при этом неулавливаемая исторически история. Даже изоморфность и условность пасуют перед современностью. Даже мифотворение. О современности говорит Интернет, т. е. говорят *все и никто* — собственно исторически.

Неисторический и внеисторический надвигается мир.

Такое утверждение, возможно, страдает преувеличением и даже неправильно. Почему нет? Мы выдвигаем его не ради несомненности, а ради как раз «сомненности», ради размышлений о сегодняшнем и грядущем. Новый мир — особенный мир. И он на нас не то что бы потихоньку наплывает, а уже решительно надвигается — как огромная океанская волна, сметая старые представления, но не принося при этом новые.

Конец старого знания — непременно начало нового.

Современность чрезвычайно коварна в воззренческом плане, и с этим коварством нужно справиться. Без нового мировоззренческого знания, способного обеспечить не просто бытие в этом мире, а понимание этого мира с целью его возможного в будущем *преодоления*, человек оказывается в роли лишь тренированной — кем-то и для чего-то — обезьяны. Мировоззренческое, концептуальное знание — залог спасительного преобразования человека, однако преобразования уже в *смирении и покаянии*, а никак не в *гордыни*.

2000 г.

Эсхатология нового мира

Не любите мира, ни того, что в мире:
кто любит мир, в том нет любви Отчей...

И мир проходит...

1-е Ин. 2, 15, 17

Эсхатология имеет отношение к завершению, к концу, однако не столько к собственно прекращению чего-либо существующего, сколько к наличию потенции, часто скрытой, к такому прекращению. Любой организм в общем-то эсхатологичен, ибо он смертен, но говорить об эсхатологии даже и организма не всегда нужно, к примеру, здорового организма, а вот об эсхатологии больного организма либо организма, попавшего в неблагоприятную (вредную) среду, говорить и можно, и нужно.

Общество, как и конкретный способ его бытия, столь же эсхатологично, что и любой организм, и столь же подвержено эсхатологической характеристике, что и всякий организм, по-

павший в беду. Причем эсхатологизм может затрачивать отнюдь не старый, а и вполне молодой организм, соответственно и общество, и способ его фактической реализации.

Вот и мир, об эсхатологии которого мы собираемся говорить, весьма молодой мир, раз уж он у нас *новый*, однако не настолько молодой, чтобы не иметь своей предыстории, а соответственно и некоторого возраста, делающего этот новый мир не таким уж и новым, во всяком случае, исторически достаточно обустроенным.

Коль скоро мы говорим о *новом мире*, то у нас есть на это какие-то основания. Это не просто современный мир, ибо современным может быть и совершенно архаичный мир, а мир, который есть сегодня и который именно сегодня можно посчитать за мир *новый* — как по отношению к современному старому, так и по отношению ко всему уже ушедшему. Обычно также новое сродни *передовому*, что вовсе не значит, что и самому лучшему. И вот такой новый мир сегодня есть, и он действительно передовой, мало того, он еще и влекущий вперед, как бы олицетворяющий собою и будущее.

Что это за мир?

Нетрудно догадаться, что на такое звание может претендовать только один мир, который иначе сейчас прозывается *постиндустриальным, информационным*, т. е. мир, который обычно именуют *западным*, а иной раз и *атланти-европейским*. Ядро этого мира в Америке — в США, частично в Западной Европе и в Японии, но прежде всего в Америке (в США). Мир этот можно назвать *американским*.

Помимо основного ядра у этого нового мира есть и периферия, причем разная: ближняя, средняя, дальняя, имеющая, естественно, разную степень новомировской окраски, равным образом неодинаковую меру погруженности в новомировское смысловое поле. Новый мир везде — по всему миру, по всей планете, хотя и с разной степенью проникновения в их живую ткань. Картина тут весьма пестрая, что говорит о разной степени овладения новым миром мира вообще. Однако тенденция пока такова: новый мир активно распространяется по свету, мало того, пре-

вращая его — в разной мере и разным образом — в мир новый, приспособленный к собственно новому — и передовому — миру.

Отсюда и *глобализм*: как свидетельство победы нового мира над миром вообще, его как бы и окончательной цивилизации — американизации, как процесс охватывания мира вообще новым миром, как факт подчинения мира вообще новому миру. И при этом вроде бы и никаких иных исходов: глобализация мира вообще как его неизбежная нувелизация — американизация! Обустройство мира по лекалам нового мира, причем в целом, хотя и неоднородно, ибо однородности — в плане превращения всего мира в мир новый — быть не может, так как новый мир может существовать только за счет качественной разности между собственно новым миром и остальным миром, лишь к новому миру качественно же приспособленным.

Нувелизация мира вообще — это не распространение на весь мир и на всю его глубину нового мира, а лишь овладение новым миром мира вообще, разделение этого последнего на мир действительно новый — американский и на мир лишь по-новому, но в интересах нового мира обустроенный, к новому миру не присоединенный, а лишь привязанный. Нувелизация, о которой идет речь, таким образом, стратегия, с особого рода *колониацией*, чего не стоит ни чураться, ни бояться, ибо это нормально (с позиций нового мира, конечно).

Откуда вдруг взялся этот новый, колонизирующий теперь всю планету, мир? Можно рассуждать по-любому, но мы вряд ли ошибемся, если укажем на тот *Великий Европейский Переворот*, который принято уже почти что задушевно величать *Ренессансом*. Это был, как известно, идеологический, экономический, политический, этический, культурный, даже и научный, переворот, повлекший за собой и переворот технический, вызволивший *человека-творца, человека-демиурга*, вознамерившегося сначала переделать данный ему — Богом, Природой — мир, а затем и построить свой мир, уже даже и не взятый у Бога, у Природы, а полностью свой, исходящий *из человека и только человека*, созданный по подобию — в аспекте истечения из сознания и истечения самого сознания — *человека и только человека*.

И вот этот-то *человеческий и только человеческий мир*, способный полностью поглощать человека и всей своей целостностью противостоять Богу и Природе, мы и называем — в момент его исторического триумфа, переходящего как-то и во внеисторический триумф, *новым миром*. И не призрак вовсе какого-то там возможного нового мира бродит ныне по миру-планете, а самая что ни на есть его прозаическая реальность, все вокруг захватывая и переделывая, под себя приспособливая, а если надо, и уничтожая.

Что ж, возможно, все это происходит и объективно, даже и по каким-то законам, только вот во всей долгой исторической объективности, о которой мы обычно говорим, прослеживается какая-то хитроумная субъективная заданность, ибо все происходящее так или иначе успешно *сделано*, — и не кем-нибудь, а человеком, человеком *хозяйствующим*, тем самым субъектом, что как раз из Ренессанса, выполняющим фундаментальную демиургическую задачу-функцию — и с исключительным, надо сказать, упорством. Новый мир вполне продукционен, он есть не что иное, как *продукт* человека, именно человека, а не Бога или Природы, — и тут уже ничего не списать ни на Бога, ни на Природу, которые, кажется, ни о чем подобном человека и не просили. Сам захотел, сам и сделал, сам и доделывает. И совсем даже не по-божески, не по-природному, да и вообще не по-вселенски.

По-своему!

Для этого потребовалось десакрализовать мир, его обезбожить и обезприродить, отобрать его у Вселенной и обособить от нее, секуляризовать — наконец, просто *о-сво-ить*, сделать своим, человеческим, для чего нужно было и *гуманизм* вывести и в дело его ввести.

А почему это вдруг сейчас мы о новом-то мире говорим?

А вот почему.

Сейчас уже есть веские основания говорить о *глобальном и эффективном противостоянии мира созданного (человеком) миру данному (человеку)*, настолько глобальном и эффективном, что, пожалуй, о мире данном уже и говорить-то особенно не приходится, точнее, если и приходится, то лишь как о мире, не столько уже противостоящем миру созданному, сколько от него

ушедшем. Мир человеческий как бы поглотил мир дочеловеческий, что не значит, что совсем уничтожил, но куда-то его задвинул, запрягал, убрал.

Великий Переворот, о котором мы здесь толкуем, бывший прежде всего переворотом в сознании человека, увенчивается теперь другим Великим Переворотом — в самом мире и с самим человеком: теперь уже *другой мир* и уже *другой человек*.

Ренессанс открыл дорогу, по которой решительно двинулся белой расы европейский человек, и дорога эта привела его к Несансу — *нового мира и нового человека. На место мира данного — человеку явился мир даваемый — человеком.*

Вряд ли мир, созданный человеком, мы назовем теперь миром божьим или миром природным, как, собственно, и самого человека, ибо что теперь в человеке от Бога и от Природы? Вот он и есть — *новый мир*, на поверхности представляющийся как мир постиндустриальный, информационный, мегаполисный, технический, научный, электронный, даже и виртуальный, но в целом-то он как раз мир просто *человеческий*, даже и *гуманистический*, и даже не просто человеческий, а *только* человеческий. И вскакивать в последний вагон поезда, отображающего этот новый мир, что-то не очень хочется, ибо летит этот поезд неизвестно куда и зачем, разве лишь к своему одиночеству и за пустотой...

Теперь лишь мир создаемый... из самого себя и только из самого себя. Мир небожеский и неприродный. Мир сам по себе. Оттого и виртуальный, оттого и мелькающий, оттого и скользкий. Мир-мираж, хотя и мир-реальность. И человек в нем — тоже мираж, хотя вроде бы и тоже реальность. Особый теперь мир, человеку еще и неведомый, а лучше сказать, уже человеку и неведомый. Был мир изучаемый и ведомый, ибо был он видим, а что сказать теперь о мире невидимом, о мире-невидимке, о мире-мираже? Ибо всякая идея в нем — призрак. Не абсолютна она, но даже и не относительна, ибо неясно теперь по отношению к чему (к какой идее) она абсолютна или же относительна. Много чего есть у нового человека в новом мире — всякого искусственного, а вот идеи нет — той самой, утверждающей, поддерживающей и одухотворяющей. Творил, творил человек и натворил, а что... и сам не знает. Вот ведь интересно: ушел от мира данного, а влез...

не в мир даже, а в *антимир*, инфернальностью какой-то питаемый, да и заскучал, засуетился, забегал... среди миражей-то, а что же еще остается?

А остается только одно — *глобализм*! На него и вся надежда. Переделать, подчинить, освоить. Обеспечить выживаемость нового мира, мира-миража, инфернального мира, антимира, дорого обходящегося миру вообще, миру-среде, миру-вселенной. Затратен, ох, как затратен этот новый мир, ибо паразитичен он, совсем уж паразитичен. И вот *победа*, однако как явленность, как вылупленность, а не как жизненность, — и хочется ему закрепиться, задержаться, жизнеспособность обрести, а другого варианта, кроме переделывания и пожирания, нет. Мир краденый кражами живет, кражи же и умножает.

Наука свое дело сделала: научила-таки преобразователя технологиям разным, среди которых особое место занимают такие «штучки», как социальная инженерия, психотерапия, манипулирование сознанием, управление поведением, да мало ли еще чего — ранее небывалого, и все это в глобальных измерениях: глобальное воздействие, глобальное манипулирование, глобальное управление... Человек уже объект чисто человеческого PR-восприятия: кто не по-нашему, тот не с нами, тот и против нас, и быть он не должен, коли не хочет бороться за возможность перевоспитаться и за право быть эксплуатируемым. Никаких других выходов и иных шансов глобализм тут не оставляет: потому-то и объективен он, и закономерен, и ласков одновременно.

Новый мир победил, но как факт — факт реальности, как инспектор над ней, как переделывающий ее субъект. Но это еще не окончательная победа, ибо порядок, нужный в мире, еще не установлен, тем более не закреплён.

А вокруг ведь не одни согласие и подчинение, вокруг и много неприятия, и много сопротивления. Раньше-то не все так ясно было, а теперь вот яснее — разоблачительнее. Теперь новый мир заодно с глобализмом, а глобализм — не всемирное вовсе хозяйство, как кажется, а *всемирное хозяйство из одного центра*, разумеется, глобального, к тому же еще в интересах этого центра. Отсюда и *последние времена* — как для всего *не-новомировского*, так и для всего... *ново-мировского*, причем для *новомировского в*

первую очередь... ибо по-новомировски уже дальше нельзя, дальше смертельно, как раз и совершенно эсхатологично!

Ибо достигнуты уже *пределы*, а дальше уже *запределье*, а запределье — ни Богом, ни Природой не предположенное — есть не что иное, как пустота, как нуль, как ничто.

Что это за пределы?

Всекие.

Что материальные, что организменные, что средовые, что идеальные. Теперь лишь бесконечное выворачивание вывернутого... ради очередного бессмысленного выверта. Нет уже теперь ни времени, ни пространства. Космоса даже нет. Лишь один выворачивающийся непрерывно из себя самого новый мир, правда, все еще не единственный — как сейчас, так и потом.

Сам себе он первый враг и есть. Импровизации до хорошего не доводят. Игры тоже. Актерство — для немногих, когда вокруг куда больше неактерства. А если же актерства слишком, то мир уже и не мир вовсе, а его имитация. Однако не данного вовсе мира, а мира от сымитированного же мира. Не мир теперь вокруг, а чередование миров, их похожестей, их подобий — как на киноплёнке. Один, другой, третий мир... *x*-й мир, и все они мелькают, мельтешат, скачут, да так быстро, что остановишь вдруг взор, взглядишься, вдумашься... и нет тут ничего, нет вовсе и мира, одна пустота.

И тем не менее новый мир активно наступает, ибо другого исхода у него нет, а остальной мир ничего с ним поделать не может. И сталкиваются теперь миры — в непримиримости, ибо новый мир обязан идти на завоевание всего насущего мира, а остальному миру уже и деваться некуда, да и не отсидеться как-то — глобализм на то и глобализм, чтобы всех достать, — что своих, что чужих, — ибо *бес-покоен* он — по определению. Это — имманентное *бес-покойство* и интересно!

Беспокоен этот новый мир уже давно — с истоков, ибо беспокойство это ему абсолютно органично: беспокойна идеология, беспокойен протестантизм, беспокойна философия, беспокойна литература, беспокойно искусство, беспокойна пресса, беспокойно телевидение, беспокойна наука, беспокойен техницизм, беспокойна экономика, беспокойно богатство, беспокойны деньги,

беспокоен капитал, беспокойна буржуазия, беспокоен империализм, беспокоен пролетариат, беспокойны колонии, беспокойно государство, беспокойна демократия, беспокоен финансовизм, беспокоен информатизм, беспокоен глобализм... с какой стороны не подойти, всюду беспокойство — пусть и разное по времени-пространству, то усиливающееся, то угасающее, то вырывающееся, то исчезающее.

Беспокойный мир, беспокойная жизнь, беспокойный человек!

Мир-беспокойство!

Мир, которому всегда не по себе, всегда неуютно, всегда тесно. Отсюда мир-зыбь, мир-призрак, мир-взрыв, а соответственно *мир-вертеп*, *мир-агрессия* и *мир-агония*. И ничего ему с собой не поделаться! Покой и мир не для этого мира — мир-странника, мира-лунатика, мира-бегуна. Только вперед — все равно куда!

Бес-покойный, без-душный, без-умный!

Мир-война!

Мир-удовлетворение, но не мир-добро, в то же время и мир-беда, и мир-несчастье — *мир-зло*.

Неужели после 11 сентября 2001 г. требуются еще какие-то аргументы, и уж тем более после 1 ноября 2001 г. — очередного «хеллоуина» (Hallowe'en), когда стало совсем уж ясно, что Америка так ничего и не поняла в событиях 11 сентября 2001 г. и понять что-либо вряд ли уже сможет — новый мир вяжет и обязывает, хоть и есть в Америке немало светлых голов и даже совестливых еще человек.

Раскатился шибко новый мир — со всем своим невероятным беспокойством, да так шибко, что и не заметил (или почти не заметил), как аж за пределы истории выскочил: какая уж теперь история — без традиций, без устоев, без обязанностей, да и что есть теперь история, коли кругом только миражи и мелькания, коли повсюду один пиарный мо□рок?..

Поднялся над планетой новый мир — как вполне сказочный антигерой-призрак, обволакивает ее, проникает в нее, втягивает в себя. И глупеют цари, испаряются царства, стираются культуры. Однако уже за пределами истории, ибо история была

хоть чуть-чуть объективной — в чем-то независимой, как-то предположенной, что-то предписывающей. А теперь ведь одна вольная *субъективность*, когда только кажется, что впереди есть *что-то*, что возникает само по себе, объективно, не-человечески. Объективность теперь всю созидается — человеком, однако не любым вовсе, а только тем, что у пульта, разумеется, глобального, а потому объективность есть лишь старательно (может, и с известной небрежностью) сконструированная из единого центра субъективность. И дело тут не в том, что объективности совсем не осталось, а в том, что она слишком уж слаба, она на отлете, без выигрыша. Какая уж тут история?

Что же тогда остается новому миру?

Сожрав объективность человеческого бытия, остается пожрать объективность вообще, т. е. мир данный, за счет чего и обрести бес-смертие, то самое, что от без-жизния. *Эсхатология слишком органична новому миру, он эсхатологичен изначально, он как раз и рождается эсхатологией.*

Мир-эсхатология!

А каким ему еще быть — создателю *орудий массового уничтожения*, уничтожения всего вокруг: божественного, природного, человеческого, материального, идеального, духовного... любого? *Мир — уничтожитель мира!* И такой мир разве не эсхатологичен?..

Все съест, всех съест, сам себя съест!

Мир-жратва!

Что же, еще нужны доказательства?..

Пересотворение мира дорого обходится пересотворенному человеку, все еще надеющемуся, что проблемы и трудности сегодня временные, что биржи скоро восстанут, что занятость обязательно увеличится, что благосостояние непременно возрастет, что... все вообще будет хорошо, — вот только со злом надо бы побыстрее справиться, а зло как-то и не видится, ибо оно совсем не там — не в России и в Югославии, не в Афганистане и в Палестине, не в Ливии и в Ираке, не в Чечне и в Белоруссии, нет, не там вовсе, ибо оно всюду, а в значительнейшей концентрации как раз там — в новом мире, который не просто зло, а зло незамечаемое, какое-то снисходительное, улыбчивое, почти что ласковое,

но ведь оттуда, именно оттуда и идут орудия массового уничтожения...

Вот оно, *антисофийное* (по Булгакову) *хозяйство*, создавшее орудия массового уничтожения, которые, конечно же, и производительные силы, и орудия труда, и факторы производства, — как учит правильная экономическая наука, но которые суть *антижизнь*. И не надо при этом сразу же воображать себе атомную бомбу, а лучше подумать о таких мирных вещах, как финансизм, информатизм, техницизм, сциентизм, психологизм, социологизм, пиаризм, менеджеризм и вообще все то, что как раз и составляет новомировскую цивилизацию — порожденную *антисофийным хозяйством*.

Новый мир явно антисофиен — до суперкрасивого супербезобразия. Поэтому-то он и эсхатологичен. Он будет еще жить, сея смерть, но он уже мертв — в безнадежье. Жить ему в общем-то, точнее, как-то быть — в мертвых. *Мир-мертвец!* Мир, инфицированный антисофийной проказой. И ничего тут не поделать, точнее, можно поделать, но... сильно изменившись — в прямо противоположную сторону, стать качественно другим, но ведь не покаялась же Америка, не покаялась, а лишь еще более возгордилась... в великом страхе.

В любом случае мир, тот самый — остальной, который все еще как-то связан с миром данным, должен искать другой путь — не новомировский. И сегодня важно как раз осознать именно *это*: новый мир — не маяк вовсе, не цель, не сверхзадача. Сверхзадача совсем в другом — обойти новый мир, презрев его, да так, чтобы предстал он вдруг во все-еще-человеческом сознании отвратительным уродцем, таким пушкинским Черномором, сила которого лишь в виртуальной — финансовой и пиаринформационной — бороде, которую можно, поднатужившись, и отсечь — промыслительно!

Непризнание, отторжение, преодоление!

На новом, уже и во многом внеисторическом, витке человеческого бытия, когда человеку нужно даже не остаться человеком, а *стать человеком* — через катастрофу, которая вовсе не где-то впереди, а здесь и сейчас — катастрофа самого человека, во всех отношениях существа совершенно заблудшего. Человек

уже в катастрофе, — и человек этой катастрофы не видит, что и есть вернейший знак уже постигшего его несчастья.

Нет, дело здесь не в одном новом мире, хотя он и не заслуживает сожаления, а во всем человеческом мире, который, конечно же, не лучше нового мира, но в котором, пожалуй, есть еще резервы изменений в том самом направлении, по которому новый мир уже не пойдет. Не надо демонизировать новый мир — он это делает превосходно и сам, как не надо и идеализировать человеческий мир вообще — он этого вовсе не заслуживает, однако важно иметь в виду, что у мира вообще, в первую очередь, у не-новомировского мира, есть еще возможность выбора — и не столько потому, что он может этого захотеть, а сколько потому, что он еще не поставил, в отличие от нового мира, на возможность устройства человеческого счастья на Земле по лекалам самого человека, а потому и не сделал окончательного и безнадежного выбора.

Возможность отхода от нового мира есть, хотя сам этот отход маловероятен — катастрофа идет, но в катастрофе освобождаются не одни отрицательные энергии, отчего надежда все-таки остается... но после, после!..

2001 г.

Переустройство мира

Можно ли говорить о *цивилизации*? Можно, ибо цивилизация не то же самое, что культура, как и не то же самое, что община. Есть городской мир, есть полисы, есть политика. Потому есть и цивилизация.

Можно ли говорить о *цивилизациях*? Можно, ибо есть некие пространственным и временным образом обусловленные различия в реализации цивилизации вообще. Отсюда разные цивилизации-и.

Можно ли говорить о диалоге цивилизаций? Вряд ли, ибо цивилизации — не субъекты. Если что и можно, так это говорить о взаимодействиях цивилизаций, их сосуществовании или их борьбе. Цивилизация — явление, и взаимоотношение цивилизаций — взаимоотношение явлений.

В цивилизованном мире субъектами, выясняющими отношения не на личном, а на мировом (или, скажем, региональном) уровне, могут быть только *государства*. Государство — единственный реальный общественно обусловленный субъект, способный вести неличные разговоры, имеющие обязательную (правовую) значимость — как по ходу разговоров, так и по их результатам. Ибо государства — *явная власть* (как внутри властного пространства, так и во взаимодействии таких пространств). Вот почему государства *сакральны!* Ни что другое из субъектных образований в цивилизованном мире не сакрально (любое частное образование можно национализировать — любое!).

Цивилизация может совпадать с конкретной государственностью, может не совпадать. Однако любая цивилизация тем или иным образом *огосударствлена*. Цивилизованность и огосударствленность — две ипостаси-реализации одного и того же устройства.

Государство — принудительная организация общества, даже если и договорная. Однако *явная* и *сакральная* (при всех свойствах государству тайнам и мерзостям). Тем не менее государство — не единственная принудительная организация общества. Полно негосударственных принудительных организаций, которые в случае их претензии занять место государства сыграть *как бы* его роль оказываются относительно государства несакральными (криминальными). Государства *обязаны* бороться с этими неявными и несакральными образованиями, объявляя их вне закона. Государство для своей эффективной реализации не может делить ни пространство, ни время, ни власть с кем бы то ни было. Карающая функция государства священна!

Однако на государственность вообще и на национальную государственность в частности ведется, пусть и вкрадчивая, но основательная атака: либо ради господства в мире одного государства (наименование не имеет значения: ООН, МВФ, США, ЕС, ФИФА и т. п.), либо ради установления в мире вообще негосударственного принудительного порядка (что и наиболее вероятно — по идее).

В данной ситуации вообще невозможно всерьез говорить о каких-то диалогах государств, ибо последние постепенно «выпа-

риваются», превращаясь все более в полицейские управления более крупной властной организации и в сборщиков доходов (налогов) для той же самой системы. Это уже не государства в привычном понимании, а некие *уполномоченные*, — какой же тогда они могут вести серьезный диалог?

Выходит, что время диалогов закончилось, как закончилась, по-видимому, история — в историческом же ее понимании. Вместо времени — безвременье, вместо пространства — беспространствие, вместо истории — безысторичность. Но интересно и то, что время цивилизации благополучно завершается. Сейчас это уже не имеет значения, ибо на место не то что цивилизаций, но и самой цивилизации вообще приходит... *нецивилизация* (с мощным *антицивилизационным* зарядом).

Идет *переустройство мира*, а не его развитие, как и не его эволюция. При этом такое переустройство, которое предполагает самый настоящий *переворот мира*. Мир опрокидывается, — и, кажется, вертикально взмывающий вверх стремительно вертящийся конус... вдруг превращается в вертикально уходящую вниз и бешено вращающуюся воронку.

Апокалиптическое переустройство мира по рецепту владельцев денег, информации и средств информации — угрюмых и последовательных антигосударственников, а если и государственников, то супер-, ультра-, единогосударственников, т. е. фактически антигосударственников (единая государственность — исчезновение государственности вообще).

Диалогизировать поэтому некому и не с кем. Вместо диалогов — явная и неявная разносторонняя и изменчивая, круговая борьба — *всех против всех!*

За жизнь!

А диалоги — они, конечно, будут — на бездухотворенном интернетизированном языке (разумеется, английском). И сколько при этом денег (денег ли?) будет истрачено! О-о!.. Цивилизация-то ныне *виртуально-информационная*, а она дорого стоит (жаль, что приходится употреблять здесь столь приятные слова, созвучные «дорогому» и «сто́ящему», но что поделать — ведь пока слова еще с нами).

2001 г.

Фиктивная сущность Постмодерна

Постмодерн для персоны, называющей себя экономистом, — чистый экономический счет, чистые финансы, чистый бизнес, т. е. такие счет, финансы и бизнес, которые не запятывают себя производством жизненно-необходимых благ, ибо все эти счет, финансы и бизнес выше такого вот производства, они имеют дело лишь с одним производством — производством, а лучше сказать, выделыванием, *экономических фикций*, обеспечивающих, однако, господство над реальным производством.

Фиктивное производство, господствующее над реальным производством — вот, собственно, и весь по сути *экономический постмодерн!*

Постмодерн — наличие некоего верха экономики, ее счетно-финансовой надстройки, однако способной к такому самобытию, при котором она навешивает на все и вся свои собственные экономические, а лучше уже сказать, *супер-экономические*, ярлыки, которые воспринимаются этим все и вся как если и не родные, то как бы абсолютно ему необходимые. Рынок, который где-то ниже этого верха, лишь обеспечивает окончательное распределение вышеуказанных ярлыков — внизу и по низу, а сыплются эти ярлыки как раз сверху, где никаким рынком вовсе и не пахнет.

Постмодерновый верх — *счетно-решающая пустота*, вплотную напичканная лишь *цифрами*, среди которых, конечно же, есть свой порядок, но не совсем тот, который задается реальным производством, а тот, который есть основа и результат прежде всего самого фиктивного производства, а лучше сказать, выделывания — все тех же самых цифр.

Великая цифровая, а заодно и вычислительная, машина, витающая над реальным хозяйством, вот, собственно, и весь по механике *экономический постмодерн!*

Как же так, возразят нам, — не без раздражения, — адепты хозяйственной материальности и общественной механичности, а где же тогда рынок, полезность, труд, где же решающая все и вся реальность? На это у нас может быть лишь один ответ: все это

дорогое научному уму и сердцу материалистическое и механическое, идущее снизу и вроде бы из самой объективности, окончательно уже стало *вторичным* и *определяемым*, — и самое большее, что этому всему сейчас остается, так это покорно и активно *приспосабливаться* — к голосам свыше, которые в реальности выражены в нисходящих, а не восходящих, ориентационно-контрольных мерках-параметрах, которые можно сегодня уже просто-напросто *устанавливать*, а не как-то с трудом и радостно обнаруживать в буйно суетящейся реальности.

В привычном понимании реальности больше нет, ибо сегодня не Модерн даже, а именно Постмодерн. Сегодня не реальность сама по себе что-то очень важное диктует экономике, а некая суперреальность, переходящая в *ирреальность*, — именно она диктует экономической реальности все самое необходимое — для нее самой и необходимое. И реальность теперь суетится не сама по себе и не для себя, а под бдительным оком суперреальности, соответственно, под ней и для нее. Вот в чем заключается факт и суть постмодернового переворота: в *вывороте стоимости*, которая из вываривающейся реальности и потому стоящей, а следственно, и стоящей, становится вдруг попросту внедряемой в реальность и в ней устанавливаемой, и только поэтому что-то уже и стоящей — фиктивной! Реальная стоимость теперь не реальная лишь, а и *фиктивная* — причем по всему хозяйственному пространству планеты Земля.

Не сегодня все это фиктивное началось, но сегодня оно стало обширной явью.

Виктория!

Победа здесь суперэкономики, т. е. Постмодерна, и победа надо всем сразу — экономикой, хозяйством, жизнью. Окончательная экономизация бытия совпала с превращением экономики в суперэкономику, а точнее с выделением из экономики суперэкономики, т. е. с превращением экономики в *суперэкономическую экономику*. Здесь уже господство экономики над экономикой для самой себя.

Не трудовой и не полезностный характер у сегодняшней стоимости, даже и не спросо-предложенческий, как и не субъективно-оценочный, а какой-то *супер-счетный*, разумеется, вос-

производственный, точнее, возобновленческий, т. е. и балансовый, но в верхне-эшелонной, если так можно выразиться, реализации, имеющей свою, органичную самой себе, финансовую самость. Коли уж бывают финансы отдельного экономического субъекта: индивида, коллектива, организации или даже целой сферы, то почему же не быть финансам какой-нибудь *суперсистемы*, т. е. неким *супер*-финансам. Если даже отдельный экономический человек способен рассчитать как-то баланс своих доходов и расходов, то почему же не может оказаться *счетно-решающей* структуры, тоже способной рассчитывать финансовый баланс, но уже свой, суперский, такой же по сути баланс доходов и расходов, а поточнее сказать, *вливаний* в реальность и *присвоений* из реальности.

Нам все кажется, что производственная реальность, занятая производством жизненно-важных благ, производит и все экономическое, т. е. стоимость, деньги, цены, проценты, равным образом определяет и возврат в реальность накапливаемой стоимости-денег, т. е. капитала, но это нам только кажется, ибо все уже совсем не так — реальность получает жизненно-важную для себя стоимость, т. е. деньги и капитал, сверху, от суперсистемы, затем производит все жизненно-необходимое, возвращая при этом стоимость и все ее формальные атрибуты вроде денег обратно наверх, в суперсистему, оставляя ей возможность распоряжаться по своему усмотрению произведенным богатством. Прибавочная стоимость ныне — это уже не просто общественная прибавочная стоимость, а *суперсистемная прибавочная стоимость*, обеспечиваемая чистой, т. е. практически и незаметной, *суперфинансовой эксплуатацией* — *всею и вся!* И если уж толковать сегодня по традиции о собственности, то толковать надо именно о *суперсистемной собственности*, которая хоть и собственность, но другая.

И повсюду здесь своя мистика, однако не в одном лишь происхождении стоимости и прибавочной стоимости, ее присвоении, как это нам всегда казалось, а в самой работе всей этой *суперсистемы суперэксплуатации*, так как работа эта не то что не видна, будучи тщательно скрытой, а в том, что реализуется она в некой онтологической пустоте, как бы вне реальности, вместо

реальности, не по-реальному. Ее не так просто заметить, хотя можно и почувствовать, наверное, даже и как-то смоделировать. В ее зоне особенный творческий вакуум, в котором нет уже ни времени, ни пространства — как объективных данностей. Какое, скажем, время и пространство в работающем виртуально компьютере? Вроде бы что-то есть, но явно ничего и нет. Точно такая же, или просто подобная виртуализация сейчас и в экономике, в ее суперсистеме. Выходит, что какое-то *пустое нечто* за всех все и решает, заставляя всех к его решениям не то что прислушиваться, а прямо-таки отплясывать под них веселый хозяйственный танец, причем, по обязательной видимости, совершенно непринужденно. Вот где он — *великий инквизитор современности*, для которого не то что нет уже ничего святого, но который даже и не знает, что что-нибудь святое вообще может в этом мире быть. Отсюда и атака с его стороны на любое национал-культурное, не говоря уже о реально-религиозном, на все, что мешает его пребыванию в мире и полному изъятию всего его недорогого изящества.

Всезнающие, но мало что при этом любящие, специалисты нам, конечно же, бросят: все это бред, в лучшем случае, чепуха, не имеющая никакой познавательной, а уж тем более функциональной, ценности, ибо насыщены наши специалисты по преимуществу закрывающим знанием, из которого ничего особенно зряческого не возникает. Они давно уже мыслят и действуют в переполняемой пустоте, все еще таинственно их манящей и подающей возможность им как-то быть, к тому же быть безбедно, даже и богато, они настолько сроднились с этой замечательной пустотой, что перед нею лишь преклоняются и слепо ей служат. Все они по сути давно уже *постмодернисты*. Попробуй-ка, великий какой-нибудь художник, изобрази, нет, не делового вовсе человека, у которого еще какая-то страсть может быть в глазах, как и непремный на воодушевленном лице какой-нибудь порок, а самого обыкновенного экономиста — и именно как экономиста, сидящего за компьютером и все что-то упорно считающего, считающего... как бы и самого уже ставшего каким-то сложным числовым набором. И здесь нет никакой издевки над труженниками-экономистами, а если что-то и есть, так это сожаление,

что уже никак по-человечески, а лишь в виде какого-то скопища цифр, т. е. по сути совершенно постмодернистски, экономиста художнику уже не изобразить.

Постмодерн — господство фикции, имитации, цифры. Нам все кажется, что цифра от реальности, что она объективна, что отражает что-то внешнее, что реальность измеряется человеком, обсчитывается, а потому и оцифривается, т. е. представляется цифрово. Но теперь все уже совсем не так: цифра теперь и сама по себе, она в самом начале, она уже самодостаточна, и как раз именно она идет в реальность, ее под себя и оцифривая, т. е. уже не выражая независимую от нее реальность, а эту самую реальность прямо-таки *делая*. Цифра как бы вышла из реальности и заняла над нею и по отношению к ней вполне самостоятельное положение, однако не нейтральное вовсе, а совершенно активное, созидательное. Не цифра теперь от реальности, а сама реальность — от цифры. Не пустота цифирная от наполненной реальности, а исполненная реальность от цифирной пустоты. Мистика, как видим, однако и *пустая!*

А что тут плохого, скажут нам? Да ничего, — ответим мы, — ничего тут нет плохого, как, впрочем и ничего хорошего, поскольку что может быть плохого или хорошего... в пустоте или из пустоты? Ничего! В этом-то как раз все и дело: либо мы понимаем, с чем имеем дело, либо нет. Правда, нас может вполне устраивать подобное опустошение мира, уже как следствие *техно-сциентической демиургии человека*, но может и не устраивать. И вот в случае, если не устраивает, то... а что же тут сказать, коли все это постмодерновое только-только раскатилось — к тому же катится уже без времени и пространства, во всяком случае, без *тех* уже времени и пространства, которых теперь нет и никогда не будет?..

Пустота, о которой мы тут твердим — совсем даже не простая, она очень и сложная, может, не слишком видимая, может, не улавливаемая. Эту сложность можно сравнить со сложностью вращающегося семицветного волчка, когда от вертящегося бешено волчка исходит лишь один цвет — *белый*. Вот такой примерно и предстает перед нами суперсистема, о которой мы здесь говорим — ее безумное вращение, уже как бы и вне времени и про-

странства, как раз и приводит к... *пустоте*, в которой что-то есть и даже что-то очень сложное, но которого как бы и нет вовсе.

Постмодерн — отрицание реальности и реального мира, замена этих последних на сделанную ирреальность и сознательно культивируемую виртуальность, что мы и определяем в силу невозможности определить это как-то по-человечески — *пустотой*, той самой пустотой, которая наполняет все более мир, его империалистически захватывая. И не о цивилизациях, их конфликтах и диалогах, надо сегодня говорить, не о растущем глобализме, как и усиливающемся антиглобализме, не о богатых и бедных, их яростной борьбе между собой, не о перераспределении мирового богатства, могущем вроде бы достичь социальной справедливости, не о нациях и государствах, как о якобы спасительных силах, не о либерализме и социализме, способных-де возродить человечество, а как раз об этой самой *пустоте*, поглощающей мир и делающей его какой-то пустозвонной оболочкой — некой погрешностью (уж не такой ли точно мир был давно смоделирован умными учеными в виде пустотелого глобуса, а?).

Из мира выпаривается ныне все, что связывало его с природой, духом, трансцендентностью. Опустошение, о котором мы говорим, не исчезновение вовсе какой-то там реальности, а ее — этой реальности — замена, а лучше сказать, подмена. Реальность-то есть, да совсем другая, вовсе уже не та, не начальная, не весома, не родная. Свой для человека мир, настолько уже свой, что оборачивается он неумолимо... *антимиром*, в котором уже нет места и самому человеку, ибо для этого *нового мира* — мира как раз Постмодерна, подходит, уже какой-то по-особому опустошенный человек, который, собственно, уже и не человек, а так — его оболочка. На арену выходит *античеловек*, которого уже ни понять, ни признать, ни полюбить. Пустота мира, или, лучше сказать, антимира, сидит уже и в человеке, а точнее, в народившемся уже античеловеке. Вот, где, пожалуй, фронт, вот, где наступление, вот, где оборона, вот, где борьба. Однако все это происходит на трансцендентном уровне, где гуляют *метасмыслы*, где блуждает *метасмыслология*, т. е. там, куда нам хода нет или почти нет. Вот почему не ученые трактаты, не практические действия,

не воспитательная работа, а всего лишь Иоаннов «Апокалипсис», о котором не принято говорить всуе.

Не доказательства сейчас нужны, не расчеты, а спокойный, трезвый и мужественный взгляд на вертящийся в бешеном темпе мир, которому ничего уже не остается, как выблюнуть из себя на каком-нибудь повороте постмодерн, в том числе и экономический — однако не царственным же образом, а в мучительных корчах!

Человек человека к тому и приговорил!

2003 г.

Резвящийся Постмодерн

(послесловие к одной конференции)

16—18 апреля 2003 г. в Московском университете по инициативе Центра общественных наук при МГУ состоялась знаменательная научная конференция: «Экономический постмодерн: как итог и как начало». Почему знаменательная? Хотя бы по постановке, безусловно, новой... и пока еще не слишком принимаемой. Ладно бы еще постмодерн вообще, которым вот уже не первый год балуются передовые интеллигенты, провозгласившие то ли возможность любого стиля, то ли смешение всяческих стилей, то ли вообще отсутствие какого бы то ни было стиля, — а тут не более не менее как *экономический постмодерн*, в чем скорее всего опять же не реальность, а все та же постмодернистская трескотня. Кто-то из участников конференции подошел к делу серьезно, почуяв что-то действительно новое в мире и в экономике; кто-то отнесся к идее постмодерна с большим сомнением, но более или менее заинтересованно: а вдруг..!; кто-то ничего не смог выставить, кроме спасительной в таком разе иронии: мы-то знаем..! Мнения разделились, разговор состоялся сложный, плотный, неоднозначный. Отсюда и другая знаменательность конференции: не скрытое специально, а сокрытое поневоле в глубине размышляющего коллективного сознания совсем не слабое напряжение — перед прыжком: либо в постмодерн, либо от него, разумеется, идеально. Или новое понятие что-то все-таки откры-

вает, наполняя ищущее сознание новым смыслом, или, наоборот, болтается перед замерзшим недоуменным взором яркой сверкающей пустышкой. Так мода здесь или неотвратимость?

Смотря как на это все посмотреть, а главное, на что: на скучнейший ли современный учебник, на затейливое ли нобелевское откровение или же на самую реальность, которая все еще вокруг нас, но... уже и в роли какого-то НЛЮ — *неопознанного летающего объекта*, а может, и НЛС, т. е... *неопознанного летающего субъекта*, ибо *той* реальности, к которой мы привыкли со всеми ее неизменными атрибутами, почти уже нет, а если что-то еще и есть, то... не на первом вовсе месте, точнее, не на верхнем месте, не в центре, не там, где все как раз сегодня и решается, а если и не все, то явно самое главное.

Ведь ясно, кажется, что мир планетарный не просто неоднороден, а сверху вниз неоднороден, а кому больше нравится, то снизу вверх, но важно, что он не вообще разнообразен, а разнообразен расположенными друг над другом *мирами*, когда внизу по вертикали бытует традиционный мир, над ним в середине расположен сбрасывающий традицию и обретающий новизну мир, а наверху устроился совсем уж новый, давно оставивший традицию и уже вышедший на свободный оперативный простор новейший мир. И если средний, борющийся с традицией, мир обозначить как *Модерн*, то внизу оказывается у нас старый и уже весьма удрученный *Премодерн*, а вверху блещет молодой, бойкий и веселый, *Постмодерн*. И не надо нам особенно глаголить о цивилизациях и формациях, которые конечно же, можно все еще отыскивать и строить в металогические исторические ряды, которые, наверное, возможны, но которые вовсе и не главное в понимании архитектоники современного нам мира, который скроен уже *из миров*, а потому суть уже *метамир*.

Не отбрасывая в совсем уж дальний угол никаких иных и более привычных конструкций — пусть будут! — обратим внимание на продуктивность предложенного построения планетарного мира, ставшего не просто трехчленным, но трехсоставным, ибо речь идет уже не просто о частях мира, а о *целых мирах*, планетарный мир бесстрастно разделивших и вертикально обустроивших — превративших в небывалый ранее пирамидально вы-

строенный метамир. Горе тем, кто задержался в Премодерне со всей его натуральностью, сакральностью, патриархальностью; удача у тех, кто успел вступить в Модерн с его либерализацией, экономизацией, технологизацией, урбанизацией, институционализацией, однако и беспощадной и всеобъемлющей секуляризацией; триумф же за теми, кто влетел напрямик в Постмодерн — суперэкономический и высокотехнологический, глобализованный, виртуализированный, информатизированный, абсолютно десакрализованный, неприродный, мегаполисный, совершенно свободный, открытый, игровой, импровизационный.

И не понять теперь в целом планетарный мир, если не уловить и не осознать эту его затейливую трехмировую конфигурацию, при которой уходят куда-то в идеальную даль формации и цивилизации, народы и культуры, нации и государства, которые конечно же, все еще есть, но которые теперь совсем что игрушки на *ново*-годней елке — пустые и сверкающие, радующие разве лишь какой-нибудь бесхитростный туземистый глаз. Нет, незря, совсем не зря явился в Европе ренессансный Модерн, прорвавший с натужным ревом *Традицию*, превратив ее в уже подчиненный себе Премодерн, т. е. в захваченное им лоно своего рождения, существования и развития, которое он одновременно отрицал и предполагал, разрушал и поддерживал, обкрадывал и подпитывал, осквернял и переиначивал. И поработал Модерн тут на славу, *пересотворив по-своему мир*, достигнув для сказочного апогея — *Супермодерна*, перевалив нежданно-негаданно и в *Постмодерн*, но и оставив себя в мире, навязавшись последовавшему за ним Премодерну. И все это получило название *Модернизации*, т. е. обмодернивания мира, его превращения в конечном итоге в трехсоставной метамир, где уживаются сейчас Премодерн, Модерн и Постмодерн — под началом и контролем возвысившегося надо всем планетарным миром Постмодерна. Не Бог Творец теперь над миром, тем более уж не Природа, а именно Постмодерн, которому и поклоняемся страстно — разве нет?

Модерн — Европа, точнее, Западная Европа: Италия, Нидерланды, Англия, Франция, Германия...; Постмодерн — та же Западная Европа, однако более всего ее постевропейский выкормыш — США, те самые США, которые не были отягчены ни

премодерном, который они просто уничтожили, ни модерном, который они старательно и быстро довели до супермодерна. И слились сейчас воедино США и постмодерн — без всяких условий и оговорок, хоть и примыкает к ним Англия, а может, и начальствует даже над ними как-то, но мощью своей постмодерн именно там — в США, где он могуче и угрожающе сконцентрирован. Еще вчера могли испрашивать, а где он, этот самый *Центр* мира? — а сегодня, пожалуй, уже и не спросят, многозначительно помалкивая. Теперь-то все уже знают, разве... что в существовании мирового правительства еще сомневаются, а оно-то как раз и не скрывается. Эпоха Постмодерна — эпоха господства, мирового господства постмодерна, эпоха господства США с Англией, не то Англии вместе и через США. А что касается неверящих ни во что такое, все еще рассчитывающих на объективность, как и уповающих на Бога или же надеющихся на случайность, то что ворошить в их сознании премодерн и модерн, которые давно или недавно, но окончательно уступили место постмодерну, отдав ему инициативу, под него сегодня и рядясь. Нет уже или почти нет чистых модернов и премодернов, ибо постмодерн уже всюду назойливо проник, окрасив весь планетарный мир в свой постмодерновый цвет. Лидерство есть лидерство, пусть и отвратительное, и с ним нельзя не считаться, хоть и до поры. Закрывший очи да заткнувший уши уподоблен разве лишь дереву, да и не дереву вовсе, а так — бревну, но это его и только его дело. От истины не скрыться, как и истину не скрыть, а потому лучше с постмодерном быть в голове, чем без него... но и со своим пониманием постмодерна, коли уж о голове речь все-таки зашла.

Постмодерн.

Что это?

Это пересотворенный человеком по своему подобию мир; мир, созданный человеком и только человеком; искусственный мир, неприродный, в котором уже ничего от Природы и Бога; мир, который уже не данный человеку мир, а мир, человеком взятый, более того, мир, даваемый человеку человеком; покоривший природу и отделившийся от Бога мир, а потому мир обездуховленный, соответственно, обесмысленный и обессуществленный, несубстанциальный, но при этом и позитивно нетрансцендент-

ный; мир, который пуст — мир-оболочка, мир-футляр, мир-фикция, который подлежит постоянному импровизационному и имитационному наполнению со стороны его же создателя — человека, превратившегося по факту того же самого общемирового опустошения в человека-упаковку, или попросту в чиповея; мир, занявший господствующее положение в планетарном мире, он наверху и в центре, он непременный паразит, хоть и деятельный, пожирающий среду и весь мир, их нещадно эксплуатирующий; мир-растлитель, ибо иного выхода кроме растрепания всего и вся у него нет, а потому мир без тени сомнения, без совести, без нравственных оков; свободный мир — в своих желаниях и действиях, не стесненный и не стесняющийся; мир-пересотворитель, мир-агрессор, мир убийца; апокалиптический мир.

Постмодерн — продукт Модерна. Бился, бился Модерн и добился. Вырвался из истории, которая была ему что вериги. Теперь уже и сама история не история, ибо какой же теперь исток с истиной, т. е. *ист-ория*, коли все вокруг исходит прямо от человека-демиурга — что он захочет, тому и быть? Да и бытие уже не бытие, ибо оно вовсе уже не то, что само по себе есть, а всего лишь то, что дадено — человеком. Бытие — это традиция, а традиция — бытие. Теперь ничего такого нет, а будущее при этом уже не то, что само по себе-де будет, а то, что лишь попущено будет, что из самого человека-демиурга и изводится. Отсюда тут выходит не будущее, а всего лишь фьюче... именно так... фьюче, некое фью-фью... как бы от... джаза, от импровизационного дутья в трубу (негр-джазист, кажется, и есть главный символический победитель среди всего постмодерна). Постмодерн — мир-джаз, когда все вокруг заново новое и совершенно невесомое, когда ничто уже не тянет и никто никуда не зовет, когда нет отягчающих обязанностей и нет напрягающих устремлений, когда всем просто хорошо!

Однако не все так просто. Хаос в этом постмодерновом мире лишь внешен. Это хаос-прикрытие и хаос-подстройка, как и хаос-разбойник. Не хочешь под Постмодерн, получай хаос, а коли нырнул в постмодерн, то свободно хаотись, карнаваля. Ни объективностей теперь, ни закономерностей, ни обусловленных тенденций. Рынок, т. е. хаос, сам все сделает, сам и по местам

всех поставит, нигде, если надо, особо не закрепляя. Будь в хаосе, который лучше знает, что к чему, а потому и преклонись пред ним, стань полным синергетиком. Из хаоса — порядок, а анархия, как известно, мать порядка, стало быть хаос — отец порядка. Не ищи и не жаждай порядка, ибо он является сам — из хаоса и через хаос. Постмодерн — мир отвязанный, в котором и человек, он же чиповой, отвязан — от любой традиции. Разве лишь право, лишь институты, лишь налоги, но ведь это же не моральные конструкции, а внешние сети, в которых и пустот предостаточно — для либеральности. Ну еще есть полиция, организация дорожного движения, визы, Гаага, всеобщий учет, пластиковые карточки, — но ведь нельзя же... совсем уж... не правда ли? Да и синергетика не исключает вовсе порядка, разумеется, порядка, как бы это лучше сказать... механического, что ли.

Мир без традиции, без истории, без корней, без понуждения, без морали, однако... с *санкциями*, которые действуют почти автоматически, хотя иной раз и с разборкой — в суде, да еще и с длительной разборкой, ибо это великий карнавал, причем общий, да и весьма доходный — для всяческих имитаторов, а их ведь тьмы. Не жизнь, а механика, не страдания, а удовольствие, может, иной раз и неприятность, но уж никак не угрызение совести. *Механика хаоса и хаотическая механика*. Царство синергетики — как способа жизни и как идеологии. Теперь не нужно ничего сакрального, не нужно и философского. Теперь везде синергетика — чистая, заметим, наука.

Однако синергетика — наука и о *связях*. Нет, не об отношениях, а именно о связях. А чиповеям как раз только связи и нужны. И *сети с паутинами*. И все это у них есть, но есть ведь еще и сетеобразование, и паутиноплетение. В хаосе и из хаоса, однако... не само уж по себе, ибо побуждение все-таки нужно, а раз побуждение, то и побудитель потребен, который не одна лишь закваска, но и *воля*, а уж если воля, то человеческая, ибо никакой другой воли для постмодерна уже нет. Хаос хаосом, а воля волей. И вот тут-то главный, пожалуй, секрет Постмодерна — *организующая воля*, прямо от человека и исходящая. И тогда получается кое-что весьма интересное: не порядок из хаоса, что, конечно же, есть, а хаос из порядка, а на экономическом

языке: не порядок от рынка через хаос, а хаос через рынок от порядка, причем порядка, никогда хаосом не завершающимся, т. е. хаос вызывающим, но в него не превращающимся. Постмодерн — эпоха *суперсознательного и суперсубъективного порядка*, однако с хаосом и через хаос; эпоха *управляемого хаоса*; эпоха хорошо *организуемой самоорганизации*. Это и есть сегодня Ноосфера, когда Ум не просто правит миром, а его и всамделишно выдает. Эпоха *даваемого мира*.

Кем и откуда? Постмодерном и из Постмодерна, что то же самое: Уолл-Стритом и из США. Постмодерн — эпоха почти полного преодоления бытового времени и бытового пространства, опровержения бытового бытия, а потому и пустотного управления пустотой, почти что мгновенческого. Не хочется это признавать, а придется. Все, что еще во времени и в пространстве, все уже в прошлом, которого сегодня уже нет, как, собственно, нет и будущего, ставшего всего лишь каким-то фьюче. Прошлое было да прошло — пост, так сказать. Настоящее тоже теперь не настоящее, ибо уже не стоит, не покоится, не оседает. Это не более чем взвесь — между землей и небом, которая летит куда-то и куда-то вся и улетучивается. Теперь вокруг никакая не загадка, а фокусничество, не тяжесть, а невесомость, не линия, а пунктир.

И экономика теперь совсем не та, что была совсем недавно, ибо стоимость теперь, растеряв свою объективность, внедряется прямо сверху и прямо из центра — сознательно и по всему свету, обустривая всю хозяйственную реальность — как ей нравится, при этом извлекая из реальности все необходимое, но и гораздо больше того... для ловких держателей этой самой глобальной стоимости, т. е. для того же постмодерна, однако не для всего постмодерна, а лишь для сосредоточенного, — и зачем же для всего? Вот и хозяйство теперь совсем другое — не жизнеобеспечение это вообще, а более всего обеспечение — Постмодерна, его затейливой механики, из которой выходит не одно господство над планетарным миром, но может явиться и... рывок... в физическое бессмертие, в ту еще ноосферу, где уже ничего такого не будет, даже и постмодерна. Вот вам и полная апокалиптика!

Постмодерн наверху, хоть и не в большой вышине. Он здесь, на Земле, над нами и против нас. Разохотился, разыгрался, разбесился. Умен он и хитер, ловок, мир планетарный под себя подделывает, войну с ним ведет, покоряет и подчиняет, надеясь на окончательную победу. А мир не только в рот ему смотрит, не только в постмодерн спешит, но и ему сопротивляется. Инстинктивно, опасно, ходом вещей. И выходит так, что постмодерновая эпоха есть эпоха большого сражения: *Постмодерна с миром и мира с Постмодерном*. А постмодерн субъектен, это не одна лишь «объективная реальность», а более всего субъективная ирреальность, активно насилующая реальность. И мир планетарный в ожидании исхода — этой великой борьбы. И как тут не быть катаклизмам и катастрофам, как тут не случиться невероятным событиям, как тут не произойти чему-то совсем неведомому! Сначала мир ляжет под Постмодерн, потом же, почуяв неладное, а именно дыхание «черной дыры», в себя этот мир неумолимо стягивающей, в ужас отпрянет от подготовленной постмодерном бездны, а вот как и когда, это уж не нашего ума дело, ибо нет уже привычных времени и пространства, все стремительно меняется, нет уже ничего долговечного. А век Постмодерна недолог, — уж больно круто он взял, все и вся перемешивая, не оставляя никаких уже устоев, рамок и берегов. Впереди в любом случае *антипостмодерн*, который еще не явился, но который уже потребен — как спасительная реакция на пустой и опустошающий Постмодерн.

Да сгинет!
Да приидет!

2003 г.

Неуловимая современность

Современность на то и современность, чтобы не быть уловимой — *словленной*, т. е. обращенной в слово, ибо настоящее, как ни странно — в общем-то *ничто*, ибо что-то, что все-таки есть — всегда прошлое, а будущее — вообще не что-то. И если мы что-то улавливаем, то, конечно же, прошлое — причем вовсе

не то действительное прошлое, что вышло из настоящего. Настоящее — *творящее ничто*, и не надо думать, что ничего нет — из ничто, что-то да есть, но оно всегда в прошлом, т. е. всегда виртуально, если не забывать, что существует только идеальное, — материального не существует, оно истории не имеет, ибо мертво и вечно. Бытует только идеальное, которое разделено и само диктует свое разделение материальному, превращая его и в историческое материальное. Нет идеи, ничего и нет, ибо материя не выразительна, она молчит, не будучи ничем из выражающегося временным. В материи ничего нет, а если в ней что-то и есть, то это что-то — как раз идеальное. Что можно сказать о современности, если она — ничто, из чего вытекает лишь прошлое? Выходит, что современность — вытекшее из ничто прошлое. У современности нет времени, время только у прошлого. Со-временность — отсутствие времени. И нечего пытаться уловить современность, так как улавливать-то, собственно, *ничего*! Современность молчалива, только прошлое говорливо, а вот будущее не молчит и не говорит, так как молчать и говорить еще не о чем, хоть что-то там уже и есть. Но подобраться к современности все-таки хочется, как-то и понять это все, что из ничто, т. е. словить само *время*, в котором сразу и *вер*-ное (вре-вер), и *вра*-нное (вр-вра), т. е. ведение (в) о реке (р) молчания (м), разумеется, для Я, т. е. человека. Хочется с этим вот временем и сойтись — в соитии, что-то узнать из незнаваемого. Возможно ли это? Оказывается, что да, только вне научной самоуверенности, ибо где «вер», там и «вран» — можно и во «вран» по-вер-ить, а потому лучше верить и тут же не верить, оставляя за временем — верой и враном, которое к тому же из ничто, право на собственное самостояние.

На д-вор-е самое начало XXI века, что вовсе не значит, что так оно и есть. Однако в нашем воображении все-таки не век, скажем, XV, а какой-то наш, нынешний, настоящий, несущийся век, который рождается, который при родах, который родной. И век этот, т. е. XXI, обусловлен нулевым веком-мгновением — вовсе и не веком, но также и тем же XV веком, как и любым другим — от Рождества Христова. XXI век — двадцать первый по счету век Новой эры, что говорит за то, что это и не XXI век, а

какой-то другой, да и вообще не век, ибо не вечен. Условность тут сплошная, однако многозначительная, ибо Доновая эра имеет отрицательный, или обратный, счет. Кто и зачем это придумал, отпустив и опустив старое куда-то в Лету, превратив сто лет (не от Леты ли?) в век, хотя сто лет, будучи и целым (сто, цент, целое) — не вечность? Значит, что-то в вечности тогда началось — уж не новое ли время?, ибо как потом все хорошо вышло: Древнее время, Среднее время, Новое время, а то, которое современным вдруг оказалось — Новейшее. Забавно все это, но и не ясно, ибо трансцендентно!

Время идеально, и его надо идеально же организовать. Никакого материального времени нет. Время субъективно. И история тоже — от истока до истечения. Есть идея — есть история, нет идеи — нет истории. И субъект тут как тут: время и история запускаются — как часы. Вот и тогда — между Новой и Доновой эрами — произошел пуск времени и истории, может, и не пуск как таковой, а лишь очередной запуск, ибо какая-то прежняя идея уже была утрачена, а вместе с ней и какая-то история — начался новый отсчет времени, а вместе с этим и новая история. Обозначилось и доисторическое время, объявилась и безвременная история, однако такие, о которых сказать вообще было уже нечего. *Опрокидывание истории и обращение (вспять) времени.* Не шутки! И современность тогда исчезла, совсем исчезла, ибо исчезли идея и история. Жили тогда, были, да вот уже без времени и истории, без современности. Время встало, а история умолкла. Современность исчезла. Не стало ни прошлого, ни будущего. Было одно ожидание — Конца!

И конец наступил, как наступило и начало. *Новое спасительное слово!* Теперь явилась *любовь* — как идеальная субстанция. Не к близким, а ко всем; не только к своему, но и к чужому; не к какому-нибудь месту, а ко всему миру. Человек теперь стал выше самой природы, ее уставших богов, он был сыном Бога, который един и который сам есть Творец всего и вся. Теперь перед человеком простирался единый мир, данный ему его Богом. Не о чем было спорить, истина явилась сама, не было нужды в драке. Однако вестник истины, который сам-то и был истиной, оказался умерщвленным. Истина была отвергнута человеком уходящего

времени, и только по воскресении вестника она оказалась принятой. Пошла новая история — с новой истиной, но, увы, не по истине. Отвержение истины не было ни случайным, ни эпизодным. Человек не смог стать истиной, а потому истина была — над человеком, но ее не было в полноте в самом человеке. Ничего не дала и борьба за истину. Мир, данный Богом человеку, человека не устраивал, не устраивала его и данная ему Богом истина. Коллизия нарастала. И случилось в конце концов то, что, видно, и должно было случиться — как отклик на первоначальное распятие данной Богом истины: произошло новое отвержение Божественной истины, однако уже с тем важным следствием, что человек решился на самостоятельное добывание истины. Человек задумал так или иначе стать... чуть ли не богом, ибо богом ему стать все-таки нельзя, а потому только неким псевдобогом, или парабогом, не только познающим утаенное от него Богом, но и создающим свою собственную истину, — и все это для того, чтобы самому овладеть данным ему миром и переделать этот мир под себя. Провозглашенная Христом любовь к миру, к себе подобным, к природе и к самому Господу вдруг обернулась лишь *любовью к самому себе* — как к действующему уже в едином времени-пространстве *демиургу*. В мир, который обычно называется Европейским, пришла *иная истина*, которая состояла всего лишь в уверенности обретения совершенно *новой истины* — уже *непосредственно человеческой*. Почему же это произошло? Наверное, вследствие данной, или оставленной, Богом человеку *свободы выбора*, ибо господня истина предполагала самостоятельное бытие человека в этой истине: человек в конце концов *сам* решает — любить или не любить, кого и что любить, любить за что и как любить, т. е. за человеком оставался выбор пути, в том числе и такого, при котором предполагался возврат, пусть и не полный и не однозначный, к ценностям и ориентирам Старого мира. И человек, тот самый европейский человек, который был наследником и легендарных атлантов, в один прекрасный момент, устав, надо особо заметить, как от невозможности любить по-божески, так и от насильственного внедрения завещанной Вестником любви, решил избрать свой особый путь к истине и в истине, бросившись познавать и переделывать десакрализован-

ную и уже вовсе не любимую природу с целью, пусть сначала и не особенно осознанной, построения Царства Божиего прямо тут, в этом мире, на Земле. Самое поразительное, что этот десакрализирующий ход человека был уже предположен в пределах данной ему свыше истины. Что же касается исторического фактажа, то он явился в виде сначала так называемого Возрождения — доновозрозовского мира, а затем и так называемого Просвещения — уже Новым миром, тоже так называемым. В это же время рождается мощная совершенно человеческая идейность — *европоцентрический гуманизм*, — обозначившая смену источника истины, а затем уже и саму истину. Согласно Божией истине, это был путь *антихристианский*, ведущий к воцарению в мире, во всяком случае в европейском, *антихриста*. Это был бунт против Бога Творца и Его истины, это был рывок в сторону от Господа, за которым последовало полное очеловечивание мира, превращающее *мир данный* — Богом и Природой — в *мир взятый* — у Бога и Природы, а затем и в *мир созданный* — человеком для человека вопреки Богу и Природе. Человек взял на себя ответственность за *переустройство мира*, а пожалуй что, и за его *пересотворение*.

С приходом Вестника свершилась *духовная революция*, — отсюда смена эпох с явлением Новой эры. С Возрождением и Просвещением тоже произошла революция, и тоже духовная, но с обратным знаком: отсюда тоже смена эпох, но не эр, на что не оказалось решимости у тогдашних переустроителей мира, а может, и не было у них *такого* намерения, а всего лишь *мировремен*, из чего вышли вдруг Древний мир, Средневековье и Новое время (не без лингвистической алогичности, надо заметить). Эры оставили, а вот историческую периодизацию изменили, обозначив ненароком новую историософскую последовательность: Древний мир подготовил Средневековье, а Средневековье — Новое время, а где тут Вестник-Христос с соответствующими эрами, не так уж и важно. Летоисчисление осталось, так как никто не решился снять вообще Благую Весть, а вот историческая периодизация стала незаметно совсем другой. Так поступил *человек разумный*, двинувшийся по пути созидания собственной истины, в том числе и своей истины об истине.

Две гигантские по значению революции: одна за идею и против материи, а другая — против идеи и за материю; одна за переустройство души, другая — внешнего мира; одна за человека духовного и божественного, другая — за физического и только физического. Облагораживания человека вообще первая из революций не достигла — тут прямое ее поражение, а вот *индивида деятельного* вдруг взяла, да и породила, хотя, кажется, ничего такого и не предполагала. Человек европейский, главным образом связанный с морем, первым сбросил с себя всяческие моральные и социальные путы, мешавшие ему лично действовать и всюю обогащаться, т. е. устраивать, расширять и насыщать свой личный материально-вещественный мир. Трудно сказать, что здесь перевесило в большей мере — согласие на христианскую истину в ее какой-то части или же отрицание этой истины в ее существе, а скорее всего и то и другое, но в Европе явился-таки *человек-накопитель* и *человек-преобразователь*, а несколько иначе: *человек экономический*, а не просто хозяйствующий, т. е. явился человек преданный (пере-данный) стоимости, а не природе; *человек научный*, т. е. сам добывающий конечную истину о мире; *человек технический*, т. е. все более и более использующий в борьбе с природой и для ее переделки *неприродные средства* — технику, а еще по-другому: явился-таки *человек-архитектор*, *человек-строитель*, *человек-демиург*, созидающий не чего-нибудь там в природе и под Богом, а свой собственный — *неприродный* и *искусственный*, *десакрализованный* и *секуляризованный* — вполне *человеческий мир*. Вот почему и *Новое время*!

Мир стал стремительно меняться, он действительно становился *новым*. Мало того, оживилась *современность*, ибо мир менялся прямо на глазах: сегодня одно, завтра вокруг уже другое. Но и Новое время стало уходить в прошлое, выдвигая вперед все новое и новое, ранее никак и не бывшее. Пришлось пойти на введение и *Новейшего времени*, чтобы не упустить текущую и быстро меняющуюся современность. И однако во всей этой новой исторической периодизации была какая-то недосказанность, может, и намеренная, из-за которой что-то важное из качественного в истории не схватывалось, оставалось в тени, не обнаруживалось. Имела место какая-то тайна!

Но вот появились вдруг в Европе модные словечки: *модерн*, *постмодерн*, *премодерн*. Вроде бы о стилях в искусстве и архитектуре, в литературе, в театре, в кино, в моде, в самой жизни. Ничего особенно странного не было, все было в стиле самого Новейшего времени, стремительно избавлявшегося от *классики* и *романтики*, характерных как раз для Нового времени — со всеми его *барокко*, *рококо* и *ампирами*. Меняется все — меняются и стили. Возникают эклектика и всякие *псевдо* и *нео*, поощряется вдруг и вообще *отсутствие стиля*, т. е. фантазии на свободные темы. Человек-демиург преуспел сотворять и что-то совсем уж уникальное, выбивающееся из ряда, ни на что не похожее. Ничего в общем-то поразительного для неистово меняющегося искусственного мира, все создаваемого и создаваемого вольным человеком — уже по-честному без всякой Природы и без всякого Бога.

Что ж, стили стилями, а почему бы не задуматься над стилями, или образами, собственно эпох, — ведь то, что было, скажем, до Возрождения — одна по качеству эпоха, а после Возрождения — совсем другая, а вот сегодня на дворе как будто бы... еще более другая? Как минимум, три оригинальные эпохи, «счетоводом» у которых, как и конструктором — *феномен Возрождения*. Да, конечно, все это после пришествия Христа, но ведь *до* и *после* Возрождения, без которого ничего на сегодня выдающегося в истории Европы и мира вообще бы не было. Заметим, что речь у нас идет так или иначе о *десакрализованной человеческой демиургии*, явление которой обусловлено как полаганием, так и отрицанием Благой Вести, и что случилось все это в пределах как раз Новой эры, разбившейся в итоге на три весьма выразительные эпохи, уж по крайней мере на две (хотя бы *до* и *после* Возрождения). И какие же для качественной характеристики этих эпох лучше всего подобрать словечки? Выбор у нас не велик, а потому легко перебрать из возможных, обратив внимание на то, что явно основное место по смыслу занимает эпоха, открытая Возрождением, когда началось активное пересотворение мира данного в мир иной — человеческий, т. е. пошло целостное обновление мира, его *модернизация*. Эта-то глобальная модернизация и позволяет нам зацепиться за слово *модерн*, тем более что *мод* (лат. *modus*) как раз и есть не только мода, т. е. новшество в нынешнем

понимании, но и мера, а также образ или способ действия (фр. *mode de production* означает, к примеру, способ производства, термин, принятый в той же франкофонной политэкономии). Слово *модерн* оказывается во всех отношениях подходящим: тут тебе и новизна, и обновление, и особенность, и мера, и правило, и предел, и предписание, и образ, и способ, в общем, все, что хочешь, и все к месту, а потому эпоху, последовавшую за Возрождением, но как эпоху *строительства неприродного мира из материала природы, по лекалам, умом и руками самого человека*, можно с полным основанием назвать *эпохой Модерна*. Соответственно эпоху с начала Новой эры до Возрождения с полным правом можно определить как *эпоху Премодерна*, когда, во-первых, модерна еще вроде бы не было, и во-вторых, он уже был, во всяком случае, как-то приутоплялся. Модерн тут светит как вперед, освещая новую эпоху, так и назад, высвечивая эпоху прошлую. Возрожденческий маяк Модерна!

И если все вышесказанное о Модерне и Премодерне принять за осмысленную данность, то возникает теперь лишь одна большая проблема — трактовки Постмодерна.

Постмодерн так или иначе — *современность*, та самая, которая *наша*. Вообще говоря, среди многочисленных значений слова «модерн» есть и современность, точнее, современный. Относительно феномена Модерна здесь все в порядке, ибо обновление всего и вся, им совершавшееся, есть также постоянное *осовременивание*, так сказать, подтягивание бытия к непрерывно меняющейся современности. Что касается постмодерна, то тут все выглядит иначе, ибо постмодерн современен не потому, что в нем есть модерн, а потому, что он относится к Новейшему, а точнее, прямо к нашему времени. Постмодерн современен сразу дважды: с одной стороны, как все и вся осовременивающий, т. е. непрерывно обновляющий, а с другой — как прямо соответствующий сегодняшнему дню. И если в постмодерне есть загадка, то связана она с приставочным словечком *пост*, которое в данном случае и надо по-особому объяснить.

Почему «пост», для чего «пост», что значит здесь «пост»?

Ясно, наверное, что постмодерн есть так или иначе результат модерна. В некотором роде постмодерн есть особый модерн,

как бы и высший модерн. Можно допустить, что так оно и есть: соответствующий самому себе модерн, когда строительство нового мира в общих чертах завершено, далее разворачивается бытие уже построенного мира. Пожалуй, что и так. Однако какая же здесь нужда употреблять «пост», коли речь идет всего лишь о пост-роенном модерне: не из-за этого же «пост», который выскакивает из слова «построенный»? Надо полагать, что если все-таки «пост», то речь может идти о наступлении или желании еще более нового мира, который, будучи прямым продуктом Модерна, уже в чем-то принципиальном не модерн, а что-то весьма другое, что-то уже *за-модерновое*, какое-то отрицание модерна, прощающееся с ним, что не мешает, конечно, постмодерну сохранять в себе многое от модерна.

Легче всего увидеть в «пост» некий протест против модерна, если последний признать неудовлетворительным созданием человека, т. е. трактовать постмодерн как *противо-модерн*. Это вполне возможно, но лишь при том допущении, что за «пост» стоит по преимуществу лишь чаяние иного — более приемлемого — мира, которого еще нет, но который очень желателен, и самое большее, что может при этом в реальности быть, так это некие ростки иного пост-мира (к примеру, если модерн антиэкологичен, то постмодерн должен быть экологичным, а потому реальное движение по экологическому пути есть движение от Модерна к Постмодерну). Но, во-первых, здесь есть момент критики модерна, а критика — дело субъективное, — в реальности есть и апология модерна, которая тоже субъективна, а потому критика данной эпохи не может быть серьезным основанием для фактического явления какой-то иной эпохи, хотя может и обозначать возможность прихода этой иной эпохи, и, во-вторых, ростки нового, даже подправляющие модерн в лучшую сторону, тоже не основание для явления постмодерна, ибо модерн, подправившись, может остаться самим собою, т. е. модерном. Постмодерн как всего лишь позитивный подправитель, или даже заменитель, модерна, тем более по преимуществу желаемый, т. е. постмодерн как исправляющий модерн *противо-модерн*, скорее всего надо трактовать не как новую эпоху, а как всего лишь некое умственное движение и некоторые реальные процессы, составляющие

вместе то, что было бы точнее обозначить не как собственно постмодерн, а как *постмодернизм*. Да, такого рода тенденция к хорошему отрицанию плохого модерна в Модерне есть, она, нужно заметить, и не сегодняшнего дня. Но эпохи Постмодерна здесь мы не видим, а потому любой о ней разговор как об уже наступившей реальности теряет смысл.

Как же характеризовать современность: то ли как завершенный и совершенный модерн, называя его, к примеру, *ультра-модерном*, особо подчеркивая его весьма уже дальний отход от премодерна; то ли как уже законченный и полностью выявившийся модерн, не имеющий большой перспективы на будущее, допустим, как *пато-модерн*, попавший в особого рода патовое состояние — на вершине прогресса; то как какой-то нездоровый модерн — *патолого-модерн*, акцентируя внимание на многочисленных язвах, несомых этим по-модерновому новым — искусственным и безбожным — миром? Остается ли, короче говоря, *наша* современность еще в пределах Модерна или же она уже вышла, либо заметно выходит, за его рамки, охватываемая все более каким-то *иным* качеством, рожденным модерном, но являющимся уже не модерном? Можно, в общем-то, согласиться и с ультрамодерном, и с патомодерном, и с патологомодерном: все это наличествует в современном прогрессивном мире, который мы силится как-то качественно обозначить. Но есть ли все-таки у нас основания говорить о чем-то действительно новым, что вышло из модерна, но что стало его своеобразным могильщиком, вызвав необратимые перемены в исторической реальности и обозначив смену эпох — эпохи Модерна на эпоху Постмодерна? Не прячется ли за нашим «пост» уже что-то действительно внешнее по отношению к Модерну, чего в нем нет, но что является вдруг вослед ему — *после* него, становясь именно постмодерном?

Главное в модерне — освобождение от тенет Природы и направляющих установок Бога, но не ради анархической и бездумной пляски, а для, и это воистину примечательно, гигантской созидательной работы по устройению своего человеческого мира по собственному же плану, причем, что тоже примечательно, не без религиозного вдохновения, с той лишь разницей, что не по поводу лишь ожидания Царства Божиего, а по поводу его прямо-

го строительства на Земле. Для этого нужно было денатуризоваться и десакрализоваться, но при непременном возложении на себя творческой, демиургической, божественной функции. Воспользовавшись данной Богом Творцом свободой выбора, человек — европейский христианизированный человек — выбрал путь не нравственного совершенствования в Любви, а переустройства под себя данного Богом и Природой мира. Не где-то там будет Рай, который еще надо нравственно заслужить, а прямо здесь — на Земле! И залогом возникновения такого земного рая является не мучительная работа по просветлению души и стяжанию Духа, — чего, собственно, явно у человека не получилось, — а умственная и ручная конструктивная (строительная) работа со стяжанием чисточеловеческого архитектурного замысла. Девиз: *изменить внешний мир и достичь Царства Божия непосредственно на Земле.*

Прелесть это была или не прелесть, но человек европейский решился-таки на глобальную модернизацию данного ему мира, его переустройство, став его *пересотворителем*. Поэтому человек оставил от религиозного сознания и понимания природы то, что работало так или иначе на его *великий замысел*, неважно, насколько этот замысел был тогда осознан, и отбросил все то, что исполнению замысла мешало. Нельзя сказать, что человек создающий сразу денатуризовался и десакрализовался, ибо он еще долго относился к природе как к *онтологической данности*, которую еще надо познать, признав, правда, ее в целом познаваемой, *гносеологически доступной*, а к Богу тоже весьма долго относился более или менее уважительно, ища у Него *гносеологической и функциональной поддержки* (*Реформация* — деяние религиозное). Однако путь Модерна был в целом все-таки путем денатурализации и десакрализации, что со временем становилось все более и более различимой явью, ибо активно и с размахом строящийся — по науке, с техникой и через деньги — новый мир все более отрывался от Матери Природы и расставался с Богом Отцом. Эпоха Модерна — эпоха строительства собственного человеческого мира по его собственному замыслу, а потому и эпоха борьбы с Природой и Богом, эпоха преодоления природного и сакрального начал, эпоха втягивания человека в новое бытие, не

обусловленное строго ни Природой, ни Богом, но зато полностью исходящее от самого человека. В дополнение, но и на место природы, взамен мира данного, создавался человеком-демиургом мир *неприродный, искусственный*, который был уже *миром взятым*, а потом уже и *миром созданным*. Заметим: *мир данный* уступал лидирующие позиции *миру соз-данному*, — в чем и выражался конструкционный лейтмотив Модерна.

Постмодерновая бацилла сидела, конечно же, в модерне, временами и местами выпархивая на поверхность. Расставание с Природой и Богом не могло не сопровождаться крайними проявлениями, событиями и процессами, которые, разумеется, были, да и не могли не быть, но долгое время они не осознавались как именно постмодерновые. Вестники будущего уже резвились в модерновом настоящем, задерживаясь мало-помалу и в модерновом прошлом. Да и как можно было заметить какой-то там постмодерн — т. е. посланца из будущего, когда современники и к Модерну не относились как к модерну, разве лишь замечая постоянное освежение бытия, его все большее насыщение новым, сложным и искусственным, а главное, манящим, нужным, неожиданным. Кто мог подумать, что такое совершенно, выражаясь нашим языком, модерновое явление, как фотография (дагерротипия), содержит в себе мощный постмодерновый фермент, радио — тем более, а телевидение уже было прямо-таки постмодерном в действии? Да, все это были элементы модерна, даже и модерновые элементы в Модерне, но в то же время это уже были и элементы постмодерна, из которых в дальнейшем Постмодерн и сложился. Разумеется, обо всем этом можно говорить только сейчас, когда постмодерн весьма уже заметен, да и то приходится говорить весьма обусловленно, так как нет еще достаточной меры убеждения в справедливости неожиданного, хоть и замечательно-го металогического подхода: Премодерн — Модерн — Постмодерн.

Однако разговор все-таки идет, что, конечно же, хоть и не обоснованно всесторонне, но и не совсем случайно. И там говорят — по-своему, и здесь говорят — тоже по-своему, вокруг говорят, что по-своему и знаменательно: выходит, что есть уже ощущение *эпохальных перемен*.

И вот теперь обратим внимание на следующее: допустим, что модерн окончательно побеждает мир данный, его переделывает и создает иной мир, который уже не обусловлен строго ни природностью, ни сакральностью, т. е. создает мир, способный быть сам по себе, как мир сугубо человеческий, даже и *из-человеческий*, в котором по сути уже нет ничего от природы, который совершенно искусствен и который уже свободен от всякой внешней ориентирующей, а тем более, руководящей, силы. Да, это продукт Модерна, но это уже и не совсем модерн, а может, и вовсе не модерн, ибо это мир уже *сам перед собой, мир из себя*, и если такой мир еще с чем-то и кем-то борется, то он борется уже *с самим собой*: движение вперед для такого мира уже не движение от Природы и Бога, а движение *от самого себя*. Висит себе такой мир между Небом и Землей, не будучи уже ни природным, ни Божественным (что не означает, разумеется, ни исчезновения Земли и Природы, ни конца Неба и Бога, но что означает, что мир человеческий сегодня не только обходится без водительства природного и сакрального начал, но и без их, как сейчас выражаются, структурного в себе присутствия). Вопрос борьбы с Природой и Богом ныне снят, человеческий мир от них отчужден и бытует сам по себе, без их санкции, не говоря уже об их участии. Денатуризованный полностью и десакрализованный в целом человеческий мир, созданный Модерном, перестает уже быть миром модерна, превращаясь в другой, уже не модернистский мир, в котором не модерн уже главное, а то, что следует за Модерном, то самое «пост», о котором мы тут упорно говорим. И если определить как-то само по себе это «пост», то такое определение в принципе невозможно, ибо речь пойдет о том, что никак не подвластно онтологической гносеологии, столь характерной как раз для эпохи Модерна: у «пост» нет предмета, нет упругости, нет остойчивости, нет ни пространства, ни времени, нет ничего, что можно было бы *о-предел-ить*, — «пост» оказывается просто «пуст»! «Пост» столь же пуст, как пуста та же фотография, в которой присутствует не реальность, а только ее условное отражение, т. е. нереальность, — реальность же самой фотографии как предмета не внушает никакого интереса, разве лишь технологический.

Коль скоро само по себе «пост», будучи пустым, нам ничего не дает в осознании постмодерна, то остается через это пустое окошечко взглянуть повнимательнее на вторую часть, кстати, основную, слова «постмодерн» — на модерн, но уже не на сам по себе модерн, а в его связке с «пост», т. е. уже как какой-то исшедший модерн, другой модерн, а может, уже и не модерн как таковой. Суть модерна в переделывании *мира данного*, в обретении *мира созданного*. И вот сегодня мы имеем уже не одну лишь цель — созидание своего, т. е. человеческого, мира, как и не одно лишь движение к этой цели, но и какое-то завершение этого движения, достижение цели, т. е. возникновение мира созданного и целостное его противостояние миру данному, от которого, правда, уже осталось не все, что было когда-то. Мир искусственный создан, он не просто есть, но и есть как надстройка над миром вообще. И в этом искусственном мире выделяется тот, который уже отрицает не только мир данный, но и мир созданный — модерном, и отрицает вследствие обретенной им свободы — от модерна. Замысел книги — премодерн, писание книги — модерн, сама по себе книга, живущая самостоятельной жизнью — постмодерн. В Премодерне задумывалось Царство Божие на Земле, Модерн его построил, Постмодерн — Царство Божие на Земле уже в своей собственной интерпретации. Постмодерн уже не только мир созданный — модерном, причем в борьбе с премодерном, а мир постоянно *создаваемый*, причем не столько в борьбе с премодерном и модерном, сколько непосредственно *из себя*. Мир, который не стремится куда-то в новое, а мир, который в новом и есть, постоянно обновляющийся, как бы бегущий на месте мир, мир, который чтобы быть, должен непрерывно изменяться в рамках самого себя. Это не только не мир данный, но даже и не мир созданный, а мир из себя *созидаемый*, а потому и мир постоянно *даваемый* — человеком человеку.

Да, это в какой-то мере законченный модерн, но одновременно это уже и не модерн, поскольку в модерне еще сохраняются онтология и гносеология, а в постмодерне их уже нет, или почти нет, а есть лишь приращение *знания от знания*, более того, не приращение даже, а *вольное выдумывание* — того, чего нет, но что может быть создано по воле выдумывающего. В Премо-

дерне — Священное Писание, в Модерне — реалистическая литература, в Постмодерне — необузданная фантастика (на французском языке, кстати, научно-фантастическая литература именуется *science-fiction*, т. е. научно-фиктивной, что, пожалуй, значительно ближе к фактическому характеру данного писательства). В Премодерне — реальность, в Модерне — переделывание реальности и созидание новой реальности, в Постмодерне — отсутствие реальности и того, с чем можно оперировать, здесь уже одно созидание, но и не реальности вовсе, а какого-то ее заместителя — *fiction*, *фигиции*, а потому не поклонение перед реальностью как в Премодерне, не оперирование с реальностью как в Модерне, а *игра в реальность*, когда игра есть, а весомой, устойчивой, твердой (от тверди, а не твердости) реальности нет. Это-то исчезновение реальности и есть, по-видимому, основное достижение модерна, которое переводит модерн в постмодерн. Фигиции, игры, импровизации, имитации и т. п. вещи, которые сами по себе уже ничего не вещают, а потому и не заслуживают никакой гносеологической онтологии, т. е. познания как чего-либо реального, и составляют основание постмодернового мира, который уже и не мир в прежнем понимании, а само это фиктивное основание даже не составляется. Весь определительный язык модерна, — не то что премодерна, — явно устарел и не годится уже для новейшего мира, его какого-то понимания: вот почему постмодернисты отказываются от старого языка и от самих попыток определения. Одно дело — мир как реальность, совсем другое — *мир как симулякр*. Сплошная теперь *симуляция*, которая вообще возможна посредством постоянного себя обновления и тиражирования. Каждое мгновение является что-то новое, однако по преимуществу симулятивного свойства; мир, источающий обновляющуюся симуляцию; мир, ни на чем не задерживающийся, не имеющий тяжелой начинки; порхающий мир — между Землей и Небом; мир без сущего, соответственно, без Духа; пустотелый мир, оболочковый, внешнеоперациональный; калейдоскопический, яркий, люциферический; мир-мгновение, мир-ситуация, мир-ничто!

В рамках этого мира надо не жить онтологически и не действовать гносеологически, а летать, играя, не ощущая ни време-

ни, ни пространства, ни истории, ни вечности, ни традиции, ни опыта, ни молодости, ни старости. Молодые могут теперь обходиться без мудрости, которой уже нет и которая лишь мешает, да которая и бессильна, а старикам теперь мудрость и вовсе не нужна, ибо старикам остается лишь молодиться, пренебрегая мудростью, которой у них уже и быть не может. На место онтологии пришла *фикция*, на место гносеологии — *функция*, на место творчества — *фантазия*. Не заключена ли во всех этих «ф», включая еще и «ф» от тех же *финансов*, какая-то странная мистика, разумеется, нездоровая? Так или иначе, но человек (или уже *феллофек*?) получил в свое распоряжение воистину прелестный мир, в котором вполне легко и радостно, ибо мир этот представляет собой самовоспроизводящуюся, насыщенную фактами, фантамами и прочими «феньками» (опять эти «ф»!), *пустоту*, а в пустоте — невесомость, невещественность, неведомость. Кругом теперь *голая виртуальность*, не та виртуальность, которая сопряжена с реальностью, а виртуальность сама по себе, от себя, из себя, та самая виртуальность, которая замещает собою реальность, ее поглощает и собою представляет, но при этом и делает. Теперь не виртуальность от реальности, а реальность от виртуальности, что, согласимся, совсем не одно и то же. И разве это не воистину новый, не просто ранее небывалый, а совершенно *иной* мир, который здесь, на Земле, не где-нибудь, но который уже не несет в себе ничего от истоков, от истории, от истины, которому все это безразлично, который от всего этого в отрыве, как в отрыве он от Природы и Бога, вообще от сущего, от изначально трансцендентного.

Современность всегда неуловима, о ней всегда приходится судить по прошлому, а нынешняя современность неуловима вдвойне, ибо о ней нельзя уже достаточно судить по прошлому, а приходится судить по преимуществу по будущему, которого, конечно же, нет, но которое уже есть. Мир даваемый — очень субъективный мир, у него есть свой конструктор, а у конструктора есть свой замысел: что-то этот конструктор замыслил, оперируя с податливой ему Пустотой?, как уловить его замысел, чтобы овладеть современностью?, да и как вообще распознать современность, коли она из управляемой кем-то Пустоты? Вопросы, во-

просы... но не в них сейчас дело, ибо мы пытаемся осмыслить современность не как что-то с нами сейчас происходящее, а как особое перед нами разворачивающееся *качество мира*, т. е. не как вообще современность, а как *иную* современность. И эту иную по качеству современность мы называем *Постмодерном*, который, наследуя Модерну, вовсе и не думает о каком-то там исправлении модерна, его позитивном преодолении, ибо для этого нужна какая-то остойчивость, сопряженная с непреходящей, непререкаемой и не отменяемой по чьему-то желанию *весомой ценностью*, которой у постмодерна нет и быть вообще не может. У постмодерна, совокупившегося с обесмысленной Пустотой, нет никакого резона, как и никаких возможностей, устранять дурноту модерна, ибо Постмодерн, будучи исполненной мечтой Модерна, существует уже для себя, он счастлив и стремится к собственному бессмертию.

2004 г.

Новое в мире: новая локальная имперскость и солидарный планетаризм

(Философско-хозяйственные размышления по поводу международной научной конференции 25—27 февраля 2004 г. в МГУ «Глобальное и национальное в экономике»)

1. *Глобальность* — не одна лишь целостная *взаимозависимость* в масштабе планеты, но и исходящая из единого, но не общего, мирового центра *общепланетарная зависимость* — периферии, которой теперь стал весь мир, от центра — этого высшего на сегодня достижения строяемого демиургически настроенным, передовым и прогрессивным, человеком мира.

Глобальная экономика — не просто взаимозависимое, разделенное и скооперированное, *мировое хозяйственное целое*, это еще и *мировая хозяйственная пирамида*, на вершине которой высокоразвитый мир, а ниже располагаются так называемые отставшие — в разной степени — миры: развитой, развивающийся, недоразвитый, вообще никак не развитый. *Пирамида управляемая — из центра*. Хозяйство в рамках пирамиды не столько произрастает снизу, сколько создается сверху. Экономика теперь не

сама по себе, а под контролем центра, мало того, она как бы выливается в *основных управленческих параметрах* сверху и из центра, задавая воспроизводство мирового хозяйственного целого. Глобальный доход ныне — не только не произведенная прибыль, не только ссудный процент, не только рента, а самый настоящий *откат* — за *глобальный контроль* и *глобальное кредитование*.

Глобализация изменяет характер любого производительно-го хозяйствующего субъекта — это уже не самостоятельное действующее лицо, способное составлять вместе с себе подобными общественное воспроизводственное целое, а включенный в общественную воспроизводственную структуру функциональный элемент — разного, разумеется, разряда. Субъект более не первичен и не начален, он произведен и итогов. С глобализацией изменяется и характер любого общественного хозяйства, которое образуется уже не от субъектов, их воспроизводственной кооперации, т. е. не создаваемое субъектами общественное хозяйство — через тот же рынок, а хозяйство, лишь включающее в себя субъектов, их самих создающее и из себя при надобности исключаящее. Такое хозяйство исходит в главном из центра и льется прямо сверху, а не формируется снизу, снизу же и иницируя необходимый для себя центр. *Теперь не центр для хозяйства, а хозяйство для центра*. Не конкуренция теперь в приоритете, хотя она и остается, а встроенность субъекта в общее целое, которое по преимуществу уже не рынок, а строяемая сверху воспроизводственная структура. Основной способ хозяйства ныне, будучи и оставаясь по природе *экономическим*, т. е. нацеленным на стоимость, ее воспроизводство — *организация из мирового центра с опорой на локальные центры и при их участии хозяйственной самоорганизации*, а несколько иначе и короче: *глобальная организация общепланетарной самоорганизации*, если при этом принять во внимание, что не сознательная, субъективная и волевая организация здесь служит всеобщей самоорганизации, а всеобщая самоорганизация, которую можно посчитать и объективной по отношению к центру, даже местами и стихийной, подчиняется сознательной, субъективной и волевой организации.

Главное в такой глобализованной хозяйственной пирамиде — контроль над судьбоносными решениями, основными эко-

номическими параметрами и потоками, большими хозяйственными процессами. Остальное уже само прилагается. Экономике в классическом виде, даже и в неоклассическом, здесь нет: вокруг *неклассическая экономика*, обязанная своим существованием не одному лишь глобализму, но и родственным ему финансизму, информатизму, технологизму, менеджериству, конструктивизму (инженериству), интеллектуализму, функционализму, виртуализму, фикциализму и т. д., и т. п., т. е. всему тому, что характерно для эпохи Постмодерна, пришедшей на смену эпохе Модерна, начатой европейским Ренессансом и всеобщей экономической революцией.

2. Глобальное начало, будучи сегодня активным и передовым, теснит национальное, его к себе приспособливает, если вообще в себе не растворяет, заметно изменяет характер, значение и функции. Национальное начало, если упорно не сопротивляется, перестает уже быть... собственно национальным, оставаясь более фиктивным знаком и символом, чем фактической реальностью. Национальные хозяйства — совсем не те уже образования, которые были в эпоху Модерна (XIV—XX вв.). Они теперь воспроизводственно не целостны и функционально не самостоятельны. Сами по себе они уже, так сказать, не стоят, полноценными хозяйствующими субъектами (макросубъектами) не являются, а потому и многого уже не стоят. Национальные хозяйства все более утрачивают статус самостоятельных субъектов, составляющих мировое хозяйство, и все более попадают в положение лишь включенных в мировое хозяйство нецелостного характера локальных образований — *субэкономик*. Не мировое хозяйство теперь образуется от национальных хозяйств, а так называемые национальные хозяйства стали функцией от мирового хозяйства, мало того, от всемирной хозяйственной пирамиды, которую локальные образования вовсе не составляют, а в которой они лишь находятся — каждое субхозяйство на своем, но априори предоставленном ему мировым центром, месте.

Глобализм атакует национальные экономики как сами по себе, размывая их целостность и превращая в придатки мирового хозяйства, так и подчиняя национальные хозяйственные центры единому мировому центру. Кроме того, глобализм использует в

этих же антинациональных целях всемирные и любые международные экономические и иные институты, атакуя национальные хозяйства и центры сверху, но так же и проникая во внутринациональные региональные образования и подключая — прямо или косвенно — внутринациональных хозяйствующих субъектов транснационального порядка, не очень-то заинтересованных в целостных национальных хозяйствах и сильных национальных центрах, т. е. атакуя тем самым национальное начало снизу. Используются и другие возможности, в частности, концептуально-идеологические, политические, пропагандистские.

Национальное начало отступает сейчас под напором глобального, не только меняя свой характер, значение и функции, но и как-то скукоживаясь. Теперь национальное начало, отказываясь от своей сущностной специфики, или личностной идентичности, должно лишь функционально обслуживать глобальное, не помышляя о собственных, тем более великих и амбициозных, интересах, жизненной содержательности, воспроизводственной целостности. Национальные хозяйственные центры ныне — не те уже центры, занятые воспроизводством национальной целостности, а всего лишь служебные подпорки для реализации неуловимой и непрочитываемой на периферийном уровне сверхнациональной целостности, осуществление которой национальные центры, естественно, никак не контролируют.

Денационализация экономики — таково веление хорошо сконструированного времени, которое далеко не так объективно и независимо от демиургирующего человека, как это обычно кажется — мало что соображающей образованной публике.

3. Реализация глобального проекта по глобалистскому (можно сказать, и *ультраимпериалистическому*) сценарию — исторический (а может, уже и внеисторический) факт. *Не мировой центр для мира, а мир — для центра!* — таков, пожалуй, лейтмотив проектируемой современности. Отсюда так или иначе противостояние глобального и национального начал, их напряженное взаимодействие, когда дело не ограничивается лишь соглашениями, компромиссами и уступками. Имеет место и жесткая борьба, если даже и не война — четвертая мировая. Современный глобализующийся и денационализирующийся мир, как и мир при

этом глобализуемый и денационализируемый, не спокоен, он весьма волнуется и даже бурлит, — и из этого беспокойства может и должно, по-видимому, получиться что-то совсем новое — либо уже предусмотренное исполняющейся глобализацией и исполняющим глобализмом, либо еще не выработанное упорно глобализуемой, но еще не сдавшейся на милость глобальному победителю, планетарной средой.

Национальное начало, во всяком случае, прежнее национальное — эпохи Модерна, судя по всему приговорено: то ли объективной и вязкой всемирной взаимозависимостью, то ли субъективным и пылким единомырным глобализмом. Национальному в прежнем виде уже не бывать. Но национальное начало тем не менее имеет свой резон быть, ибо как же тогда человеку вообще обойтись без национального, т. е. *без локального родного*? Нет ли человека без творящего отечества, родного языка, укрепляющих традиций, сакральных истоков. Как бы ни был свободен сегодня человек-индивид, но что он от рождения вне *локального родного сообщества*? — без отца с матерью, без братьев и сестер, без предков, без семьи, без корней, без истории, без предания, без... всего того, что удерживается и дается только родным миром? Национальному началу есть большой смысл быть, как и есть, на чем ему эффективно базироваться, есть и чем быть убедительно оправданным. Национальное (в широком смысле слова — как качество и как организация) имеет высшую экзистенциальную санкцию, пожалуй что, и более обоснованную, чем пустое наднациональное и уж тем более смрадное денациональное. Наличие атаки на национальное не является доказательством, что национальное вообще не нужно, как и не является доказательством действительной необходимости и неопровержимости самой ведущейся широким фронтом атаки.

Тезис о полной неизбежности глобализации, причем западноцентрического свойства, введен в мировой интеллектуальный и пропагандистский оборот вкупе с тезисами о *конце истории* и *войне цивилизаций* вовсе не случайно. Не надо-де теперь ни о чем ином думать, к чему-то другому стремиться, на что-то отличное надеяться. Все будет так, как вещает всемирный центр, возглавляемый-де уже и *мировым правительством* — ко всеобщему

благу. Слушай и подчиняйся, веруя в объективные законы и покоряясь не тобой выдуманному року. На мировую арену выходит *новый мир*, где каждому отводится определенное место, а всякая борьба за что-то *иное* бессмысленна и безрезультатна.

Однако не все так просто: национальное начало имеет разные шансы — как раствориться в глобализуемом энергично мире, так и обернуться неожиданно каким-то новым для себя весомым образом — вопреки уже празднующей победу глобализации. Но для этого, во-первых, нужно нащупать этот возможный новый образ национального, или даже постнационального, локального образования, во-вторых, предложить и что-то серьезное и жизнеспособное вместо не принимаемой сопротивляющимся мировым сообществом глобализации — для него просто безумной. Речь идет таким образом, с одной стороны, об ответе собственно глобализму, а с другой — нарастающей в любом случае взаимообусловленности всемирного бытия. Так или иначе, но речь идет об *альтернативном проекте планетарного жизнеустройства*.

Учитывая важность сохранения национального начала, но уже в новой его интерпретации, как и нового, чем глобализация, способа реализации всемирной взаимообусловленности человечества, нельзя не обратить заинтересованного взора на так называемые *большие локальные образования*, или *большие пространства*, которые только и способны, по-видимому, создать возможность разрешения сложной общемировой проблемы, сохранив внутри себя источниковое национальное (традиционное), придав национальному и иной образ реализации, и эффективно ответив на факт всемирной взаимообусловленности, не допустив глобалистического ультраимпериализма, но обеспечив приемлемую для народов и культур организацию планетарного мира в духе *добровольного всемирного общежития*, посредством конструктивных взаимодействий между собой и взаимного контроля над образованным ими мировым координационным, а не управляющим центром. Такие *большие локалии* в общем-то уже или есть, или формируются: те же США (при изменении их геостратегической роли), Европейский Союз, Китай, Индия, а также возможные в будущем крупные образования в ЮВА, Латинской Америке, Африке, мусульманском мире, Океании. Подобным крупным

образованием является и Россия. Глобализации, таким образом, есть веская альтернатива, обусловленная необходимостью сохранения национальных, а лучше сказать, *родных*, идентичностей, и возможностью иного, чем глобалистический, ответа на потребности общемировой взаимозависимости, — и такую альтернативу можно назвать *солидарным планетаризмом*, реализуемым главным образом на основе больших локалий и посредством их равноправного и эффективного взаимодействия с участием образуемого и контролируемого ими мирового координационного центра (но не мирового правительства).

Большая локалия, о которой идет речь — не закрытое, а открытое пространство, однако контролируемое *локальным центром*, возможно, им и направляемое. Будут ли, как и сохранятся ли, при этом те же локальные деньги (не строго национальные) или нет, не суть сейчас важно, как не так уж и важно сейчас, перейдет или не перейдет мир к единой валюте, не слишком важно на данный момент обсуждать и природу будущих денег. Сейчас важно подчеркнуть, что большая локалия не даст «загнуться» народам-языкам, превратить их в историческую пыль, она подтвердит их субъектность, но она не даст «загнуться» и всему планетарному миру, сохранив его разнообразие и сложность, живительную потенцию. Все насельники планеты, адекватные понятию родного мира, получают необходимый жизнеутверждающий статус, а разговоры о передовых и отсталых просторах канут в Лету, потеряют всякий смысл.

В основе солидарного планетаризма лежат большие локалии и их взаимодействия, а не сообщество «националов», как это было совсем недавно (ООН тому символ и подтверждение), и не мировой правящий центр — как предположено глобалистическим проектом. Здесь совсем иная геостратегическая суть. Дорога в будущее лежит через скрепляющие все и вся большие локалии, а не через мечущиеся в истерике национальные образования, как и не через самодовлеющий и нивелирующий все и вся всемирный правящий верх. Здесь принципиально иное решение, чем деструктивное отчаяние «националов», не могущих уже ничего поделать с нарастающим вокруг них и для них хаосом, и несамостоятельный ультраимпериалистический глобализм, грозящий ми-

ру не менее деструктивным «новым мировым порядком», т. е. тем же итоговым хаосом, а потому большую локализацию мира и *солидарный планетаризм* следует рассматривать как неглобалистский ответ на вызов усиливающегося общепланетарного императива.

4. Какой может быть самоидентификация большой локалии? То ли это межгосударственный региональный союз с общим координирующим или даже управляющим центром или без оно-го, то ли единое государство любого из возможных типов, то ли своеобразное *сверхгосударство*, когда государственность оказывается под возвышающимся над ней властным, но имеющим какой-то надгосударственный статус, центром. Любая из перечисленных самоидентификаций возможна, как и возможна, наверное, и какая-то совсем другая, но наше внимание не может не привлечь *та* из них, которая восходит как раз к феномену *сверхгосударства*, т. е. третья из перечисленных. Поразмыслив совсем немного, можно догадаться, что речь идет о каком-то образовании явно *имперского типа*, ибо что-то подобное всегда так или иначе реализуется именно *империей*. Не впадая ни в ужас, ни в ярость при самом слове «империя», которое весьма уже загажено, как и не понимая немедленно под «империей» лишь соответствующие старым, уже ушедшим в небытие, империям, равным образом, не принимая за империю и какой-нибудь один, тем более «нехороший», тип имперского образования, попробуем выявить характерные особенности возможной содержательной имперскости актуальной ныне большой локалии. Почему бы такой локалии и в самом деле не быть или не стать империей, разумеется *новой*? Заметим при этом, что какие-нибудь авторитаризмы, тоталитаризмы, репрессизмы и терроризмы, как и многое другое из «плохого» и предосудительного, как то агрессивность, захватничество, грабительство, эксплуатация народов и стран, вовсе не обязательны для империй и органично из них не вытекают. Конечно, за словом «империя» стоит прежде всего повеление, а за велением — власть, но, во-первых, куда же вообще-то без власти, велений и повелений?, а во-вторых, почему бы не прибегнуть к новым по сути, по формам и механизмам имперским властям, велениям и повелениям? Если, допустим, непрерывное и мощное по-

велительное давление из центра не требуется, то зачем же ему тогда быть, а вот если без определенного веления все-таки не обойтись, то почему же такому велению не быть? Да и не в одном повелевании реализуется имперIALность, она ведь хороша и самим фактом имперского устройства социума, когда есть защита, безопасность, пространство жизни, время реализации, прошлое, настоящее и будущее, перспектива, а дальше культура, цивилизация, традиция, язык, родное слово, но вместе с тем и идеалы, и служение им, и гражданственность, и творчество, и здоровье, и образование, да мало ли что еще из жизненного и необходимого. И не одно только большое пространство диктует необходимость имперского обустройства социума, но и сам по себе социум — разный и сложный, он тоже нуждается, во-первых, в *большом пространстве жизни* и в *большом времени жизни*, во-вторых, в самореализации, а потому он нуждается не просто в государстве, а именно в *имперском сверхгосударстве*, т. е. в большой и обширной силе, призванной стоять над суетой и повседневностью, даже и над схваткой, способной исполнить роль высшего гаранта и арбитра, но еще и высокого хранителя и смотрителя — в большую даль, т. е. силы, свободной от «текучки», вообще выпадающей на любое государство, его при этом слепящей, но не свободной от исторического течения, часто государствами и не замечаемого — от текущей слепоты, в это течение неизбежно погруженной, его и задающей. Имперский центр — не обычный государственный центр, а более высокий центр, с иными задачами, это именно *сверхгосударственный*, или же *надгосударственный*, центр, имеющий какой-то иной, более высокий, смысл бытия, чем обычное государство. Не отрицая вообще национального начала, империя способна его сохранить, придав ему, разумеется, иные воплощения, включив и в терпимое к нему наднациональное образование. И во внешней для себя среде империя способна к эффективным действиям — для себя и для других. Империя всегда — *сила*, а при силе легче и знаясь, и договариваться, и союзничать. В наше время реальностью могут стать и *межимперские консолидации* — ради выживания всей планеты. Именно империи способны обеспечить *добро* — *вольное общежитие народов и культур на планете Земля*. И если мы говорим здесь об

актуальной имперскости, то, конечно же, подразумеваем и ее актуальную реализацию в виде *новых империй*, но не по факту их нового бытия и по новым наименованиям, а по самой их *сути* — человечество нуждается ныне и впредь в *новых имперских образованиях*, совсем иначе одухотворенных и организованных, призванных решать и иные задачи, чем это было до сих пор.

5. России не престоало растворяться в глобализации, истово служа совершенно чуждому ей глобализму. Одно дело — игровое партнерство с сильным мира сего — мировым глобальным центром, совсем другое — безоговорочное подчинение этому центру, да еще и с перспективой полного самоисчезновения. Не исчезать России надобно, а *продолжить себя*, обеспечив тем самым и *продолжение традиции, смысловости, ценностности, вообще всякой наполненности*, без чего нет ни полнокровного бытия, ни сочной жизни, ни весомого человека. И вот для России как раз особенно годится *имперскость*, разумеется, *преображенная* — в *новую имперскость*, однако в *новую российскую имперскость*. России не имперскости вообще надо стыдиться и бояться, даже и прошлой, когда-то ослабевшей, прогнившей и потерпевшей поражение — что петровской, что сталинской, а как раз отсутствия позитивно дееспособной и нацеленной на интересы России имперскости. Такой имперскостью Россия сегодня не блещет, хотя самозабвенно блещет другой имперскостью, которой как раз и надо бы стыдиться и бояться — *антироссийской*. Любопытно, что имперскость в России никуда не исчезла, она лишь отошла куда-то в навь, а в яви приняла какой-то дурной, inferнальный, антижизненный образ — некой *антиимперии* (не противоимперии, что бросается в глаза, а противожизненной империи). Вот от этого-то дивного образа, или *антиобраза*, империи российской и надо решительно избавиться — чем быстрее, тем лучше. Ирреальной и смертоносной антиимперии придется обернуться реальной и жизнеспособной империей, встав с одуревшей и ослабевшей головы на крепкие и перспективные ноги. Задача не из простых, но выполнимая. Давление в пользу восстания — именно восстания — из нави в явь, а не, скажем, восстановления — империи со всех сторон в России нарастает, без *обратного выворачивания вперед* имперскости ничего у правящей элиты не полу-

чится. Неимперское поведение российского правящего центра губительно для всех, — и не только в самой России, но и за ее пределами, мало того, оно негативно для всего планетарного мира в целом. Пора это осознать и действовать вполне осознанно в имперском направлении — *по-имперски!*

Можно достаточно подробно обрисовывать конструкционные контуры будущей *новой российской империи*, но в этом нет сейчас принципиальной необходимости. Империя в основе создается сама и строится она во многом по обстоятельствам. Ни одна из принадлежностей прошлых империй или же настоящих империальных образований, тем более агрессивно-империалистических, не является ни обязательной, ни несомненной, ни неизбежной. Империя и империализм — вовсе не органичные относительно друг друга феномены. Не противоречит империи ни наличие народовластия и самоуправления, ни отсутствие императора и дворянства. Великолепные демократии способны быть гнусными империями, а не столь блестящие, но прочные империи считают возможным не гнушаться демократии. Современный образованный человек имеет, конечно, великий шанс технологически оскотиниться, превратившись в биоробота, которым демократически, но весьма цинично, управляют, но он имеет и не менее великий шанс выработать новое для себя человеческое достоинство, образовав для себя и понятное ему имперское сообщество, в котором он смог бы найти себе и полноценную личную реализацию. Смотря как на все смотреть, но Россия нуждается в самосохранении, в обороне, в продлении своей российскойности, в движении своего духа вверх, в сосредоточении сил и жизненном процветании, а потому она нуждается в *имперском устройстве*, когда есть чему и для чего беспорочно служить и есть кому и зачем делегировать соблюдение общих интересов. Не надо забывать, что империя, в отличие от государства вообще или от нации вообще, несет в себе то *великое идеальное*, которое вдохновляет на ответственную жизнь всех сразу: властителей и предпринимателей, философов и архитекторов, ученых и поэтов, воинов и учителей, артистов и аграриев, детей и родителей, мужчин и женщин, верующих и атеистов, националов и интернационалов, вообще всех, ибо все могут в рамках империи найти не

одну лишь пространственно-временную защиту, но и возможность собственной творческой реализации в родной среде. Имперский идеал есть, но это не значит, что империя должна быть непременно идеальной, т. е. воистину хорошей. Быть за империю — быть не за что-то умильно симпатичное, а за строго необходимое, может, и вообще единственно возможное. Человек не может стать усохшим киберлистиком, гонимым по планете виртуальными ветрами, вполне и управляемыми — из невидимого и чуждого центра, он должен иметь организменную остойчивость, сидеть на традиции, жить в родном мире, испытывать большую ответственность. Новая империя, или, точнее, *империя нового типа* — за человека, а *новый имперский человек* — за империю. Сим и победиши!

б. *Имперское хозяйство* — особая проблема. Однозначности здесь нет. И дело тут не в одном пресловутом, но необходимом *имперском централизме*, а и в том, что в империи возникает реальная возможность исполнения любого типа хозяйства, т. е. империя в хозяйственном отношении, как и в других социальных измерениях, принципиально *многоукладна*. Имперскость не противоречит наглухо хозяйственной свободе, хотя и непременно ее как-то ограничивает. Однако имперская несвобода может быть вполне продуктивной, ибо преследует общие и необходимые для общественного целого цели. Империя не просто гарантирует, она и требует, но, вовсе не обязательно через голое насилие, она и направляет, не обязательно через примитивную команду. Ныне уже иные времена, и староармейские построения и приемы даже в армии уходят в прошлое. Теперь на очереди совсем иная имперская организация, которая может стать дееспособной разновидностью характерной для современности *организации самоорганизации*, той самой, при которой *организация сверху и из центра* и *самоорганизация снизу и от периферии* идут навстречу друг другу, достигая, как минимум, ответственного и эффективного компромисса, а как максимум — консенсуса. Нельзя ныне ни отдаваться на милость рынку, которого, кстати, как полноценного самодовлеющего рынка давно уже нет, ни покоряться тотальному плану, который слишком немобилен и не слишком вообще реален. Однако это не значит, что вообще не должно быть

никаких планов, как и вообще не должно быть рынка: обе формы хозяйственной организации вполне могут найти себе достойное место в рамках более объемной и сложной *организации самоорганизации*, тем более уж имперского типа. Вообще много говорить об имперском хозяйстве, как и об *имперской экономике* (деньгах, финансах, ценах и т. п.), вряд ли здесь целесообразно: была бы империя со своим имперским центром и своими имперскими функциями, а там все себя в социуме найдет — сверху до низу и снизу доверху. Лучше всего сейчас убедиться, что только империя способна вернуть России статус *полноценного субъекта* планетарного мира, истории, хозяйства, вообще жизни!

7. Планетарный мир взбаламучен и достаточно полон страха. Будущее весьма проблематично. Есть повсюду слепые и довольные, есть зрячие и остро нуждающиеся, есть ничего не понимающие и гонимые безотчетным ужасом, есть прозревшие и желающие что-то изменить. Претендующий на установление порядка во всем мире глобализм лихорадочно действует, наворачивая одну несурязицу на другую. Мир по преимуществу молчит, озабоченно вздрагивая. Глобализации жаждут немногие. Мир весьма растерян, но ищет иного выхода. Если не глобализация с глобализмом, то что? Расставаться с культурной и государственной самоидентичностью мало кто хочет. На повестке — сохранение, удержание, продление исторической субъектности, традиции, самой истории. Как это сделать? Все яснее становится, что через *большие локальные образования*, которые уже есть и которые еще будут. Внутри больших локалий можно выжить, не утратив самобытности, языка, родины, а во вне большим локалиям легче договориться между собой в рамках и на пути *солидарного планетаризма* или же *планетарного солидаризма*. Именно так может быть обеспечено новое обустройство планетарного мира — в духе *добровольного всемирного общежития народов и культур*. Большие локалии могут устраиваться по-разному, но эффективным представляется созидание *сверхгосударства*, т. е. локального образования *имперского типа*. *Империя* — это прежде всего устройство социума, когда есть гарант и арбитр выше обычного государства — *имперский центр*, сам социум — *имперская основа*, а каждый человек в социуме — *имперский поддан-*

ный. Однако сегодня потребна уже *новая империя*, или, лучше сказать, *империя нового типа*, когда имперскость реализуется как добровольный договор, или же свободный консенсус, между всеми носителями имперскости; такая империя есть *солидарная империя*, и ее устройство не предполагает с обязательностью никаких традиционных имперских атрибутов, кроме предназначенных для реализации именно солидарной империи; не тупая исполнительность, а осознанное и ответственное служение, не команда сверху, а ответственное исполнение общественных функций. Что касается России — страны традиционно имперской, то ей предстоит изжить как можно скорее воцарившуюся в ней *антиимперию* (от антимира, от inferнальности, от нежизни) и обернуться *новой российской империей* — не по названию, а по существу. Сделать это придется *по-имперски*, хотя и без императора и служащего ему дворянства. Данное историческое действие можно определить как *восстание империи* (не восстановление только, а по преимуществу явление новой по сути империи — из небытия, преодолевая нынешнее ужасное искажение). Далее следует оживление внутренней полноценной жизни, защищенной от чуждого мертвящего влияния, но способной к конструктивному взаимодействию с внешней средой, не ставшей, быть может, дружественной, но ставшей ослабленно враждебной, способной и к равноправному участию. Воцарение *имперского хозяйства* позволит реализовать эффективную и потребную *многоукладность*, свободу хозяйственного выбора в сочетании с соблюдением общих для большой локалии интересов, необходимые для жизни творческие прорывы. Ни план, ни рынок не отвергаются, но и не ставятся во главу угла — они осуществляются в рамках и в пользу более объемной и сложной *организации самоорганизации*, представляющей собой гибкую, но устойчивую, систему хозяйства *антипостмодернической эпохи*, скорейшее наступление которой крайне желательно для человека, исполненного высокого *человеческого*, а не только информационно-технологического, достоинства.

2004 г.

Сикстинские откровения

(постскриптум к нашествию Постмодерна)

Впервые услышал я о «Сикстинской мадонне» Рафаэля где-то в начале 1950-х гг. в связи с выставкой сокровищ Дрезденской галереи, спасенных Советской армией в 1945 г., перед отправкой их обратно в Германию. Выставка состоялась в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Обычный московский мальчишка, бредивший тогда, как и многие сверстники, армией, а не искусством, я на выставке не был, хотя и слышал о ней: по радио, от взрослых, на коммунальной кухне, на улице. А однажды имел в сквере Девичьего поля, что на Пироговке в Хамовниках, примечательную, хотя и случайную, встречу с одним немолодым человеком, подсевшим ко мне с другом на скамейку и рассказавшим вдруг о выставке, об искусстве Возрождения, о «Сикстинской мадонне», о Рафаэле. Рассказ мне запомнился, а особенно запало в душу огромное восхищение, с которым говорил этот человек о живописи Возрождения, весьма низко ставя при этом живопись современную: «Не то совсем, не то, разве ж сейчас искусство!». Не скажу, что у меня возник тогда большой восторг по поводу Возрождения, хотя и оказалось дрезденское искусство в моем воображении на большой высоте — недостижимой и загадочной, но за отечественную живопись, с которой я уже был знаком по Третьяковке, мне стало как-то немного обидно.

Потом пошли музеи — Москвы и Ленинграда, книги, иллюстрации, знакомства с профессиональными оценками, с суждениями искусствоведов, писателей, философов. Феномен Возрождения привлекал все более, к нему возник устойчивый интерес. Петрарка, Данте, Леонардо, Рафаэль, Микеланджело, потом и Макиавелли. Пришло время и заграничных впечатлений: сначала во Франции, в Париже, в Лувре — прежде всего от «Моны Лизы» Леонардо да Винчи, как и других шедевров Возрождения, а также в Амбуазе на Луаре — от последнего дома-пристанища Леонардо, его могилы, затем в Германии, в Дрездене — от самой «Сикстинской мадонны» Рафаэля Санти, нако-

нец, в Италии, Риме, Флоренции и Венеции — от очень многого, а главное — от Сикстинской капеллы, или Систины, что в Ватикане, от Микеланджело Буонаротти. И опять же книги, мнения, разговоры.

Многое было узнано в итоге о Возрождении и его героях, немало передумано, кое-что и оценено. Восторга, повторяю, большого я не испытывал — ни при первом открытии великой эпохи, ее культуры, ни при более тщательном ознакомлении, даже уже и при некотором ее познании. У меня не рождалось того чувства благоговения, которое обычно посещает людей, обращающихся к шедеврам Возрождения, хотя я и отдавал должное его великим творцам. Особенно меня поражал Леонардо, ухитрившийся в своей «Моне Лизе», к примеру, выразить гораздо больше — неизмеримо больше, чем могла предложить натура. Я понимал, что в произведениях художников Возрождения вообще много смысла, там была большая философия, заключалось мировоззрение. Именно это и привлекало меня в трудах возрожденческих титанов, как, разумеется, и сам их исполинский, воистину титанический, труд, имевший в итоге столько гигантских свершений.

Честно говоря, знаменитое, если не пресловутое клише о смысле Возрождения как переворотном выходе из темноты Средневековья, как об освобождении от церковного и папского гнета, как об обращении к светлым ценностям античного мира, как о преодолении крайностей христианской идеологии, даже ее синтезе с дохристианской языческой культурой, как о движении, если не рывке, к человеку, а соответственно, к гуманизму — как к идеологии и житейской практике, как к культуре, равным образом, и как хозяйствованию, и политике, и вообще мироустройству, наконец, как о переходе к свободе, инициативе, действию, творчеству, такое клише долгое время принималось мною практически безоговорочно. Примерно так обстояло дело, например, и с тем же марксизмом, который, кстати, рассматривался как следствие и даже продолжение возрожденческой революции. То была общепринятая — как у нас, так и за рубежом — оценка Возрождения, удобно разместившаяся на страницах глубокомысленных фолиантов, в головах не менее глубокомысленных интел-

лектуалов, на языке уже не столь глубокомысленной прессы. И нельзя сказать, что эта оценка была неправильной или очень уж надуманной, как и легковесной и неперспективной, ибо мир жил, да и сейчас живет, под знаменем, под эгидой, а в значительной мере и по лекалам, именно Возрождения. Феномен Возрождения — не узко исторический феномен, не моментный, а растянутый во времени, глубоко и глобально исторический феномен. Возрождение не закончилось вовсе на факте Возрождения, а эпоха Возрождения — не сотня тогдашних лет, а все с той поры течение времени — от тогда до сегодня. И ничего нет удивительного в том, что данное клише есть, и оно воспроизводится, даже и подтверждается, как и нет ничего удивительного в том, что оно легко воспринимается и не оспаривается. А что уж говорить о времени явных идеологических предпочтений?

Но первый звонок прозвучал — по поводу Возрождения и его привычного, если не официального, толкования. В моей жизни это произошло от... улыбок Леонардо, и не столько от знаменитой улыбки Джоконды-Моны Лизы, сколько от улыбки другого персонажа Леонардо — Иоанна Крестителя, изображенного не то юношей, не то девушкой, с чувственным лицом и тоненьким крестом в руке и, разумеется, с улыбкой, а точнее, с полуулыбкой, столь характерной для Леонардо — нежной, лукавой, прельстительной. Что же это за Иоанн Креститель? Кого, собственно, изобразил Леонардо, с каким умыслом? Христианская ли это была работа? Или христианский сюжет был лишь использован ради... антихристианства? И не антихристом ли был сам Леонардо? Ведь не смог же он закончить «Тайную вечерю», которую писал на монастырской стене полтора десятка лет, часами простаивая перед ней, не беря в руки кисть. Что творилось в его душе? Почему же Христос ему не давался, да и не дался в итоге? И не оправданным ли было диссидентское бегство Леонардо за границу, во Францию, под покровительство короля, уже и отступника, где Леонардо и завершил свой бунтарский жизненный путь? Вопросы, вопросы... к универсальной личности. Если перестал быть христианином, то зачем же обращаться к христианским сюжетам? Опровергнуть, исказить, наследить? Не просто антихрист, а антихрист с умыслом, с издевкой, с улыбкой. Вот и Д. Мереж-

ковский прямо говорит: антихрист, и роман свой о Леонардо включает в трилогию об антихристе.

Нет, не ради какого-то разоблачения Леонардо я обо всем этом говорю. Мне важно было разобраться в сути как феномена Леонардо, так и в феномене Возрождения. Закралось тогда мощное сомнение: а что же на самом деле происходило в Век Возрождения, и чем, собственно, было само это Возрождение?

Пришлось подразочароваться и в улыбке Джоконды-Моны Лизы, тоже, кстати, не слишком определенной по полу, если взглянуть повнимательнее в изображенный лик — то ли женщина, то ли мужчина, то ли андрогин, а уж улыбка, что же она выражает, кроме тайны, может, и самому Леонардо не слишком понятной? — может, улыбка любимой, матери, подруги, а может, и ничего вообще подобного, что скорее всего, и так? — может, улыбка самого Леонардо, при этом и какая-то не совсем человеческая, как бы и за-человеческая, улыбка и какого-то иного существа? Наверное, того самого, о ком особенно не говорят, но о котором все знают.

Тогда что же хотел сказать всем этим Леонардо? Снять какой-то покров с христианства? Показать при этом и то, что идет на смену христианству? Слугой ли он был — того самого, или же бунтовал не только против христианства, но и против того, кому, якобы, служил? Никто, пожалуй, не поведал человеку смотрящему, но не видящему, столько откровений, как Леонардо. Как был Леонардо загадкой, так загадкой и остается. Универсальный человек — сам по себе он, и вроде бы с Богом, а вроде бы — не с ним, как и против — и себя, и Бога, и него. Весь универсум в Леонардо, который из Винчи, из Италии, оттуда.

Урок от Леонардо был огромным, пожалуй, и оглушительным. Не стояли ли за общепринятой версией Возрождения иные смыслы, то ли известные авторам версии, то ли нет, что говорило, скорее, не об обманности версии, а ее неполноте, а может, и поверхностности? Содержание феномена явно было богаче отражающей его доктрины.

Любопытно, что примерно в это время — время еще смутных догадок, у меня возникло откуда-то желание самому изобразить Христа — в несколько модернистской уже манере, в

стиле XX в. И у меня получился нежданно-негаданно какой-то непривычный Христос, а именно... удрученный, что в общем-то не было особенно удивительным, поскольку выходил он у меня в постхристианской культурной среде, когда уже и христианство отошло на второй план, и возрожденческая идеология давно уж как победила. Получалось так, что Христос как бы признавал зряшность, если не нелепость, своего прихода и своего подвига. Он был явно обескураженный. Тем более, что тогда же у меня возник и был в той же манере исполнен другой сюжет: «Христос и Иуда», где Иуда в сознании человека практически уже равен Христу, во всяком случае, он не менее важен и чтим. Характерно, что это происходило со мной на рубеже 1970 — 1980-х гг., — я совсем тогда не предполагал, что нахожусь в преддверии воистину иудинной эпохи в СССР-России.

Мы, конечно, признавали тогда критический по отношению к христианству характер Возрождения, но видели в этом закономерную и в моральном отношении даже справедливую критику действующего христианства, церкви, папизма, инквизиции, всяческих запретительств, вообще любой духовной и душевной несвободы, и уж совсем не задумывались над глубинной сутью и мерой этой критики, не говоря уже о ее последствиях. Еще меньше мы задумывались, а точнее, вовсе не задумывались над тем, почему вдруг взялось это возрожденческое движение, где его истоки, от кого, а не только от чего, оно исходит, какому замыслу соответствует, наконец, кому оно просто выгодно? Правда, у нас был один ответ, навевавшийся марксизмом, кстати, совсем и не плохой: все это было делом рук народившейся и развивавшейся буржуазии, но ответ был, как бы это сказать, слишком материалистическим, да и узковатым, к тому же и чересчур доктринальным, пожалуй, и скудоватым. Буржуазия буржуазией, а на перемены шли и феодалы, и аристократы, и короли, и отнюдь не из одних материальных соображений, не говоря уже о чисто хозяйственных. Марксистская идея о приоритете экономики над идеологией, или базиса над надстройкой, позволяла выявить буржуазию как движущую силу Возрождения, но не раскрывала всей его субъективной направленности: не забудем, что и научный социа-

лизм вышел из Возрождения, стало быть, тоже в нем нуждался — на генетическом уровне.

В самом деле, откуда и почему взялись все эти возрожденческие философы, поэты, художники, публицисты, артисты, религиозные деятели, даже и шуты? От поклонения золотому тельцу? Наверное, и так, и тут сыграла свою роль буржуазия — как уже капиталистическая, создавая подходящую среду и некий энергичный напор, но ведь буржуазия не только поклонялась деньгам, она еще их и делала, т. е. поклонялась и делу, правда, приносящему доход, а вот разная небуржуазия, среди которой и феодалы, и короли, и церковники, и воители, и нотариусы, даже и деятели искусства, как раз более всего поклонялась деньгам, не особенно заботясь об их делании посредством дела, что означает, что не одна тут буржуазия виновата, а если и виновата, то не только из-за золотого тельца — разве католичество и само папство не были ему подвластны, причем даже в большей степени, чем буржуазия, которая в те времена более экономила деньги, чтобы их вложить в дело, чем расходовала на себя. А если все-таки буржуазия — как несущая и пробивающая сила, то не ради же только делания денег из денег, это во-первых, и что, пожалуй, и поважнее, не ради, видимо, лишь самой себя. Не стала ли буржуазия более средством, чем причиной, феномена Возрождения, причем средством не столько объективно выпавшим, сколько субъективно подпавшим?..

Вернемся к собственно Возрождению, которое продолжало меня задевать, ставило вопросы, на которые в те поры и не находилось ответов. Однако информация накапливалась. Большое значение имели для познания интересовавшего меня феномена сочинения графа Гобино — его гениальная книга «Век Возрождения», Никколо Макиавелли — прежде всего, его «Князь», Д. Мережковского — его «Леонардо», как и других, менее известных, но по-своему значимых, авторов, создавших содержательные работы о Петрарке, Данте, Леонардо, Рафаэле, Микеланджело, но также и о Риме, Флоренции, Венеции, о папах и политиках, о событиях того времени, случившихся на италийском пространстве. Я намеренно не говорю здесь о Франции, Нидерландах, Англии, Германии, Чехии, Испании, о выдающихся лич-

ностях этих стран, о происходивших в этих странах событиях и процессах, ибо меня в данный момент волнуют именно итальянцы, которые всего ближе были к христианскому центру Европы — Западной Европы, которые начали движение и придали ему именно возрожденческий, а не какой-либо иной, смысл. Начало философии Возрождения — из Италии. Да и пишу я здесь в связи с сикстинскими, а не какими-нибудь еще, откровениями, которые состоялись как раз в Италии, в Риме, в Ватикане. Но пока я еще к ним только на подступах.

И вот сейчас особенно уместно обратиться к уже давно состоявшимся открытиям, которые посетили как раз русских людей, соотечественников, обладавших не католическим и не протестантским, и не вообще западноевропейским, а самым что ни на есть православным сознанием, во всяком случае восточноевропейским. Таких людей в общем-то было немало, но речь пойдет о трех из них, точнее об их знаменательных размышлениях, имевших место по одному и тому же, — и важному для нас, — возрожденческому поводу — по поводу рафаэлевой «Мадонны», что из Дрезденской галереи.

«Сикстинская мадонна». Отметим поначалу, что она поразила и даже возвысила духом Ф. Достоевского, и С. Булгакова. То было Откровение, то было восприятие Софии, то была встреча с Богом — в лице Богоматери. Однако лишь поначалу, в первый раз, при первом подходе. Прошло время, состоялась новая встреча с «Мадонной», что у Достоевского, что у Булгакова, и итог ее был совсем другой — практически полное разочарование: перед взором мыслителей предстала... обыкновенная женщина-мать, молодая, красивая, очаровательная, совсем и не Богоматерь. И дело здесь не в том, почему это произошло, ясно, что и Достоевский, и Булгаков были к тому моменту уже совершенно другими людьми, умудренными, а главное, значительно более почвенными, стало быть, и православными, уже гораздо менее европейцами. Нет, то была не Богоматерь! И возникали тогда, видимо, другие богородичные образы — православные, может, и бесплотные, но уже и не заведомо человеческие, как и не человекобожеские, а богочеловеческие, совсем и не возрожденческие, как раз именно христианские. А третий герой нашего повествования, — Лев Тол-

стой, тот сразу ничего божественного не разглядел в рафаэлевой мадонне, разве лишь восхитительную деву с ребенком.

Что же касается меня самого, то картина Рафаэля, прекрасно выполненная и весьма одухотворенная, не произвела на меня какого-то сверхвпечатления, тем более столь воодушевляющего, как при первой с ней встрече Достоевского и Булгакова, что, естественно, ничего не значило существенного ни против самого рафаэлева шедевра, ни за воззренческую его критику. Мое личное отношение к данной работе, как и вообще к творчеству Рафаэля и других гигантов Возрождения, соответственно, и к самому Возрождению, сложилось позже. Но было ясно: шедевр не имел, по-видимому, того художественного и философского уровня, который ему обычно, а иногда и исключительно, придается. Не было у меня очарования, не было и разочарования, а вот согласие с той критической оценкой, которую ему дали его русские поклонники и критики, хоть тогда и смутное, пожалуй, и было, точнее, даже не само согласие, а возможность такого согласия — не сразу, так по прошествии времени. Проблема не была еще отмечена и сформулирована, но она уже как-то явилась — где-то в глубине сознания. Все-таки было важно, что рафаэлев шедевр — не икона, да что там не икона, и не образ Божий, а прекрасная картина, созданная человеком о человеке для человека, хоть и в образе иконы и в образе образа Божьего, а потому и отношение к картине должно быть соответствующим — светским, секулярным, интеллигентским.

Что ж, Леонардо заставил усомниться в божественности изображаемых им христианских лиц, даже вызвал подозрение в наличии какого-то антибожественного мотива, отнюдь не нейтрального — умен же и хитер был этот Леонардо, а Рафаэль, божественный Рафаэль, далеко не такой изощренный, как Леонардо, может, и не простодушный, но все же более открытый и непосредственный, доказал, и не только своей «Сикстинской мадонной», что на первом плане у него, как, видимо, и у всех деятелей Возрождения, был человек, а если и что-то божественное, то именно в самом человеке. Было показано возрожденческое искусство — не только не церковное, но по большому счету уже и

не религиозное. Сюжеты сюжетами, а правда правдой, разумеется, о Возрождении, а не со стороны Возрождения.

И правду эту заметили русские православные люди — восточноевропейцы. Ведь они представляли другую по большей сути европейскую культуру, хоть и сильно уже смешанную с западноевропейской. Мало того, что они сами были мыслителями-гигантами, причем и художниками — слова, за ними стояло еще и великое русское искусство — как светское, так и религиозное. И они не могли не отражать иного взгляда на вещи, в том числе и на сакральные. Русская, как и вся восточноевропейская икона, как и храмовая роспись, как и православное песнопение, что-то ведь да значили, как значили что-то важное и особенное литературные, живописные, музыкальные произведения, характерные для нового времени. Примечательно, что Русь в свое время не подвергалась ни Возрождению, ни церковной Реформации, с ним связанной, она не стала тогда западноевропейской, сохранив самобытность, и только потом, и не без влияния Европы — сознательного и бессознательного, она стала подвергаться насильственной европеизации, а вместе с ней и возрождениезации и реформацииизации — через жесткие реформы, мягкие вливания и ловкие протаскивания, через беспощадные революции. И полностью Россия до сих пор не европеизирована — на западный манер, несмотря на все успехи последней — уже глобалистской и совершенно прозападной — революции конца XX и начала XXI в. Вряд ли от русских мыслителей — наследников православной культуры и почвенников, можно было ожидать какого-то иного завершающего мнения о великом шедевре италийского Возрождения.

Не забудем, что в то время, когда Рафаэль создавал свою «Мадонну», на Руси уже не менее полувека жила своей сакральной жизнью рублевская «Троица», в которой был изображен, а лучше сказать, представлен, а может быть, и уловлен, образ самого Господа Бога в трех ипостасях, да так, что кажется, не будь этой «Троицы» на Руси, не было бы уже и России — как самобытной, загадочной и великой ценности. Какой корневой русский человек не отражен в «Троице», в какой православной русской душе не гнездится «Троица», какой истинно русский характер не

связан сакрально-таинственными узами с рублевским образом самого Господа Бога! У русских людей был и есть серьезный оценочный критерий, который им всегда служил и служит до сих пор — критерий почвенный, что не значит национальный, который обоснован не ментально, а исторически, не кабинетно, а жизненно, не в кружке, а в густой действительности, заправленной кровью. Если кто сомневается, то пусть хотя бы повнимательнее взглянется в «Утро стрелецкой казни» Василия Сурикова или вслушается покрепче в «Хованщину» Модеста Мусоргского.

Однако это еще не все сикстинские откровения, а точнее, даже и не главные, о которых ведется здесь рассказ. Главное произошло непосредственно в Сикстинской капелле, или Систине, при обозрении микеланджеловской росписи. Вообще в росписи капеллы, которая заняла многие десятилетия с конца XV до середины XVI века, приняли участие разные художники: Перуджино, Гирландайо, Росселли, Боттичелли, Пинтуриккьо, Синьорелли, но основную часть росписи выполнил Микеланджело Буонаротти, а главное, именно он придал всему сикстинскому произведению то смысловое звучание, которым оно как раз и славится. Вглядывание в Систину — вчувствование в Микеланджело, а затем и вмысливание в его философию, его мировоззрение, угадывание его чаяний и оценка исходов. И вот в этой-то знаменитой Систине и посетили меня некоторые открытия, вовсе и не положившие конец моему интересу к Возрождению, даже его усилившие, но позволившие придти к некоторым важным заключениям, ради которых и пишется эта работа.

Какая же образно-мысленная картина предстала в моем, несколько и удрученном, сознании, быть может, и не та, которую задумал и исполнил великий Микеланджело — самый, наверное, последовательный, глубокий и честный, если так можно выразиться, возрожденец, а та картина, которую извлек из сложного произведения я сам, — а то, что работа Микеланджело многокартинна, или многосмылова, а потому из нее можно извлечь не одну смысловую версию, доказывать не приходится — это несомненно? Так что же сказал или подсказал микеланджеловский шедевр?

Здесь, однако, требуется одно важное пояснение. В отличие от лицезрения «Сикстинской мадонны» еще в середине 1980-х гг., мое взглядывание в живую Сistineу состоялось уже во второй половине 1990-х гг., а точнее, в 1998 и в 2000 гг., после, разумеется, разглядывания иллюстраций — с прочтением и различных комментариев, как правило, профессионально хорошо выполненных, но в философском отношении весьма традиционных. И поскольку мое открытие Сistineу связано как раз со вторым посещением капеллы — в 2000 г., а не с заочным с нею знакомством — так уж получилось, что не могу не подчеркнуть, что в моем сознании уже достаточно запечатлелся тот исторический опыт, который довелось обрести СССР-России в ходе так называемой перестройки — чем, кстати, не Возрождение по-русски, и еще пока никак не называемой буржуазной революции, тоже, надо полагать, возрожденческой, как и все предшествующие революции. Человек, который стал свидетелем живых возрожденческих процессов, не мог уже смотреть на Сistineу, как на всего лишь замечательное произведение искусства, как и не мог не трактовать это произведение уже и за пределами, скажем так, авторского замысла, т. е. с учетом того, что же в реальности произошло в мире, прежде всего европейском, по итогам возрожденческого культурного переворота. Опыт СССР-России, а точнее говоря, впечатления от этого опыта, обусловленные отнюдь не сторонним свидетельством, а глубоким переживанием объекта-участника, не могли не служить тем независимым и острым критерием, так необходимым при оценке столь величественного феномена, каким было и является до сих пор Возрождение.

Происшедшее в нашей стране, во-первых, имело глубокую смысловую связь с Возрождением и, добавим, с Реформацией, как, собственно, имели такую связь и Русская Смута конца XVI — начала XVII в., и церковный Раскол второй половины XVII в., и знаменитые петровские реформы с подчинением и недоразгромом православной церкви, и реформы Александра II во второй половине XIX в., и все российские революции вместе со всем российским и международным революционным движением, и так называемый социалистический период с его разгромом не одной только церкви, но и в значительной мере всей

предшествующей отечественной культуры, и феномен сталинизма — как альтернатива мировому коммунизму, но и способ в нем особого бытия, что еще вовсе и не осмыслено, т. е. фактически вся история России в новое и новейшее время так или иначе обусловлена Возрождением и Реформацией, что и породило особый исторический феномен — Российскую Реформацию, который тоже еще надо осмысливать и осмысливать; во-вторых, горбачевско-ельцинские «преобразования» произошли в СССР-России в момент полного триумфа, если и не прямо возрожденческой, то уж непосредственно порожденной Возрождением, цивилизации — западной, экономической, научно-технической, мегаполисной, либеральной, индивидуалистской, частнособственнической, «демократической», секуляризованной... причем не просто в момент наивысшего расцвета такой цивилизации, а при ее непосредственном участии, если не фактическом руководстве.

Как ни великолепны и ни величественным микеланджеловские фрески — очень, кстати, искренние, — но к истине, в них затаившейся уже не мог быть чисто искусствоведческий, так сказать, «ахающий» подход, а мог быть лишь подход строго воззренческий, да еще и явно критический, если не хирургический, которым, кстати, умело пользовался и сам Микеланджело. Сказанное, конечно же, не означает, что я шел в Систину, — что в 1998 г., что в 2000 г., — с явным мировоззренческим предубеждением, ища лишь ему доказательства, но что означает, что в роспись там вглядывался человек, кое-что возрожденческое уже увидевший и испытавший непосредственно в реальности, хотя, быть может, еще и не до конца все понявший, а лучше сказать, осознавший, и уж тем более не связывавший столь плотно свои впечатления от реальности и от возрожденческого искусства в единый смысловой алгоритм. Для этого как раз и потребовалось долгое стояние и сидение в Систине, чтобы все — вдруг и как-то неожиданно — сошлось.

Нет, это была все же не христианская картина, это была всего лишь картина, выполненная на христианские сюжеты! А если даже и христианская, то настолько отличная от христианской догматики, что это было уже другое христианство, от которого оставалась форма, но не оставалось сути. Если у Рублева в

«Троице» сама Любовь, то где тогда Любовь в микеланджеловской мистерии: именно Любовь, как, если хотите, какая-то субстанция, разумеется, идеальная и трансцендентная, а не любовь как чувство, например, Бога Творца к своему человеческому сыну. Да, это любовь — Бога Отца к сыну Адаму — есть у Микеланджело, он ее совершенно гениально выразил — через разъединение перстов, но не есть ли это любовь отца, прощающего с сыном, который уходит далеко и, возможно, навсегда, как и не есть ли это любовь сына, всего лишь благодарного отцу за свою жизнь, а точнее, за ее факт?

Мы не знаем, что думал по этому и другим аналогичным поводам сам благородный Микеланджело, но мы считываем с сикстинских изображений именно то, что только мы и можем считать — сыны, свидетели и участники того мира, который пришел и утвердился в результате Возрождения, хотя, разумеется, в немалой степени и вопреки ему.

Но почему же в результате?

На это отвечает, на наш взгляд, и сам Микеланджело, который творил в Ватикане, в рамках христианского сюжета, но творил очень и очень свое, хотя и навязанное временем и обстоятельствами, как и субъективными веяниями, исходившими не откуда-то из Космоса, а от людей, весьма конкретных людей, таких, к примеру, как Савонарола, с одной стороны, и Пико делла Мирандоле — с другой, не говоря уже о других творцах возрожденческой культуры. Платоновская академия во Флоренции, родном городе Микеланджело, патронируемая самим правителем города Лоренцо Великолепным, на заседаниях которой молодой Микеланджело мог присутствовать в качестве коллеги-ученика, не могла не оказать на начинающего, но уже заявившего о себе таланта, большого мировоззренческого воздействия. И дело здесь не в одной Платоновской академии — вокруг было столько различных фактов, событий, происшествий, влиявших на микеланджело сознание — вплоть до савонароловской революции и гибели ее вождя на костре инквизиции, и помимо бушующей разнообразной реальности у самого Микеланджело было столько встреч, бесед, наблюдений, оказывавших на него идейное воздействие. Микеланджело был не просто сын своего времени, как и

участник многих судьбоносных событий, он был, если так можно выразиться, частицей особого мира в мире, то ли вызревавшего тогда активно, то ли выходявшего из тени, но не того мира, который господствовал, а того, который был новым и, возможно, шел на смену старому.

А старый мир, как ни крути, формально был христианским, и новый мир, которому как раз и принадлежал Микеланджело, должен был, как ни верти, этому старому миру противостоять, его и отрицать: то ли отрицать то христианство, которое было вокруг, которое представлено разлагавшейся церковью и лукавым папизмом, которое несло на себе печать мрачного средневековья и находилось в глубоком и затяжном кризисе; то ли отрицать вообще христианство, которое, якобы, свое слово уже сказало и ни к чему доброму привести уже не могло; то ли отрицать вообще религиозность, вдохновляемую верой во всемогущего Бога, ибо вера в Бога оказалась, вроде бы, бессильной, напрасной и ненужной. Мало того, что мир в целом был неустойчивым, растревоженным, чего-то жаждавшим и чего-то искавшим и не находящим, но и новый, нарождающийся мир, которому волею судьбы принадлежал Микеланджело, допускал в своем отрицании старого мира самые разные решения.

Все вокруг бродило, было не ясно, тревожило сомнением.

И художник был вынужден, что вполне естественно — у истоков, идти интуитивно и самым сложным путем, на сверхсознании, тем путем, который допускал не только не одно какое-либо решение, а возможность сразу ряда решений, причем и не оформленных вовсе, а лишь намеченных, ибо тут было начало, почувствованное, как-то и осмысленное, но лишь по сути, еще во всем многообразии возможных смыслов и исходов, еще трансцендентное. Задача гения и состояла в том, чтобы перевести намеченную трансцендентность в образную имманентность, не теряя при этом таинственной — металогической — связи представленного изобразительного с невыразимым никакими внешними средствами недоступным идеальным. Художнику это в полной мере удалось, а вот что из этого вышло — вопрос особый.

Выполняя заказ Ватикана — сначала папы Юлия II, а затем, уже четверть века спустя, папы Павла III, Микеланджело

иллюстрирует Книгу Бытия, а точнее, ее пересказывает, однако очень и очень по-своему, — и не только художнически. Фактически он предлагает новое прочтение традиционной христианской версии, да что там прочтение — ее новую трактовку, а если быть последовательными, то и новое смысловое наполнение, которое не сразу бросается в глаза, но которое, наверное, было все-таки главной задачей живописца-философа. Микеланджело чаял, как минимум, пересмотра христианского учения, по крайней мере, того его понимания, которое к тому времени утвердилось и, надо полагать, уже устарело, если не было вредным, а как максимум... и вот тут мы вступаем в область предположений, однако весьма обоснованных... переходя к иной религии, к иной идеологии, к иному миропониманию, может, и не слишком религиозному. Микеланджело удалось все сразу: показать христианство, однако не в традиционной, а в своей собственной версии; выразить потребность и в общих чертах обрисовать новое христианство; заложить возможность если и не антихристианства, то какой-то иной религии; предусмотреть даже переход вообще к нерелигиозному мировоззрению.

Микеланджело строил на стенах и потолке Сикстинской капеллы, в самом сердце католического христианства — в Ватикане, по заказу пап, новый идеальный мир, далеко выходящий за рамки христианской версии, ей противостоявший и ее отрицавший, выплескивавшийся даже за пределы традиционной религиозности, той самой, которая предполагала веру в Бога или хотя бы в богов. Это был великий художник, но это был и великий мыслитель — творец, как и вообще великий человек, не то что бы осмелившийся сделать то, что он сделал — время-то уже работало на него, а просто сделавший то, что он сделал — упорный, целеустремленный, сильный. Это был великий, в немалой степени и нелегальный, диссидент-революционер, смысловое значение которого и фактическая роль все же до сих пор недооцениваются — то ли по недоразумению, то ли и вполне сознательно.

И не лукавый и не лишенный во многом нравственного заряда естествоиспытатель, художник и мыслитель Леонардо да Винчи, и уж тем более не самый глубокий, хотя и замечательный в своей творческой непосредственности, не слишком идейно са-

мостоятельный Рафаэль Санти, а именно он — Микеланджело, Микеланджело Буонаротти, стал той центральной фигурой Века Возрождения, на которой не только все сошлось, но и из которой все как-то разом и вышло. Микеланджело создал на поверхности Сistineны новую Библию, хотя никто его и не считает религиозным реформатором и уж тем более революционером-атеистом, и сделал он это единственно возможным тогда и на века образом — живописным, так любимым его «искусствоведческим» противником Леонардо, почти презиравшим скульптуру, и так высоко со временем оцененным самим Микеланджело. Весьма примечательно, что Микеланджело не только довелось быть фактически насильственно обращенным в живописца, благодаря усилиям пап — заказчиков сикстинской росписи, но судьба подарила ему долгую жизнь — самую долгую из всех творцов Возрождения, чтобы созреть мировоззренчески и творчески, даже и профессионально, наконец, чтобы задумать и выполнить то, что он в конце концов и исполнил. Микеланджело пережил очень многих своих сверстников, и более молодых, того же Рафаэля, не говоря уже о более старших современниках, таких как Леонардо, Гирландайо, Боттичелли, Росселли, Перуджино. Микеланджело было у кого учиться, а он был ученик Гирландайо и Бертольдо, кое-что ценное воспринял он и от Леонардо, ему было с кем обсуждать важное и нужное — и самое разнообразное, ему было с кем дружить и было кого любить, с кем сотрудничать и с кем спорить, к кому приближаться и от кого бежать, кем восхищаться и с кем бороться, кого и ненавидеть. Микеланджело — редкостная полнота жизни, хотя и жизни трудной, сложной, весьма и опасной. Нет, это не баловень судьбы. Но это и не ее пасынок, скорее, ее сотрудник — со-труд-ник, где совместность — со, труд — тяжесть, лишения, творчество, и победа — «ник», ника, свершение и слава. Трансцендентный выбор судьбы совпал и с трансцендентным характером личности, а в итоге — Микеланджело!

Так что же, в конце концов, заставляет нас рассуждать о Микеланджело как о великом диссиденте-революционере, да еще и со столь впечатляющими итогами своего творческого бытия? До сих пор у нас были больше поводы, а пора, наверное, перейти и к доводам. И такие доводы открываются — весьма речиво —

как раз в Сикстинской капелле. Написанная умелой, умной и дерзкой рукой гениального мастера-мыслителя новая Книга Бытия — сикстинская книга, или даже микеланджелова книга, посвящена, по сути, не Богу и не Христу, а человеку — Человеку! Именно это и открывается прежде всего и в конце концов в Сикстине. Человек как субъект, объект и творец, как минимум — религии, и как максимум — пострелигии! Круто? Да, круто. Но ведь не мы тут крутые, а Микеланджело Буонаротти, этот великий флорентинец, самый последовательный возрожденец, человек не времени, а времен. Микеланджело акцент на человеке, а великий скульптор и живописец вообще любил изображать человека, причем обнаженного — здесь он был грек, и именно мужчину, а не женщину, сглаженная плоть которой мало что ему говорила, кроме разве явления восхитительного контура, из которого он черпал более чувственность, чем мысль, — такой акцент и вызвал тот идейный переворот, результаты которого и были запечатлены во фресковом повествовании. И не просто акцент, а и смещение акцента: с Бога на человека, с Христа Бога на Христа человека, с неба на землю, с бога на человека, а потом уже с земли на небо — с обожествлением уже человека.

Это был переворот, может, массой современников и не понятый, но некоторыми, конечно же, замеченный, о чем весьма пристрастно говорили, кто с раздражением и ненавистью, кто с удовлетворением и любовью. То было утверждение гуманизма, а гуманизм — это либо не бывшее тогда христианство, если и не прошлое, т. е. не старое, а какое-то новое христианство, либо вообще не христианство, а какая-то другая религия, основанная на вере в человека, хоть и несущая на себе христианские следы, либо прямо-таки уже и не религия, а самая что ни есть пострелигиозная идеология, восходящая даже не к вере в человека, а непосредственно к человеку, к убеждению в нем — как самодостаточному аргументу. Такой далеко идущий акцент на человеке не только было удобно сделать в рамках христианского повествования, ибо был он ведь сын Божий, по подобию Божьему сотворенный, опять же и сам Христос был человеческий сын, состоялся в образе человека, т. е. сама религиозная фабула допускала возможность и легкость смещения акцента на человека, но также и

потому, что бытующее христианство и действующая церковь, увы, были в кризисе, что задавало потребность в религиозном поиске и давало возможность самых резких движений.

Микеланджело не то что всем этим воспользовался, а ко всему этому применился, втиснув гуманизм в христианство, а христианству предоставив возможность отступить под натиском гуманизма. Сам творец росписи мало что утверждал определенно, кроме разве акцента на человеке, а исходы он закладывал не только самые разные, но и самые крайние. Остальное зависело уже от разворачивавшейся реальности, где было место всему: и религиозной, и церковной реформе, и консерватизму, даже и инквизиции, и атеизму, и какому-то идейному безразличию. Семя было брошено в человеческое сознание, хоть и не первое и не последнее, а древо из этого семени могло вырасти уже разное, однако обязательно с акцентом на человеке — это-то и главное!

Тут уместно заметить, что Лютер, к примеру, хоть и не Христос, а все же основатель, но кто его в мире так уж читает, а вот микеланджелову роспись смотрят все — из образованных, да еще и восхищаются, ахая. Да вот понимают ли? Наверное, да, но совсем немногие — единицы, а в подсознание что-то важное уходит всем, или многим, очень многим. Такова сила изобразительного искусства — одно дело икона, другое — картина, третье — Систина, особенно, если умело преподнесенная, пожалуй, и раскрученная. А раскручивать было и есть кому, ибо из Систины кое-что в конечном счете и получилось: от классики к модерну, от модернизма и к постмодернизму. Вот она, металогика, она же логика, она же диалектическая логика, она же и суперлогика.

Главная страница микеланджеловой суперкниги, надо полагать, на плафоне капеллы, там, где Господь Бог взаимодействует с созданным им человеком — Адамом. Мы уже отмечали прощальный мотив в данном сюжете, как и факт уже свободного полета человека — к Земле, в свой мир, а теперь особо подчеркнем выведенное Микеланджело подобие Отца и сына, разумеется, при разном их облике, хотя бы возрастном, но такое подобие, что впору задуматься даже и о некоем равенстве между ними, ну хотя бы о каком-то уравнивании сакральных персонажей, некой их однопорядковости что ли: по фигурам, телесности, силе и даже

самой красоте. Человек во всяком случае не смотрится у Микеланджело как нижестепенное существо, относительное, подопечное, а смотрится как раз равным Богу Отцу, может, еще молодым, зеленым, неопытным, но похожим, очень похожим, почти что Сыном Божиим. Человек как бы на месте Христа, одна из Божьих ипостасей, сам как бы Бог.

Только-только разомкнулись руки, указательные пальцы еще тянутся как будто друг к другу, но тела уже разошлись, человек в свободном парении, Господь удаляется, глядя на сына, видя его как будто в последний раз... Супермиг, который поважнее и момента рождения человека, и мгновения его грехопадения, и даже факта изгнания человека из Рая. Как будто бы и нет всего этого: миг расставания с Отцом все это заслонил, если не поглотил. Главное не в том, что человек был создан Богом, как и не в том, что с человеком кое-что уже произошло, а в том, что человек есть, и что человек это не просто ощущает, он это уже знает, как знает и то, что он создан не только необычным, но и богоподобным существом, как и то, что ему уготована высокая — богоподобная — миссия. Вызов? Может, и вызов, а может, просто зов — человеческого сознания, пусть еще и не развитого, но уже невероятно потенциального.

Пришел момент — уже в реальной истории человека, — когда человек, осознав свое уже развитое сознание, выказал умом, душой, волей и кистью одного из своих великих подобию, и им стал богоподобный Микеланджело — Ангел Михаил, это ни с чем не сравнимое ощущение и понимание своего богоподобия, а вместе с этим и своей свободы, самостоятельности и ответственности.

Свершилось, человек оказался в новом положении относительно Бога Творца, он сам себе творец, а может, и сам себе бог!

Все это было серьезно, слишком серьезно, но таково было веление западноевропейского сознания как раз в середине II тысячелетия от Рождества Христова. Заметим, что время фиксировалось тогда и до сих пор фиксируется от даты рождения Христа, а не от рождения того же Адама или, скажем, как это было совсем недавно на Руси — от Сотворения Мира, что означало, что

само бытие человека было, да и остается во многом до сего дня, христианским, а не каким-либо еще. И вот в Христе на первый план теперь выпячивалось не божественное в нем, а человеческое, что как-то незаметно привело к тому, что человек стал по-прежнему свое бытие как бы от рождения... человека, нет, не Адама, конечно, но уже и не совсем Христа, а как бы человека в Христе, т. е. человек как бы задним числом утверждал себя в качестве богоподобного существа.

Микеланджеловский, а лучше сказать, возрожденческий, прорыв был гигантский: вот оно, собственно, и Возрождение, т. е. Новое Рождение — в процессе продолжавшегося уже на уровне сознания творения человека, но и со-творения — с Богом, однако такое при этом новом рождение, которое уже было и саморождением — Саморождением. И не в возврате к ценностям античного мира заключалась суть Возрождения, хотя такой возврат в чем-то частично и формально и был — так даже казалось тем же флорентинским платоновцам и самому Микеланджело, а именно в *обо*жении человека, его как бы в новом рождении и уже не как бы по его собственной инициативе. Человек как бы обогнал своего первоначального Творца, став сначала его со-творцом — но без воли Бога, и заявив однажды недвусмысленно: «Аз есмь тоже бог!». То была явная крамола, о чем кое-кто из христианских традиционалистов не замедлил сразу же громко заявить — прямо близ папского престола, однако, как мы тогда отмечали, время уже как раз работало в пользу возрожденцев. Европа уже отворачивалась от христианства, оставляя его как привычный ритуал и поворачиваясь в иную сторону, зайдя в итоге, судя по всему теперь совершенному, гораздо дальше, чем мог предчувствовать когда-то трепетный гений непокорного флорентинца.

Мучительные вопросы ставит Век Возрождения: почему, ради какой такой великой цели, до какого предела или же беспредела? То, что явились какие-то революционеры-искусители, что-то осудили и что-то посулили, это более или менее понятно, но почему все-таки западноевропейский человек не то что бы совсем отказался от Христа, который все же есть Истина, но, скажем так, не удовлетворился Христом, Христовой Истиной, а восхотел чего-то иного, какой-то другой истины, признав Христову

Истину как бы и неистинной? То ли не понял он чего, то ли не смог, то ли оказался недостойн, то ли и в самом деле пошел решительно дальше, переболев Христом и Христовой Церковью, как бы уже и возвысившись?

Так или иначе, но имела место апостасия, или отпадение, от Бога, в лучшем случае — отход. Бог оказался вроде бы и ненужным, точнее, нужным, но не более как человекобог. Идея Бога еще жила, но при том условии, что на месте Бога был человек — Божье и человеческое творение. Но пришел ведь час, когда и человека можно было уже не почитать за Бога, т. е. вообще обходиться без Божественного императива, ибо теперь хорошо знают, что Бога нет, человек — не Бог. Без-божное время! Которое, конечно же, не исключает, ни личных возвращений человека к Богу, ни отправления религиозных обрядов, ни молитв и хождений в церковь, ни любых иных богоугодных отправлений. Но важнейшая особенность такого времени уже в том, что божественное начало, которое, может, и есть, ничего уже в человеческой реальности не определяет — живут теперь по преимуществу не по Богу!

Вопрос об апостасии — главный вопрос нового времени. У Христа, выходит, ничего в итоге не получилось, человек таки не принял его учения, а если и принял, то очень и очень по-своему. Как отрекались когда-то от Христа его ученики-апостолы, так и человек в конце концов от него отрекся, не захотел быть во Христе. Проблема! Можно даже сказать, что с Возрождением Христос как бы подвергся вторичному распятию — уже как идея, хотя, быть может, даже и не распятию, а так... отстранению. Отстранился от Христа западноевропейец, как бы отодвинул его уверенной рукой, и пошел дальше. А Христа — в пантеон, в музей, в театр.

И утвердилось в мире — со временем — антихристианская ноосфера, для которой, пожалуй, нет уже и проблемы Второго Пришествия Христа, ибо хозяйственные — демиургические — достижения постхристианского человека оказались воистину грандиозными: чего это ему думать вдруг о новом пришествии Христа? Странно все это, даже и нелепо: не для того же

отходил человек от Христа, чтобы ожидать потом его нового пришествия?

Однако Микеланджело не обошел стороной сложного сакрального вопроса: Христос у него вновь приходит и творит Свой Суд — Страшный Суд! Выходит, что Микеланджело либо не на стороне возгордившегося человека, либо его Страшный Суд не тот суд, который действительно связан с Христом и Его новым пришествием. Больно уж Христос у Микеланджело человекообразен, даже и гневен он как-то по-человечески, а Богоматерь вся сжалась где-то в ногах у сына, то ли от страха перед ним, то ли от жалости к несчастным людям, то ли от неодобрения Христовых действий. Вопросы, вопросы... Ох, не прост, совсем не прост наш Микеланджело, сотворивший несотворимое — человеком, оттого и титаном был — титаном Возрождения! Так кто же у него судит, для чего судит, за что?..

Есть ощущение, что человек ныне — тот самый, передовой, совсем-совсем ноосферный, — даже и не заслуживает Страшного Христова Суда, так как он уже в общем-то и не человек, ибо лишь ритуальный он, бездушный, оболочковый. Судить-то, выходит, некого, ибо сакральному суду подлежит существо сакральное, одухотворенное, совестливое. Передовой человек, надо полагать, сам над собой и совершил уже суд — нестрашный, поскольку выветрил из себя человека — подсудного человека, превратившись в человека неподсудного, т. е. в нечеловека, а так себе: в ноосферника, киборга, чиповея. Какой уж тут Страшный Суд? Для кого и ради чего?

Никто не знает, что мог чувствовать, о чем думать, что переживать Микеланджело, когда он писал свой Страшный Суд, ибо это был более всего его собственный — личный — суд: сотворяя на своде капеллы новый мир, флорентинец не мог не сотворить и своего Страшного Суда, может, и совсем не такого, какой мог бы вершить сам Христос — это был ведь более человеческий, чем собственно божеский суд. Микеланджело поверил в человека, дал в него веру, пригласил верить, но... был ли живописец воистину уверен в человеке? Вряд ли. Просматривал, видно, где-то в глубине своего сознания, вглядываясь и в самого себя, что не выдюжит человек — главного, и если не сломается, то,

может, и незаметно для себя, падет, ибо выдержать нравственное не то что всего труднее, а и невозможно. Недаром же Леонардо почти или совсем почти отбросил мораль — как критерий в действии, в деле, в творчестве, а во многом и повседневности! И Рафаэль оказался не слишком морален. Да и сам флорентинец. Не мог не понимать Микеланджело, что гордыня не совместима с нравственностью, и не потому что ей на нее наплевать, а потому что истощает в человеке человечность, а следовательно, и божественность. Знал это Михаил-ангел, знал, не мог не знать, а потому и написал по сути самосуд — суд от самого себя и суд над собой, что менее всего замечают поклонники Систины.

Не знал Микеланджело, когда, в каком виде, каким образом произойдет Страшный Суд, но понимал, что он неизбежен. Вера у Микеланджело не заслонила не то что неверия в человека, а лучше сказать, знания человека — наш герой видел все возможности человека: как возвышающие его, так и ничтожащие, а потому создаваемый им культ человека был, скорее, авансом человеку, чем восторженным перед ним поклонением. Микеланджело возвысил человека — факт, что он возложил на него громадную ответственность — тоже факт. Прорыв флорентинца в новый идеальный мир был, так сказать, прорывом шанса, а не триумфа.

Любопытно, что сам художник и не думал писать на торцевой стене Систины картину Страшного Суда, это заставил его сделать папа Павел III, воспитывавшийся когда-то у того же Лоренцо де Медичи, прозванного Великолепным, того самого, у которого провел юношеские и ученические годы и сам Микеланджело, хотя с будущим папой он там и не встречался. Заказчик и исполнитель (просьба не путать с модными сейчас «заказчиками» и «исполнителями») были не из одного, конечно, теста, но все же из одной идейной кухни — той самой, платоновской, разумеется, с учетом их личной философской самостоятельности. Не думал Микеланджело писать Страшный Суд, а написал, разумеется, — по-своему, как только и мог.

И почувствовал своим художническим и мировоззренческим гением, что Суда такого человеку, видно, не миновать, более того, не станет ли бытие самого восставшего перед Богом,

если не против Бога, человека как раз этим самым Страшным Судом, если не просто кошмаром. Чуял творец, что человек может не совладать, а навверное, и не совладет, с тем величием, на которое он решается покуситься по попущению Божию. Однако пригласил все-таки человека на самостоятельный путь, ибо сам был самостоятельным, хотя и теснимым, ибо сам прошел тернистый путь, совершив при этом невозможное — сверхчеловеческое, и остался-таки человеком, не превратился ни в пустой сосуд, ни в глупую надменность, ни в пошлую мразь.

Нет, это не было лукавым приглашением, улыбочным и прельстительным, это было приглашение-надежда, но также и приглашение-предупреждение: будет много громких свершений, будут и невыносимые тяготы, будут и поражения, а главное, будет опасность погибнуть — не физически даже, а духовно, причем, возможно, и без надежды на Бога, от Него спасения, ибо будет Бог уже далеко, а точнее, станет далеко отодвинутым — из сознания, а потому человек погибнет, так сказать, в предоставлении самому себе, захлебнувшись в своей собственной ноосфере. Конец времен не исчезал из-под внимания гениального флорентинца, но он, видимо, надеялся еще на возможность Страшного Самосуда, который мог бы совершить человек — ради своего спасения: там, еще впереди, по свершении гигантских дел, пройдя отчаянно свой путь, попав на край бездны и от него в ужасе отпрянув... Все это могло быть, но могло и не быть, но Микеланджело твердо знал, что человеку придется идти вперед, страдать и гибнуть.

Причем же здесь сикстинские откровения, зададутся вопросом всезнающие современники? Что тут особенно нового? А ведь как хочется новизны, как будто в ней только и жизнь, как в пресловутом процессе, а не в результате. Нет, мои откровения не нацелены на новизну — для кого-то, я не собираюсь защищать диссертацию или получать престижную награду, я живу и думаю, стараюсь что-то понять, читаю, слушаю, воспроизвожу, убеждаюсь в том, что я знаю в итоге что-то не то — не то чтобы не все или мало, а именно что-то не то, то самое, что не открывает, а прикрывает, что есть какая-то уже версия, а не первичная весть, пусть и не сама истина, ибо кто ж ее знает — истину, а хотя бы

некоторое приближение к истине, т. е. к истоку. Мои откровения — это не открытие нового, как то любит наука, а раскрытие старого, его снятие — ради не нового, а как раз старого, но ставшего неизвестным из-за прикрытия как раз новым — слишком часто надуманным. От версии, туманящей и дурманящей, к вести — проясняющей и пробуждающей.

Но есть тут и кое-какая новизна, обязанная связи времен: древних, средних, новых и новейших, а главное — возрожденческих и поствозрожденческих. Особенно по итогам XX в., научно-технического триумфа, мировых войн, практического социализма, разгула финансизма, российской революции, наркотизации, югославской катастрофы, ближневосточного кризиса, расширения НАТО, происшествия 11 сентября, папских визитов на Восток, наката глобализма, разумеется, и *sexual revolution*, и феминизации, и инфантилизации, да и вообще сатанизации человека, общества, мира. Мы живем, или существуем, в поствозрожденческом мире, что не значит, что не в возрожденческом, но что значит, что уже и в итоговом возрожденческом, ставшим вдруг... вырожденческим. От возрождения через перерождение, осуществленное демиургически поведшим себя человеком, вознамерившимся пересотворить человека и мир — что ему и весьма удалось, к самому что ни на есть обыкновенному вырождению. Теперь, видно, эпоха Вырождения. И вот уже зная это, чего не знал, хотя, быть может, смутно предчувствовал, Микеланджело, мы вглядываемся в сикстинскую роспись — воистину откровенческую, считывая с нее уже те смыслы, которые являются и могут явиться только лишь в нашем — поствозрожденческом и вырожденческом — сознании. И видим мы в ней не одни сюжеты, не один замысел, не одну, извините, теорию, а весь действительный ход вещей, порожденный Возрождением, и видя все сразу — зерно и древо, из него выросшее, да что там древо, и плоды на древе, висящие и с древа падающие, мы открываем что-то такое, что не сказал пока ни один высококвалифицированный специалист по Возрождению, а может? просто и не осмелился. И в откровениях моих — не возрожденческая вовсе, а сверхвозрожденческая новизна, когда Возрождение уже не цель, а момент, когда

оно одновременно и начало и конец, когда оно полностью состоялось — не там где-то, а сегодня и здесь.

Интересно, как бы сейчас изобразил человека и Бога Микеланджело на сикстинском плафоне, как бы подал нам их взаимодействие? Ведь тогда еще не было победы человека над природой, еще не был сделан мир по человеческому лекалу, еще не возник человек от человека — не только не богочеловек, но уже и не человекобог, а какой-то человекочеловек, тогда еще не было опустошительного набега на человека. Науки и техники, мегаполиса и цивилизации, тогда не было еще ничтожащего глобализма, т. е. тогда не было еще триумфа созидającego мир Адама, триумфа, обернувшегося вдруг... сокрушительным поражением.

Нам тут же скажут, что нет никакого поражения, как нет и Бога, что есть возвышающийся человек, имеющий, конечно, проблемы, но что эти проблемы будут непременно разрешены — самим человеком, в ходе прежде всего научно-технического прогресса, а также тотальной воспитательной работы — с освобожденным от уз семьи, братства, государства, армии, идеологии, философии, а уж тем более религии, человеком — таким человеком-живчиком, опретью передвигающимся от горизонта к горизонту, от одного мегаполиса к другому, посещающим исправно и святые места — как театры, стадионы, пивные и ночные клубы. Нам скажут, что вокруг много хорошего, что жизнь становится все легче и интереснее, что у каждого есть шанс отдохнуть на Канарах и самому воочию увидеть Систину. Нам многое что скажут, и мы согласимся со всеми этими доводами, и спорить не будем: каждому ведь свое воздаяние!

Какое же воздаяние получил Микеланджело, кроме тяжести и радости творческого труда да свершившихся под его руками произведений? Разумеется, колоссальную известность, всеобщее признание, оправданное поклонение, — как у никого из героев Возрождения. Здесь есть своя трансцендентность, но не вся, да и не главная. Не думаю, что наш флорентинец последовал напрямик в ад — за религиозное диссидентство, за бунт перед Богом, за некоторую и апостасию. Смею предположить, что он на самой вершине, даже и подле Господа, как был в свое время около пап — якобы заместников Божьих на земле, но вот спокоен

ли, удовлетворен ли, смиренен ли — это вопрос, на который у смертных нет прямого ответа, а лишь одни догадки, — уж не беспокоен ли, не раздражен ли, не смятен ли? Никто этого не знает, но зато любопытно предугадать, а что бы такое подумал Микеланджело о том же происшествии 11 сентября, да и вообще о Нью-Йорке, о Риме, о Москве, как и о тех же атомных бомбах, точечных ударах, о планировании семьи или клонировании человека? Нашел бы Микеланджело среди нас воспетого им Адама или обнаружил бы вокруг все тех же гнусных победителей и не менее мерзких пораженцев? И вообще: уместен ли здесь был бы великий флорентинец?

Короче, не отвергнут ли уже по существу наш первоходец и преобразователь. Творец ренессансного мира, примерно так же, как был отвергнут Иисус Христос, как отвергнут и сам Господь Бог? Он не хотел, скажут нам, ни того, ни другого, ни третьего, он лишь посмотрел на человека глазами гиганта, да заметил в нем огромную, еще не раскрывшуюся, мощь — ее-то он и воспел. Ведь в итоге произошло что-то совсем другое, чего никак не предвосхищал живописец, хотя, впрочем, что-то, видно, предчувствовал, но и на что-то все-таки надеялся. Обескуражен ли, короче, Микеланджело, мается ли тщетой, удручен ли? И не это ли воздаяние нашло его?

Интересно было бы знать, к примеру, как бы воспринял Микеланджело то же абстрактное искусство, не говоря уже об абсурдизме, что нашел бы он у Ницше, Бодлера, Кафки, хотя и одобрил бы, наверное, Родена и Бурделя, может, и многих других, а вот одобрил бы «Битлз», поп-арт, рок и разное такое, как и тот же постмодернизм? Не менее любопытно было бы узнать и мнение великого флорентинца по поводу того, что подражания ему в дальнейшем имели место по преимуществу при так называемых тоталитарных режимах, заинтересованных в показе человеческой силы и плоти, обоготворявших человека вообще и человеческих вождей в частности? Нет, сам Микеланджело не доходил до империльных изобразительных крайностей, но разве не прокладывал он к ним дорожку, о чем его даже предупреждал Леонардо?

В связи со всем этим один показательный пример: в Риме есть не совсем законченный по художественному оформлению — статуированному, кстати но в целом достроенный как здание Дворец Труда, возведенный фашистским режимом в 30-е гг. XX в., а в фойе этого дворца выделаны на стене слова... не кого-нибудь... а самого Льва Толстого, утверждающие полезность труда — любил же граф в самом деле труд, в том числе и простой, сам много трудился и к труду энергично призывал. Так Толстой сошелся в Италии, стране Возрождения, а потом и фашизма, с... Бенито Муссолини, который тоже к труду призывал и даже, как болтают злые языки, приучил малость итальянцев (не итальянцев) трудиться. Муссолини, уместно заметить, не только строил новые кварталы Рима, но и вел раскопки древнего Рима, которыми сейчас так усердно любуются свободолюбивые туристы. Курьез, можно сказать, парадокс, всякое бывает, что из того, что Муссолини взял да и процитировал Толстого, ведь Толстой... нет, не фашист, даже не Ленин, но... «зеркало русской революции», а это уже совсем не мало, как наш Соложеницын, наверное, тоже «зеркало», но уже глобалистской революции в СССР-России, — и не был ли Микеланджело в свое время подобным «революционным зеркалом»: ничего вовсе такого и не хотел, а лишь желал обновления мира и творческого полета человека? Что ж, от прорыва до провала — один шаг!

Нет, упаси Господь, мы здесь никого ни в чем не обвиняем, не вершим ни над кем никакого суда, — мы лишь высказываем суждения — по проблемам, которые нас волнуют, и если наши суждения в чем-то критические, может, и задиристые, то разве сам Иисус Христос не был критиком и задирой? Так то Христос, возражат нам, а вы-то... нет, ответим мы, мы обыкновенные смертные, но кое-что все-таки желающие — знать! Нет, не для обвинений и порицаний, как и исправлений, а для себя — ведь не твари же мы дрожащие!

Что ж, апокалипсис, как признал академик Д.С. Лихачев незадолго перед своей кончиной, налицо. Возрожденческий мир, став уже и вырожденческим, еще пульсирует, но уже умирает. Именно этот мир и переживает в первую очередь весь апокалиптический вздор, о чем засвидетельствовано не одним академиком

Лихачевым, а и такими красноречивыми событиями, как показательный расстрел российского парламента в 1993 г., как не менее показательный расстрел Сербии в 1999 г., как еще более показательный расстрел Нью-Йорка в 2001 г. Возрожденческий мир решительно отступает, расстреливая иступленно самого себя. И все тут показательно: чтоб знали, чтоб помнили, чтоб боялись, а вот чего или кого? — уж не того ли, навстречу чему или кому шагнул решительно наш божественный и мятежный Микеланджело — Михаил-Ангел!

Кому-то наши откровения не понравятся, более того, вызовут досаду и даже протест, кто-то от них высокомерно отвернется, как вообще принято отворачиваться от всего, что смущает, или смещает — от привычного, а то, что в откровениях наших есть своя правда, наверное, тоже правда, как правдой являются и те откровения по поводу Возрождения, которые давно уже выкалывает Русь-Россия, даже и СССР, только откровения эти надо еще заметить.

Возрождение и Русь... Россия... СССР. Особая тема. И неоднозначная. Здесь ведь и мировоззренческая тяжба, и возрожденческое влияние, и диалог культур, и религиозные потрясения, и реформационные деяния, и революционные судороги, и истребительные войны. И непрекращающаяся противостоятельная борьба. Все здесь не просто, все сложно, все запутано. Тут надо продираться через невежество, нежелание, забвение, а главное, через многовековой словесный камуфляж. Тут один *морок*, лишь с некоторыми просветами. Тема огромная, и всего не скажешь, но кое-что можно — в связи с большими сикстинскими загадками.

Ничего нет удивительного в том, что наши православные предки либо оказались вне Возрождения, так как не были ни католиками, ни европейцами в западном варианте, либо остались к нему безразличными, что тоже понятно, либо его просто отвергли, что весьма логично, как и металогично. И все это противозрождение дорого обходится русскому миру. Мы уже вспоминали ранее Смуту, Раскол, реформы Петра, другие реформы, революции, войны, попытку утверждения советской цивилизации — сталинской, а также последнюю по историческим срокам глобалистскую революцию. Русский мир периодически, с неза-

видным постоянством, сотрясается: одни конвульсии сменяют другие — после кратких и неустойчивых стабилизаций. В связи с этим — явно апокалиптический характер бытия, неустойчивый эсхатологизм русской жизни, разноплановая борьба, страда, кровь, смерть. Нет, конечно, мы не считаем, что Возрождение является всему этому причиной — тут все поглубже и помасштабнее, но Возрождение, во-первых, действующий фактор всего этого, во-вторых, мощный раздражитель или инициатор, в-третьих, знаковый и указательный критерий, как и проявитель. Возрождение здесь не то что рядом, а в самом центре беспокойного исторического действия.

Мы уже поминали Андрея Рублева, противопоставляя его, а можно ведь не только его, но и других, нет, не героев, а всего лишь сотворителей православной культуры, деятелям Возрождения, или возрожденцам. Мы указывали на «Троицу», хотя могли бы указать и на рублевского «Спаса», и на его «Богоматерь», и на любую другую его работу. Но достаточно и «Троицы», в которой нет и не могло быть никакого возрожденческого мотива, наоборот, это самое настоящее анти-Возрождение, хотя Рублев ничего такого против Возрождения не помышлял. Он изображал небесный, сакральный, трансцендентный мир, насколько это вообще возможно сделать рукой человека. Тоже художничество, тоже роспись, тоже картина, а все у него другое — прямо противоположное тому, что сделал Микеланджело и другие герои славной западноевропейской эпохи. Это они восстали против Рублева, разумеется, условно, как бы само собой, объективно, а не Рублев против них, ибо Рублев не бунтовал против Господа, хотя бы и перед Господом, а искал единения с Ним, а по нашему мнению, и нашел. В Европе на сакральном фронте разлад, а на Руси примерно в это же время — лад, во всяком случае, в искусстве, культуре, религии, что не значит, что все было тихо и мирно, что не было проблем и ужасов, но что значит, что духовные чаяния вели все-таки к Богу, а не от Него. Рублев сделал то, что не смог сделать, надо полагать, ни один тогда западноевропеец, либо даже не захотел, предпочтя совсем иное решение — не слияние с Богом, а отход от него. Европа была уже го-

това к апостасии и пошла на нее, русский же православный мир еще не сомневался в Боге.

Сомнения пришли позже, и не последнюю роль в этом сыграло и играет до сих пор европейское Возрождение, тот же Микеланджело, та же Сисстина. Думая, что он создает на сводах капеллы истинный мир, вместо окружавшего ее иллюзорного, Микеланджело порождает великую иллюзию человека-бога, а вместе с нею и возможность создания воистину иллюзорного, того же виртуального мира, чего как раз и добилась раскрепощенная, т. е. свободная от обязательств перед Господом, европейская цивилизация. Возрожденческая иллюзия, что не означает вовсе, что все в Возрождении было иллюзорным, затронула не одну Западную Европу, не только католический мир, она коснулась и Руси, забрела в Россию, в которой по-своему и расцвела, точнее, раздулась, как раздуваются дрожжи. Но здесь она встретила и не-понимание, и не-приятие, и отпор.

Нет, не приняли православные русские возрожденческого дара, пошли на войну, на раскол, на дыбу, на казнь. Ведь у русских было не только Православие, у них был Рублев, у них была «Троица», у них был с Господом лад. Отсюда сражение, растянувшееся на века, идущее даже и при заядлом атеизме. Русский лад, или русское открытие Бога, запечатленные Рублевым, дают о себе знать и до сего дня — несмотря на глобальную сатанизацию некогда русского, а теперь вот «российского», мира.

Святая Русь! Как же ее нет, коли есть Рублев, его «Троица», — но как же мерзко, что ее нет — как нет перед нами града Китежа. Иллюзия? Может быть, но другая — светлая, высокая, непостижимая, недостижимая, — и такая нужная! И не иллюзия это вовсе, а истина, а истине не зазорно быть и иллюзией. Да и причем тут иллюзия, коли это идея, которая в людях, которая живет, которая в делах, которая в реальности. Не было бы ее, не было бы и сражения, да еще с кем — с Европой, с Возрождением, с Микеланджело, с Систиной! Разумеется, не против, не так уж и против, а всего более за — за то, что не удалось Европе, Возрождению, Микеланджело, Систине. Против — только прикрытие куда более важного «за»: за Святую Русь, но не прошлую, а бу-

душую, которую еще нам прочувствовать надо — не без помощи рублевских откровений.

А прочувствовать надо — зачем же тогда сражение, зачем страдание, зачем кровь? Вот великий наш реформатор Петр, двинувший Европу в Россию, проведенный по-своему и Реформацию — подчинив и унизив русскую православную церковь, задвинувший на задворки Русь, разможивший Москву, — устроивший, короче, возрожденческую революцию, воплотившись в микеланджелова Адама — творца нового мира, чего же он в итоге достиг: да, европеизации — части России, но и — уже российского — раскола, и, кажется, навсегда. Русь поддалась, отошла, затаилась, но не сдалась, не изменила себе, не исчезла, как это сделал, по-видимому, и сам сын великого реформатора царевич Алексей — погиб от руки грозного отца, а не сдался, потому и не исчез совсем. Остался в эгзегоре России, хоть и оклеветан был, и искажен, и недооценен. И кто тут святее: отец или сын? Молчит пока писаная история, ждет, видно, иного часа, а вот художник Николай Ге кое-что показал: стоит перед ужасным Петром царевич Алексей, склонив голову, и не сдается, не сдавая тем самым и покоренную отцом Русь — Москву. Погибли за Русь-Москву и стрельцы, казненные все тем же Петром и все по той же причине — не захотели, не смирились, не сдались. И какая замечательная вышла у великого Василия Сурикова картина — ужасная, но вместе с тем пронзительно-реалистичная — «Утро стрелецкой казни», т. е. казни Руси — во имя Возрождения. А ведь сами работы Ге и Сурикова по форме вполне возрожденческие, что говорить, а вот по смыслу — весьма противоположные. Форма не притащила с собою смысла. И человек в новом русском искусстве, или искусстве конца XVIII — начала XX в., вовсе не человекобог, даже и сам Петр. Могучим, суровым, решительным показан Петр, но не богом, даже и у А. Пушкина в «Медном всаднике», где герой поэмы в ужасе бежит от истукана, но не бога, как бежала от царя-антихриста Русь, как бежал от еретического отца и царевич Алексей. Чувал ли Петр Алексеевич сыновью правду? — наверное, чувал, даже и знал — оттого и пошел на умерщвление сына, может, и святого сына, отдавая себя Страшному Суду Божиему.

Возрождение — огромное прельщение, великая тяга, дерзновенный соблазн. Ведь в Возрождении есть своя — и вполне страдательная — правда, свой к ней искренний порыв. Возрождение — не тощая и плоская химера, а трепещущий живой организм, полный страсти и энергии. Отсюда великая радость, но и великая опасность. Русь-Россия откликнулась, конечно, на возрожденческий призыв, хоть и насильственно над нею прозвучавший, но полностью Возрождению не отдалась, поостерегшись. Сказалась и сила Православия. Христос у А. Иванова, Крамского и того же Н. Ге — не микеланджеловский Христос, тем более уж не леонардовский Иоанн Креститель: ни сверхсилы тут, ни лукавства — лишь смирение, достоинство и сострадание. Даже Родина-мать у Е. Вучетича на Малаховом кургане всего лишь женщина-мать: величественна, сильна, порывиста, но не культова, хоть и сделана в лучших традициях Возрождения и Античности. Возрождение в России, даже и в СССР, преломилось в какой-то другой феномен, смягченный и не такой протестный. И это несмотря на воцарившийся в итоге реформ и революций атеизм. У Возрождения есть своя правда, но и у Руси-России тоже есть своя правда — не возрожденческая вовсе, а, скажем так, Богу угодная, если не Богом и вдохновленная.

А как же прогресс? Ведь он-то как раз от Возрождения! Верно, от него, хотя и не только. Сама по себе Русь-Россия такого бы прогресса не дала — факт. Отчего в ней и насильственные, внешней обусловленности, реформы и перевороты, вызволяющие прогресс, заставляющие в нем активно участвовать, хотя и с оглядкой, неохотой, опаской, а лишь в грозные годы с великим энтузиазмом. Вот и в Космос с ходу Россия-СССР прорвалась — самостоятельно. Откликнулась на Возрождение — в советско-социалистическом образе, в войне гигантской и страшной победила, и на тебе — взлетела в Космос, в котором, видно, и растворилась, оставшись на Земле скорее всего как шанс — более для других, чем для себя. Коварен-таки возрожденческий прогресс, втаскивающий не в одну лишь научно-техническую, мегаполисную, вполне уже человеческую, т. е. безбожную ноосферу, но и в состояние вырождения. С Россией — СССР — Россией, кажется, все это и случилось. Насыщенная знаниями и деяниями Ноосфе-

ра, а вместе с тем ничтожащее Вырождение. Прямо-таки по ленте Мебиуса — сначала по экспоненте вверх, затем незаметно с переворотом на спину обвально вниз. Прорыв обернулся надрывом, а потом и срывом. Спрашивается, надо ли было?

Наверное, надо, но, наверное, и не так: не без Бога надо бы было, а с Богом, причем не ритуально, а по существу, не бунтуя против Господа и с Ним как раз не расставаясь, а идя рука об руку, не вытравливая Его из сознания, а бережно сохраняя. Однако легко сказать, а как это сделать, чтобы и прогресс был, и Господь был, при этом еще и прогресс одобряющий? Возможен ли прогресс по, или от, рублевской «Троицы», где есть любовь, покой, отстраненность, но где нет порыва, динамики, своей цели? Похоже, что нет, но похоже, что и да, но совсем другой и прогресс — без нарушения сакральной благодати, но вот с кем — не с царевичем же Алексеем, не со стрельцами, не с крепостными же крестьянами? Тут все не просто, как, впрочем, и всюду: не было и нет еще такого человека и такого мира, которые были бы пригодны для вполне божеского прогресса, а лучше сказать — возвышения. Вот почему и дьявол тут как тут, и сделки с ним, и безбожный прогресс. Материальный успех и душевная пустота, победа и поражение, взлет и провал, — что у них, что у нас, — лишь ярче, рельефнее, быстрее. Россия изыгрывает не один прогресс, но и себя, но также она изыгрывает и будущее мира — как на генеральной репетиции, добровольно-принудительно.

Выход Рублева на Троицу был выходом лишь сакрального художника-иконописца, но вряд ли был выходом Рублева-человека, и уж тем более человека вообще. Хотя рублевское достижение — вне критики. Однако лишь идеальное достижение Богом вдохновленного человеческого сознания, что само по себе очень и очень много — это абсолютная вершина, до которой не дотянулся ни один возрожденец, но это ведь всего лишь идеал, правда, работающий идеал, а вот на кого или с кем? Не сотворился еще тот человек — человек вообще, который смог бы подхватить богоугодный идеал и сделать его всеобщей повседневной реальностью. И не явился ли возрожденческий прорыв вынужденным отрицательным усилием на пути к такому человеку — через апостасию, гордыню, риск?

Мы не хотим отрицать прогресса, но мы не можем и его восхвалять. Нужно, как говорят в таком случае, беспристрастно во всем разобраться. Это задача сегодняшнего, вполне прогрессивного, человека. Вкусив от прогресса всю его сладость и горечь, нынешний человек должен уяснить себе что-то очень для себя важное: о себе, о своих деяниях, о курсе, который взял. И Возрождение здесь может помочь, если подойти к нему критически, а может, и с обратным знаком. И не разъединение человека и Бога надо приветствовать, а их соединение — страждущими перстами, т. е. кое-что обратное тому, что вывел на сикстинском плафоне божественный, но и еретичный, Микеланджело, и очень близкое к тому, что показал когда-то, еще до бунташного флорентинца, русский божий человек Андрей Рублев в своей непревзойденной «Троице».

Да сомкнутся длани человека и Бога!

Август 2002 г.

Экономика

ЭПОХИ

Постмодерна

Финансовая экономика как высшая форма бытия экономики

I

Для философии хозяйства экономика лишь особый, пусть и ныне глобально распространенный, способ хозяйства, специфическая система организации хозяйственной жизни, частный случай хозяйства вообще. *Экономика*, т. е. хозяйство, опосредствуемое товарообменом, оценками и деньгами, возникла давно, с незапамятных времен, но в один исторический момент получила — в итоге всеобщей, затронувшей все аспекты человеческого бытия, экономической *революции* — возможность взрывообразного развития в образе *капитализма*, породив настоящую *экономическую цивилизацию*, охватывающую сегодня почти все планетарное пространство.

Оценивая качественно сегодняшний передовой мир, мы должны признать, что в основе своей это мир не только не натуральный, не религиозный, не идеологический даже и не военнополитический, — это мир прежде всего *экономический*. Экономическое начало — в основе основ. Даже наука, техника и информатика уходят на второй план, будучи продуктами экономики и ее обслуживателями. *Экономизм* — вовсе не пустое слово, не досужая выдумка. Это реальность. Вся жизнь современного человека пропитана экономизмом, как разумеется, и техницизмом, однако экономическое все-таки «первее» технического, ибо пока не техника исходно и конечно определяет бытие человека, а именно экономика. Техника, право, политика, идеология, война, — все вторично по отношению к экономике. Сначала экономический расчет, экономическое действие, а потом уже все остальное.

Экономика сопряжена с производством благ, но ни к производству благ как таковому, ни даже к его организации она не сводится. Экономика — способ не производства благ, его организации, а способ вообще жизнедеятельности человека, ее организации. Одного производства здесь мало, ибо под экономическую

организацию попадает многое другое: и природа, и политика, и культура, и цивилизация, и сам человек. Экономика — способ бытия человека.

В основании и в центре экономики — *стоимость*. Стоимость триипостасна, она есть одновременно *отношение, оценка и субстанция*. Причем субстанция особого рода: во-первых, она нематериальна (не имеет никакого особого «материала») и по своим истокам необъективна (не приходит к человеку извне, из объективного мира); во-вторых, она идеальна, рождается от умственной деятельности человека, а потому и субъективна; в-третьих, она в то же время объективна, способна к самостоятельному бытию (как бы к отрыву от человека); в-четвертых, она способна к управлению человеком, т. е. оказывается своеобразным действующим лицом, неким хозяйствующим субъектом (уникальным, универсальным, всеобщим).

Стоимость рождается как посредник — вполне подчиненный человеку (как обслуживательница товарообмена); затем она становится необходимым условием хозяйственного бытия, без которого уже нет и не может быть вообще хозяйства (какое ныне хозяйство, скажем, без денег?); потом стоимость оказывается уже основной целью хозяйственной деятельности (деньги, денежный доход, накопление денег); наконец, наступает момент превращения стоимости в основного менеджера и господина (в некую неумолимую домоправительницу).

Если под финансами понимать деньги вместе с их представителями-заменителями в виде различного рода ценных бумаг (документов), как и возникающие в экономическом хозяйстве денежные (или оденеженные) структуры и потоки, то экономика в любом случае предстает как *хозяйство финансовое*, которому свойственны финансовые механизмы и финансовый расчет. Однако с учетом господствующего положения, занимаемого финансовой составляющей в современной экономике, мы вправе характеризовать последнюю не просто как экономику (экономику с финансами), а как *финансовую экономику*, т. е. экономику, управляемую в основе и в решающей степени финансовым образом, через финансовые механизмы и в финансовых целях.

Итак: стоимость — деньги — финансы (деньги — действующая на феноменальном уровне стоимость; финансы — действующие в реальном хозяйственном процессе деньги). Соответственно: стоимостное хозяйство (экономика) — денежное хозяйство (экономика) — финансовое хозяйство (экономика). И как исторический итог: *экономика с определяющей все и вся финансовой составляющей* или *финансовая экономика*.

Здесь уместно пояснить, как достигается рассматриваемый стоимостной, денежный, финансовый эффект (эффект управительного господства). Нет, конечно, не одним лишь развитием финансовой составляющей, хотя, разумеется, последняя должна иметь необходимый для возникновения искомого эффекта уровень развития (денежной системы, фондового хозяйства, механизмов перераспределения) доходов, банковской системы, валютных механизмов, миграционных механизмов для денег (капиталов и ценных бумаг и т. п.). Но главное, что должно иметь место, это установление необходимой *финансовой власти*, исходящей из *финансового центра* и распространенной на достаточно большое хозяйственное пространство — *финансовое пространство*. Глобализм, демонстрируемый в настоящее время экономической цивилизацией, как раз и создает реальные условия для установления подобной финансовой власти. А последнее есть не что иное, как контроль над всей финансовой составляющей мирового хозяйственного пространства, т. е. собственность на мировые финансы, владение мировыми деньгами, распоряжение мировой стоимостью.

Важно заметить, что здесь наличествует двойной, а лучше сказать, двухуровневый властный эффект: на первом уровне имеет место эффект объективной стоимостной власти (обволакивание хозяйственной жизни стоимостью, или стоимостной фетишизм), а на втором — эффект субъективной власти над стоимостью — из центра. В итоге власть над стоимостью через стоимостную власть над хозяйством обеспечивает власть центральных финансовых субъектов над всем мировым хозяйством. Переход к такому положению можно назвать *финансовой революцией*, совершенной — объективно и субъективно — в течение второй

половины XX в., а с особой интенсивностью — в последней четверти XX в.

II

Формирование финансовой экономики радикально меняет как саму хозяйственную реальность, ее устройство, так и представление об этой реальности, знаменуя, между прочим, и наступающий кризис этого представления, прежде всего в рамках теоретической экономики. И дело не в том, что современная наука не может заметить происшедшего переворота, — хотя это ей удастся сделать, прямо скажем, не без труда, — а в том, что многие ее аксиоматические установки терпят поражение. Для адекватного объяснения нынешнего состояния экономики, ее особого бытия, требуется адекватная же теория стоимости, которой, на наш взгляд, распространенная повсюду экономическая теория не обладает. Кроме того, для бытующей теоретической экономики все еще характерен «взгляд снизу», т. е. подход к экономике как составленной из микропроцессов, являющихся в основе и в исходе как бы свободными, в то время как на экономику давно пора уже «смотреть сверху», рассматривая ее как организуемое сверху и из центра целое, лишь состоящее из микропроцессов, вовсе не являющихся свободными, во всяком случае, не такими уж свободными, как это представляется официальной науке.

Нет, современная финансовая экономика — не директивно-плановая система, это система с микрокапиталами, известной свободой действий микросубъектов и даже с рынком (правда, связанным, спеленутым, извне организуемым), но это система, над которой распростерся глобальный финансовый контроль, идущий гораздо дальше простого снятия финансовых сливок, т. е. способный к вменению стоимости, к определению стоимостных потоков и стоимостных оценок, а следовательно, к управлению — не прямому, конечно, — всем и вся. Все в экономике ныне подвержено финансовому воздействию, со всего снимается финансовая рента. Существует только *то, таким образом* и на *таких условиях*, что допускается господствующей «финансовой крышей», под ее диктовку и на ее условиях.

Тут самое время обвинить нас в преувеличениях. Разумеется, в рамках короткой статьи нет возможности развернуть доста-

точно доказательств. Но дело даже не в доказательствах, которые, как известно, бессильны для уже все знающих и во всем убежденных. Мы более всего рассчитываем на «ухватывание» смысла сказанного, тем более, что мы никого не пытаемся непременно убедить в нашей правоте. Просто каждому нужно повнимательнее смотреть на реальность (и ни в коем случае не через призму учебников), и реальность эта должна подсказать, что действительно есть в реальности, а чего в ней нет.

Полезно задуматься над тем, почему, к примеру, в России *такой-то* валютный курс, *такой-то* государственный бюджет, *такой-то* государственный долг, *такой-то* финансовый кризис, *такой-то* банковский процент, *такой-то* экспорт, *такой-то* импорт, *такие-то* доходы, *такая-то* цена труда, *такие-то* цены, *такая-то* масса доходов и т. п. В соответствии с чем — с затратами абстрактного труда, предельной полезностью или оптимальным выбором хозяйственных агентов? Можно обратиться с этими вопросами и к примеру любой другой страны (страны уже ли?). И вряд ли нас удовлетворят стандартные теоретико-экономические ответы.

На пространстве планеты новая реальность. Господствующий, элитарный (в смысле власти и потребления) слой сложился, как сложилась и система глобального господства и управления. И достойное место в этой системе отведено *мировому (всемирному) финансизму*: финансовой власти, финансовой эксплуатации, финансовому доходообразованию, финансовому управлению. Давно известно, что деньги правят миром, что власть там, где деньги, что деньги там, где власть. Сегодня это выражено в финансах, финансизме, в финансовой экономике.

Обратим внимание на следующий факт: собственность на финансы дает возможность реализовать любую иную собственность, причем совершенно незаметным образом. Финансовая экономика — виртуальная в квадрате экономика. Виртуальность здесь обслуживает виртуальность — по кругу, по спирали, в вертикальном завихрении. Многоэтажная виртуальность, уже замещающая собой, а не просто дополняющая, реальность.

Невольно возникает вопрос: что есть сегодня реальность? Как минимум, виртуализированная реальность, когда сама вирту-

альность и есть реальность, но какая-то мерцающая, скользящая и ускользающая, беглая. То ли есть она, то ли ее нет? Миражная реальность. Мелькающая реальность. Прозрачная реальность. Отрицательно трансцендентная реальность.

Такую реальность еще надо осознать. Это реальность — виртуализированная реальность — финансовой экономики. Стоимость в свободном полете, она уже не привязана — во всяком случае, не так сильно привязана, как прежде — ни к природе, ни к благу, ни к труду, ни к человеку хозяйственному. Она вышла из-под влияния материальной воспроизводящейся реальности, более того, она ею командует. Не создается лишь стоимость в поте лица человеческого, а влетает — туда, куда хочет, в объеме, каком захочет, на срок, который сочтет нужным. Нет, разумеется, нет, стоимость считается с объективной реальностью, т. е. с природой, благами, трудом, человеком, но считается с нею все-таки тоже по-своему. Проникая в реальность, стоимость к ней приспосабливается, но при этом диктует этой реальности свое — стоимостное. А ведь изливается ныне стоимость из центра — мирового центра.

Спрашивается, создается ли сегодня стоимость на уровне микрохозяйственных процессов? Ответим так: создается, но, во-первых, там, где позволено, как и в размерах, которые позволены; во-вторых, создается как бы навстречу — стоимости сверху, из центра, сочетаясь с нею и ей подчиняясь; в-третьих, живет такая микростоимость под контролем вышестоящей стоимости — не макростоимости вовсе, а глобальной, из центра исходящей стоимости. Созидание стоимости на местах есть, но, увы, под планетарным — тоже стоимостным — зонтом.

Несуразица какая-то, скажут нам, такого просто не может быть. Но почему же, ответим мы, давайте просто смотреть на реальность. Ведь нами не отрицается микроявление стоимости, не отрицается производство стоимости, даже не отрицается известная ее объективная микрообусловленность. Просто мы замечаем еще и кое-что другое, а именно стягивание производимой стоимости к центру и ее изливание из центра, причем вовсе не обязательно ранее произведенной на микроуровне. Мы видим не только микроисточники стоимости, но и макроисточник, а лучше ска-

зять, центристичек, причек стоимости совершенно виртуальной, предназначенной лишь для управления реальной стоимостью, той, которая производится внизу, в производстве благ, в реальной физической жизни.

Ранее наука не замечала или не хотела замечать факт вменения стоимости, реализующийся наряду с фактом производства стоимости. Теперь проходить мимо факта вменения уже нельзя. Стоимость вменяется, и вменяется как внизу, в ходе производства человека и его хозяйства, так и сверху, выливаясь на производственную реальность как некий дождь — невидимый, но действенный. Вменение идет через субъектов, через людей, через их головы, и если субъект, человек или голова находятся в центре стоимостных событий и располагают возможностью вменения стоимости по всему контролируемому пространству, то почему бы им — этим центральным субъектам, людям и головам — этого не делать?

Пора признать, что наряду с производством стоимости осуществляется и ее вменение, что производство стоимости есть одновременно и ее вменение, а вменение стоимости оказывается и ее производством. Что ж тогда — произвол? И нет, и да. Вменение вовсе не произвольно, но оно и не непроизвольно. На то и борьба, соревнование, конкуренция. На то, добавим, и координация, совместность, сотрудничество. Факт вменения совсем не отрицает ни объективности, ни материальности, ни заданности. Просто жизнь не сводится к механистической детерминации, ее организация гораздо сложнее. Жизнь допускает все: и закономерность, и вероятность, и случай. Субъекты учитывают все и все используют. Они не игнорируют объективности и детерминации извне, но они, во-первых, сами являются элементами объективности и детерминации, во-вторых, имеют возможность обходить некоторые объективности и детерминации (на то и известная свобода воли), в-третьих, способны и сами создавать объективности и детерминации. Вообще, не стоит науке игнорировать ни идеальности мира, ни его виртуальности, ни субъективности. При диалектическом понимании бытия, его устройства, факт вменения стоимости не является чем-то невозможным, наоборот, он становится абсолютно естественным.

III

Что есть сегодня Запад в экономическом отношении?

Ответим так, зацепив самое главное: *глобальная, вездесущая, изоциренная система информационно-виртуального финансового ультраимпериализма*. Кому-то это определение не понравится, кому-то покажется неясным, кому-то даже пошлым (в наше-то время о каком-то империализме?!), но нам этот вердикт нравится, представляется вполне ясным и точным, а что до пошлости, то это нас совсем не страшит, ибо определение пошло настолько, насколько пошло само определяемое, — что тут поделаться? Какая такая высотность может быть у мирового финансизма?

Мировой финансизм. Вообще-то этим все сказано, причем вполне по-научному. Не экономизм уже, как это было у С.Н. Булгакова, а именно, финансизм как главное и приоритетное в современном экономическом мире, как задающее тон всей экономике, как ее подчиняющее и качественным образом преодолевающее, т. е. качественно изменяющее.

Не производство теперь, не торговля, не товароделание (вместе с виртуальным товаром), даже не предоставление финансовых (банковских) услуг, нет, все это уже старо, хоть и существует и множится, все это уже второстепенно, не важно, не интересно; теперь все самое главное — наверху, в сфере *финансов финансов*, и не предприниматель теперь в центре событий, даже не просто финансист, а великий менеджер финансов финансов — истинный, хотя и скрытый, владелец стоимости (теперь, кажется, видно, что стоимость — не цены, не одни цены, далеко не одни цены), той самой трансцендентной субстанции, которая разлита по миру, по всем его элементам и потокам, и с помощью которой можно достаточно уверенно управлять не одной экономикой, а всей мировой жизнью, получая при этом колоссальные доходы и громадное удовлетворение.

Глобальный стоимостной менеджериизм. Информационный. Виртуальный. Эфемерный.

Все видящий, все оценивающий, все направляющий.

Расставляющий, распределяющий, снимающий.

Геофинансовая глобальная собственность (не над агентами непосредственно, а над их жизнедеятельностью) и соответственно *геофинансовая рента* (а не производимая прибыль).

Совсем новый экономический мир. Не капитала, а финансов; не финансов, а финансов финансов; не капитализма, а финансизма — *глобального финансизма*.

Не случайное вовсе это словечко — финансизм, как и производные от него словосочетания — мировой финансизм, глобальный финансизм или тот же геофинансизм.

Вот и теоретической экономии пора уметь. Ничего загодя не отвергая, перестать верить в одни лишь затраты, спросы и предложения, полезности и т. п., ибо все это уже воистину не главное, хотя и существующее. Надо всем ныне ультраимпериалистическая, т. е. из единого — хотя и не одного — центра, насильственная и всеохватывающая, отрицательно трансцендентная (в виде невидимой, но, признаемся, очень лохматой руки) финансовая — финансово-финансовая — опека. Именно здесь, в этом Фи-Фи-образном «облачке-эгрегоре», все и сидит — и собственность, и оценка, и кредит. Вся главная инициатива, все судьбоносные глобальные решения. Остальное — лишь среда для Фи-Фи-системы.

На четырех основных китах базируется финансовый ультраимпериализм: 1) на глобальном контроле над деньгами и их потоками (глобальный монетаризм); 2) на глобальном кредите (но особого рода кредите); 3) на глобальном контроле над фиктивным капиталом (рынком ценных бумаг); 4) на глобальной ренте (особого рода ренте). Примечателен рефрен: финансовость, глобальность, подконтрольность. Здесь же, разумеется, и глобальный финансовый менеджеризм. Соответственно и институциональность (финансовая, глобальная, менеджеральная).

Рассмотрим последовательно.

1. Глобальный контроль над деньгами и их потоками.

Деньги, не теряя своего властного характера, все более утрачивают, во-первых, объективность, во-вторых, национально-государственную ориентированность. Они становятся воистину глобальными деньгами, даже сохраняя еще национальные одежды. Судьба денег все более и более не в руках национальных гос-

ударств, как и во все меньшей степени зависит от объективных условий национальных хозяйств, да и вообще реальной хозяйственной жизни. Субъективность денег усиливается, они все более становятся ирреальными, а механизм денег оказывается все более *между-национальным*.

Возникают некие виртуальные *деньги денег* (или деньги в квадрате, в степени), т. е. своеобразные *суперденьги*, они же — *глобальные деньги*. Наличие национальных валют не мешает наличию таких суперденег, — через эти национальные валюты реализующихся. И речь не идет здесь о каких-то особых в физическом отношении деньгах, стоящих над национальными (местными) деньгами; здесь все иначе — возможность контроля над всеми деньгами мира создает возможность эффекта функционирования каких-то особых мировых денег, т. е. суперденег. Контроль! И этим все сказано. Не надо искать суперденьги, абсолютно трансцендентные по своей природе. Их нет в буквальном наличии, но они есть в своем идеальном функционировании. Великолепное свидетельство идеально-трансцендентной природы стоимости, ее самой-в-себе-субстанции.

Есть Россия, есть рубль, но кому и чему служит рубль, насколько он объективен, в какой мере обусловлен российским хозяйством, от чего произведен, насколько самостоятелен, да и вообще, является ли российским?.. Не продолжая, предоставим читателю самому хладнокровно ответить, заметим лишь, что рубль наш виртуально встроен в замечательную по своей хитрости систему глобальных денег — суперденег. И какова в таком разе главная функция рубля?.. И что делает в России огромная долларова́я масса, вдруг нас всех любезно объявляя?..

2. Глобальный кредит.

Вот это феномен! Тут есть над чем поразмышлять. И не столько над глобальностью, что более или менее ясно, сколько над... кредитом. По форме вроде бы кредит (тот же кредит МВФ), а вот по сути, точнее, по истокам и способу реализации, по делам, по итогам, кредит ли тут имеет место, и если кредит, то какой — традиционный (классический) или какой-то иной — новый, недоверительный, странный? Реально-денежный, скажем, или виртуально-безденежный, хозяйственный или антихозяйственный, до-

верительный или насильственно-вменительный, объективно-потребностный или субъективно-придуманный, партнерский или эксплуататорский, производительный или перераспределительный («сливко-снимательный»), добровольный или обязательный и т. п.?

И вот что выясняется, вроде бы кредит, но очень какой-то необычный, более имеющий характер обязательного наделения, чем хозяйственно обусловленного добровольного привлечения, причем с предоставлением не просто дополнительных денег, а с выделением как бы самих денег, вообще необходимых хозяйственной жизни. Данный кредит — не придаток, а само условие хозяйственной деятельности, не поддержка, а само основание, не второстепенное участие, а контрольно-ограничительное начало. И что особенно поразительно: не нужен тебе кредит, а получишь, не хочешь платить проценты, а будешь, не собираешься быть должником, а станешь... Искуснейшая система глобального кредитования. Вроде обязательного страхования (не всегда, кстати, такого уж и нужного). Причем с вечной задолженностью.

А где кредит, там и процент, там и выплаты процентов, там и доходы. Плохо ли для кредиторов — все еще так называемых?.. Сила. И еще какая!

3. Глобальный контроль над фиктивным капиталом (рынком ценных бумаг).

Много тут говорить вряд ли нужно, — и так, надо полагать, все ясно. Для чего ценные бумаги? Собирать свободные денежные средства, кредитовать, брать займы, перераспределять доходы, контролировать все и вся, устанавливать и перераспределять собственность, властвовать, играть, сбрасывать, перебрасывать и насаждать, обогащаться... Может, хватит? Или продолжать?..

Фиктивизация реального капитала, создание и расширение собственно фиктивного капитала, его дальнейшая фиктивизация (посредством выпуска производных бумаг, т. е. бумаг от бумаг или бумаг бумаг), фиктивизация экономики в целом, всех ее элементов и происходящих в ней процессов, в особенности стоимостных, фиктивизация хозяйственной жизни вообще.

Перевоорот. Не фиктивное, лишь обслуживающее реальное, как это было ранее, а реальное, обеспечивающее фиктивное, ему служащее. Фетишизм фиктивного, господство этого последнего. Да и бумаги уже не бумаги, а так... цифры (счета). Полная фиктивность.

Но зато выхолощенная, с ослабленной субстанциально и функционально стоимостью, размазанная и неуловимая, обвуаленная и «обмишуренная», обфиктивленная реальность. Жизнь, конечно, идет своим ходом, но кто и что в ней понимает?.. Обфиктивленные реальные (?) хозяйствующие субъекты или сами фиктивные (хозяйствующие?) субъекты? Одни в фиктивном тумане, вторые в тумане фиктивности. Понимают, наверное, но... не все и не всё, да и вряд ли ответственно.

4. Глобальная рента.

Замечательное явление. Можно прибыль не показывать, налоги не платить, не брать кредитов, не прибегать к банковским услугам, не иметь ценных бумаг, сидеть в теневом секторе, вести криминальный бизнес — рента будет взята, обязательно взята. Со всех. Со всего хозяйственного пространства. Пространственная рента. *Финансовая.* Через ценные бумаги, через кредит, через процент, через банки, через фонды, через налоги, через бюджет, через государственный долг, через свободные и оффшорные зоны, через валютный курс, через импорт, через экспорт, через инвестиции из-за рубежа, через таможенную, через вывоз капитала, через деньги, через инфляцию, через трансакционные издержки, через невыплаты, через... О, тут столько возможностей, о которых можно лишь догадываться. Не хватит, случится, обычных повседневных каналов и средств, будут чрезвычайные, не помогут чрезвычайные, будет кризис — резкий, строгий, показательный и... эффективный. Для организаторов, конечно. Не для организуемых же?

Глобальная рента.

Геоэкономическая, геофинансовая, геополитическая.

Во всех отношениях замечательное явление. Прелюбопытнейшее. Вполне корреспондирующее с виртуально-информационным финансовым ультраимпериализмом.

Доход.

А раз доход, то и эксплуатация. Ведь доход сначала кем-то и где-то обязательно производится, а затем этот доход кому-то и как-то непременно уступается.

Глобальное перераспределение.

Что ж, кому рента с реальным доходом и реальной жизнью, а кому предельные полуполезности с полудоходом и полужизнью, переходящей по мере надобности и в нежизнь.

Каждому свое!

IV

Стоимость *про-извод-ится*, но одновременно и *в-мен-яется* (по элементам и частям), ничего особенного и странного в этом нет. Причем вменяется не только через обмен как таковой, но и вне обмена, просто через оценку, часто весьма волевою и субъективную.

Товарообменный стоимостной баланс — не весь стоимостной баланс, как не весь стоимостной баланс заключен и в соотношении «товары—деньги». Есть еще капитальный баланс, сопряженный с затратами стоимости и ее возвратом с приростом, как и тот же баланс между стоимостью возникающей и стоимостью исчезающей. Но наше внимание приковано сегодня к тому замечательному стоимостному балансу, который можно было бы определить как *суперхозяйственный стоимостной баланс*, т. е. *над-хозяйственный баланс*. Что это за баланс? А это как раз тот баланс, который, подобно госбюджету, совершается не в сфере производства и не в сфере обращения, даже не собственно в банковской сфере, а в сфере чистых финансов, т. е. в сфере несвязанной, свободной стоимости, ее в общем-то виртуального (эффемерного), не отягощенного несущими вещественными элементами и конструкциями, бытия. Тут есть свои агенты-властители, манипулирующие потоками стоимости (денег, ценных бумаг, фиктивных товаров) и навязывающие экономике, т. е. реальному хозяйству, свои условия и итоги оценок, обменов и перераспределения *глобальной стоимости*. Тут почти безукоризненно чистое вменение стоимости, тут снятие особой ренты — финансовой, виртуальной, спекулятивной, начетной, равным образом — долговой, валютной, ценовой (на разнице цен), инфляционной, как и глобальной, пространственной, геоэкономической, нако-

нец — геополитической. Тут ловкость ума и сплошное мошенство, однако, в рамках *трансцендентного феномена стоимости* и *экономической организации хозяйства*.

Как это происходит?

Отвечая на вопрос, нужно учесть несколько важных моментов.

Во-первых, *виртуализацию* бытия стоимости, достигшую глобально-гигантских масштабов. Под виртуализацией мы понимаем здесь не одну оторванность от низких и тягостных реалий производственного процесса, а возможность все более и более существовать... в возможности, т. е. как бы фьючерсно, предположительно, будущно. Разумеется, стоимость всегда виртуальна, но степень ее виртуальности все-таки различна. Сегодня мы имеем триумф виртуальности. На место реального пришло виртуальное. Последнее подчинило себе первое, если не заместило (конечно, не полностью). Реальность, во всяком случае, идет за виртуальностью. Теперь не надо ждать реальной реальности, т. е. реального производства стоимости и ее распределения, а достаточно конструировать виртуальность — как будущую реальность, рассчитывая на произведенную стоимость и ее распределение. Нынешняя экономическая система живет не столько настоящим, сколько будущим, точнее, через будущее, его посредство. В хозяйственное пространство засылается поначалу виртуальная стоимость, имеет место некий *общепространственный кредит* (деньгами и их заменителями, банковскими ссудами, государственными выплатами и т. п.), а потом из этого пространства изымается реальная стоимость, соответственно, и реальный доход. Виртуальное ведет реальное, его контролирует и обирает.

Во-вторых, наличие скрытого, но одновременно и как-то замысловато явленного, в целом непросматриваемого, но чувствуемого, *глобального стоимостного центра*, манипулирующего виртуализированной стоимостью в целостном (мировом) хозяйственном пространстве, т. е. контролирующего хозяйство-экономику, им управляющего.

В-третьих, действие не слишком явного (в виде «невидимой руки») *механизма виртуального управления стоимостью и всей хозяйственной жизнью* посредством оперирования с узло-

выми информационно-стоимостными центрами, т. е. через воздействие на «нервные центры» экономики, а также с массовыми стоимостными потоками (денег, ценных бумаг, инвестиций, кредитов и т. д.). В итоге имеет место полноценный эффект управления экономикой без непосредственного обращения к реальным хозяйствующим субъектам, товарам и конкретным ценам. Национально-государственные макромеханизмы действию глобального механизма виртуального управления сегодня не препятствуют, зато оказываются встроенными в него подсистемами (достаточно указать на наличие того же внешнего государственного долга).

С учетом вышеуказанных обстоятельств ответить на поставленный вопрос не так уж и трудно: *в среде современной экономики (мировой экономики) действует виртуально-стоимостная система глобальной власти над хозяйственной жизнью и ее экономической организацией, существенно меняющая характер экономики, делающая ее какой-то другой — иной по качеству — экономикой.*

Производство стоимости не просто обеспечивается вспомогательно «верхней» стоимостью, т. е. чистыми финансами (в широком смысле), а достаточно сильно определяется. Подчиненное производство вынуждено приспособливаться в ходе той же самоорганизации к заданному сверху положению вещей. Действия «нижних» агентов непосредственно не контролируются, но через виртуально-стоимостную и через реально-стоимостную среду весьма последовательно управляются. «Нижним» агентам достается исчисление затрат и издержек, диалоговых («рыночных») цен, спроса и т. п., т. е. ведение своего оптимального расчета.

Но делается это уже под глобально распростертой стоимостной (финансовой) крышей, в условиях глобального вменения стоимости, доходящего и до микровменений (почти незаметных). Свобода для низов есть, но, увы, достаточно ограниченная. Век глобальной *виртуально-финансовой эксплуатации* — всех без исключения!

Выходит, что есть экономика, органически сплетенная с хозяйством, его обслуживающая, даже ведущая — но в пределах хозяйственных по преимуществу установок, а есть экономика, надстоящая над хозяйством, как и органической экономикой, т. е.

суперэкономика или *финансомика*, которая это хозяйство, причем экономическое, напрямую, без всех этих $D-T-D'$ и даже $D-D'$ (для банков) эксплуатирующая, т. е. реализующая мало еще осознанную формулу — просто D' . Не производство дохода, даже не присвоение его посредством каких-нибудь капиталоманипуляций, а *отчисление* дохода в свою пользу — просто так, посредством откровенного, хотя и скрытого, *вменения-изъятия*.

Экономика ли это, точнее, только ли экономика? Нет, надо полагать, это не просто экономика, пусть и с финансами, а это что-то уже иное, если не совсем другое, когда первично не производительное хозяйство со стоимообразованием снизу, а манипуляционное управление хозяйственной жизнью со стоимовменением сверху. Современное экономическое хозяйство — хозяйство с *глобальным виртуально-стоимостным управлением* или, чуть жестче, с *финансовым ультраимпериализмом*. Специфическая, прямо скажем, экономика.

V

Из вышеприведенных фрагментов можно сделать несколько ненавязчивых выводов.

1. Современная экономика — *финансовая экономика*, а лучше *финансономика*, *финансомика*. Такова характеристика современного экономического хозяйства со стороны финансовой составляющей, за которой скрывается стоимостная природа экономики. Финансомика — высшее на сегодняшний день системное проявление стоимостного начала.

2. Переход к финансомике — переворот в экономике. Перед нами *другая* экономика. И представление об *этой другой* экономике должно быть *другим*. Экономическая наука стоит перед необходимостью выработки нового представления о современной экономике и вообще об экономике, как и о хозяйстве вообще. Смысловое различие понятий «хозяйство», «экономика» и «финансомика» представляется продуктивным. Философия хозяйства такое различие допускает.

3. Современность подтверждает необходимость понятия «стоимость», если, конечно, во-первых, рассматривать реальность, и во-вторых, рассматривать ее воззренчески, т. е. пытаться понять реальность, а не просто решать те или иные практические

задачи. Стоимость и теория стоимости многое объясняют и объясняют, как нам представляется, удовлетворительно. Правда, понимание феномена стоимости и смысловая начинка теории стоимости должны быть соответствующими реальности, которая, на наш взгляд, гораздо сложнее того представления о реальности, которое задается распространенной теоретической экономией. За финансовой революцией должна последовать и своеобразная теоретическая революция. В основании нового теоретического представления об экономике должна лежать и новая теория стоимости. Предлагаемая в рамках «Теории хозяйства» (т. 1, 1995; т. 2, 1997; т. 3, 1998) концепция стоимости, на наш взгляд, справляется с задачей адекватного отражения новой реальности.

4. Со всем сказанным выше можно не соглашаться, как можно вообще не видеть необходимости нового концептуального поиска. Сколько иронических улыбок вызывает одно только слово «парадигма», не говоря уже о «новой парадигме». Однако жизнь идет вперед (что вовсе не значит, что это хорошо) и требует о себе и о мире нового знания. И его нужно упорно добывать. Смешно это или не смешно, но у теоретической экономики есть вполне весомый шанс уже завтра оказаться в роли одного известного персонажа из славной сказки А.С. Пушкина.

2000 г.

Неоэкономика

(опыт философско-хозяйственного рассмотрения)

Когда что-то происходит в реальности *новое*, но пока еще не совсем ясное, непонятное, а главное — по смыслу не определенное и словесно еще не обозначенное, приходится прибегать к таким словесным довескам, как «*ново*» и «*после*», а в латинском варианте — «*нео*» (neo) и «*пост*» (post). Несмотря на то, что этим иногда просто прикрывается вдруг возникшая онтологическая пустота или самое обыкновенное когнитивное бессилие, в том числе и вполне прозаическая нехватка слов, данный прием позволяет воздвигнуть некий смысло-знаковый пункт, как бы висящий в вакууме, но который способен — при дальнейшем изучении и

осмыслении предмета — послужить опорой и даже мостиком к достаточно удовлетворительному, т. е. определившемуся и уже верно обозначенному, знанию.

Новизна, открывающаяся в реальности, на то и новизна, чтобы не быть легко и сразу схватываемой: к ней еще надо подобраться, найти слово, настолько меткое, чтобы навсегда или надолго покорить ускользающий предмет, установить над ним свою власть. Вещь отнюдь не всегда и охотно вещает, и заставить ее заговорить — задача исследователя, ученого, мыслителя. Потребен некий искрящийся контакт между изучающим субъектом и изучаемым объектом, который просто так не возгорается. Субъект должен вникнуть в объект, а объект — войти в субъекта. Только при таком союзе, да еще и при условии обнаружения подходящих слов, обычно метафорических, символических, образных, возможно осуществление познавательной мечты, всегда желанной, но не всегда достижимой.

Вот и мы, вместе со многими знатоками современной экономики и зарождающихся в ней новых тенденций и черт, вынуждены прибегать, во всяком случае, для начала, к прибавке «нео», размышляя и говоря, быть может, не столько даже о *modern-экономике*, сколько о *futur-экономике*, т. е. о том хозяйственном устройстве, которое не столько уже есть — как законченность, сколько, по-видимому, еще только будет. Речь идет более о грядущем, однако уже и заявившем о себе, устройстве.

Неоэкономика.

Мы пользуемся именно прибавкой «нео», а не «ново», ибо первая более принята сегодня в ученом мире и имеет уже и международное распространение. Неоэкономика — *новая экономика*. Определение достаточно в общем-то пустое, мало о чем говорящее. На этих «нео» и «новая» далеко не уедешь. Надо раскрывать то, что за ними стоит. Однако и в них самих есть что-то значимое, если исходить из того, что новое есть все-таки действительно *новое*, а не просто каким-то образом и как-то подновляющееся старое. Степень новизны должна быть весьма значительной, чтобы на что-то «навесить» столь мощный предикат — *новое!*

Новая экономика.

Нас такое определение устраивает, ибо мы видим, что в современной «продвинутой» экономике действительно происходит что-то значительное: идет, — может быть, лишь начинается, — серьезная качественная мутация, в результате которой на свет явится не просто *обновленная*, как это было прежде (например, в конце XIX в., в середине XX, в последней четверти XX в.), а и в самом деле *новая* экономика, причем именно *экономика*, т. е. тот способ хозяйства, который подпадает в нашем понимании под наименование экономики, — со всеми ее товарообменами, оценками, деньгами, капиталами, финансами, денежными доходами, налогами, кредитами и т. д., и т. п. Говорить о преодолении собственно экономики, — повторяем, экономики в *нашем* понимании, — пока нет резона, ибо ничто и нигде пока не свидетельствует об исчезновении такого фундаментального начала, как *стоимость*, — тоже, разумеется, в *нашем* понимании; стоимость по-прежнему есть, она все еще в силе, ее значение не только не падает, но даже и возрастает. Экономика никуда не исчезает, — может, и до времени, — но она сильно изменяется, настолько сильно, что возникает необходимость и возможность говорить о ней как об именно *новой экономике*.

Экономика — это стоимость. Мы не устаем это повторять, так как, во-первых, это нам представляется реалистичным, во-вторых, содержательно (онтологически) важным, в-третьих, размыслительно (гносеологически) значимым. И коль скоро перед нами *новая экономика*, то соответственно что-то новое должно иметь место прежде всего в стоимости или, во всяком случае, произойти со стоимостью.

Всякий, кто имел возможность как-то ознакомиться с историей экономики, знает, что экономика качественно изменялась. Докапиталистическая экономика — это одно, капиталистическая — другое. Есть экономика без капитала, а есть экономика с капиталом, мало того, есть экономика непосредственно капитализированная, т. е. уже подпадающая под власть капитала. Этот факт давно был замечен политической экономией, выделявшей так называемое «простое товарное производство» и «капиталистическое производство», что как раз и означает «без капитала» и «под капиталом». И там, и здесь стоимость, однако с разной зна-

чимостью и функциональной ролью: *там* — более посредник, *здесь* — властитель и основная цель. Согласимся, что есть разница. И она даже не вся: в первом случае стоимость непосредственно связана с производством благ-товаров, что вынуждает наблюдателя-экономиста говорить о материальной, чуть ли не вещественной обусловленности стоимости, ее трудовой или полезностной субстанциальности, ее, скажем так, определяющей объективности (отсюда именно *производство* стоимости и товарообмен *на основе произведенной стоимости*, отсюда и зависимость стоимости денег, или воплощенной в деньгах стоимости, от стоимости, производимой в обществе, что означает, что деньги лишь другая ипостась все той же производимой стоимости); во втором случае дело обстоит сложнее: здесь уже имеет место появление иной ипостаси стоимости — *капитала*, в связи с которой стоимость хоть и не порывает с производством благ-товаров, но перестает быть лишь его внутренней посредницей, а становится так же и внешним *определителем*, что заставляет исследователя говорить не просто о производстве стоимости, а о *производстве стоимости... стоимостью*, а соответственно и о более сложной обусловленности стоимости, ее не такой уж материальной природе, как и не такой уж зависимости от трудового и полезностного начал, как это казалось ранее, не такой уж и ее объективности (отсюда уже возможность *вменения* стоимости, а не одного лишь ее производства, в том числе и вменения субъективного, что делает оценки не столь уж материально обусловленными и позволяет заметить в стоимости существенное нематериальное — идеальное — начало; тут уже является и сама трансцендентность¹).

---

¹ Тот факт, что политэкономия и в условиях «капиталистического производства» пыталась все объяснить в дискурсе «простого товарного производства», т. е. материальности, объективности, «трудовости» и полезности стоимости, не замечая (или мало замечая) ее идеальности, субъективности, «нетрудовости», неполезности, как и ее трансцендентности, не говорит вовсе о том, что всего этого не было в реальности, причем и в рамках простой, т. е. некапиталистической, экономики (все это изначально было, даже в простой экономике, но тогда этого действительно можно было и не заметить, что подтверждается блестяще тем же самым «незамечанием», которое имело место уже при капитализме).

Выходит, что в результате *капитального переворота* (или *экономической революции*) произошло не просто усложнение бытия стоимости, изменение ее роли и повышение значимости, но и, что особенно важно, изменение... нет, не качества стоимости, ибо качество стоимости как феномена бытия не может просто так измениться — раз феномен продолжает существовать, а произошло, скорее, изменение *в* качестве стоимости или, в некотором роде, качественное изменение стоимости, т. е. не изменение качества как такового, а изменение *внутри* качества, ибо стоимость перестала сидеть, как прежде, в производстве благотоваров, вышла из него, встала над ним и стала в него сознательно входить ради выхода из него в возросшем масштабе, что и привело не просто к поведенческим (функциональным) и структурным в ней переменам, а к высвобождению и заявлению о себе иных, содержащихся в ней, но зажатых качеств (качественных черт).

И стоимость вдруг предстала... *другой* стоимостью: *производственная стоимость*, опосредствуемая *денежной* и *меновой* — в ходе товарообмена, заявила о себе как о *капитальной стоимости*, для которой производственная, денежная и меновая стоимости оказываются всего лишь внутренними моментами реализации. Будучи ранее более всего *производственной*, стоимость оказывается в условиях господства капитала *производительно-вменительной*. Сидевшие где-то в «нави» качества переходят в «явь», они уже не скрываются где-то скромно, а решительно выходят на поверхность. В итоге происходит изменение не вообще качества стоимости, а лишь качества в качестве стоимости, не вообще природы стоимости, а лишь природы в природе стоимости. Является в принципе та же стоимость, но уже в другом образе, т. е. является и *другая* стоимость. В итоге экономической революции и обширной капитализации экономики возникла и *новая экономика* — по *тем* временам и меркам.

И вот снова *новая экономика*, или *неоэкономика* (этим «нео», надо полагать, подчеркивается какая-то особая новизна этой новой — по сегодняшним оценкам — экономики). Снова, можно предположить, изменяется качество стоимости и, конечно же, в пределах самого этого качества (стоимость, повторим, по-

куда никуда не девается, а продолжает быть, еще и усиливаясь). Что же происходит? А происходит, кстати, то, что можно и было бы предположить, вдумавшись в логику предшествующего нью-экономического переворота — капитального. А почему, скажем, стоимости не продолжить путь вверх — в *над*-производство, а раз капитал уже в надпроизводстве, но еще в сопряжении с производством, то почему бы стоимости не двинуться еще дальше от производства, уже в рамках капитала, и уйти при этом и в *над*-капитальную сферу, тем более что банковский капитал нечто подобное уже давно демонстрирует? Почему бы стоимости не стать стоимостью, не производящей стоимость как капитал вообще (пусть и с вменением), а ее — эту стоимость — прямо присваивающей — через то же вменение и хорошо известное перераспределение уже произведенной стоимости? Для этого, конечно, нужен особый капитал в капитале, способный подчинить себе капитал вообще, т. е. некоторый *суперструктурный капитал*, который, будучи при этом и банковским, возвышается надо всем капиталом, в том числе и банковским, да не просто возвышается, а как бы и *создает* весь капитал, а за ним и *всю экономику*. Не контролирует, что понятно, а именно *создает*, когда любые частные (или индивидуальные) капиталы становятся в каком-то важном отношении уже от него *производными*.

Настала пора осмыслить это новое, хотя и не такое уж новейшее — по истокам и примерам, состояние капитал-экономики. Разумеется, наука давно уже заметила эффект контроля над действующими капиталами сверху, как и эффект вменения капитала и стоимости сверху, так же как и эффект перераспределения производимой в обществе стоимости и прибавочной стоимости посредством капитальных действий сверху (достаточно упомянуть о том же феномене монополистического капитала, как и о феномене финансового капитала, замеченных и изученных политэкономией). Однако сегодняшнее состояние капитал-экономики позволяет сделать куда более серьезные выводы относительно стоимости, капитала и их реализаций — в направлении *иерархически-пирамидального* их строения и бытия, как и созидательной роли присущего им *верха-центра*. Пора уже перестать трактовать капитал-экономику как составленную из частных капиталов, чуть

ли не самостоятельно возникающих и даже возникающих чуть ли не из ничего. Ничего подобного уже давно нет и быть теперь вообще не может. Общественный капитал ныне не столько уже составленный из микрокапиталов, сколько на эти микрокапиталы рассредоточивающийся (отсюда и рынок, к примеру, уже не базисная стихия взаимодействующих между собой товарокапиталовых агентов, а вспомогательный механизм ограниченно-свободной настройки, обслуживающий выходящую за пределы собственно рынка — совсем даже и не рыночную — организацию).

Новую экономику не просто понять, ибо в ней нет какого-нибудь явного Госплана, на который можно было бы все и повесить. Открытого и просто так обозримого центра нет. Однако он *есть!* Им как раз и является тот самый *суперструктурный капитал*, или *суперкапитал*, о котором мы только что говорили. Конечно, это не единый капитал, но это, безусловно, как бы самый верхний капитал, а главное — *решающий*. Но дело даже не в нем как таковом — просто жизнь ныне экономическая так устроена, что она сама по себе уже полагаться на какой-то там стихийный процесс не может. Здесь все сразу: объективная потребность в организации из центра и сверху, с одной стороны, и ее субъективная возможность — с другой. Есть потребность в суперкапитале, и этот суперкапитал уже в наличии. Общественный капитал, а вместе с ним и вся экономика выстраиваются теперь так, чтобы иметь внутри себя это центростремительное (к центру и вверх) и одновременно центробежное (от центра и вниз) структурообразование и функциональное осуществление. Отсюда, с одной стороны, порождение всем ходом воспроизводства экономики суперкапитала с его центро-общественными функциями, а с другой — реальное исполнение суперкапиталом возлагаемых на него функций. И ни один микрокапитал не может теперь не считаться с именно *таким* устройством экономики, наоборот, он в нем весьма охотно и обретается.

Получается, что экономика каким-то образом, достаточно скрытым и неопределенным, как бы *изливается* из этого верха-центра, ибо ее структуризация и реализация уже не могут не определяться в основных параметрах «желаниями» верха-центра.

Мы привыкли к тому, что «макро» есть всего лишь производное от «микро», но теперь нам надо смириться с другим исходным положением: «микро» есть всего лишь производное от... не совсем уже и «макро», ибо это «макро» вовсе не то «макро», к которому мы «прикипели», а уже *произведенное* «макро» — верхов-центром, т. е. не «макро» в привычном понимании, а совсем *другое* «макро».

Неоэкономика — вовсе не суперлиберальная экономика, в которой все «компьютерщики» буквально купаются, сидя у себя дома, в виртуально-информационной свободе, а экономика, отличающаяся особой *суперорганизованностью*, — и *суперорганизация* эта превосходит не только рыночно-конкурентную организацию, не только корпоративно-монопольную, не только межгосударственно-трансмонопольную, но даже и новейшую виртуально-информационную. Это особого рода организация, у которой пока нет другого наименования, кроме *неоэкономической*.

Экономическая наука, давно утерявшая связь с философией и религией, уже не способна возвышаться над экономикой ради выявления метасмыслов, для нее характерных, а потому, бегая как подопытная крыса по лабиринту, вынуждена лишь отмечать новые явления и черты, характеризующие частности, а не экономику в целом. Заметив компьютеры и Интернет, исследователи тут же принялись толковать о неоэкономике, перенося на целое то, что относится лишь к частному. Так уже было с постиндустриальностью, так теперь происходит с неоэкономикой, так будет и с постэкономикой. Компьютер, как в свое время машина или позднее тот же химический процесс, всего лишь частность, хотя, безусловно, и революционная — сначала в своей части, а затем и для целого. Компьютер изменяет экономику, но не компьютер же в природе экономики: если в экономике что-то качественно меняется под воздействием компьютера, то это что-то — не компьютер.

Была когда-то экономика ручного труда, потом стала экономика технического (машинного) труда, затем появилась экономика научно-технического труда (уже и труда-творчества), теперь вот экономика компьютеризованного труда (теперь уже и труда-творчества-игры). Перемены в характере труда, в его

оснащении, имеют огромное значение для экономики, ее эволюции, но качество экономики изменяется при этом *по-своему*, в соответствии со *своей логикой*. Это необходимо непременно учитывать. Изменения частностей — важно, но нужно иметь в виду всегда и в первую очередь *целое*, у которого есть *своя собственная* смысло-качественная начинка, в пределах которой и происходят какие-либо смысло-качественные изменения, причем не обязательно под частным или внешним давлением, а, допустим, в силу и *своей* внутренней потенции.

Если говорить о *своей* (для экономики) — смысло-качественной начинке, характерной для целого, то лучше всего она выражена, о чем при желании нетрудно и догадаться, в *стоимости*, а не в товаре, деньгах, капитале, финансах, что по отношению к стоимости — все равно та или иная часть, хотя по природе своей и экономическая.

Открытие стоимости — величайшее достижение пытливого человеческого ума, еще воистину философствующего, а не только *исследующего* — как сейчас. Идти по следу бытия-жизни, конечно, надо, но почему же при этом не возвышаться над бытием-жизнью, не опережать даже — идеально? Только возвышение, названное довольно-таки примитивно абстрагированием, позволяет разглядеть глубины, и только на *рас-стоя-нии*. Вот и стоимость различается лишь на *ди-стан-ции* — масштабно-обобщительной и проникновенной. Упереться в компьютер и виртуальные технологии не мудрено, закричав в восторге о наступлении неэкономике, а надо бы соприкоснуться вплотную со стоимостью, в нее войти, поосмотреться там да и поозираться вокруг — уже из стоимости. Что тут *нового*, чтобы о новой экономике-то вещать?

Обратимся к истории стоимости, к логике ее бытия-развития.

Стоимость, которую мы рассматриваем одновременно как *субстанцию*, *отношение* и *оценку*, т. е. триипостасно, прошла свой исторический путь — от более простого и более *низового* бытия к бытию более сложному и более *вёрховому*, — и в этом «более» есть свой резон, ибо стоимость всегда была сложной и *вёрховой*, даже в свои самые «первобытные» времена, а развива-

ясь, усложняясь и изменяясь со временем, не теряла никогда и своих более простых и низовых, если так можно выразиться, компонентов — менялось лишь соотношение между простым и сложным, низовым и верховым, а вместе с ним и само «воплощение» стоимости, ее, так сказать, плоть.

Сначала стоимость была напрямую связана с товарообменом и только товарообменом, она непосредственно из него выходила (товар обменивался на товар и возникал феномен стоимости); затем, когда появились деньги, стоимость, не прерывая связи с товарообменом, получила возможность бытийствовать как бы и вне обмена (бытие стоимости усложнилось, ибо она уже и в деньгах, т. е. с обменом, но и вне обмена); далее деньги стали предшествовать товарообмену, как и вообще хозяйствованию — обязательным условием того и другого стала предварительно накопленная сумма денег, с которой все хозяйственное действие и начиналось (бытие стоимости еще более усложнилось: она еще внизу, но уже и впереди, а не позади, т. е. не как только результат, но и как начало); затем возник феномен капитала, когда деньги-стоимость предшествовали не просто хозяйственному процессу, а процессу, направленному на их — денег-стоимости — *само-возрастание* (тут уже появился эффект явного отрыва от низа и известного возвышения стоимости над ним, — бытие стоимости еще более усложнилось, она теперь бытийствовала всего более *для себя*, а не для товарообмена или вообще непосредственного хозяйственного действия; здесь уже имела место, конечно, *революция* — та самая пресловутая *экономическая революция*, о которой мы все время толкуем; здесь уже возник эффект господства стоимости над хозяйством, а не одного лишь его обслуживания); далее развивались кредит и ценно-бумажный капитал (фиктивный капитал, фондовый рынок), что сделало стоимостное бытие еще более сложным, верховым и оторванным от непосредственного (или реального) хозяйственного процесса (стоимость теперь не просто господствовала, а господствовала, так сказать, «фиктивно», не слишком вдаваясь в реальные хозяйственные процессы; стоимость была занята не производством стоимости как таковым, а лишь обеспечением такого производства со стороны и сверху, однако обеспечением ради собственно-

го самовозрастания; имел уже место эффект как бы помноженно-го или многоуровневого самовозрастания стоимости, усложненного верхними уровнями бытия и движения капитала; господство стоимости над хозяйством усилилось, изливаясь при этом из все более и более верхних уровней экономического бытия); далее пошло формирование *финансового капитала*, главная особенность которого состояла в установлении контроля над всей стоимостью, принимающей форму капитала: производительного, банковского, фиктивного, а вслед за этим и над иными потоками стоимости (в этом состоял серьезнейший шаг в *институционализации* верхней стоимости, ее возвышающего бытия над непосредственной хозяйственной жизнью, ее господства над нею); далее финансовый капитал, — этот реальный прообраз суперкапитала, о котором мы ранее говорили, — двинулся, соединяясь с государственной институциональностью, на покорение новых стоимостных вершин, подчиняя себе *деньги вообще*, а вместе с этим и само *деньгообразование*, чему способствовало крушение золотого стандарта и торжество бумажных и вообще ирреальных денег (о чем это свидетельствовало, догадаться нетрудно: стоимость уже стала подконтрольной в общей своей массе, а не только в ее отдельных потоках); далее, что в общем-то происходило в то же самое время, финансовый капитал, давно уже став *транснациональным*, а соответственно и *трансцендентным*, завоевал международную сферу, поставив под контроль взаимоотношения национальных денег (через валютные отношения), а вместе с тем и международные экономические отношения во всем их разнообразии, как и мировое хозяйство в целом (никакая уже стоимость не ускользала из-под внимания транснационального финансового капитала, слившегося к тому же и с межгосударственными экономическими образованиями); наконец, сложился *транснациональный* и одновременно *трансцендентный суперкапитал*, не только контролирующей всю бытующую в мире стоимость всеми возможными и невозможными способами, но и как бы изливающий эту стоимость на мировое хозяйство — управляя ею и всей хозяйственной жизнью, что свидетельствовало уже о совершении *новой экономической революции* и переходе к собственно *неоэкономике*.

Мы видим, что историческое развитие стоимости шло не просто по пути усложнения ее бытия, прежде всего характерных для нее отношений и оценок, а по пути усиления в ее бытии верхового начала — надстроечного, производного, суперструктурного, что означало не только более сложную реализацию стоимости, но и перемещение зоны судьбоносных для стоимости и хозяйства решений вверх — от низа к верху. Выходило так, что стоимость все более и более отрывалась от производства стоимости, воспаряла над ним, все более и более устраиваясь в пространстве контроля над стоимостью, ее вменения и перераспределения. Не зона производства стоимости определяла теперь вообще бытие стоимости, а зона надпроизводственного бытия стоимости определяла все более вообще бытие стоимости. Это был действительный *переворот* в экономике: не *низ* теперь определял, а *верх*!

Все это не значило, разумеется, что прекратилось производство стоимости в низах, нет, такое производство, конечно же, не исчезло, но оно осуществлялось теперь уже подконтрольно — с верхов, причем настолько, что стоимостные нижние отношения и оценки, а также стоимостные потоки, оказывались производными от воли верхнего стоимостного эшелона. Возник феномен глобального и трансцендентного (т. е. плохо наблюдаемого, скрытого, во многом и тайного) *стоимостного управления производством стоимости, всем ее бытием*. Не стоимость теперь зависела от производства благ, от вообще хозяйства, а хозяйство и производство благ зависели от стоимости. Отношения и оценки в низах определялись теперь в верхах. Стоимость определяла стоимость. Стоимость сомкнулась со стоимостью. Возник феномен *суперстоимости*. Стоимость воистину теперь главенствовала над всем.

Сначала стоимость сидела в производстве-обмене; затем она вышла за его пределы, оставаясь к нему как бы притягиваемой (находясь, если так можно сказать, в параллельном бытии-полете); потом стоимость пошла круто вверх, закручиваясь в свою собственную бытийно-воспроизводственную спираль, однако питаясь непосредственным производством-обменом; наконец, заняв выгоднейшую позицию верха-центра, обзревая и кон-

тролируя все производственно-обменное и надстроечное пространство, стоимость стала воистину определять производство-обмен, как и все вокруг в хозяйственной, да и не только в хозяйственной, жизни. Воспроизводство суперстоимости определяло теперь воспроизводство стоимости вообще и воспроизводство хозяйства и общества в целом (в аспекте управления масштабными процессами).

Можно ли экономику по-прежнему считать капитальной (капиталистической)? Можно, конечно, но этого уже недостаточно. Перед нами *другая* экономика, а учитывая, что суперкапитал, о котором здесь идет речь, является все-таки на поверхности (относительно ноуменальной стоимости) именно финансовым капиталом, то нашу неэкономику можно без особой натяжки назвать и *финансовой экономикой*, а если покороче — *финансономикой*, или *финансомикой*.

Разумеется, финансовый признак — не единственный признак неэкономии, но, надо полагать, главный, ибо он касается самого основного в экономике — реализации стоимости. Стоимость теперь не столько в низах и не столько непосредственно производится микросубъектами, сколько с верхов и сколько, пусть и не очень непосредственно, но все-таки вменяется микросубъектам — нижним производителям стоимости. Производство стоимости не исчезает, она не возникает сама по себе, но производится теперь под опекой как бы верхней стоимости, не столько, быть может, отделившейся от нижней, сколько выделившейся из нее и обретшей функциональную самостоятельность. Все это кажется, конечно же, странным, но это так: *обособившаяся наверху стоимость изливается вниз, питая этот низ... стоимостью*. Соотношение круто изменилось: *без верха низ сегодня ничего не может*. Ни тебе денег вообще, ни тебе авансированных капиталов, ни тебе кредитов, ни тебе цен, ни тебе спроса, а соответственно и предложения. Понять эту зависимость низа от верха — понять сегодняшнюю и будущую экономику. *Экономика-сверху* подминает под себя, а в известной мере и замещает собой *экономику-снизу*.

Стоимостная власть сверху (или с верха-центра) на практике есть *финансовая власть*, а ее реализация — *финансизм*. По-

следний и представляет собой самый изощренный *экономический империализм*, а в соединении с *глобализмом* — *экономический ультраимпериализм* (как тут ни вспомнить К. Каутского с его тезисом об ультраимпериализме, не оцененным достаточно В.И. Лениным). Мировой финансизм окупаются *глобальной финансовой рентой*, которую вынуждены платить *все*. Теперь уже не взаимодействующие между собой товаро-производители, хотя они и остаются, теперь уже не самостоятельные капиталы — с капиталистами и своим наемным трудом, хотя они тоже остаются, теперь неформализованный суперкапитал, который даже и без лица, но которому *все* служат — не наемно даже, а за самую возможность жить. Не труд теперь только продается, а сама жизнь — и не продается даже, не покупается, «выделяется» (на жизнь, а может, и на нежизнь).

Особенность неэкономике состоит в том, что стоимость в ней трансцендентно *прибывает* в реальную хозяйственную жизнь, а прибавочная стоимость из нее трансцендентно *убывает* (любыми способами: от получения обычных доходов по ценным бумагам и кредитам до финансовых, денежных, валютных, платежных и т. п. кризисов). Деньги более не находятся в достаточной степени в ведении большинства национальных государств, как не находятся в руках национальных агентов капиталы, кредиты, товарные и фондовые инвестиции, доходы, цены, и т. д. и т. п. Все это находится в ведении суперкапитала.

Было время, когда экономическая наука могла себя тешить сначала трудовой, а потом и полезностной, теориями стоимости. Все по сути сводилось тогда не к стоимости, а к вещам (предметам и услугам), стоимостью обладающим. Стоимость старались вывести из вещей, идя по следу как раз за ними. То труд в вещах находили, то полезность, что само по себе и реалистично, но... не в отношении к стоимости, ибо она есть все-таки вселяющийся в вещи дух, а не свойство самой вещи. Конечно, понимали и тогда, что им труда никак не поймать, ни полезности никак не схватить, но ведомые научным методом все шли и шли по обозначенному наукой следу, т. е. *ис-след*-овали, но не стоимость как таковую, а лишь то, что стоимость хоть и имеет, но само по себе никак не стоимость. Понимали, конечно, что стоимость все-таки входит в

вещь, но очень хотелось ее измерить чем-нибудь нестоимостным, но вроде бы саму стоимость и субстанциально составляющим. И ответа вразумительного, конечно же, не дали и дать не могли, ибо стоимость — это та еще «штучка», она сама измеряет (т. е. меру стоимостную всему дает), но при этом сама же не измеряется (т. е. не имеет внешней субстанциальной меры). Будучи субстанцией, стоимость в то же время несубстанциальна, т. е. она сама себе субстанция, но никак не субстанция... от чего-либо другого (все равно чего: труда, абстрактного труда, общественно-необходимого труда, полезности, предельной полезности...). В субстанциальном плане стоимость вовсе не вторична — от какой-либо внешней субстанции, а *первична*. Первична она и в оценках — конкретных товаров, хотя и считается с тем, в *какой* же товар она вселяется. Если на рождение товара уже была затрачена стоимость (факторов производства), то, конечно же, стоимость рожденного товара будет с этим считаться, хотя и не жестко, как будет она считаться, к примеру, и с качеством товара, и с его редкостью, и с другими характерными моментами.

Стоимость — тайна, поэтому мы и называем ее трансцендентной (даже трансцендентальной). И эту тайну надо сознать, оставляя стоимости стоимостово, а человеку — человеково. Не надо относиться к стоимости как к механизму, который можно разложить на части и все сразу же разузнать о его работе; стоимость принципиально не механистична и не раскладываема, она не только всегда целостна, но и в целом от исследователя сокрыта. Заметим попутно, что это вывод вовсе не экономической теории, которая, разочаровавшись в разложении стоимости и ее познании, ухитрилась в конце концов вообще выбросить понятие стоимости из своего арсенала, а вывод философии хозяйства, для которой трансцендентность, как и неразложимая целостность, — совсем не пустой звук; философия хозяйства видит стоимость, но и замечает при этом ее трансцендентность, а потому не ставит перед собой никаких препаративных относительно нее задач; не стремится философия хозяйства и рассчитывать что-либо в экономике, заменяя стоимость: ценообразование — дело в конечном итоге самого трансцендентного стоимостного процесса. Никакими затратами труда и никакими полезностями величин цен не

объяснить, ибо вовсе не они «мерят» цены, а как раз цены их и «мерят» — в ценах, разумеется.

Если быть откровенными, то вынужден заметить, что уже весьма надоело разъяснять одно и то же: что феномен стоимости есть; что его нельзя игнорировать; что стоимость есть экономика, а экономика есть стоимость; что стоимость познаваема как трансцендентная целостность (как музыка, идущая изнутри); что стоимость никак не материальна, хотя и вселяется в материальные вещи, а если и материальна, то по-особому: невидимо, неосяцаемо, нефиксируемо; что стоимость триипостасна: она есть одновременно субстанция (нематериальная), отношение и оценка; что стоимость никем и ничем, как и с помощью чего-либо в нее извне входящего (труда, полезности), не измеряется, что измеряет она — и себя, и все вокруг, вступающее в экономический оборот; что любое измеренческое суждение будет заведомо неполным, ибо всегда останется что-то, что непременно ускользнет из-под внимания рассчитывающего (стоимостное измерение поэтому трансцендентно); что стоимость не только посредник, но и господин, что она не только споспешествует, но и управляет; что стоимость — специфический хозяйствующий субъект; что самой стоимостью можно управлять, а через нее и всем хозяйственным миром; что наилучшим (сложным, суперорганизационным, тайным) способом извлечения прибавочного продукта является стоимостной механизм; что ныне все вокруг подконтрольно стоимости, а сама стоимость подконтрольна *суперстоимости*, т. е. стоимости в стоимости, владеющей верхом-центром, что суперстоимость — это тоже самовозрастающая стоимость, а суперкапитал — агент бытия и самовозрастания суперстоимости (со своим, своеобразным, конечно, круговоротом), и т. д. И т. п.

Никто, или почти никто, не хочет над этим серьезно задуматься, возбудить воображение, заметить то, что не перед носом. Или полное безразличие к стоимости, или же труд, полезность — полезность, труд, а то еще и энергия, информация — информация, энергия... и так до бесконечности. Всем «сторонникам» стоимости, сводящим, однако, стоимость лишь к оценке, очень хочется все самим рассчитать, т. е., с одной стороны — выполнить работу за стоимость, а с другой — ее тем самым и упразднить.

Так вот, стоимость на то и стоимость, чтобы все рассчитывать *самостоятельно*, чтобы в итоге от людей до конца *не зависит* (участие людей-рассчетчиков в самом экономическом процессе сути дела тут не меняет, ибо все эти люди лишь участники глобального расчета, но не его окончательные вершители: процесс вершится в конечном итоге *сам*).

Упразднить стоимость можно, но тогда чем ее заменить? Стоимость может быть упразднена, но вместе, увы, с экономикой. Возможно, когда-нибудь это и произойдет, но пока на улице экономика и стоимость, а потому оставим стоимости стоимостово и не будем нарочито изгонять ее из хозяйственной жизни. Что касается требований все новых и новых аргументаций в пользу в общем-то видимого, но как-то упорно не замечаемого, т. е. стоимости и ее метанаучного понимания, то это лишено всяких разумных оснований, ибо это требования, — тут приходится заранее извиниться, — слепого к зрячему, а что может зрячий объяснить слепому, к тому же добровольно и радостно себя ослепляющему? Ничего! На этом мы, пожалуй, с данной репликой закончим: желающий видеть да увидит, желающий не видеть, ничего, конечно же, не увидит. Каждому свое!

Экономическая наука может сегодня торжествовать, нет, не по поводу очередной победы, вовсе нет, а в связи с открывающимися новыми возможностями для *ис-след-ований*, что фактически то же самое — для *рас-след-ований*, а то и прямо-таки для *следопытств*. Наука вновь берет новый след — теперь от компьютеров, информатики и Интернета. Революция! Вот, где просторы, вот, где новизна, вот, где факты! Сплошной восторг! Праздник!

Наступает *информатизационная цивилизация*, или, покороче, *информцивилизация*. Факт. Никто с этим не спорит: была эпоха каменная, потом — металлическая, теперь вот уже и *пластмассовая* (за чем обнаруживаются сразу и «пластичность», и «массы», как и пластичные массы и массовая пластичность, — а чуть по-другому: гуманизм, PR-демократия и глобализм). Пластмассовая — значит и информационная. Теперь все в пластмассовом ящике и из пластмассового ящика. Экран. Показывающий что-то — ирреальность и от чего-то отделяющий — от реальности. За экраном — виртуальность, однако не сопряженная

органично с реальностью, а ее вовсе и не органично («синтетично», пластмассово) во многом и заменяющая. Теперь надо жить (жить ли?) *там*, в ящичной виртуальности: хочешь хозяйствовать — в ящик, хочешь экономики — туда же... Эта-то виртуальная, внутриящичная и изьящичная, пластмассовая экономика, обозначенная «передовой» наукой как информационная, и является как раз, по мысли этой же «передовой», естественно, западной науки, *неоэкономикой*.

Почему нет? Разные мифы создает наука о реальности, пусть будет и такой — неоэкономический. Почему же миф? А потому что всю богатую реальность наука вновь будет стараться по своему обыкновению впихнуть в частное — поверхностное и однобокое — прокрустово ложе вдруг открывающегося, но неизбежно ограниченного, дискурса. Всю реальность этим вновь открытым дискурсом ей не покрыть, даже если дискурс этот и пласт-массовый, т. е. пластичный и массовый одновременно. Лишь очередной тощий и неуклюжий миф может появиться, от которого науке вскорости самой тошно и станет.

Что может произойти с экономикой, а в чем-то уже и происходит, в связи с информфактором?

Дело тут, конечно, не только и не столько в образовании большого производственного и потребительского информсектора, хотя это и важно, сколько, с одной стороны, в изменении механизма функционирования экономики, а с другой — в возможности некоторых существенных подвижек в самом существовании экономики. Великий объем и небывалая скорость обработки и передачи информации в неограниченном планетарном масштабе, — это, прямо скажем, не шутки. И впрямь перед нами разворачивается торопливо *другая* экономика.

Какая же?

Хороший вопрос и нужный вопрос. Да вот как на него поудовлетворительнее ответить? А делать нечего, надо как-то отвечать, задавшись, по-видимому, уже другим, не менее замысловатым, вопросом: на что же в конечном счете работает в системе экономики расцветающий информфактор?

Да, правильно, надо начинать и заканчивать со стоимости и стоимостью. Но подобраться к ней можно лишь, разобравшись

сначала с *деньгами*, а затем уже с капиталом, кредитом, ценными бумагами и всеми другими экономическими вещами. Мы могли бы, конечно, начать с товарообмена, склонив свою буйную постиндустриальную голову перед классикой, но... что бы мы увидели, кроме возрастания скорости и обезграничивания пространства товарообмена, новой структурной перестройки мирового хозяйства? Это важно вообще для хозяйственной жизни, но не для понимания сути происходящего, ибо суть... да, да... именно там — в стоимости и во всей обрамляющей ее экономической системе. А ближайший путь к стоимости сегодня — через деньги, которые давно уже — не один из реальных товаров, хотя и товарны они по своей природе, которые уже не выходят из товарообмена и его обслуживают, а давно уже входят в товарообмен и его определяют, которые давно не являются уже лишь элементами помимоних-реальности, а оказываются моментами создаваемой ими же реальности, которые давно уже не столько оцениваются денежными товарами и их субъектами, сколько сами оценивают эти товары и этих субъектов, которые давно уже не собираются снизу и потом льются сверху, а сначала выливаются с верха и потом уже подбираются с низа. Деньги сегодня — не классические вовсе деньги. Это не возникающие объективно, а создающиеся субъективно деньги, что не говорит о каком-то безграничном субъективном произволе в денежном вопросе, но что произвола субъективного вовсе и не исключает. Владение деньгами, их образованием и их потоками — самое важное в современной (либеральной?) экономике. Не землей сегодня надо непосредственно владеть, не средствами производства, не трудом, даже не знаниями, а... деньгами, владение которыми обеспечивает и владение всем остальным в *экономизированном* (т. е. купле-продажном) смысле. Все решительно изменилось, все перевернулось! Человечество и не заметило, как уже оказалось в новой, по сути, экономике — в *неоэкономике*.

Какие же дивные запахи чуются нам из чарующе пахнущей денежной кухни, на которой уже в дело пошел наш блеющий звонко агнец-информфактор? Предположить, что он — этот агнец — взорвет вдруг, как усатый террорист, эту самую кухню, конечно, можно, но... каким тогда образом сможет этот терро-

рист — в случае везения — хотя бы убраться восвосяси... без денег, без бензина, без жратвы? Но может быть, наш агнец-террорист взорвет только *эту* денежную систему (сожжет, скажем, лишь скверную поварскую книгу), а затем появится, — надо полагать, достаточно быстро, — *другая*, уже хорошая, отвечающая всем «законам» трудовой или полезностной теории стоимости денежная система (новая, уже правильная, поварская книга)? И такое предположить можно... если, разумеется, принять наших денежных поваров за безмятежных идиотов. А они, эти повара, совсем даже и не идиоты, — и прекрасно могут управиться с попавшим в их руки агнем. Да и агнец ли это? Уж не блюдо ли готовое перед нами, приготовленное в виде агнца для щедрого угощения жадной до новизны общественности... может, и не на денежной, но близкой к денежной, кухне?

Вопросы, вопросы?..

Более вероятным представляется все-таки *вовлечение* информфактора в лоно денег и стоимости, чем их — денег и стоимости — упразднение или существенный подрыв с помощью этого фактора; более вероятным представляется эффективное использование информфактора в интересах господствующей уже денежно-стоимостной власти, чем упразднение или существенный подрыв этой власти. Информфактор способен сыграть выдающуюся роль в развитии уже в общем-то возникшей неэкономии, настолько выдающуюся, что завтра мы экономики уже и не узнаем (будем мучиться от отсутствия необходимого дискурса, либо погрузимся в надуманные и неразрешимые дискурсивные противоречия — к выгоде диссертантов). Нет, не свежий запах победы над скверной денежной системой почуеться нам из мировой денежной кухни, ибо его там и быть не может, а тлетворный запах от рождения нового мирового денежного чудовища, который только и может там объявиться — где молодо, там и тленно!

Утверждение электронных денег и электронного экономического счета, как и возможность привлечения и обработки колоссальных массивов информации, ее быстрого и повсеместного (повсюду и сразу) распространения, а также сцепления всех без исключения действующих лиц экономического низа в некую электронную совокупность, из которой они не могут выходить по

определению, как и, наоборот, контроль верха-центра над необходимой для управления низом информацией в сочетании с властью над деньгами и с распространением по электронной системе управляющих импульсов и побуждений, может привести к возникновению вполне тотализированной *электронной экономики*, или *электронномики*. Конечно, не все тут просто, но почему же нам не исходить из данного предположения как хотя бы наиболее вероятного, — печется-то электронный пирожок все на той же кухне — неэкономической? Да и стоимость по своей природе (идеально-трансцендентной) не слишком этому противоречит. Давно уже пора расстаться с убеждением, что стоимость возникает благодаря исключительно непосредственным товаро-обменным отношениям («товар — товар»), ибо последние давно уже подчинены иным стоимостно-образующим отношениям, которые есть уже даже не отношения «товар — деньги» (снизу вверх), а отношения «деньги — товар» (сверху вниз). Деньги теперь — не итог, а *начало*. А электронные деньги — тем более.

Вот говорят, что сейчас воцарится чуть ли не полная электронная демократия (Интернет, доступ к информации и т. д.). Но, во-первых, откуда нашим демократам денег-то взять, если деньги все электронные и на карточках; во-вторых, как им обойтись без денег, т. е. без соответствующих (общих) оценок и разрешительных (разрешенных или разрешающих) расчетов; в-третьих, где и как они возьмут *всю* необходимую для судьбоносного хозяйствования информацию? Нам кажется, что электронномика будет еще более *тайной* экономикой, чем она является сейчас. Вообще неэкономика — *тайномика*, — и с этим, думается, надо в первую очередь считаться. Демократия останется — как остаток, но, во-первых, для профанов, во-вторых, для наивных, — да и то лишь останется как *управляемая демократия*.

И если электронномике, т. е. вполне развитой неэкономике, суждено не состояться либо состояться и вскорости погибнуть, то не по причине *электронной демократии*, как и не по причине *электронного разбоя*. Это может произойти из-за... самой электронномики, так как либо она сама себя вообще не выдержит (мы имеем в виду, конечно, глобальную — на весь земной шар — электронномику), либо усилия по ее реализации будут превышать

допустимые любой эффективностью пределы. Тотальная (в планетарном масштабе) неэкономика может не состояться и вследствие борьбы *больших социохозяйственных пространств-структур* против глобализации вообще и электронного тоталитаризма в частности. Такое возможно, но это обусловлено уже *не* экономической исторической логикой: тут начинается призрак даже и *постэкономики*.

2001 г.

Глобальная экономика: не миф, а реальность, хотя и трансцендентная

1. *Глобальность* это *все-общность*, когда все и всё, и все и всё в общности, причем в общности растворяющей, когда все и всё исчезают, становясь *общие* □ м (вроде бытия, но только не бытие, а *общие* □). Исчезает личное, личностное, ликовое, однако не в *равно-правии*, а в *разно-не-правии*, ибо личное, личностное, ликовое сосредоточивается в *центре*, конечно же, в *без-о* □ образном и *без-обра* □ зном центре, а безличное, безличностное и безликое растекается по внецентровому пространству-времени, разумеется, тоже *без-о* □ образному и *без-обра* □ зному. Глобальность — *пирамида* (уже и не храм)!

2. *Глобализация* — достижение глобальности (объективное и субъективное), а *глобализм* — сознательное осуществление глобализации.

Глобализация экономики, экономический глобализм, экономическая глобальность.

У экономики, а экономика есть особое хозяйство, его частный случай, как и у экономической цивилизации, которая есть целый мир экономического человека, нет другого исхода, кроме глобальности, а, соответственно, глобальной экономики. Последняя — исходная потенция самой экономики. Экономическая революция, от которой пошла экономическая цивилизация, не может не завершиться *глобальной экономикой*, которая тоже есть *революция* — уже наших дней.

Глобализм, глобализация, глобальность сметают всех и вся, превращая этих всех и вся в общие□! Бытия больше нет (или не будет), как нет уже и истории (или чуть-чуть и не будет).

Наступает *новый мир*, которому еще нет слова, но который можно обозвать, наряду с другими обозначениями, просто и метко *глобо* (GLOBO).

Мир — это *разнообразие*, а у глобо уже нет разнообразия, — у него лишь *одно-без-о*□*образие* (какой, скажем, образ у Буша, Соланы или... любого другого, кроме, разумеется, виртуально-раскрученного имиджа, кстати, абсолютно без-о□*образного*?).

Не *мир образов*, а *скопище имиджев*!

Ни стран, ни языков, ни культур, хотя они, кажется, еще есть, но в *кажимости*, а кажимость и есть ныне реальность, т. е. не реальность, а *кажимость*, ибо вокруг одни имиджи — стран, языков, культур.

И не миф это вовсе, а реальность, а по-настоящему все-таки — *кажимость*!

3. Глобальная экономика, со всей ее тотальной экономизацией, маркетизацией, капитализацией, финансизацией, олигархизацией, централизацией, провинциализацией, империализацией, колонизацией, сциентификацией, дефилозофизацией, секуляризацией, технизацией, технологизацией, инженеризацией, коммуниканизацией, стандартизацией, информатизацией, мегаполизацией, деэтитизацией, денационализацией, космизацией, виртуализацией, менеджеризацией, манипулизацией, пиаризацией, криминализацией, антикультуризацией, массмедиализацией, зомбизацией, имитатизацией, импровизацией, феминизацией, инфактилизацией, дебилизацией... — реальный, в лоне кажимости, факт.

Конечно, более всего пока глобализация, но уже и *глобальная экономика* — хотя бы как надстройка, но она *уже*, а не *еще* — *уже есть* и *уже ест* — всех и вся!

4. *Новый прогресс* (ПРО-гресс) возможен теперь только на основе и в рамках глобальной экономики, или хозяйственной глобальности, т. е. при всяческих *без-ах*, но при полном контроле над всеми хозяйственными ресурсами планеты и человечества, как и надо всем хозяйственным процессом, более того, надо всем

человеческим хозяйством, принимающем образ (имидж) *над-человеческого*, а потому уже и *не-совсем-человеческого*, *над-хозяйства*, следственно в чем-то уже и *не-хозяйства*.

Хозяйство — жизнь, ее обеспечение, но и ее возвышение. И вот наступает момент, когда является вдруг надхозяйство, или ноосферное действо, для которого важнее уже не жизнь, а *над-жизнь*, что-то не это, не наше, не от мира сего, когда сам человек, или существо, называемое человеком, сам является уже и главным хозяйственным продуктом — от начала до конца (феномен *чиповейства*).

Человек (существо в человеческом образе-имидже) хозяйствует, а продуктом его хозяйственной деятельности является уже не благо для человека, а *сам человек*, который, конечно же, уже и не человек (не-совсем-человек, *чиповой*). Но и этого мало: такие теперь рождаются проекты, что и подумать страшно (какое-нибудь преодоление времени-пространства, материи, гравитации, но так же и самой смерти, не говоря уже о том, что еще не принято прямого проективного облика).

После-человек, после-жизнь, после-хозяйство!

Глобальность ведь во всем — вширь, вглубь, ввысь, в разные стороны. Это *освоение* и *преодоление* мира, его превращение в *после-мир*.

Фантастика, миф, сказка? Нет, это уже реальность, однако еще не полностью вычерченная.

5. Глобализованный мир — *другой* мир. Во *всем* другой. Он отличается от *до-глобализованного* мира так же сильно, как мир цивилизованный от мира первобытного, как мир индустриальный от мира аграрного, как мир городской от мира сельского, как мир гражданский от мира тюремного... Совершенно *другой* мир! И он решительно наступает. Идет *глобализационная революция*, по сравнению с которой все прочие революции, даже и само Возрождение — лишь скромные прелюдии.

Вот такой имеет место глобальный разворот, если не выворот, а может, и изворот!

6. Главное противоборство сейчас — не глобального мира с до-глобальным, а глобального мира, который наступает, с тем миром, который может наступить. И будущий мир зависит не

столько от борьбы нового мира со старым, сколько от борьбы уже новых миров — между собой.

Впереди глобальность, и от нее уже не уйти. *Антиглобализм* — не борьба за старый мир, как бы и за неглобализованный, а за *особую* глобальность, такую, которая, вдруг повезет, не закроет совсем человека в человеке.

Раскат глобализации велик, ее уже не остановить. Но можно ли получить какой-либо приемлемый из этого итог? И вот тут-то придется убеждаться, насколько мир трансцендентен и насколько слаб человек, как и несколько «гордынен» человек в своей слабости. Последствия глобализации никто нигде и никак рассчитать не может. Они воистину трансцендентны. Но как-то ориентироваться человеку в новом мире все-таки надо. Отсюда и *глобалистика*, или *глобоведение*, которые есть не более чем *осознанная осторожность*. Антиглобализм — не антиглобализация как таковая, а стиль поведения в условиях неизбежной глобализации, но с желанием выжить.

7. Российская буржуазная революция 1990-х — *революция глобалистская*. Не понимать этого — ничего не понимать! Россия насильно выливается в глобальность, в ней быстро исчезая. Теперь ей как-то быть — всего лишь «общить» в глобальности. Уже нет в полном смысле бытия, а есть какое-то *перебывание* (от перебраться) в глобальности. И Россия почему-то не хочет выскочить из глобоболота. Вязнет. Чему как раз и рады элита и ее правительство. Расчет здесь простой — пожертвовать Россией ради призрачного места в глобализованном мире (да и не места вовсе, а какого-то размещения, но не страны, нации, народа, а этой самой глобализованной элиты). Если Россия в чем-то и участвует, то только в глобализации — как ее вполне подвластный исполнитель.

Россия легко сдалась и отдалась, ничего такого особенно и не осознавая.

Что не получилось у революционеров в 1917 г., получилось у реформаторов в 1991 г.

Была Россия, да как-то и стерлась!

Такова *эсхатология*! Однако глобоболото гораздо больше России, а потому на российскую эсхатологию накладывается эс-

хатология мировая. А это делает российскую эсхатологию совсем уж трансцендентной: исход тут никак уже никому и не виден. Конец России — еще не конец России, а конец, быть может, самого мира, так как в борьбе миров мир и кончится, чего нельзя сказать о России — будущей России.

8. Новый, он же глобализованный, мир принципиально и изначально *эсхатологичен*. Не успел утвердиться, а уже в *апокалиптическом экстазе*. И это понятно, ибо нет уже Цели, нет Смысла, нет Разрешения. Ради чего все это? Для кого? Зачем?..

У нового мира нет будущего, он *обречен*. Не *на-речен*, а именно *об-речен*, — речь его обходит. У него нет Слова!

Ибо *не-человеческий* он!

Только отрицание этого нового мира может дать Слово, а вместе с ним и Жизнь!

9. *Апокалиптика* — не новость для человеческого мира. Мир человеческий в основе и в принципе своем *апокалиптичен* (болезни, беды, войны, лишения, насилия, издевательства, пытки, гибель, смерть..., мало ли что обо всем этом свидетельствует). То ли миру надо преодолеть апокалиптику, для чего и существуют религии, творчество, культура, либо с нею надо смириться, для чего тоже создаются соответствующие идеологии, то ли надо дойти до какого-то апокалиптического предела, чтобы потом... глядишь... и в беспроблемность, если не в рай, а может, и окончательно в ад, в пустоту, в ничто. Но пока мир апокалиптичен. И в глобализации надо видеть как стремление избавиться от апокалиптики мира сего, через его стартовое обобщение и всеобщую мобилизацию, так и тенденцию к большому срыву в готовящуюся апокалиптическую бездну. Кому-то видится за горизонтом счастье, а кому-то — большое несчастье. Что же будет? А кто ж знает? Одно ясно: *большая коллизия* — со смертельным исходом: то ли для этих, то ли для тех, а может, и для всех вместе.

Выход?

Прямого выхода нет: *апокалипсис* идет и усиливается, а апокалипсис — не то, что апокалиптика. Новый мир, или глобализованный мир, очень хорошо в апокалипсис вписывается: как апокалиптическая попытка вырваться из апокалипсиса, чтобы стать *иным* миром, либо, наоборот, в него влезть, чтобы в нем и

сгнуть. Не будем давать абстрактно диалектических, т. е. мало что говорящих, ответов: либо то, либо другое, либо все вместе, и т. д. А лучше постараемся, во-первых, понять, что происходит, а во-вторых, вести себя в соответствии с тем, что происходит.

А потому требуется *сознательно апокалиптическое поведение*, но со знаком плюс, а не минус, т. е. поведение, несущее *апокатастатический*, т. е. *антиапокалиптический*, заряд. Осознание апокалиптики и ее нынешнего раската совсем нам не мешает, ибо может придать мужества, ответственности, аскезы и подвижничества, однако *личного*, ибо пропагандизм ныне не в духе, т. е. не в эффекте.

Если уж говорить о выходе, который неизвестен, то лучше думать о само-выходе, о своем собственном поведении, которые, заметим, осознанно апокалиптивируются, но со знаком минус. Оседлать апокалиптику, но не через революционное движение, которое уже ничего не даст, а через самих себя, что трудно, даже невозможно, но единственно правильно.

10. Кому-то совсем не понравятся такие рассуждения. В Век Науки и в Эпоху Техники такое вот мракобесие?.. И в самом деле, почему же не мракобесие?.. Только что-то беспокойны сейчас души, только что-то все как-то не так получается — особенно хорошее, только почему-то выходит хорошо лишь одно злое?.. Гнусна, ох, как гнусна фотография нынешнего мира, где уже не мир вовсе, а образина — и Россия тут в первых рядах, всего безобразнее и безобразнее. Но и чувства здесь — в России — сильнее, в том числе и к образу и к образию, которых у нее нет, но которых кое-кому все-таки хочется, нет, не героям вовсе, а просто все-еще-человекам.

11. *Глобальная экономика*. Есть ли она? Да, есть, — повторим еще раз. Хотя бы в активном развитии, т. е. еще не конченная. И перепахивает она уже мировую экономику, переворачивает, переделывает. Не учитывать факта глобальной экономики сегодня — непростительная ошибка. Еще хуже не видеть качественных от нее изменений. Глобальная цена, к примеру, — уже не та цена, к которой мы привыкли, ибо учитывает она не совсем то, или даже совсем не то, что нам кажется, да и природа самой цены теперь более идеальная, виртуальная, оценочная, как и

трансцендентная, ибо кто теперь знает, почему цена такая, а не другая. То же самое можно сказать о любом экономическом параметре — от глубинной стоимости до поверхностного продукта. Иной характер собственности, иной характер денег, иной характер капитала, иной характер доходов... А где теперь, или что теперь, микрохозяйствование, т. е. микроэкономика, чего либо уже нет, либо что стало уже совсем другим? А где и что ныне макрохозяйствование, то бишь макроэкономика? А где и что теперь..? — однако не в перечисление тут дело, ибо изменяется сейчас *все*, как и исчезает *очень многое*: иные времена, иной мир, иная экономика.

Глобализация пожирает все и вся, делая это все и вся *глобализованным*, а *каким* конкретно, так это смотреть надо — тоже конкретно.

12. Изменяется сам характер экономики, ее природа. Кажется, что мало что меняется: все те же деньги, цены, капиталы, бизнес и т. д., но в том-то и дело, что уже *не те же*. Глобализация не просто реконструирует пространство экономики, она переделывает *саму* экономику, отрывая ее все более и более от природы, от земли, от места, от производства, от человека, от общества, не говоря уже о Господе Боге. Между Небом и Землей теперь экономика, ибо все небесное и все земное уже чуждо ей, во всяком случае — не ро[□]вно! И цели у такой экономики уже другие, совсем не те, которые еще совсем недавно поражали воображение теоретической экономии. В прошлом уже теория, в прошлом!

13. А что Россия?

России бы полезно стать *не объектом*, а *субъектом глобализации*, однако не той глобализации, которая как апокалиптический зверь набросилась на мир, а той, которую и глобализацией-то не назовешь, которая есть уже *отрицающая глобализация* — отрицающая нынешнюю глобализацию, которая не зверь, а Благо, которая не глобальность, а *обще-житие*, общежитие *больших уравновешивающих друг друга хозяйственных пространств*, во все и не монолитных.

Да что тут скажешь: *апокалипсис ведь!*?

2002 г.

Экономический постмодерн (тезисы)

1. Почему же именно *постмодерн*, даже *Постмодерн*, т. е. с большой буквы? Потому что постмодерн — явление, а Постмодерн — эпоха, причем наступившая, может, наступающая непосредственно после *Модерна*, тоже эпохи, начатой Возрождением, случившимся полтысячелетия назад — по Христову летоисчислению. Соответственно, до Модерна был *Премодерн*, т. е. вся предшествующая Возрождению история, во всяком случае, христианская.

Замечание. Вообще историософия очень мало уделяет внимание, при всей публицистической громкости, феномену *Возрождения* или *Ренессанса*, за которым куда более серьезное значение, чем это пока кажется, не говоря уже о последствиях, которые как раз и прослеживаются по Модерну и Постмодерну — с привлечением, разумеется, в качестве оппозиции и Премодерна.

Деление человеческой истории на Премодерн, Модерн и Постмодерн — очень важно и весьма объективно, если, конечно, осознавать по-настоящему феномен Возрождения.

Возрождение — десакрализация бытия, его секуляризация, наконец, дехристианизация, если не антихристианизация. Возрождение — не вершина, а резкий разворот — от вершины вниз, разумеется, с сакральной точки зрения. Больше нет авторитета в виде какой-то внечеловеческой силы: что Бога, что Природы, что Мироздания, соответственно, и Христа, который хоть и человек, но одновременно и бог. Возрождение по сути — не *воз*-рождение, а *за*-рождение, еще точнее, *рождение* — *нового человека*, действующего уже по своему разумению и своим критериям — *от себя*. Человек теперь — *сам-себе-демиург*, переустроитель реальности, пересотворитель мира и самого человека. Отсюда триумф экономики, техники, науки, вообще прогресса. Возрождение — глобальная революция, которая еще до конца не осознана. И вот осознать ее помогает даже не модерн — ее прямое следствие, а именно постмодерн, который уже есть следствие следствия, или *метаследствие*.

2. Постмодерн — метаследствие Возрождения, венец и заместитель Модерна, вызванного к жизни непосредственно Возрождением. Модерн — время громадного исторического оптимизма, когда история, сбросив обветшалые сакральные традиции, мешавшие ее воле пустилась во все тяжкие по пути свободного человекотворчества, дав удивительную, даже потрясающую *экспоненту* — рывок в новый мир, создаваемый по проекту человека — в целом. И экспонента, задрал вверх себя, задрала заодно и историю, выведя ее на точку... *вырождения*, по крайней мере, Модерна, если не... вообще возрожденческого человека. Это как раз случилось в XX в. от Р. Х. — к XXI в. история подошла уже с ощущением своего собственного конца, т. е. некоторой ее объективности, заданности, вязкости. История вырвалась из истории: теперь стало возможным творить все вокруг без всякой оглядки на объективность, природность, сакральность, даже и на прошлое, которое потеряло свое ограничительное и воспитательное значение. История более не нужна для продолжения творения, уже нет с ней борьбы, теперь борьба только с будущим, которого нет и которое уже подвластно. Модерн закончился и на его место пришел постмодерн, который уже есть *творческая пустота*, а не история, природа, мироздание. Истина теперь не в истоках, откуда и история, а в утверждениях — совершенно от чего-либо внешнего свободных. Отсюда и *Пустота*, перед которой и преклониться не вредно. Что хочу, то и делаю, — разве не это было всегда мечтой человека творящего и... вытворяющего? Сегодня можно вытворять все, что угодно, во всяком случае, в идее — в идеальном мире, полностью подвластном человеку. Но вот человеку ли, а не уже какому-то другому существу, например, *чиповею*?

3. Постмодерн — господство импровизации, виртуальности, имитации, т. е. любой возможной ирреальности, замещающей собою реальность. Последняя еще есть, но уже как *продукт* — и продукт *человека-чиповея*. Обратим внимание: *реальность как продукт человека*. Ирреальность, порождаемая человеком, важнее реальности, порождающей человека. Мир, когда-то при рождении данный человеку — от какой-то внешней относительно силы, стал миром не просто создаваемым человеком, а да-

же миром, им — человеком — даваемым. *Мир данный стал миром даваемым.* Человек сам теперь дает мир... человеку... и человека в мире. Принципиально иная ситуация: *не человек в мире и для мира, а мир от человека и для человека.* И это стало победой — *Великой Победой Возрождения и Модерна!* И сейчас уже не имеет большого значения, того ли хотели титаны Возрождения, к тому ли они призывали, да и осознавали ли они вообще что-нибудь подобное, когда стремились *от...* возможно, и не зная *куда!*

Свершившееся свершилось!

4. И в экономике тоже.

Последняя стала, или становится *постмодерновой*. Время модерновой, или классической, экономики, трактуемой нами как всего лишь частный случай хозяйства, а лучше сказать, его особый способ, как и попросту *стоимостное хозяйство*, ушло в прошлое. Возникшая в итоге победы *экономической революции* и бурного развития *экономической цивилизации* экономика, которую еще принято называть *капиталистической*, или *капиталомикой* перешла в результате своего собственного развития в единстве с научно-техническим прогрессом в такое состояние, при котором оказалось возможным настолько развить финансовую, а не просто капитальную составляющую экономики, что в рамках последней выделилось, заняв высшее надстроечное место, особая финансовая подсистема, представляющая собой некоторую суперкапитальную и суперфинансовую часть мирового экономического хозяйства, способную контролировать мировую стоимость и направлять ее движение в соответствии с собственными интересами, что позволяет этой суперсистеме извлекать постоянный стоимостной и реальный доход в виде не одной лишь капитальной прибыли, но и прямого финансового обложения всего мирового хозяйственного пространства. Не прибыль на капитал теперь главное, а *глобальная финансовая рента*, она же и *глобальный финансовый откат*, которая, как показывает наблюдение, гораздо выше обычной *природной* ренты и даже искусственно создаваемой *интеллектуальной ренты*. Стоимость давно уже не только хозяйственный вспомоществователь, как это было еще в эпоху Премодерна, но даже и не организатор реального хозяй-

ственного процесса, что было характерно для эпохи Модерна, — стоимость теперь господствующая сила, способная к собственной ирреальной возобновленческой организации, контролирующей хозяйственную реальность и под себя ее созидающей. Не стоимость теперь *от* реальности, а реальность ныне *от* стоимости — причем откуда-то сверху, из неизвестности, в пустоте и через пустоту, однако при этом и из центра. Экономический постмодерн обусловлен заменой *экономики снизу* на *экономику сверху*, когда имеет место не столько строительство экономического хозяйства *снизу* и на местах, сколько изъятие его *сверху* и на места.

И это *суперорганизация* особого рода: когда никто и никем не командует, но все (!) в мировом пространстве активно и охотно подчиняются, нет, не командам сверху и из центра, а всего лишь побудительным сигналам, идущим сверху и из центра. Стоимость, имеющая пирамидальную организацию — причем централизованную, настолько *покорила* хозяйственную реальность, что последней теперь ничего не остается, как *приспосабливаться* к идущим неизвестно откуда стоимостным сигналам.

Разъясняющий пример. Дорожный регулировщик не дает каждому конкретному водителю никаких прямых указаний, однако все водители исполняют желание регулировщика, которое он изъясляет своими жестами. Но еще показательнее будет случай со светофором, который вообще ничего не видит и не осознает, однако регулирует вполне сносно уличное движение. Разумеется, требуется известная послушность автомобилистов, добиться которой помогают разного рода дисциплинарные санкции. Нечто похожее происходит и во всемирной финансовой паутине, где есть все: ячейки, связи, барахтающиеся в паутине субъекты, а главное, определяющие ее строение, движение стоимостных потоков и поведение субъектов центры — во главе с единым суперцентром. Есть тут и свои возможности понуждения и санкционирования — вплоть до уничтожения (как бы отбора прав на вождение автомобиля).

Мир экономический, в особенности, научный, привык к тому, что стоимость производится и перераспределяется, но меньше всего он учитывает тот факт, что стоимость *вменяется*, а потом и *изымается*, и это вменение вовсе не сводится к одной только оценке товара, а предполагает участие во всех параметрах и потоках стоимости, в частности, в инвестициях. Инвестирование сегодня — дело не столько конкретных хозяйствующих

субъектов, сколько мировой финансовой закулисы, от поведения которой вовсю зависит так называемый инвестиционный климат. Субъективна, очень теперь субъективна экономическая реальность, которую можно сознательно конструировать — в целом, однако не через оперирование с кирпичиками, а через *вменение поведения* — незаметно, само собой, стихийно, из пустоты. И дело здесь не в одних только экономических параметрах-ориентирах, которые давно перестали быть в основе своей рыночными, ибо они сознательно устанавливаются, но и в *манипулировании сознанием*, которое тоже уже вполне производимый продукт (чиповеи ведь теперь вокруг!). Не производство экономики, а *вменение экономики*, — разве же то одно и то же?

5. Вместо экономики теперь *финансомика*, что означает не полное исчезновение экономики, а всего лишь ее преобразование в *финансовую экономику*. Реализации финансомики способствуют:

- *высокая технологизация* всего хозяйственного, социального и экономического процесса (и дело здесь не в одной технике, ее господстве, а и в технизации самой жизни, превращении отношений в связи, сообществ в сети, субъектов в агентов, мотивов в акции, а самих людей — в чиповеев), что облегчает и вообще делает возможным устраивать управляемую из пустоты мировую самоорганизующуюся финансово-экономическую паутину;

- *предельная глобализация* хозяйственной жизни и экономики, что вместе с их технологизацией позволяет покорять не один только мировой масштаб, устанавливая контроль над всеми ресурсами планеты и обеспечивая их подконтрольное вовлечение в хозяйственный оборот, но и покорять сами время и пространство, делая их ирреальными, несущественными, пустыми, как бы и не существующими;

- *небывалая виртуализация* жизни и экономики, при котором ирреальное господствует над реальным, а пустота над насыщенностью (сегодня возможно все или почти все, что приходит в голову, разумеется, пока еще не в самую шизофреническую), что позволяет созидать экономику, параметры и многое другое в ко-

торой обретают виртуальное бытие (реализация мира даваемого, придумываемого, воображаемого);

- *высокая менеджментизация* жизни и экономики, их особая — незаметная — управляемость, при которой поддерживается видимость экономической свободы, однако искусно влекомой (хорошо организованная самоорганизация), отчего вряд ли сегодня можно говорить о полноценных микросубъектах, составляющих-де экономическое — якобы рыночное — сообщество, равным образом и макросубъектах, способных к самостоятельному хозяйствованию (сегодня всего более не микросубъектов, а микроагентов, не макросубъектов, а субреагентов — кто сегодня не реагирует на мировые мегапараметры, а руководствуется лишь своими жалкими представлениями о рыночно-конкурентной среде?);

- *тотальная информатизация* бытия, хозяйства, экономики, позволяющая учредить окончательное господство цифры и числа над реальностью, когда последняя оказывается не столько источником цифр и чисел, сколько их — самих по себе — продуктов (оцифренная пустота обчисливает реальность), а если принять во внимание централизованный контроль над цифрами и числами при общем неведении глобальных параметров, то информатизация означает не более не менее как своеобразный информационный империализм (феномен собственности на информацию).

Однако это не все: было бы неверным, почти непостижимым, пройти мимо такого феномена, как *растущая и вездесущая криминализация* жизни и экономики, понимаемая нами не столько как нарушение законов, сколько как изощренное пренебрежение какими бы то ни было руководящими, направляющими и предостерегающими устоями, даже уже и не сакральными, т. е. значительно по уровню сниженными, ибо о сакральности уже не может быть и речи. Параллельно такой криминализации идет *обскуризация* жизни и экономики, происходит широкий уход в *тьень*, что означает не просто расширение так называемой *теневой экономики*, а погружение жизни, хозяйства, экономики в некую неизвестность, причем не столько объективную, сколько субъективную: как судьбоносные решения откуда-то из пустоты,

так и функционирование самой реальности в таинственной пустоте. Никто ничего не знает, всем остается только приспособляться к постоянно меняющейся и все менее «цепляемой» ситуации. *Ложь и обман* в данных обстоятельствах — нормальные жизненные категории.

6. Великолепным примером реализации постмодерновых социальных и экономических технологий является *глобалистская буржуазно-экономико-финансовая революция* в СССР—России конца XX—начала XXI вв., а также установившийся в России социо-хозяйственный режим. Здесь все как на ладони, достаточно лишь хорошенько присмотреться и немного подумать.

Примечание. О постмодерне хорошо также судить по таким событиям, как расстрел Верховного Совета в России 1993 г., войны в Ираке и в Сербии (даже и не с Ираком и не с Сербией). В этих «мероприятиях» как в каплях воды отражается все, что принесла с собой постмодерновая эпоха: от высоких технологий и точечных ударов до пренебрежения традициями и низкопробных информационных войн (а показы по телевидению чего стоят?).

7. Постмодерн есть итог Модерна. Факт. Модерна с его классикой больше нет. Модерн еще держался на человеческом, постмодерн кое-как балансирует уже на *пост-человеческом*. Он уже *вне* человека и *вне* истории. В этом смысле это некий *метамодерн*. Приход какого-то *антибытия*, когда о происходящем уже нельзя судить как о бытии. Призрачный *антимир*.

Экономика еще есть, она даже в разгаре. Однако это уже какая-то *эфемерная экономика*, возвысившаяся над реальностью и как-то ирреально над ней парящая. Она уже не столько на земле и в реальном производстве, сколько *над* ними — между хозяйством и *антихозяйством*. Экономика все менее существенна, но все более фиктивна — это уже по сути и на самом деле *фиктивная экономика*. Производство реальных благ уступило место производству (изведению, выделыванию) экономических фикций, однако все и вся контролирующих, надо всем господствующих. Не экономика теперь из реальности, а реальность из экономики, причем, заметим, фиктивной, т. е. пустотной. Жизнь, хозяйство, экономика, выходящие из пустоты, не из ничто даже, а именно из пустоты. *Позитивная трансцендентность мира* уступила место

отрицательной трансцендентности созданной человеком пустоты.

Человек создал нечто, что ему не понятно и что его поражает, правда, речь идет еще о человеке. Демиургия обернулась фарсом, а главное, обезкураживающей пустотой. Игра уже не выручает, хотя и может еще длиться и длиться. Однако здесь и мощный агонистический мотив, заядлая бесперспективность. Постмодерн несет запах смерти. И гибнет не один только модерн. Под угрозой все сразу — сама жизнь, сам человек, сам мир. Неумолимая здесь надвинулась эсхатология. Огромный риск — для всех!

Постмодерн есть и время *альтернативы!* Так полагать можно и нужно. Запад, выдвинувший модерн и опрокинувший его в постмодерн, свое великое историческое слово сказал. События последнего века выказывают его глобальную растерянность, хотя он еще и силен и дерзок. Но это уже рычание уходящего. Постмодерн — уход Запада. Но приход ли это Востока, как многим кажется, это еще вопрос, — хотя к этому вроде бы все идет. В любом случае на повестке не всеобщее мировое единение, а распад. Постмодерн — эпоха распада. И это страшно, так как обезумевший западный зверь способен на все. Не менее опасен ныне и зверь восточный. Все здесь не просто. А пока терпение и мудрость. И не спешить с обвинениями — собственных правительств!

Ненавязчивое пояснение. Поведение Дж. Буша и США, как и сама война в Ираке — постмодерн, попытка предотвратить войну через политику правительств и ООН — остаток модерна, моральное осуждение войны со стороны совестливых людей — отблеск премодерна.

Вот, собственно, и все!

2003 г.

Экономика в лучах философии хозяйства

Металогия и метаистория

Не раскрывая сути философии хозяйства, заметим лишь, что философия хозяйства, будучи масштабнее, целостнее и не-

определеннее (трансцендентнее) теоретической экономии, рассматривает *экономику* как частный случай *хозяйства*, которое есть ни что иное как сама жизнь, взятая по преимуществу со стороны ее деятельского созидания, что близко *организационно-производительному* аспекту. Есть жизнь и есть хозяйство — везде и всегда, а вот экономика, являясь лишь особой формой или способом реализации хозяйства и жизни, никогда при этом не охватывая полностью ни хозяйства, ни тем более жизни, бывает не везде и не всегда, и в этом смысле она исторична и временна. Соответственно можно говорить о *предэкономике*, *экономике* и *послеэкономике* (*постэкономике*).

Чтобы быть понятнее при последующем изложении, укажем, что экономику мы понимаем как способ реализации хозяйства, основанный на *товарообмене* и *деньгах*, а в более абстрактном выражении — на *стоимости*.

I. Предэкономика. Натуральное хозяйство — натурномика. Сакрализованное хозяйство

1. Начало начал

Обходя здесь стороной вопрос о происхождении человека и его сознания, отметим, что как *хозяйствующий субъект*, т. е. субъект, *осознающая* себя и мир, или *вменяющий* в мир и в себя свое сознание, человек стал действовать в мире, *ему данном*, что означает, что человек не создал мира и себя в нем, а оказался в *уже созданном*, не им вовсе, мире. И сам факт сознательного хозяйствования, предполагающего умственное отображение мира, проектирование действий и изменение среды обитания, говорит о том, что человек вряд ли был порожден миром, в котором оказался и вынужден жить и хозяйствовать. Хозяйствование человека в некотором аспекте есть хозяйство *вне-мировое* и даже *противо-мировое*. В мире, через мир и против мира!

Сознание человека в мире и с миром, но одновременно и вне мира и против мира. Отсюда осознание мира, как и самого человека, предполагает, с одной стороны, извлечение мира из мира, т. е. получение знания о мире и использование этого знания

человеком, а с другой — введение в мир своего — человеческого — знания, что имеет результатом уже осознание человеком мира, или вменение мира в мир. Не все, а может, и далеко не все знание, которое добывает и создает человек, хозяйствуя, является знанием *отобразительным*, значительная, если не большая, часть знания оказывается *вообразительной*. В голове человека хозяйствующего не одно идеальное отображение мира, в котором он живет и с которым хозяйственно взаимодействует, но и свой собственный идеальный мир, который возникает уже по воле самого человека, тот самый идеальный мир, с которым человек вступает уже в *творческое* по преимуществу взаимодействие с окружающим миром. Есть мир *реальный*, или *необходимый* (не-обходимый, т. е. который не обойдешь, не проигнорируешь, ибо он свершающийся), а есть мир *виртуальный*, или *возможный* (возможный, т. е. могущий быть, но могущий и не быть, ибо еще не свершившийся). Человек — вершитель не только реального мира, который, правда, и за пределами человека, ибо он не его, но и виртуального мира, который как раз весь в человеке и из него, а потому человек суть обладатель виртуального мира, в то время как в реальном мире он всего лишь действующее лицо.

Если мир представить *природой*, т. е. рожденным *при* и находящемся *при* постоянном *рождении*, то человек не где-нибудь, а в лоне природы, где он постоянно рождается, постоянно и умирает, т. е. уходит в мир, из которого и выходит. Жизнь и хозяйство человека *природны*. Но нетрудно заключить, что одновременно и *неприродны*, даже и *противоприродны*. Человек, судя по всему, дитя не одной природы, которая, как видно, ему *мать* (мать, материя!), но которая вряд ли могла сама по себе, даже усердно хозяйствуя, произвести на свет столь неприродное существо. Тут, видимо, потребен *отец* — уже иной, какой-то внеприродной сути хозяйствующий субъект, который уже не материя, а что-то совсем другое — зачинающее, вживляющее, вдохновляющее, т. е. *дух*, следовательно, и *идея* — человека. Так на нашу интеллектуальную авансцену выходит особого рода хозяйствующий субъект, способный создать в природе и вместе с нею человека, но при этом и саму природу, да что природу — весь мир. И такой хозяйствующий субъект есть Господь Бог, с

чем можно и не соглашаться, но без чего, как выясняется, невозможно ни жить полноценно, ни правильно хозяйствовать. Выходит, что мир, природа, человек, как и хозяйство человека, *божественного происхождения*, у всех у них есть Творец. Отсюда можно говорить о хозяйстве и хозяйствовании Бога, но что интересно, человек у Бога — не только не винтик в Его хозяйственной механике, не только не покорный исполнитель Его воли, но даже и не направляемое Им скрытно существо-зомби, ибо человек при всех мировых и природных ограничениях, на него положенных, имеет *свободу хозяйствования* и возможность *хозяйственного выбора*, более того, человек и сам является *творцом* — себя, своей жизни, своего хозяйства, своей среды обитания. Недаром же человек был создан «по подобию», т. е. подобным Богу, но, важно заметить — не богом. Бог-то абсолютно свободен, а человек — лишь относительно, ибо человек в природе, в мире, он им имманентен, хоть и тоже весьма относительно. Человек вообще относителен, а если и абсолютен, то лишь в этой своей фундаментальной относительности. Хозяйствование человека — *относительное хозяйствование*, а потому и крайне *противоречивое*: свобода здесь сочетается с несвободой, реальное с ирреальным, знание с незнанием.

И вот что важно: рано или поздно, но человек однажды понял, либо до него как-то вдруг дошло — извне или изнутри, что его мир, как и он сам в этом мире, полон *тайны* — и не только *устройственной* (в аспекте устройства мира), но и какой-то *иномирной* тайны, которую можно почувствовать, вообразить, уяснить, как-то даже и выразить словами, но которую никак нельзя разгадать — до конца! Пришло время, и человек осознал, что в мире есть *трансцендентность*, исходящая от *трансцендентного мира*, что его — человеческий — мир всего лишь *имманентный мир*, лишь сопряженный с трансцендентным миром, что и в имманентности хватает трансцендентного, более того, что трансценденция, идущая от трансцендентного мира, или *абсолютная трансценденция*, как и трансценденция, свойственная имманентному миру, или *относительная трансценденция*, вовсе не нейтральны, а активны и действенны, они работают, ставя чело-

века не только в имманентные, но и в трансцендентные условия бытия, жизни и хозяйствования.

Человек, выходит, может многое, но не все, более того, он не может чего-то явно главного и фундаментального, а именно — того, что восходит к трансцендентному — человек не может ни прогнозировать, ни обойти, ни устранить, ни как-то еще преодолеть трансцендентное начало, — что абсолютное, что относительное, — он должен признавать *великую тайну мира*, с ней быть, с ней взаимодействовать, на нее ориентироваться, т. е. быть в чем-то важном и судьбоносном именно *трансцендентным существом* и именно *трансцендентным хозяйствующим субъектом*.

2. Никакой еще экономики

Оказавшись в природе, человек мог жить и хозяйствовать по-природному или, лучше сказать, в соответствии с природой, рассматривая последнюю как свое жизненное лоно, дающее ему саму возможность поддержания и воспроизведения жизни. *Природная жизнь — природное хозяйство*. И сам человек более всего осознавал себя существом *природным*, проявляя, конечно, свою неприродность, но в неких границах. Потребление природы не мешало принципиально воспроизводству природы. Человек понимал свою зависимость от природы, хотя осознавал и свои неприродные способности, дававшие ему возможность кое-что переделывать в природе, а главное, создавать свой неприродный мир, т. е. творить то, чего нет в природе. Так или иначе, но вышло в итоге так, что наряду с *природным миром* возник *мир неприродный*, который, правда, не замещал собою природу, а дополнял ее, с нею взаимодействуя. Постепенно хозяйство человека становилось все более неприродным, образуя *природно-неприродное единство*.

Неприрода, конечно, противостояла так или иначе природе, их отношения не были сплошь идиллическими, но хозяйство в целом велось человеком так, что возникавшие природно-неприродные конфликты более или менее преодолевались, а об-

щее равновесие между природой и неприродой сохранялось, хотя и неоднозначно на разных уровнях.

Хозяйствуя в природе, человек долгое время сохранял и свое природное состояние как хозяйствующий субъект — как по целям и возможностям хозяйствования, его границам, так и по самому облику человека хозяйствующего, который реализовывал себя по преимуществу как замкнутое в себе и на себя *человеческое сообщество*, в котором ни один человек не был собственно хозяйствующим субъектом. Хозяйствовало сообщество, а вместе с ним и в его рамках и каждый член сообщества. Сама организация хозяйствующего субъекта была в основе своей *природной*, т. е. той, которая соответствовала природе, но не вообще природе, а и природе самого человека. Человек — *существо общественное*, и иным он быть не может (сознание и язык не велят).

Но будучи также существом неприродным, человек хозяйствующий не мог не искать и иных решений, идя по пути преобразования хозяйственной организации, ибо он был заинтересован так или иначе не в простом, а в качественно изменяющемся, т. е. в сложном, своем воспроизводстве. Творя неприроду, человек выходил на возможность таких себя и своего хозяйства организаций, при которых его жизнь становилась другой, более, скажем так, насыщенной. Отсюда возможность усложнений человеческих сообществ, а с достижением достаточных размеров избыточных благ (сверх необходимых) и *разделенческо-иерархических* усложнений, и не только в самом процессе хозяйствования, а и в самой жизни: одни человеки стали жить одним образом, а другие — другим, соответственно, и хозяйствовать они стали по-разному, в разных сферах, с разными целями. Сообщества сохранились, но стали другими — *социально-структурированными*, причем неизбежно образовались верхи и низы, возникли отношения подчинения и управления — вплоть до эксплуатации одних другими. А хозяйство тоже становилось все более неприродным, имея и все более неприродные результаты — появились *города*, а вместе с ними и *цивилизации*, что как раз и означало важнейший качественный скачок на пути от природы к неприроде, а путь человека хозяйствующего и был с некоторых пор именно путем *от*

природы к неприроде. В своем хозяйственном рвении человек все более отходил от природы, устремляясь ко все более неприродной неприроде, ее упорно создавая, однако долгое время не порывал с природой, сохраняя с ней весьма эффективную обратную связь, поддерживая с ней — пусть и динамическое — равновесие. И природа позволяла человеку создавать неприроду, ибо веками оставалась по отношению к природе достаточно избыточной.

И Господь Бог, надо полагать, допускал в целом самотворчество человека, наблюдая не без интереса, хотя и с нередким, наверное, негодованием, за все более выходящим из природной обусловленности хозяйствованием человека. Господь, судя по всему, не был особенно доволен человеком, но все-таки не мешал ему, ибо сам обрек его на страдания, на труд, на производство, т. е. на хозяйствование, дав ему при этом и немалую свободу. И человек этой свободой по-своему распоряжался — как мог!

Человек вел в целом природное хозяйство, подчиняя ему свое неприродное, которое выглядело даже и природным, ибо не слишком от природы отрывалось. Человек пользовался природой, ее секретами, переделывая ее, он не столько отрицал природу, сколько ее предполагал. И не только физически, но и идеально. Человек не просто признавал природу за великое благо, он ей даже поклонялся, подстраивая свой идеальный мир под мир природы. Идедность человека была долгое время вполне природной идеальностью.

Однако человек сообразил как-то, что он, будучи существом не совсем природным, все же возвышается над природой, хоть ей и поклоняется. Так или иначе, но человека не могла не осенить мысль о другом мире, из которого, возможно, он сам и пришел, о мире, в котором существуют совсем иные, чем на Земле, существа — некие сверхсущества, и такими сверхсуществами оказались для человека духи, боги, а потом и сам единый Господь Бог — творец природы и самого человека. Человек сообразил, что есть *мир обыденный*, низший, и есть *мир сакральный*, высший, что есть связь между этими мирами, наконец, что и сам человек — сын сакрального мира. На низшее хозяйство человека наложилось тогда высшее хозяйство — Божеское, под которым оказалось и хозяйство природы, в лоне которой как раз и дей-

ствовал человек, а потому человек не мог не рассматривать свое хозяйство, как и всю свою жизнь, *божественно обусловленными*. Так произошла *сакрализация человеческого хозяйства*, его *одухотворение*, а иначе, его *трансцендентализация*. Человек признал *тайну* мира, природы, Бога и хозяйствовал в соответствии с этой тайной, поклоняясь природе, духам, богам, единому Богу, но так же и самой этой тайне.

Поклонение тайне! Очень и очень серьезно, очень и очень важно! Само осознание, что есть другой — высший — мир, что есть невидимая связь с этим миром, что сам ты посланец этого таинственного мира, того самого мира, который умнее, разумнее, дальновиднее этого — низшего — мира, в котором как раз и хозяйствует человек, что человек должен подстраиваться под высший мир, слушать и слышать его, принимая и его руководство, как и опеку, само это осознание делало и человека существом сакральным, как и сакрализовывало всю его жизнь и все его хозяйство. Человек обретал некое *сверхсознание*, которое было как бы *надприродным*, но в силу наличия высшего Божественного начала, перед которым склонялся человек, не переходило той грани, за которой поклонение природе превращалось в презрение к ней.

Никакого заблуждения человека при этом не было, ибо тайна была, есть и будет — меняться может лишь сознание человека и его отношение к тайне — *Тайне!* Осознание тайны, ее признание, наконец, просто вера в нее — никакое не заблуждение, никакая не ошибка, никакая не детская болезнь. Это воистину высшее знание, даже и *сверхзнание*, которое то ли подарено было человеку свыше, то ли человеком самим было обретено в момент какого-то необыкновенного озарения — пусть и растянутого во времени и разрывного, знание, которое и делало человека человеком, ибо человек был и остается пока не кем-нибудь, а существом, *знающим незнание*, — а что может быть выше этого?

Хозяйство, которое человек вел в целом по-природному, даже и встраивая в природу свою неприроду, было хозяйством *целостно локализованным* — и иным оно быть не могло. Находясь в природе и с ней в итоге достаточно бережно, по крайней

мере, рационально, обращаясь (истощение, не говоря уже об уничтожении, природы грозило — и оборачивалось — гибелью хозяйствующего сообщества), человек не мог не обеспечивать в рамках локального сообщества, пусть и достаточно крупного, целостного природного воспроизводства всего локального сообщества. Присваивалось от природы, вместе с нею производилось, как и производилось наряду с природой, а то и вопреки ей, *все необходимое* для жизни локального сообщества, и это все необходимое *принудительно распределялось* — для потребления, а частично и для обмена. Отсюда так называемый *натуральный* характер такого хозяйства: дело здесь не в одной основополагающей природности и в итоговом равновесии с природой, но и в особенностях самого хозяйственного жизнеотправления, его состава и организации, тяготевших к непосредственной целостности и явной принудительности. Все в целом, все по принуждению, все откровенно, что не значит, что целостность не могла сочетаться с дополняющим и частично ее реализующим обменом, а принуждение было обязательно тяжким, репрессивным, чуть ли не невыносимым. В таком *натуральном хозяйстве*, или *натуральной экономике*, все было по возможности, по преимуществу и по необходимости *натуральным* (или *в натуре*): что производство, что труд, что блага, что их распределение, что воспроизводство, что сама жизнь. *Натуральная жизнь — натуральное хозяйство — натуральная идеология!* Однако натуральность не обходилась без *сверхнатуральности*, т. е. без *сакральности*. Наблюдая природу, с ней взаимодействуя, живя в ней и ею, видя ее живую и рассматривая как живую, признавая ее огромную силу и величественную мудрость, ощущая не одну зависимость от нее, но и ее покровительство над собой, чувствуя свою к ней причастность, наконец, выделяя в природе что-то такое, что вовсе не подлежит полному и ясному отображению словами, т. е. осознавая одушевленность и одухотворенность природы, наконец, ее божественность, а по-нашему, *трансцендентность*, человек не мог не сакрализировать природу, а соответственно, и свое в ней и с ней хозяйство. Натуральность предполагает и вполне логичную (хотя в то же время и *сверхлогичную*) сакральность. *Натуральное хозяйство — сакра-*

лизованное хозяйство, такой же, т. е. сакрализованной является и вся идеология натурального хозяйства.

II. Экономика. Капиталоманика. Финансоманика

1. От натурального хозяйства к экономическому хозяйству — от натуроманики к экономике, но в то же время и от хозяйства к экономике

Для понимания сути *экономики* вполне позволительно рассмотреть ее как *ненатуральное хозяйство*, соответственно, как какую-то противоположность *натуроманике*, т. е. найти в экономике какую-то принципиальную искусственность, причем такую, которая абсолютно и не снимает натуральности хозяйства и жизни, их естественности, природности. Отсюда, коли уж искусственность, то, наверное, какая-то параллельная, дополнительная, относительная, т. е. предполагающая и взаимодействующая с натуральностью, хотя ее при этом и как-то отрицающая.

Так как же?

Видимо, так, что в реализации натуральности жизни и хозяйства должен появиться какой-то принципиально ненатуральный момент, заставляющий все хозяйство, а за ним и всю жизнь, выглядеть уже как-то ненатурально — не в натуре. Натура должна отступить, уйти на второй план, а на передний должна выйти какая-то ее противоположность, рождаемая не природой, а неприродой, т. е. самим человеком. Человек вводит в хозяйство какую-то принципиально неприродную компоненту, но куда или во что? — в саму *организацию хозяйства*, которая должна потерять что-то из своей натуральности, а именно — *общественной натуральности*. Общество должно перестать хозяйствовать в натуре и начать хозяйствовать не в натуре, т. е. в *ненатуре*.

Как же это?

А так, что воспроизводство человека, семьи, коллектива, сообщества вдруг перестает быть целостно локализованным, полностью в себе и для себя, а лучше сказать, *единым*. Вместо *воспроизводственного единства*, когда все и всем сразу, т. е. все необходимые блага и обязательно для всех членов воспроизво-

дящегося сообщества, хотя и не обязательно поровну, приходит *воспроизводственное неединство*, или *разделенность*, когда не все и всем сразу, а сначала что-то особенное для отдельной части сообщества, а потом уже — после взаимоперехода частного особенного от части к части, вот тогда уже все для каждой части и соответственно все для всего сообщества.

Выходит, что каждая из частей сама по себе в природе не воспроизводится, но воспроизводится она в природе лишь при каком-то особом взаимодействии всех частей сообщества — *социальном взаимодействии*, т. е. ненатуральном, неестественном, неприродном. Такое взаимодействие суть *обмен* — благами, трудом, хозяйствованием, но такой уже обмен, без которого, во-первых, жить невозможно, а во-вторых, при котором и в результате которого нужно получить все необходимое, что заставляет выполнять два важных требования: во-первых, иметь для обмена достаточное количество обмениваемого особенного, чтобы взамен получить все остальное необходимое в воспроизводственной целостности, а во-вторых, обменивать надо в некоторых обязательных пропорциях, т. е. в некоторых *ценностных соответствиях*, и обязательно *возмездно*.

В итоге получается, с одной стороны, разделенное хозяйствующее сообщество, а с другой — сообщество, объединенное уже через возмездный, или *товарный*, обмен. И если главным для натурального хозяйства является принудительное производство и распределение благ, то для ненатурального хозяйства — свободное и самостоятельное по частям производство благ и возмездный — постоянный и достаточный — обмен ими. Такой обмен, который не дополняет лишь принудительное производство и распределение, как это случается в натуральном хозяйстве, а обеспечивает вообще производство и распределение благ, которые становятся уже полностью обменно обусловленными (без обмена неосуществимыми).

Так начинается экономика — *экономическое хозяйство* — с разделением натурального хозяйства на части и непременным его объединением в целое через товарный обмен между частями. Однако это лишь первое смысловое приближение, ибо остается

пока за кадром исключительно важное в реализации такого ненатурального хозяйства — *механизм всеобщего товарообмена*, который тоже не может не задавать экономике ее специфику как способа хозяйства. Мало разделить хозяйство — через обособление частей, т. е. через *частную собственность*, надо еще объединить хозяйство в воспроизводственное целое — но уже через что-то *общее*, что может быть достоянием каждой из частей, но что в то же время должно быть *обще* всему разделенно-объединенному хозяйству. Сам по себе товарообмен на эту роль не годится, ибо он всего лишь процесс взаимодействий частей, а не что-то общее всему и вся — тут, видно, потребна какая-то общая, при этом способная к разделению и частному обособлению, как одновременно и к любому соединению... *субстанция*, такая субстанция, которая везде и всюду — по частям, но которая при этом и переходит от части к части, а также сливается в любые другие части, т. е. какая-то единообразная, однако способная к делениям и слияниям, субстанция. Нетрудно убедиться, что при отсутствии такой субстанции, способной все и вся единообразно выразить — качественно и количественно, по всем частям распределиться, их единообразно определяя, переливаться от части к части, соединяться где надо и когда надо в любые иные части, наконец, представлять единообразно все хозяйственное целое, никакой всеобщий товарообмен невозможен.

И такая субстанция непременно возникает в экономике, принимая облик *денег* — особого *товара* — *всеобщего эквивалента*, а принято эту субстанцию с некоторых пор называть философски и по-научному *стоимостью*. Все и вся в экономике должно стать стоимостью, обмениваться как стоимость, наконец, умирать как стоимость. Для экономики характерен *феномен стоимости*, который не есть натуральный, естественный, природный феномен, а как раз феномен искусственный, неприродный, социальный. В хозяйстве возникает, но при этом как бы в него и вселяется, особого рода *идеальная субстанция*, обязанная своим возникновением и вселением всеобщему товарообмену, тем самым товарообменным возмездным отношениям, которые реализуются в ходе этого самого всеобщего товарообмена, которая

представлена в товарных оценках или *ценах*, возникающих в процессе все того же товарообмена, но которая при этом получает и самостоятельное, вполне адекватное себе самой, выражение и существование в виде денег, их массы и их масс.

Все в экономике, т. е. все, проходящее через процедуру товарообмена, получает стоимостное выражение — в деньгах. Все так или иначе становится в экономике стоимостью, т. е. поражается некой неприродной субстанцией, подвергается ее оценке и получает от нее цену. Стоимость пронизывает все и вся, требуя от всего и вся стоимостного бытия-поведения. Только будучи стоимостью и ведя себя как стоимость, можно рассчитывать на бытие в экономике, а соответственно, в хозяйстве. И это касается вовсе не одних обмениваемых благ, но и самого человека — *субъекта экономического хозяйства*.

В разделенном товарообменном хозяйстве, или в экономике, хозяйствующий субъект не просто зависит от всеобщего товарообмена, как и от обмена своих благ на все другие необходимые ему блага, но и от ряда стоимостных оценок, вливающих в его личный *стоимостной расчет* — затратных, продажных, покупочных, доходных, в результате чего хозяйствующий субъект оказывается способным хозяйствовать, вести свое хозяйство, быть участником общественного хозяйства. Возникает необходимость поиска некоего *стоимостного баланса* — между расходами и доходами, определяющего первейшую экономическую целесообразность хозяйственной деятельности, но также и *превышения доходов над расходами*, делающего хозяйственную деятельность совсем уж привлекательной. Так появляется прямая зависимость субъектного хозяйствования и хозяйства в целом от *реализации стоимостного начала*. Мало того, что каждому субъекту надо считать и считать, но при этом еще и считать особым образом — чтобы удовлетворить требованиям реализующейся и работающей стоимости. Отсюда и проблема особой эффективности — *экономической*, со всей ее искусственной, ненатуральной, неприродной мотивацией.

Появляется, таким образом, как бы параллельная хозяйственная механика — экономическая, но которая занимает вовсе

не подчиненное положение, а наоборот, главенствующее — пусть исторически и не сразу: наверху стоимость с экономикой, а внизу уже все остальное. Образуется особого рода *хозяйственная иерархия*, при которой экономика, будучи в общем-то надстройкой над фундаментальным хозяйственным базисом — жизнью, оказывается главнее хозяйства вообще и жизни вообще. Где экономика, там уже во главе всего стоимость, она все определяет, все начинает и все завершает — всю хозяйственную жизнь, включая и саму смерть. Данный феномен господства стоимости, когда хозяйственное действие опосредствовано стоимостью, от нее зависит и ею направляется, более того, ради нее и осуществляется, называется *стоимостным фетишизмом*, что совершенно справедливо — стоимость занимает место Природы, Бога и даже самого человека, ее почитают, ей поклоняются, к ней прислушиваются. И если сохраняется какая-то сакральность, то совершенно иного рода — отрицательно-искусственного, как бы *секуляризованная сакральность*, сама себя отрицающая и выворачивающая наизнанку — ложная, обманчивая, лукавая сакральность, ибо стоимость — не от Природы, не от Бога, а от самого человека, правда, уже и сильно изменившегося — экономического.

Движение к экономике — не только движение от натуральной экономики к экономике, но и от хозяйства к экономике, хотя хозяйство, как и сама жизнь, не исчезает и исчезнуть не может, но может оказаться в такой зависимости от экономики, что начинает терять свою собственную самость, отходя на задний план. И в самом деле, разве вокруг нас хозяйство, а не экономика, коли в основе, впереди, в центре и во главе всего хозяйственного находится стоимость, а соответственно, деньги и денежный расчет? Выходит, правы экономисты, что изучают и преподносят не хозяйство, а именно экономику, как будто и забывая о хозяйстве, о жизни, о природе, о Боге, даже и о человеке, который всего лишь элемент в экономической системе и не более как активный или пассивный участник гигантской экономической игры. Экономика как бы вытесняет хозяйство, и не из одних экономических голов, но и из реальности, ибо реальности ничего уже не остается, как

представляться — и вполне обоснованно — экономикой и только экономикой.

2. Экономика как капиталоника. Все дальше от хозяйства

Одно дело самому производить блага, привлекая для этого стоимость, и совсем другое — привлекать стоимость, чтобы блага производили другие, а ты сам либо управлял бы этим производительным процессом, либо перепоручил бы это делать другим, либо вообще бы ничего не делал, получая лишь свою долю от общего в данном случае дохода. Все это называется *капитализацией стоимости*, а чуть иначе, *феноменом капитала*, когда *деньги производят деньги* с возможностью даже и перспективной неограниченности — пусть в прерывности и с препятствиями.

Стоимость доставляет стоимость в расширенном масштабе, т. е. возникает эффект *накопления стоимости*, разумеется, в деньгах, что вовсе не исключает их последующего перевода в неденежное богатство.

Богатство. В капиталонике это уже не Богом данное и не природой дарованное, да и не трудом собственным созданное, а полученное за счет стоимостного привлечения не своего труда, но и своего при этом капиталонакопления, богатство. Не натуральное богатство теперь в чести, а стоимостное, т. е. деньги, приносящие деньги, либо *капитал*, а потом уже и богатство натуральное, все более становящееся, правда, искусственным, ибо производительное накопление стоимости непременно и весьма быстро прорывает границы натурального, т. е. сугубо природного, производства, превращая его все более и более в производство ненатуральное, стало быть, и неприродное. Только экономика, ставшая *капиталоникой*, решительно выходит за пределы собственно натураники, создавая все расширяющийся искусственный мир. Именно капиталоника стала широко применять не только разделение труда, но и машины, как и вообще технологию, превращая производство уже не столько в трудовой, сколько в технологический, процесс, при котором естественный ручной, как и естественный умственный, труд, т. е. труд как бы сугубо организменный, становится трудом машинным, механи-

зированным, технизированным. А у такого труда уже неограниченные возможности, с учетом усовершенствований и обновлений его технической составляющей, для роста производительности, расширения производства и его развития, умножения разнообразия.

Хозяйство человека превращается в *капиталохозяйство*, когда основным хозяйствующим субъектом становится *капиталист-предприниматель*, субъект капитала, самовозрастающей стоимости, т. е. некоей неестественной субстанции, способной к самодвижению, мало того, к господству над хозяйством, его натурой, причем к такому господству, что хозяйство становится в прямом смысле слова функцией от стоимости, ее самовозрастания, ее воспроизводства. Капитал овладевает экономикой, а вслед за ней и хозяйством, втаскивая их в свое напористое движение, но при этом и качественно изменяя. Именно под напором капитала быстро развивается и окончательно складывается *экономическая цивилизация*, для которой уже нет ничего «святей», чем *накопление капитала*.

Сначала накопление капитала, а затем уже все остальное, — и если накопление капитала в целом идет, совершая чаемые страстно обороты, то можно, при нужде или без нее, обращаться к природе, к человеку, к этике и морали, даже и к Богу. Общество живет теперь не просто с капиталом и при капитале, а прямо-таки по капиталу и под капиталом, становясь обществом воистину *капитализированным*. И ничего другого, как исполнять умильно и гневно капитальный танец, навязчивый и радостный, ему уже не остается.

3. Экономическая свобода и несвобода. Произвол и принуждение. Власть

Стоимость дает свободу *от* очень многого: от личной зависимости, известной как рабство и феодализм, от государственной зависимости — того же абсолютизма, от природы, которую остается только покорять, от моральной идеологии, базирующейся на принципах «неполезной» справедливости, от самого Господа Бога, уже вроде бы и одобряющего безудержное накопление богат-

ства, от тяжелого труда, который можно переложить на других, от материальной зависимости, ибо появляется недостаток и даже избыток потребительских благ, от разного рода культурных, политических, идеологических и прочих запретов и ограничений, столь характерных для традиционных, т. е. стоимостных, обществ. Стоимость дает свободу и *за* очень многое: личную жизнь, индивидуализм, азарт, творчество, потребности, желания, стремления, вообще всяческий активизм, даже и совершенно криминальный и абсурдный. Но стоимость не дает и не может дать свободы *от самой себя*, коли стоимость есть и коли она работает. Здесь уже полная зависимость — человека от стоимости, причем разная — то как субъекта стоимости, то как ее объекта, то как реализатора, то как подрядчика, то как эксплуататора, то как эксплуатируемого. Все и вся, как и все без исключения агенты экономики, в *вихре стоимости*.

Остается ли тут место воле и произволу? Конечно. Отсюда и *конкуренция* — за стоимость и за предоставляемые ею блага, т. е. борьба — как борьба без правил, так и с правилами, но всего менее — по правилам, а всего более — меж правил, а потому произвол ограничивается принуждением — к *закону*. Тут уж никакого сердца, только закон, а вот соблюдение — другое дело, ибо на первом месте не соблюдение, а приспособление к закону, а далее уже просто двойной стандарт: здесь царствует, пусть и во многом формально, закон, а там — произвол.

И стоимость подпадает под закон, но такой закон, который не препятствует сильно стоимости оставаться стоимостью, а потому стоимость с законом, а закон со стоимостью, что, собственно, и лежит в основе *экономической цивилизации*, равным образом, и ее оборотной — *субцивилизационной* — стороне.

Стоимость хороша, умна, расчетлива, но без принудительных рамок она есть самогубительный произвол, — и совершенно нормально, что стоимость обуздывается, т. е. нормализуется, законом — в широком смысле слова законом — становясь стоимостью *организованной* — *институционально*, а при необходимости и *функционально*, когда закон дополняется и властным действием («окриком»).

Стоимость — *власть*, но и *над стоимостью есть власть*, которая, правда, прижимая стоимость, ей же и служит. Это нестоимостная по сути власть над стоимостью, ее опекающая нестоимостным образом. Обычно она выражается и реализуется *государственностью*. Стоимость без государственной власти — позорный миф, а безгосударственной реальностью она может стать только при замене государственной власти какой-то иной властью, которая может в принципе быть и которая даже есть, но пока что наряду с государственной властью либо через нее, т. е. не без государственности.

Стоимость *субъектна*. Субъектна в двояком смысле: как вселенная в субъекты или по субъектам распределенная и как сама по себе субъект, однако особый — социо-процессно-объективный. Стоимость реализуется через субъектов, их решения и действия, их власть над ней, но одновременно и сама по себе — как воспроизводственное сообщество субъектов, в ходе субъектных взаимодействий, но при этом и как *трансцендентный единый субъект*, которого нет, но который есть, причем субъект *решающий*, т. е. принимающий решения — за сообщество субъектов (обычно этого субъекта называют рынком, что верно лишь отчасти, ибо рынок несубстанциален, а вот стоимость — субстанция, которая везде и всюду, которая рождается и умирает, сосредоточивается и растекается, соотносится и перетекает, конкретизируется и превращается, которая непосредственно или опосредованно выражается во всех экономических параметрах и феноменах, чего не скажешь о рынке, который всего лишь механизм реализации стоимости, к тому же не единственный).

Субъектность стоимости — сложное полилектическое нечто. Стоимость не вообще субстанция, не вообще дух, не какая-нибудь энтелехия или стихия, это именно что-то субъектное, действующее субъектно, если хотите, и разумно, если под разумом здесь понимать способность принимать, или даже производить, решения. В момент решения всегда находится субъект, через который действует стоимость. Нужно заметить, что без взаимодействия собственно экономических субъектов ни о какой стоимости вообще не может быть речи, т. е. стоимость субъектна

изначальна, генетически, по рождению. Ничего страшного не будет даже в утверждении, что стоимость есть эманация субъектов, что она из них проистекает, но, разумеется, при обменно-оценочном взаимодействии. И стоимость никогда не покидает пространства экономических субъектов, хотя и способна сосредоточиваться сама по себе в деньгах, но все равно в субъектном пространстве. Стоимость неотделима от субъектного распределения. И нет ничего удивительного в том, что стоимость и сама субъектна, когда речь идет уже не о субъектности, порождающей стоимость, а о субъектности, в которой стоимость выражается и через которую действует. И в объективности механизма стоимости, его действия как общественной силы, следует замечать субъектность, ибо в противном случае стоимость оказывается некой пассивной массой, что совершенно неверно, ибо стоимость не абсолютно массовидна и по своей природе абсолютно не пассивна. Так ведь и само общество можно представить пассивной массой, хотя это далеко не так (что не исключает временами и местами известной массовидности населения и его пассивности). Стоимость — это обобщение, оценка и субстанция, но это и *субъектность*, а потому стоимость и умна, и расчетлива, и мудра. В некотором роде она есть своеобразная *софия-премудрость*, но, разумеется, не божественная, а наша, вполне посюсторонняя, хотя по-своему *трансцендентная*. Добавив к отношению, оценке, субстанции и субъектности еще и трансцендентность, мы получаем, с учетом *идеальности* стоимости, весьма полное и приближенное к действительности понимание стоимости, а вместе с тем и всего экономического в хозяйстве, как и вообще экономики. *Экономика — это стоимость, а стоимость — экономика!*

4. От капиталономики к финансомике. Еще дальше от хозяйства

Капиталономика — тот самый *капитализм*, так хорошо известный, хотя более всего и нехорошо. Характерна первичная, да и последующая маргинальность капитализма, его беспардонная напористость, безнравственность, разрушительность, а потом уже и полезностная мораль, бесстрастная эффективность, механический оптимум. Не очень-то приятно было называться *капитали-*

стом — поначалу, пожалуй, и вообще бранно-насмешливым словом, вроде мешочника, скопидома, кровопийцы. Капитализм вышел как бы из преисподней, почти что ниоткуда, из каких-то социо-межнациональных прорех, хотя и сопутствовал экономике и в ней созрел — как некое чудовище, которого вроде бы и не должно было быть, а оно вдруг взяло и явилось — со ста головами и пастями, с жаркими взорами и непомерным аппетитом.

Экономика усложнилась, образовав как бы верхний этаж — *капитал* или *капитальную стоимость*, и верх подчинил себе низ: ничего теперь без капитала и капиталиста, да и сам капитал быстренько усложнился, образовав массу *банковского капитала*, который встал еще выше, чем вообще капитал, ибо имел дело уже не с производством благ, а с теми капиталами, которые занимались производством благ, т. е. был уже *капиталом капиталов*, или *капиталом для капиталов*, а соответственно, и *над капиталами*. Это уже была не производительная сама по себе, а *финансовая* деятельность капитала, ибо он манипулировал уже не просто деньгами, а *только* деньгами, не просто стоимостью, а *только* стоимостью, мало того, деньги и производил — *кредитные деньги*.

Всякий экономический субъект является *финансовым*, ибо у каждого есть деньги и он ими распоряжается, т. е. имеет место так или иначе приход денег и имеет место в том или ином виде их уход, т. е. имеет место движение денег в руках или через руки любого экономического субъекта. Такие работающие деньги суть *финансы*, а если какой-нибудь агент только такими деньгами и занимается, то он по сути *финансист* — только финансист, хотя любой экономический субъект в той или иной степени тоже финансист, но не каждого субъекта можно назвать собственно финансистом, ибо для этого нужна все-таки финансовая специализация.

Экономика рождает такое явление, как *финансы*, а это явление в свою очередь рождает такого субъекта, как *финансиста*, и самым обыкновенным и заядлым финансистом является банкир. Отсюда банковский капитал есть, строго говоря, *финансовый капитал*, который именно финансами и занят. Его продукт —

финансовая услуга, а не что-нибудь еще. И если представить, что банк настолько усиливается, что без его капитала, т. е. и его финансов, уже никуда, то легко заключить, что *банковские финансы* оказываются не то что наверху, но и впереди, да и вообще в самом центре экономических событий.

Деньги — не капитал, но капитал непременно деньги, а если денег нет, то их можно как-то привлекать, чтобы превращать в капитал. Этому и служит *кредит*, или *заемные деньги*, или *заемный капитал*. Деньги может дать банк, любой иной владелец денег, становясь *ссудным капиталистом*, т. е. дающим деньги в рост или за доход — *процент*, ибо этот доход есть отчисление, т. е. доля от дохода реального пользователя деньгами — производительного предпринимателя. Однако заполучить деньги можно и иначе: посредством привлечения денег от анонимных заимодавцев или через превращение легальных и анонимных заимодавцев в собственников реально действующего капитала. Делается это посредством выпуска *ценных бумаг: облигаций* — для первого случая и *акций* — для второго. Между реальными деньгами и реальным капиталом располагаются *фиктивные деньги* — эти самые ценные бумаги, которые одновременно оказываются уже и *фиктивным капиталом*. Но к привлечению денег все тут не сводится, ибо через владение ценными бумагами, проще всего, акциями, можно уверенно владеть и производительными капиталами, а потому нейтральный заимодавец легко превращается в заинтересованного *инвестора*, т. е. субъекта, не просто дающего деньги под капитал, но и владеющего этим капиталом, а также и получающего с капитала доход. Здесь уже открывается обратная возможность — не только ссужать кого-то деньгами через покупку ценных бумаг, получая доход, но и *приобретать* за деньги сам производительный капитал, т. е. экономические предприятия, вкладывая в них деньги посредством того же самого приобретения ценных бумаг. Отсюда возможность владеть различными капиталами, из разных отраслей и стран, в разное время (через покупку ценных бумаг сегодня и их продажу завтра), что позволяет — помимо игры на рынке ценных бумаг, или *фондовом рынке*, — создавать любые финансовые структуры и образования: от

инвестиционных конгломератов до распределенных по пространству финансовых сетей. Суть дела здесь в том, что *чьи-то* финансы уже и *мои* финансы, а *мои* финансы суть уже и *не мои* финансы, а как бы и *совместные*, хотя и не общие. Так возникает феномен *структурных финансов*, или *совместных финансов*, в составе которых всегда *чьи-то* разные финансы, но эти финансы всегда вместе, в действующей и эффективной совокупности.

Но это не все: возникает феномен *финансовой опеки* над экономикой и вообще хозяйством, когда уже не просто стоимость важна, не капитал даже, а именно *финансы*, или *финансовость*, причем не просто *чьи-то* финансы, а финансы как что-то субстанциональное, как некая сила, как что-то решающее. Является не что иное, как *финансизм*, причем является так, что уже как бы и не экономика как таковая, а *финансовая экономика*, что для удобства можно и *финансомикой* назвать, (а не, скажем, *финансономикой*). И если ко всему уже отмеченному добавить само денежное хозяйство, валютные отношения, государственные бюджеты и тому подобные тоже в общем-то финансовые вещи, то уже совсем понятно оказывается, что экономика, став капиталом-экономикой, непременно превращается в финансомику, а финансономика, со своим *финансоцентризмом* и со своей *финансовой рентой*, когда все вокруг почему-то под центром, отчего-то должны и почему-то выплачивают старательно финансовую подать, то никакого уже не остается сомнения в том, что высшим на сегодня уровнем развития экономики, или стоимостного хозяйства, т. е. и самой по себе стоимости, является как раз *финансомика*. И разве не соответствует все это идеальной природе стоимости, ее трансцендентности, как и реальным возможностям ее вполне самостоятельного бытия?

Обозревая финансомику, не трудно придти к заключению, что данный способ реализации экономики еще дальше от собственно хозяйства, что финансы уже и в самом деле «между землей и небом», что они царят над реальностью, подчиняя ее себе, своему воспроизводству, своему пониманию всего и вся, своему трансцендентному проекту. Не хозяйство теперь, не экономика даже, которая еще как-то хозяйство обслуживает, не капитал, который гонит вперед хозяйство, отрывающееся от своих корней, а

какое-то летучее хозяйство, которое подчиняется уже какой-то ирреальной *финансовой телеологии*, обгоняющей сколько-нибудь реальные и осознанные цели. И может, не так уж был далек от истины прозорливый Ф.М. Достоевский, увязавший воедино *финансы* (банки) и *апокалипсис*, видя их металогическую взаимобусловленность: и финансы у него от апокалипсиса, и апокалипсис от финансов, — и уж не слились ли они теперь воедино, заметим уже мы сами, в феномене финансомики?

III. Премодерн, или время Модерн, или временность Постмодерн, или безвремяе

1. Приехали

Период победы, бурного развития и *триумфа* экономики, или *экономической цивилизации*, дошедшей до *глобального финансизма* — особый и абсолютно выдающийся период в хозяйственной истории человечества. Явилась *экспонента*, причем практически неуклонная. Взлет. Создание неприроды, противостоящей, а то и поглощающей, природу. Природа есть, но она более не царица. Теперь вокруг искусственный мир: городской, мегаполисный, технический, железо-каменный, пластмассовый. *Новое бытие* человека вообще и человека хозяйствующего. Человек практически *все может*. Теперь это *из-себя-демиург*. Разумеется, есть ограничения, законы природы не преодолены, но зато активно и бесцеремонно используются. *Такого* никогда не было. Человек на какой-то небывалой вершине. Что далее? Тут масса вопросов, ибо никто не знает ни мира, человеком сотворенным, ни его истинного завтра. *Великая неизвестность от новизны!*

Человек не перед очередным историческим этапом, хотя в чем-то это и так: человек перед *абсолютно новым бытием*, которого он не знает и знать не может. Планета освоена и покорена, она уже не бескрайний мир, а ковчег, но для чего? Куда и зачем плывет этот ковчег, в котором очень и очень беспокойно, а уютно, может быть, лишь местами — да и то искусственно. Планета — уже не дом, а потому хозяйство уже не домохозяйство! Ни

Бог, ни Природа, ни Дом — не указ! Абсолютная новизна — как перед бездной.

Приехали!

Нельзя не выделить этого в высшей степени примечательного периода — с середины II тысячелетия от Р. Х. до его — этого тысячелетия конца. Европейский период, Атлантический, Карфагенский. Даже с историей — как развивающейся объективностью — этот период покончил. Дальше как будто бы уже не история, а что-то другое — *внеистория*, к примеру. Перелом в человечестве, его бытии, его истории. Крутой и великий. И ничего не остается, как обратить озадаченное внимание к этому славному деяниям периода. И если признать его современным, т. е. как бы нашим — не древним, то можно назвать его *периодом Модерна* или, для краткости — *Модерном*, ибо это не только период, но и качество, не только длиннота, но и содержание, не только течение, но и смысл.

И уж коли случился Модерн, который, прямо скажем, очень специфичен, т. е. совсем не такой, как все ему предшествующее, ибо и это предшествующее можно от противного к Модерну определить как *Премодерн*, т. е. то, что было *до* Модерна, ему именно предшествовало, было совсем другим.

Соответственно, коль скоро мы почувствовали Модерн, но сделали это с ощущением уже его завершения, ибо впереди маячит что-то не такое, что характерно для Модерна, то мы можем, опять же отталкиваясь от Модерна, ввести понятие *Постмодерна*, т. е. того, что идет на смену Модерну, его так или иначе отрицает, при этом в чем-то и продолжая. Тут уж весь набор диалектики, если не полилектики.

Выходит, что приехали мы не куда-нибудь, а в Постмодерн, который уже не Модерн, не совсем Модерн, совсем не Модерн, а что-то явно другое. Есть, наверное, о чем здесь поразмышлять. А раз есть, то придется, видно, и кое над чем всерьез и глубоко задуматься.

2. Общее и отличное

Что *общего* во всех трех эпохах и что в них *отличного*?

Разумеется, просто так на такой вопрос не ответить. Однако нет у нас ни места, чтобы писать обширные трактаты, ни времени, чтобы их читать. Напряжем поэтому воображение.

Ничего более общего для любой эпохи нет, как *времени* и *пространства*. Обозначим время для удобства В, а пространство — П, соответственно у нас получается и ВП. Однако, если немного подумать, то выяснится, что нет ничего более отличного от эпохи к эпохе как именно *время* и *пространство*, т. е. В и П. Разумеется, мы говорим здесь не о физических В и П, по-особому трактуемых физикой, а о социо-исторических В и П, трактуемых гуманитарно. Жизнь всегда реализуется во В и П, однако в разных временах и пространствах.

Премодерн. Нетрудно убедиться в том, что долгое время В и П либо вообще не фигурировали в умах человеческих, либо как-то обозначались, но конечно же, как сугубо *природные* В и П. Сначала, возможно, В и П были локализованы в представлении человека, но затем стали с неизбежностью трактоваться как безграничные: В — *вечность*, П — *космос*. Премодерн — бытие в вечности и в космосе. И чтобы жить, надо было сознательно ограничивать В и П, задавая им какую-то *меру*. Человек улавливал вечность и космос через ВП-меру. И жил в этой мере, в ней и хозяйствовал, не забывая при этом о вечности и космосе. Так реализовывался сакральный подход ко ВП, что позволяло и сакрально хозяйствовать в сакрализованной же природе, которая тоже рассматривалась вечной и безграничной. Время текло спокойно и величаво — с природными отрезками и циклами, пространство растекалось тоже не менее солидно и величественно — с природными локалиями и границами. Вот почему мы можем сказать, что Премодерн это время, даже не совсем так, а несколько иначе: *Премодерн — Время!*

Модерн. Явился человек-революционер, человек-демиург, человек-бог. Явился человек-деньги, или *экономический человек* (*homo economicus*). В и П стали деньгами («время — деньги!»). Это теперь не просто условия бытия человека и его хозяйства, а

факторы неограниченного накопления денежного и неденежного богатства. Деньги *из* В и П. Стоимостная субстанциональность В и П. Их служебная экономическая роль. Активное покорение В и П на базе бурного развития науки и техники. В и П стали терять природность. Десакрализация В и П. Искусственность В и П. Спешка. Ускорение жизни, хозяйства, бытия. Изменчивость. Обновляемость. Недолговечность. Тотальный подсчет В и П, количественное овладение ими. Неприродное измерение В и П, воцарение *неприродной меры*. На место вечности — срочность, на место космоса — скорость. Отсюда Модерн это временность, или *Модерн — Временность!*

Постмодерн. А что мы можем сказать *такого* о Постмодерне, коли о самом-то Постмодерне еще надо говорить и говорить? Верно, мало чего, но кое-что все-таки можно, ибо способны мы к некоторой отрицающей Модерн пролонгации Модерна. Трудно, но можно. Что же тут остается? Правильно, именно это: вообще исчезновение В и П, точнее, их такое своеобразное наличие, при котором их как бы и нет (тут, прямо-таки, вершина диалектики!). Окончательное покорение В и П, которое надо понимать не как их полное исчезновение из мира вообще, а как что-то в нем имеющееся, но при этом и как бы не особенно действующее. Остановку, что ли, или торможение, может, и отстранение. При этом и их замену: на искусственные В и П. Не те теперь В и П, которые задаются природой, а те, которые задаются самим человеком. Что сейчас день, ночь, приливы, отливы, времена года и т. д.? Конечно, все это есть, но с каким теперь значением, уж не с нулевым ли? Нравится нам это или нет, но нет теперь в нашей мегаполисной и суперцивилизованной жизни ни В, ни П, ибо что они теперь перед лицом вездесущих науки и техники? Не то что их вообще нет, а вот *пренебречь* ими уже можно. Свести к 0, разумеется, в техническом и в социо-историческом планах. Разве В и П чему-нибудь *такому* сильно мешают? Вот почему Постмодерн смотрится как безвременье и беспространствие, и поэтому: *Постмодерн — Безвременье!*

Время и пространство — отнюдь не только координаты, параметры, свойства. Это *субстанции*, насыщенные *содержанием*, мало того, *сложным содержанием*, что, надо заметить, прекрасно

понимал донаучный человек, не обремененный еще физикой, математикой, технологией, да и просто позитивистской философией, — “не те нынче времена”, говаривал такой человек, разумея при этом, конечно, не какие-то метрические представления о времени, а важные содержательные вещи, т. е. вещающие о какой-то особой наполненности. В и П — полны, даже и пустотой. Но не просто чем-то полны, хотя они и полны распростертой и изменяющейся материей, а полны они *сознанием* — хотя бы человеческим, его идеями, его словами, его духом. Не вообще у нас В и П, а *от-человеческие*, человеком насыщенные, очеловеченные. Не отделить их от человека: тут антропоцентризм вполне уместен. Это и есть нечто общее для В и П вообще — *очеловеченность*. Что нам В и П без человека? И уж тем более в их содержательной трактовке? Да ничего! Но человек все-таки разный, разным сознанием. Поэтому и В с П у нас разные: по-разному социо-исторические. Поэтому-то и времена, разумеется, с пространствами. Разве между В и П Древней Греции и В и П Соединенных Штатов нет разницы? Здесь такая же разница, как и между разными мирами, разными существами, разными планетами. Земля — совокупность сосуществующих и сменяющих друг друга планет — со своими, только им присущими, В и П. И если не забыть человека с его антропоцентрическим сознанием, то В и П становятся — при их содержательной трактовке — хорошим основанием для осмысления *металогике* земных миров, а соответственно, Модерна, Премодерна и Постмодерна. Чем мы, собственно, и чуть выше воспользовались!

3. Постмодерн как новомир

Человечество, в лице своей передовой — атланти-западной — части въехало в Постмодерн (вместе, конечно, со всеми странами, упорно идущими вслед Западной Европе и Америке). Постмодерн — *новый мир*, но не просто новый мир, не просто отличающийся от какого-то там старого мира, а как-то от всего предшествующего — сразу и по-особому — мира отрывающийся: мир-отрыв, мир-оторва, мир-откол (почти что и «прикол», но в новейшем смыслоизъявлении этого слова, т. е. как необычность, несуразность, экстравагантность). Это даже не новый

мир, а какой-то прямо-таки *новомир*, ибо очень уж он отличен от всего известного человеку бытия. Не новый этап в бытии, что вполне понятно, а какое-то *новобытие*, которое в чем-то существенном уже и *инобытие*. Постмодерн — иной мир, *иномир*, почти что потусторонний мир, с той лишь разницей, что речь идет все еще об этом — посюстороннем — мире, может, это просто какой-то *иностранний мир*.

Постмодерн — уже не развитие истории, а от нее отрыв, ее преодоление — как чего-то объективного, вяжущего, враждебного. Человек освобождается от истории, ее как бы нечеловеческой и даже противочеловеческой насыщенности. Человек освободился от Бога и Природы, вообще от всего внешнего, а потому и постороннего, т. е. всего того, что определяло неумолимо его жизнь, его поведение, его хозяйство. Теперь все для человека и из него самого: остальное не играет уже существенной и определяющей роли, — в один только миг (где тут прежние В и П?) человек может свой же мир решительно уничтожить! Данного Богом и Природой человеку мира больше нет, нет и просто преобразуемого человеком внешнего для него мира, а есть мир непосредственно создаваемый человеком, им себе даваемый — *в целом!*

Все это еще надо осознать, чего осознавать-то как раз и не хочется, то ли невозможно, то ли страшно — инстинктивно! Человек теперь живет в своем собственном мире, причем мире, который каждый миг и в целом им создается, т. е. себе и дается, — вокруг теперь только свое, человеческое, абсолютно (или почти абсолютно) имманентное. Мир перестал быть по происхождению внешним, с которым надо было принудительно взаимодействовать и даже бороться, теперь он стал совсем своим — может, и чудовищным, но *своим* — это надо бы уразуметь. В этом как раз и суть Постмодерна: *делай, что хочешь!* Демиургия в мире перешла теперь в демиургию *мира*: ни меньше, ни больше. Человек теперь — бог! — но уже не по осознанию или в мечтах, а наяву и в делах. Свершилось! Потому и приехали, оттого и въехали — теперь только и расхлебывать: а делать-то что?

IV. Экономика Постмодерна

1. Хозяйство Постмодерна

Постмодерн зародился не сегодня: сейчас он стал лишь безвозвратной явью. То, что в XX в. рассматривалось как модерн, на самом деле было уже постмодерном, ибо это уже не имело никакого отношения к духовному еще реализму, хотя какое-то время и несло печать последнего. К последней четверти XX в. все уже стало окончательно ясно, а сама эта четверть лишь все это подтвердила и закрепила. XXI в. родился в XX — это как минимум! И Постмодерн — детище Модерна: был у Постмодерна и свой эмбриональный период, и свои роды. Все это имело место как раз в XX в., хотя первый призрак Постмодерна уже маячил еще в XIX в. Главное, что все ренессанское, т. е. рожденное Ренессансом, уходило в прошлое, а собственно ренессансное, как ни крути, и есть по сути Модерн. Модерн привел к Постмодерну, как-то совсем не сказочно обернувшись, или даже вывернувшись. Истоки Постмодерна, конечно, в самом Модерне, в самом Ренессансе, но кто мог тогда это всерьез заметить, разве лишь как-то предчувствовать — вроде поэта Тютчева?

Модерн — хозяйство человека-демиурга, полного сил и рвения, вдохновенного эгоиста, возмнившего чуть ли не устроителем самой Вселенной. Человека, поставившего на место Бога и Природы *стоимость*, да не какую-нибудь, а *самовозрастающую*. И погнал человек этот самый стоимостной саморост вперед — по пути всяческого прогресса. Много сотворил, многое и натворил. Вырвался из под Бога и из под Природы, создал *свой* мир — искусственный, железо-бетонный, пластмассовый, порошковый, химический, не говоря уже, что и тотально механический. Что теперь человек без этого искусственного мира, без развернутой неприроды? Ответим просто и определенно — ничто! На место человека бого-природного, пришло какое-то ничто, ибо человека теперь нет и не может быть — без искусственного мира, т. е. *артмира*. А артмир, само собой, без Духа, а потому и человек — по сути — без духа, хотя все еще и не без души, — вот почему не человек теперь, а какое-то ничто, т. е. существо вроде бы,

но вот какое? Есть ли у этого существа какая-нибудь существенность, кроме неограниченных знаний и поверхностных чувств?

И вот когда уже все стало ясно, вот тогда и наступил Постмодерн, который по сути своей есть относительно всего предшествующего ему бытия — *пустота*! Разумеется, пустота с формой, информацией, действиями, но без утверждающей себя жизненной субстанции, да и без сакральной трансценденции. Пустота, т. е. якобы человек и якобы хозяйствующий, творит ныне, якобы творит, пустоту! Очень уж занимательная получается картинка. Безбожный и неприродный мир создан, воцарилось соответствующее ему хозяйство, в котором действует и соответствующий хозяйствующий субъект — и распростерлась вдруг пустота, да что там пустота, даже, скорее, Пустота — с большой буквы, ибо показалась она в полном величии. Что ни затея, все пустое! Всюду бесцеремонная имитация: бытия, жизни, реальности, равным образом и безудержная импровизация, за которыми уже *ничего*. Все совершивший и ни в чем не нуждающийся, ищущий еще разве лишь удобства, развлечений да острых ощущений, постмодерновый хозяйствующий субъект уж и не знает, чем заняться, а если чем-то и занимается, то... сам того и не знает, чем... Вот такая пошла хозяйственная жизнь, которая, собственно, и есть *импровизационная имитация*, — она как бы уже не настоящая, или ирреальная, ибо нет, кажется, той реальности, которая бы могла ее судить. Суждения независимого больше нет — то ли надо, то ли не надо, то ли хорошо, то ли плохо, то ли полезно, то ли вредно — кто теперь скажет?

Предел! Достигнут предел, — и не в плане даже нехватки воды и воздуха, ограниченности самой планеты, а в плане разума самого себя, в аспекте смысла — из самого себя, с точки зрения возможной реальной цели. Выскочили вдруг по экспоненте на материальную вершину, отторгнув духовное и природное, осмотрелись... и увидели вдруг, что ничего *такого* и не видно — не с кем и не с чем уже бороться, разве лишь с себе подобными — просто так, из-за нечегошести, той самой пустоты, что как раз Постмодерном и зовется.

Премодерн — хозяйство под Богом и в Природе. Модерн — хозяйство в борьбе с Богом и с Природой. Постмодерн — хозяйство без Бога и вне Природы.

Вот почему у Постмодерна и Пустота! А что ж еще, коли мира нет, ибо мир теперь весь из имитации-импровизации? Ничего! Отсюда ничегошенька — как среда, цель и действие.

Пустота!

Как на Лысой Горе!

Нет, разумеется, пустота не в смысле всего и вся, наоборот, присутствия-то всякого в разместившемся неудобно псевдомире очень даже много, так много, что вполне естествен вопрос: «А что, собственно, в мире присутствует?», как логичен и ответ: «Ничего!», ибо *что* в эпоху мнимолетья и мимолетья, т. е. Безвременья, это и есть самое натуральное *ничто* — как в гигантском супермаркете, в котором продаются не товары, а идеи товаров, да что там идеи — всего лишь их имитации, а лучше сказать — инфекции, так как без инфицирования в супермаркете уже не продать и не купить — без вступления прямо в сознание, которое уже вовсе и не сознание, ибо уже не само по себе, а в единстве с инфекционным миром. Недаром же — *инфицированный человек*, т. е. не настоящий, не самостоятельный, не самоценный.

Человек, который уже не-совсем-человек, а так: человек или чиповей, живет в выдуманном и выдумываемом мире, уже и не человеческом мире, а каком-то зачеловеческом, почему-то называемом скромно и нелепо постиндустриальным, — это мир, который человеку (т. е. еще не человеку и не чиповею) совершенно не нужен, но который настойчиво привлекает возникшее уже послечеловеческое существо, заставляя делать массу абсолютно пустого, что объявлено тем не менее абсолютно необходимым и невероятно важным. Человек нынче не то чтобы мелок и пошл, он просто... *никакой*: ни теплый, ни холодный, ни умный, ни глупый, ни добрый, ни злой. Вот и получили, кого так хотели — и это все из самых передовых, самых денационализированных, самых активных, самых удачливых, самых отвязанных... Конечно, не все уж такие, далеко пока не все, но мир искусственный свое дело делает, производя на свет огромные массы ничего-себе-человечков.

Что же такое — постмодерновое хозяйство? Не вольная ли это импровизация на не менее вольную демиургическую тему, которую как раз ведет не кто-нибудь, а *никто*, в которой рождается не что-нибудь, а *ничто*, которая заканчивается не чем-нибудь, а *ничем*. Не псевдо ли это демиургия, не кончилась ли уже действительная демиургия, которая была все-таки исторической, не пустотной? Посмотрите вокруг, разве ничего *такого* нет? Мир каких-то призраков и отсутствующий мир, — вот, что теперь вокруг!

Хозяйство ли это? Пожалуй, что и нет, ибо нет той реальности, в рамках которой может действительно вестись хозяйство. Оговоримся, что речь идет у нас не вообще обо всем хозяйстве, ведущемся на планете Земля, а о том хозяйстве, которое осуществляется ныне на планете Земля в качестве самого передового хозяйства, самого продвинутого, самого высшего. Высшее, оно вдруг стало и низшим, ибо оно есть пустота, ничто, игра. Именно этим хозяйством, которое суть *эрзацхозяйство*, как и самое что ни на есть *антихозяйство*, забиты сегодня мегаполисы, но не только они. Обернись вокруг, человек, и увидишь, как мало осталось на Земле хозяйства, как мало осталось реальности, как мало осязаемого бытия. Теперь вокруг какое-то *псевдо*, из которого рождается и рождается лишь одно — *пустота*, правда, каким-то умопомрачительным образом занятая странно-сверкающей плотностью.

Человек-демиург достиг очень многого: во-первых, создан по его усмотрению гигантский искусственный мир, не только целостно противостоящий естественному, но и его подчиняющий и поглощающий; во-вторых, достигнута такая точка мирового бытия, когда в посюстороннем мире уже можно практически все («что хочу, то и ворочу!»); в-третьих, если б еще знать, что хотеть; в-четвертых, если бы знать, что из всего этого может в итоге получиться. Мир уже не существует сам по себе, он постоянно конструируется; но это не значит, что мир конструируется, так сказать, правильно и надежно; конструирование мира не обозначает его известности и понимаемости; создается в итоге неизвестное и непонимаемое — отрицательная, если и вовсе не губительная, трансцендентность. Полностью созидаемый и контроли-

руемый, казалось бы, мир, на самом-то деле вне контроля и вне знания о нем. *Великая искусственная неизвестность!*

Таково оно, видно, хозяйство Постмодерна!

2. Теперь об экономике Постмодерна

Стоимость все менее и менее базируется на хозяйственной реальности, из нее исходит. Имеет место дезобъективизация стоимости. Стоимость, сильно уже субъективированная, овладела хозяйственной реальностью, вызвав в жизни параллельную и всепоглощающую хозяйственную, а лучше сказать, антихозяйственную, ирреальность. Стоимость теперь сама по себе, хотя еще и через создаваемую субъектом-демиургом реальность. Не «стоимость снизу», как это было в истории, а «стоимость сверху» — как это сейчас, т. е. уже вне истории. Не только сверху, но и из центра (неважно, что пока еще, быть может, из центров). Отсюда и экономика как уже изливающаяся сверху и из центра организация. Не вся, но в главном. Не выращивание экономики на хозяйственной почве, а вменение экономики в хозяйственное, если уже и не антихозяйственное, пространство. Субъективизация экономики при ее дезобъективизации. Стоимость теперь не от отношений, а в связи, не от оценок, а к оценкам, не из субстанции, а в субстанцию. Совершенно новая, небывалая ранее, ситуация — не из и от общества теперь стоимость, а прямо в населенческую массу, не исходя из какой-то там объективности, а саму эту объективность и творя, не из мира, а в мир. Теперь не стоимость слушается мира, а мир прислушивается внимательно и жадно к стоимости, торопясь не промахнуться, не проскочить, не отстать. Воспроизводство самодовлеющей, идеальной и субъективированной, субстанции, которая, пожалуй, уже и не субстанция, ибо в ней уже мало чего от «суб», а всего более от «супер», ибо выливается она сверху и из центра, приходит извне, а потому не суб-станция уже это, а какое-то «супер»... даже и не станция, пожалуй, а скорее... какая-то *вея*, т. е. *супервея*, — так вот, воспроизводство этой-то супервеи и лежит в основе, а лучше сказав, представляет основу постмодерновой экономики.

Как же это все надо бы уразуметь, но как же трудно это сделать, ибо надо все имеющееся представление о мире, хозяй-

стве и экономике попросту перевернуть! Вне нас такой переворот уже произошел, неосознанно он произошел и в нас, однако, еще не в философствующем сознании, а скорее, в бездумно действующем, но должен наконец-то произойти и в нас — уже как в мировидящих и мироведающих. Или такой вот переворот — или же полная слепота, правда, неизвестно, что лучше — тут уж выбор должен иметь сугубо личный характер.

Всем необходимым для *такой*, т. е. *вменительной*, реализации стоимость теперь располагает: а) ни уже данного, т. е. объективного, мира; ни времени и пространства, с которыми надо было бы считаться; ни одухотворенного человека, который только мешал бы; б) зато процветающий технологизм с информатизмом, механизация мира и овладение им, возможность конструирования мира и превращение глобальной виртуальности в реальность, которая уже не самостоятельная реальность, а делаемая, преподносимая, даваемая; в) возник уже суперразвитой финансовизм, когда финансовая составляющая вполне господствует, себя целостно навязывает, снимая отовсюду финансовую ренту (как *отчисление*, или даже *откат*, что, пожалуй, и получше: именно откат — накатились откуда-то и куда-нибудь финансы, а потом и откатились — с откатом, т. е. с доходом).

Некая своеобразная жизнотворность финансового мира навязывает теперь определенную жизнедеятельность хозяйственному миру, а вовсе не наоборот. Все основные экономические параметры всемирного хозяйства — *сделанные*, а не возникшие, и делаются они *глобальной финансовой структурой*, озабоченной лишь собственным возрастающим возобновлением. Финансовый мир победил реальный. Последний еще есть, но как уже *побежденный*. И если очень хочется все якобы объясняющих схем, то рисовать надо постмодерновую экономику как состоящую из двух миров — *финансового* и *нефинансового*, между которыми, как между I и II подразделениями К. Маркса, идет некое взаимодействие, но уже подотчетного плана, ибо с откатом.

Экономика Постмодерна — *перевернутая экономика*, когда экономика не просто важнее хозяйства, а когда уже все хозяйство — от экономики, однако не той, что от хозяйства, а той, которая, от себя, следственно, которая и прямо хозяйство. Перево-

рот совершен: Модерн, т. е. экономика, завершился кульбитно Постмодерном, т. е. финансомикой. Теперь новая совсем экономика, она же и последняя, ибо ничего другого мы пока не знаем, но можем предположить, что вскорости реальность вообще перестанет особенно по-своему копошиться, ибо на носу у нас не что-нибудь, а *управленческий тоталитаризм*, отменяющий не только рынок, которого итак уже немного, но даже и саму стоимость. Но это уже будет *постэкономика*, которую и должен произвести на свет Постмодерн. А пока вот *финансомика*, что и есть по сути и в главном *экономический Постмодерн*.

3. Не отмахнуться!..

Ни тебе ни трудовой стоимости, ни тебе полезности. Разве этого всего нет? Самое поразительное, что и действительно нет. А есть лишь пустота, правда, не только постмодерновая, а другая, ибо никакой труд и никакая полезность вообще себя никак не измеряют и ценности своей не определяют. Ценность ныне, выраженная как всегда в цене, определяется борьбой — голых цифр, которые ныне и наполняют как раз то, что мы называем стоимостным, денежным или, как сегодня, финансовым миром. *Мир стоимостных цифр*. Если не нравится цифр, то чисел. Все сейчас как бы заранее измерено — в цифрах-числах, а потому можно и смело хозяйствовать — сугубо по-стоимостному. Ни от кого лично, ни от какого-такого агента — будь то покупателя или продавца, никакая ценность уже не зависит, ибо зависит она не от них, которые всего лишь ее ментально и чувственно проявляют, а от чего-то другого — от той самой *стоимостной пустоты*, которая как раз и полна взаимосвязанных цифр-чисел. И пустоте этой вполне безразлично, что и где будет чего-то стоять, ибо для существования всей этой массы цифр-чисел это не имеет никакого значения. Тогда что же — сплошная анархия? В том-то и дело, что нет, хотя и анархия тоже. Для кого тут действительно анархия, а для кого — вовсе нет. Все дело в том, откуда идут цифры, кто задает числа, да еще и какие по величине цифры-числа, они же и *шифры*. Вот кажется, что Я — покупатель, продавец, предприниматель, труженик, производитель, но невдомек мне, что Я — вовсе и не Я, а всего лишь *он* — кем-то уже предусмотрен-

ный и зачем-то уже сделанный, оцифренный и обчисленный, зашифрованный, следственно, и введенный во вкрадчивую машину экономического бытия. Тут ведь все априорно — для меня, а не наоборот — апостериорно и от меня.

Ах, как было бы хорошо это понять, но понять-то это можно только в лучах философии хозяйства, для которой ничего неочевидного и невероятного в этом во всем нет. И это действительное чудо — современная, т. е. постмодерновая, экономика, ибо она уже есть *конец* — самой себя! Почему же конец? А потому что не может уже быть бескрайнего моря, если не океана, цифр-чисел, т. е. какого-то необъятного их мира, так как бытие теперь требует кое-чего другого — полного учета всего и вся, всех ресурсов и всех человечков, всей, так сказать, давно уже нечеловеческой жизни. И зачем овладевать теперь каким-то *суперэкономическим расчетом*, полагаясь на самоработающую еще стоимость, когда можно уменьшить сам этот экономический мир, сжать или даже сдуть его, уменьшив и его разнообразие. Вот поэтому и конец! Сегодня еще можно как-то существовать по-экономически, завтра — уже вряд ли. Тогда вот и *постэкономика* станет вдруг реальностью.

Нехорошо все это. Верно, нехорошо. Но такова «заява» экономики, ставшей *суперэкономикой*, т. е. как бы висящей над реальностью ирреальным миром. Думаете наверное, что все это не так, что это невозможно, что тут один бред — однако не наш ведь, не философии же хозяйства. Это бред самой экономической реальности, которая по сути уже полная ирреальность. Причем вовсе не какой-нибудь там безумный бред, а бред и вполне умный. Задумайтесь, друзья, откуда же теперь деньги, те самые, которые вокруг нас, в нас и перед нами, за которые идет такое ожесточенное сражение? Из хозяйства? Ошибаетесь, вовсе нет, как раз *из нехозяйства в хозяйство*, ибо плотность экономического хозяйства уже такова, что никто и нигде уже сам по себе деньги производить не может — они теперь *даются* и *только* даются, а вот кто и сколько схватит, или же получит, это уже совсем другой вопрос. Ну а уж коли деньги даются, т. е. сыплются сверху — как у булгаковского Воланда в московском варьете, то почему же не даются при этом и не сыплются цены, спросы с предложения-

ми, рынки, валютные курсы, ссудные проценты и разные там прочие котировки. Право, разве не настал срок задуматься, чего же больше в экономическом мире: все еще независимой или же уже вполне делаемой объективности, которая есть объективность лишь по результатам и для кого-то — вроде нас, а по исходу и для других — не для нас — самая настоящая субъективность?

Научные люди точных доказательств требуют, системности, чтоб все ясно было, забывая, что за доказательством и системностью как раз ложь подчас ложь и таится, а вот истина, она всего более не в построениях и не в словах, а в чем-то совсем другом — в стихии, скажем, и в заслowie, что как раз и органично философии хозяйства, не беспокоящейся вовсе о музейной ясности. Осмотрись, человек, задумайся, а там, глядишь... и уловишь — тот самый *метасмысл*, за которым философия хозяйства как раз и охотится — непринужденно!

4. Экономический постмодерн: вот ужас-то!

И действительно *ужас*: ужас, как интересно, ужас, как сложно, ужас, как непонятно! Что можно извлечь из слова «ужас»? Да ничего, кроме... пустоты, ибо ужас и есть пустота, правда... от ужаса. Царство Мамоны и ужас от Мамоны, который совсем и не страшный, даже обходительный, ибо тебя вовсе не замечает, а если вдруг и заметит, то тут уж бывает... ужас, как приятно! Думаете, ерничество, ан нет, всего лишь скромный намек... на управляемую и управляющую субстанцию, а лучше сказать — *супервею*.

Да, стоимость по сути, если в ней еще остается хоть какая-нибудь суть, ибо она уже от антимира — уже не субстанция, не отношения, хотя еще, кажется, и оценка. Стоимость уже и не стоимость, ибо уже не нечто стоящее, устойчивое и стоящее. Стоимость, или то, что мы по инерции называем стоимостью, все еще нечто идеальное, но уже совсем по-другому — не от реальности, а в реальность — *от* ирреального. Стоимость теперь не производится в недрах реальности, не создается ею, не вымучивается, а попросту в реальность вливается, абсорбируясь ею, весьма при этом охотно, ибо реальность стоимости, а лучше сказать — *веемости*, преданно служит, под нее и выплясывая свой похотливый

танец. Неважно, кто теперь и что производит, чем и как живет — в натуре, чем реально и до глубины души озадачен, ибо все это теперь функция от стоимости-веемости, которая ирреальна, но которая очень сильна. Нет, к примеру, выпавшей откуда-то стоимости, т. е. какого-то стоимостного веяния, а точнее, выпадания веемости, то ничего и в реальности нет, правда, прежде всего там, где финансомика вчистую победила и имеет свою необъятную власть — вполне, кстати, реальную.

Очень своеобразной стала экономика, достигшая постмодерновой зрелости. И уж коли любить системность и структурность, композиционность и стройность, то описание нынешней экономики, ставшей финансомикой, надо вести сверху и из центра, т. е. вовсе не от микросубъектов, которых уже по сути и нет, а от некоего *мегасубъекта*, занявшего *мегаверх* и *мегацентр*, да так ловко это сделавшего, что без его источания в низы и на всю периферию ни о какой экономике, а следственно, и о хозяйстве, говорить уже не приходится. Что это за мегасубъект? Да ведь он давно известен, кстати, и не скрывался никогда и не от кого — это *Уолл-Стрит*! А в России, к примеру, чтоб яснее было россиянам — Москва, Садовое Кольцо, Бульварное Кольцо, можно и иначе назвать — какая тут разница! И Уолл-Стрит можно по-другому назвать, точнее, можно его и не называть, а вызвать к жизни, к примеру, иные символы, как тот же Нью-Йорк или те же США, — опять же, во всех этих наименованиях нет никакой разницы. Чудище наше вельми огромно и далече распростерто, что не мешает ему быть при этом и хорошо сцентрированным.

Экономика, как известно, — деньги. Без денег и их тотальной роли нет и не может быть экономики. Деньги могут быть реальными — из реальности и сами по себе реальными. Они всегда идеальны, даже в золотом воплощении, поскольку главное в деньгах не материя, а их социальная функция. Однако одно дело деньги *из* реальности, совсем другое — *в* реальность. Логика развития, или даже судьбы, денег оказалась такой, что «в реальность» стала пересиливать «из реальности». Социальная, т. е. от общества, функция денег стала все более заменяться надсоциальной функцией, т. е. в общество. К тому же и свою материальную субстанцию деньги в конце концов потеряли. Так они вообще

утратили генетическую связь с реальностью — перестали быть реально чем-то обеспеченными. Деньги уже не воплощенная стоимость, а лишь вместилище летучей веемости, правда, выполняющей-таки функцию стоимости за счет... полного *покорения* ею хозяйственной реальности. И дело теперь не в реалистичности денег, не в их генетической и функциональной связи с реальностью, не в общественном согласии на деньги, ни даже в государственной власти, их поддерживающей, а потому и удерживающей в ложе стоимости, — дело теперь в *полном покорении хозяйственной реальности деньгами*, которые в силу этого глобального покорения и своей уже собственной тотальной власти над реальностью не обязаны вовсе иметь какую-то там априорную содержательность от чего-либо *не-денежного*, т. е. того самого, что их генетически и функционально связывало бы с реальностью.

Деньги теперь — сами себе реальность, сами себе и *causa sui*, а потому они — *ирреальность*, однако выпадающая на реальность и ею абсорбируемая. Не просто в хозяйстве, но и в самой экономике произошел *гигантский переворот* — похлеще, пожалуй, ренессансного! Это второй уже денежный переворот — *вторая денежная революция*! Попробуй-ка, докажи что-нибудь нашим заядлым адептам трудовых и полезностных оценок, якобы все еще имеющих какое-то значение — разве лишь вспомогательное да очень при этом скромное. Деньги ныне абсолютно пусты, — и пустота их заполняется лишь *покоренной ими реальностью*, в которую они входят — как разбойники, ничего не производящие, и выходят — тоже как разбойники, но уже отягченные добычей. И если учесть, что все экономическое суть денежное, т. е. служит деньгам, а не просто имеет денежное выражение, что нынешняя экономика, она же и финансомика, и есть циклопических размеров ненасытная разбойница, — пустая до контакта с реальностью и отягченная до одури уже реальным богатством после своего с нею совокупительного контакта.

5. Нужна ли альтернатива?

Вообще говоря, мир постмодерновый совсем и не плох: приспособься чуть-чуть и живи себе припеваючи. Деньги есть, вещи будут, развлечения тоже. Будет и долгая жизнь — без ста-

рости. Если, конечно, за собой весьма следить, не печалиться особенно, не сострадать. Улыбаться. Сегодня Постмодерн, т. е. уже не тот страшный прогресс, что был при Модерне, а значит нет уже стенаний по чему-то новому, а соответственно, ни к чему уже бывшему и текущему не привыкать. Ни к какой там истории, ни к какому-нибудь месту, ни к какой-нибудь малой родине, ни к какой-либо культуре, ни к какому-либо языку. Ни к чему и никогда не привыкать! Разумеется, и ни к кому! Ни к семье, ни к коллективу, ни к друзьям, ни к фирме и уж тем более к государству (этого еще не хватало!). Имитируй, короче, и импровизируй! Потребляй одно и то же по всему миру. Наслаждайся! А это и есть конец — с каким-то ужасным исходом: из пустоты ведь ничего, кроме пустоты... и ужаса!

А что делать тем, кто хочет остаться и быть человеком, кто не хочет в этот постмодерновый рай, кто хочет жить как-то иначе? Однако, есть ли такие? Нет, не как что-то остаточное, а как что-то все же смотрящее вперед? Наверное, есть, и возможно, они уже хотят или захотят в недалеком будущем альтернативы — *Великой Альтернативы!* — вроде какого-нибудь *Нового Ренессанса!* Да, может быть, и захотят. Почему нет? Однако смогут ли перерулить? Вот это вопрос!..

Мы, конечно, за альтернативу, т. е. мы за то, чтобы рассматривать Постмодерн, который суть безвременье, и как возможность альтернативы, но вот когда, после чего и с кем?..

2003 г.

Глобальное и национальное в экономике

Преамбула

Мир человеческий стремительно меняется. Экономика испытывает существенные качественные превращения. На смену «экономики снизу» приходит «экономика сверху», что выражается в подчинении производства, называемого часто *реальной экономикой*, *финансовому началу* и единому, хотя и не абсолютно монолитному, *управляющему центру*. Теперь экономика не столько строится снизу — объективно, сколько выдается свер-

ху — субъективно. Этому служат *финансизм* и *мирохозяйственный центризм*, владеющие особого рода информацией и рычагами влияния на любые мировые информационные потоки, не слишком доступные, а то и вовсе не доступные, рассредоточенной и инфантильной периферии. Основные воспроизводственные параметры сегодня — создаваемые *сверху* и из *единого центра*. Экономика в главном теперь конструируется, что не означает, конечно, ни созидания из центра всей массы ее элементов, ни их полного системного структурирования, ни определения всех воспроизводственных потоков, но что означает побудительное управление массами элементов, их общим структурообразованием, а также основными течениями мировой воспроизводственной динамики.

Поведение экономических субъектов ныне — не консолидирующее как прежде экономику (рынок), а более всего лишь приспособительное поведение, ориентированное на удачное встраивание в действующую и уже организованную сверху и из центра экономическую среду (рынок), ради чего и осуществляется в главном финансовая и производственная оптимизация микрохозяйственного бытия. Сегодня уже нет классических микроэкономических субъектов, составлявших некогда экономику (рынок), на их месте теперь неклассические субъекты, в экономику (рынок) лишь встраивающиеся. Такие микросубъекты не обладают теперь полнотой самовыражения, характерной для полноценных конкурентов, образывавших и полноценный рынок, а потому вряд ли сегодня уместно говорить о конкуренции как действительном способе первичного микрохозяйствования, а о рынке как реальной первичной общественной самоорганизации. Конкуренция и рынок сейчас — всего лишь атавизмы, выполняющие второстепенную, подстроечную, служебную роль. Грубо говоря, за конкуренцией и рынком осталось 10% хозяйственной инициативы, а 90% — за управлением, из которых более половины, пожалуй — за управлением сверху и из центра, однако таким управлением, которое управлением-то в полном смысле слова и не назовешь, ибо осуществляется оно по преимуществу тайно, незаметно, скрытно, имеет не откровенно директивный, а всего лишь вкрадливо побудительный характер. «Невидимая рука»

А. Смита, под которой он понимал объективную самоорганизацию экономики (рынка), дополнена, если во многом уже не замещена, иной «невидимой рукой» — *волевым управлением сверху и из центра*.

Период бурной интернационализации экономики эпохи капитализма в целом завершился, и с последней четверти прошедшего века место интернационализации прочно заняла *глобализация*. Глобализация — далеко уже не интернационализация, ибо нации-страны уже перестают составлять из самих себя мировое хозяйство, они оказываются уже не первичными его элементами (частями), а в большей степени производными от него элементами (частями). Не нации-страны образуют теперь мировое хозяйство, а мировое хозяйство имеет в своем составе национальные, страновые образования, которые легче назвать именно *образованиями*, а не в полном смысле слова *хозяйствами*. Классическая макроэкономика, базировавшаяся на национальных, страновых основаниях, предполагавшая полноценный национальный хозяйственный центр (прежде всего с независимой валютой) и полноценные экономические границы, практически исчезла; на ее место пришла неклассическая макроэкономика, которая уже не свободна и не самостоятельна, как и не первична вовсе, а открыта и зависима, производна и вторична. Всемирный экономический процесс теперь важнее и судьбоноснее, чем любой национальный, хотя национальное начало вовсе до конца не исчезло. Так или иначе, но глобализация, отмеченная сегодня воцарением *глобализма*, существенно изменяет характер всего ранее называвшегося национальным, предъявляя всему этому жесткие нормы подчинения.

Глобализация и глобализм не были бы возможны без развития *транснационального капитала* — промышленного, банковского, финансового, равным образом и сначала международных, а затем и сверхнародных (или наднародных) управленческих учреждений, известных более как *международные экономические институты* (организации, фонды, банки, совещательные и иные органы и т. п.). *Мировое правительство*, о котором все более говорят эксперты и твердят СМИ — не кучка посвященных, хотя почему бы не быть и такой «могучей кучке», а слож-

ная, разнообразная и соподчиненная структура, обладающая разнообразной властью и развитым механизмом ее реализации. Это факт, с которым необходимо считаться.

Нынешнее хозяйство в мире — *планетарное*, а не какое-нибудь еще, хозяйство. Возникла цивилизация, обладающая настолько масштабной и неприродной по сути инфраструктурой, как и способом реализации, что впору говорить даже о *метапланетарном хозяйстве* (не просто включающем в себя космическое пространство, но и как бы превышающем уже саму планету, ее окольцовывающем), равным образом, и о *метаприродном хозяйстве*, в котором доля и значение собственно природы резко убывает. Такое *метахозяйство* вряд ли уже возможно без учета и включения всех планетарных ресурсов, соответственно, контроля над ними, а главное, распоряжения ими, из мирового центра. И все было бы ничего, если бы мир был более или менее экономически однообразен, точнее, не экономически, а производственно и потребительски, а еще точнее — потребительски, т. е. по образу и уровню жизни, но мир как раз ярко разнообразен: *актуальная цивилизация*, ведущая мир куда-то вперед, хоть и коснулась всех на планете, но вполне последовательно реализуется лишь в пределах так называемого «золотого миллиарда», отрыв которого от всего остального мира по мере реализации научно-технического прогресса все более усиливается. И этот «золотой миллиард» не может не быть предметом первостепенной заботы глобализма, как и самого мирового правительства. Отсюда построение такого планетарного мира, в котором наличествует несколько слоев, различающихся по уровню и образу жизни, а сама многослойная структура образует ясно выраженную пирамиду с «золотым миллиардом» наверху. Запад сделал свое дело, он создал *новый мир*, который занял верхнюю позицию и продолжает устремляться далее вверх, приспособив под себя весь остальной мир в качестве фундаментального, но не определяющего, основания, точнее, подошвы, нулевого цикла, нижних рабочих этажей.

Обобщенно и несколько условно выражаясь, *западный супермир* есть мир *Постмодерна*, а последний пора уже трактовать не как просто особый стиль или, наоборот, отсутствие всякого стиля, а как особый исторический феномен, которому соответ-

ствуует целая историческая, а может, уже и *внеисторическая*, эпоха, заступившая на срочную вахту вслед за *Модерном*, который тоже никакой не стиль, а исторический феномен со своей особой эпохой — эпохой борьбы Западной цивилизации с природной и сакральной традициями, той самой борьбы, которая была открыта Ренессансом, подтверждена Просвещением и осуществлена Капитализмом. Эпоха Модерна — эпоха действительной модернизации, тотального обновления, а точнее всего — *созидания нового мира*, не завещанного ни Природой, ни Богом Творцом. Это была эпоха переделки мира, который стал вдруг старым и ненужным, того самого мира, который теперь уместно назвать миром *Премодерна*, коль скоро Модерн занял столь значительную эпохообразующую позицию в истории человечества.

Западный современный мир в течение XX в. превратился в постмодерновый, который уже не мир в привычном понимании, а какой-то *супермир*, если не *иномир*, в котором все вокруг формообразованное, т. е. имеющее форму, существенно опустошается, т. е. лишается внутреннего сущностного наполнения и глубокого смыслового звучания. Формы еще остаются — где-то на полпути к нулю, они даже бывают на что-то похожи из прежнего, к примеру, те же конкуренция и рынок, деньги и фирмы, нации и государства, армии и театры, но все более заметно, что содержание их не просто изменяется, а как-то и вовсе исчезает. Одежды вроде бы есть, а вот одетых в них как бы и нет.

Постмодерн — время какой-то необычной опустошенности, внешней обрядовости, быстрой, если не скользящей, функциональности, банальной новизны, скорых импровизаций, легких имитаций, пустой говорильни, неотягченных содержанием знаков, мимикрии, кривлянья, тщеты, когда никто не уверен, что завтра повторится не то чтобы вчерашнее, но хотя бы сегодняшнее, когда время и пространство как бы ускользают и не имеют большого значения, когда вокруг все более фантомы и карикатуры, когда все более господствует не просто неестественное, но и вообще уже никакое, когда вольно царствует лишенное смысла *ничто*. Все классические и даже неоклассические термины себя исчерпывают, они больше не работают, ничего не обозначая и ничего не трактуя. Слова ничего не значат. Самый ходовой то-

вар — *фикция*. Постмодерн — закономерный исход Модерна, когда содержание и смыслы, шедшие единственно от Бога Творца и Природы, им сотворенной (таким было идеальное представление человека), вдруг испарились под давлением демиургически действовавшего человека, а все созданное человеком при этом оказалось вдруг бессодержательным и обесмысленным. Человек построил свой собственный, по своему подобию и лекалу, мир, — и этот мир предстал перед изумленным человеком во всей своей *странной пустоте*, какой-то внешней, калейдоскопически мерцающей *оболочкой*, за которой нет уже никакой содержательной и смысловой ценности.

Как бы ни кичился Постмодерн своим «богатым блеском», но сам по себе, без поддержки трудяги Модерна с его производством всего фундаментального и необходимого, как и без донорского участия Премодерна с его природностью и сакральностью, его культурой, Постмодерн выжить не может. Постмодерн, этот совершенно игровой феномен, лишен остойчивого содержания и наполнить себя таковым он не может. Здесь воистину *внеисторическое бессилие*, сопровождаемое, кстати, не без основания и умысла, тезисом о *конце истории*. И в самом деле, история для Постмодерна, видно, закончилась, он уже за пределами оной, ибо на историю он уже не может эффективно опираться, из нее как-то исходить, у нее серьезно учиться. История вдруг померкла для Западного мира и ушла. Ему нужно совсем иное, историей не обоснованное, а лишь оправдываемое нездоровой фантазией заигравшегося ума (вот почему Голливуд сегодня вовсе не фабрика грез, а *фабрика нового мира*). И вот выживать Постмодерну со всеми его фантазиями должен помогать прежде всего Премодерн, тот самый мир, который был так в свое время решительно отвергнут Модерном, как выяснилось, ради последующего явления опустошенного, но очень игрового и изобретательного, во многом просто и фиктивного, Постмодерна.

Когда мы все более говорим о ресурсах планеты, то имеем в виду не одни только энергоресурсы и ископаемые, воду и воздух, труд и интеллект, но и *культуру*, которая задается и хранится как раз Премодерном, а не Модерном, который либо ее впитывал, либо переделывал, либо уничтожал. Великий идейно-

идеологический, к тому же и первозданно духовный, потенциал находится в низших для Западного мира преמודерновых слоях, — и как раз из этого потенциала должен настойчиво черпать Постмодерн. У Постмодерна нет иного выхода, как только увеличивать и разнообразить свое потребление, — и если он что-то сейчас особенно заботливо изобретает — сам для себя! — то лишь все более изощренные механизмы доступа к внешним ресурсам и их потреблению. Мир теперь должен питать как бы ушедший вперед Постмодерн, — и без этого питания, как и большому городу без того же электричества, Постмодерну уже не выжить. *Паразитарность Постмодерна, сопряженная с его внутренней пустотностью, очевидна.*

Обращаясь к России, ее судьбе, перво-наперво потребно определить характер происходящей в ней с рубежа 1980—1990-х гг. *Революции*. То, что она является антисоциалистической, а соответственно, буржуазной, или капиталистической, в том нет никакого сомнения. Гораздо важнее установить некоторые иные ее черты: во-первых, это революция, является, безусловно, внешнеобусловленной глобалистской революцией (она идет под давлением извне и под бдительным внешним контролем — эффект внешнего кризисного управления); во-вторых, это революция антигосударственная и антинациональная, хотя и проводится она самим государством — сверху; в-третьих, это революция постмодернистская, ибо направлена не только против остатков Премодерна, но даже и против Модерна, о чем говорят удары не только по аграриям, но и по «индустриалиям», мало того, удары и по «интеллектуалиям»; в-четвертых, это революция антироссийская, а внутри этого и антирусская, о чем свидетельствует наступление на отечественную культуру — с ее подменой западным суррогатом, на традиции, на русский язык, на почвенное образование; в-пятых, это в высшей степени антигуманистическая и антицивилизационная революция, приведшая к расцвету криминала, коррупции, всяческого беспредела, сочетаемого с моральной и физической деградацией населения, его быстрым сокращением. Подобных черт у совершающейся революции в общем-то множество, их явно хватает, но суть дела не в их перечислении, а в констатации того факта, что революция либо идет

не в интересах России — как целого, либо она идет за счет России, либо она непосредственно опасна, возможно, и смертельно, для России, либо она по сути своей вообще глубоко и стратегически антироссийская. Оснований для такого рода заключений более чем достаточно, что признают сейчас и сами настоящие или бывшие сторонники революции, как и их зарубежные вдохновители.

Конечно, можно исходить из тезисов об отсталости России от Запада, о вредности российской предопределенности для самой России, о необходимости ускоренно цивилизовать Россию за счет снижения роли собственно российского — нецивилизованного или искаженно цивилизованного — фактора и т. д., но факт *антироссийскости* проходящей в России революции остается все-таки в яви. И нет здесь ничего сверхестественного: анти-Россия всегда сидела в России, борясь с Россией, или с собственно русским началом, постоянно и упорно, хоть и с переменным успехом. Внешний мир тоже никогда не был особенно пророссийским. Имела место и холодная война второй половины XX в., которую вел, быть может, СССР, а все конечные отрицательные лавры достались-таки России. Отсюда сначала идейная, а затем и функциональная, смычка внутренней и внешней анти-России, что и вылилось в итоге в разрушительную для России революцию.

Нет смысла подробно описывать положение, в котором в настоящее время находится Россия: ее выручают, во-первых, созданная в СССР сталинским по сути и механизму реализации строем *фундаментальная инфраструктура* — в самом широком смысле этого слова (все ранее построенное, все еще работающее и пока еще неизрасходованное); во-вторых, богатые, хотя и не самые экономически выгодные в эксплуатации, *природные ресурсы*, равным образом и *базисные отрасли* главным образом первичного промышленного цикла; в-третьих, *осторожная терпимость* и *опасливая терпеливость* населения, предпочтившего тягучее встраивание в новые условия бытия с использованием солидарных механизмов самоподдержки так называемому «социальному взрыву» (ожидаемый «русский бунт» так и не состоялся); в-четвертых, включение пассионарной части населения в погоню за личным благосостоянием и частным богатством, что ка-

сается и криминалитета, возможность оттока активных граждан за рубеж, в том числе специалистов и молодежи (с пополнением не одних лишь лабораторий и предприятий, но и наполнением тротуаров — теми же проститутками), относительное удовлетворение от буржуазного и открытого образа жизни «среднего класса» и даже некоторых более низших по материальному уровню социальных слоев, «полный восторг» от результатов приватизации со стороны узкого, но важного в социальном плане, «олигархического слоя» (в этом слое не одни лишь «олигархи», а вообще все «капитаны» новой жизни, новой экономики). Выручаемая за счет перечисленных моментов страна находится сейчас в мировом типологическом разрезе хоть и где-то внизу (по большинству принятых в мире показателей), но в то же время как-то ухитряется держаться на плаву, даже показывая за последние 2—3 года, после, правда, двукратного сокращения объемов хозяйственной деятельности по итогам бурной революции, кое-какой экономической рост, равным образом, и рост благосостояния населения, разумеется, не всего огульно.

Нельзя сказать, что Постмодерн свалился на Россию как-то вдруг и вывалился исключительно извне, что сама она его не вызвала и не готовилась к его пришествию. Готовилась, более того, кое в чем даже и жила уже по-постмодернистски до самой постмодерновой революции. Однако истово она отдалась Постмодерну уже в ходе и в итоге революции. Но отдалась очень своеобразно: породив немедленно... *свой* постмодерн, который стал результатом прихода западного постмодерна, но не стал при этом собственно западным постмодерном. В России возник вроде бы прозападный, но крайне при этом своеобразный, постмодерн, который в общем-то ни западный, ни российский, а вообще позитивно и не определимый, ибо очень уж он гадок и безобразен. Если на Западе постмодерн, так сказать, фасадного образца, т. е. «хороший» или «правильный» постмодерн, то в России возник постмодерн явно дворового, «черноходового», пожалуй что и «помоечного», образца, т. е. «плохой», «неправильный», дурно пахнущий, жуткий. И это очень важный факт, который надо непременно учитывать: мало того, что Постмодерн в России тут как тут, но он еще и в какой-то патологической реализации, от

чего худо сразу всем: что ярым антипостмодернистам, что самим постмодернистам, что просто лояльным прогрессистам. Россия оказалась полем *сложнейшей постмодерновой игры с неопределенным результатом*.

О положении России можно говорить много и говорить разное, но есть кое-что, чего воистину не обойти и о чем говорить обязательно надо, если хоть чуть-чуть озаботиться перспективой. Во-первых, в сегодняшней России практически отсутствуют основания для хоть какой-нибудь уверенности в завтрашнем дне — *ни у кого!* Это воистину провал, вызванный непосредственно революцией. Выживать можно, хотя кое для кого и это трудно, а вот жить в полном смысле слова — *нет!* Для доживающего свой век обывателя еще более или менее, а вот для творчески ориентированного молодого человека, получившего образование и способного к активной деятельности — все уже далеко не так просто. Где и как приложить свои способности, да так, чтобы вести достойный в нравственном и гражданском отношении образ жизни, иметь нормальное вознаграждение за труд, позволяющее содержать себя и детей, иметь жилье, дать детям образование, позаботиться об отдыхе семьи и ее здоровье и т. д. и т. п.? Ответ здесь таков: *негде и никак!* Умственная часть входящего в активную жизнь населения в буквальном смысле в тупике, из которого только один более или менее человеческий выход — за границу, разумеется на условиях самой заграницы. Явный постмодерновый абсурд, характерный как раз для нынешнего российского постмодерна. Не лучше дела обстоят и у предпринимателей, и у учителей, и у шахтеров, и у военных — у *всех!* Если одно хорошо, то другое уж непременно плохо. Нет возможности достойной и целостной в своих позитивных проявлениях жизни. Жизнь если есть, то лишь *вопреки* — вопреки мощному давлению *нежизни*. Во-вторых, и что связано с первым пунктом, нет действенного приоритета нравственно высокого и позитивно ориентированного, но непременно *родного* для каждого российского человека, мира — идейного, ценностного, культурного. Все вокруг или вообще не приемлемо для сколько-нибудь положительного человека, либо враждебно его сколько-нибудь позитивным ориентациям. Нет устоев, на которые можно опираться и которыми можно

дорожить, точнее, они есть, но они либо отринуты актуальностью, либо малозначимы, либо неэффективны. Это тоже проявление дурного постмодерна. В-третьих, нет *эффективной общности*, которая была бы выше любой из особей, той общности, которая крайне необходима для нормально воспроизводящегося общества и каждого человека. Общество разделено и распылено, держится только на инстинкте и еще как-то сохраняющихся в людской среде нравственных устоях (уже и не традициях), а также на каком-то образом воспроизводящейся частичной, или локальной, солидарности. В-четвертых, нет воистину позитивного и эффективного массового *воспитания человека*, а соответственно, уходит и сам человек, вместо которого предстает некая механическая оболочка, лишь внешне схожая с человеком.

Человек и общество, нравственность и культура, государственность и даже сама цивилизация — вот, что сегодня не просто под угрозой, а в самом последовательном истаивании. На место человека приходит «чиповей» (или «киборг», что не так уж и важно), общества — массонаселение, отношений — связи, общения — коммуникации, сообществ — сети, семьи — временное сожителство, детей — домашние собачки и развлекательный досуг взрослых особей, воспитания — неосознанное подражательство, образования — ограниченное и ограничительное натаскивание, нравственности — свод запретов, культуры — бездумная игра, цивилизации — скрытое управление и изощренное насилие, сознания — инстинкты, поведения — немотивированные поступки, самосознания — неадекватная самоидентификация и т. д. и т. п. Разумеется, все не так тотально плохо, тем более, не так абсолютно, есть, разумеется, и другое, но все это другое либо уже атавизм, либо удерживаемое вопреки, либо просто еще не уничтоженное. Сознательно культивируется (если не сказать — антикультивируется) как раз то, что идет на смену всему еще позитивно человеческому — как уродливо нечеловеческое, а не то, что каким-то чудом сохраняется, этому уродливому и неестественному сопротивляясь. Если еще есть человек и общество, нравственность и культура, если еще есть государственность и сама цивилизация, то лишь сильно *вопреки* — как *антиреволюция*, которая, заметим особо, вовсе не *контрреволюция* (если вто-

рая всего лишь консервативное противодействие революции, то первая есть уже позитивное сопротивление «ужасам» революции, ее конструктивное преодоление).

Относительно человека и общества, нравственности и культуры, государственности и цивилизации экономика *второстепенна* — вот почему, начав с экономических проблем, неизбежно приходится переходить к иным, совсем даже не экономическим, но гораздо более важным аспектам бытия. Не здоровая экономика («правильная», «рыночная», «открытая» и т. д.), а затем здоровое общество, а совсем наоборот: сначала здоровое общество, а уже потом здоровая экономика. Экономика производна от общества, а не наоборот, хотя у экономики тоже есть свои влиятельные для общества программная мотивация и энергичность.

Состояние, в котором находится «обреволюционная» Россия, есть состояние глубокого и длительного *апокалиптического кризиса*, из которого, во-первых, нет не то что автоматического, но даже и легко программируемого, выхода, тем более, что при таком кризисе совершенно не исключается «концовый исход», т. е. отрицательно *эсхатологический*, когда не только российская экономика прекращает свое сколько-нибудь выраженное бытие, но и сама Россия вообще уходит с исторической арены. Нравится нам это или нет, но такой сценарий развития апокалиптического кризиса вполне вероятен. Отсюда необходимо, с одной стороны, четко осознать природу кризиса, а с другой — осознанно обрести соответствующий образ поведения для страны, ее граждан и элит, в частности, управляющей государственной структуры, весьма ослабленной и дезорганизованной революцией, но все еще действенной.

Квалификационные суждения

1. Мировая экономика активно глобализуется, все более становясь *глобальной экономикой*. Глобализация, а вместе с нею, и мировая экономика — *центрообусловлены*, имеют *управляющий центр*, действующий в рамках *организуемой самоорганизации*. Самостоятельно и объективно организующаяся и развивающаяся мировая экономика — миф, а волевым образом и субъек-

тивно ориентируемая по основным параметрам, структурам и потокам мировая экономика — реальность. «Экономика сверху» преобладает над «экономикой снизу». Хозяйственная жизнь планеты имеет иерархическую организацию, высший этаж которой занимает передовой, вступивший в эпоху Постмодерна, мир. На нижних этажах мировой хозяйственной пирамиды отставшие миры, находящиеся в основе либо в Модерне, либо в Премодерне. Полный постмодерн на всю планету не нужен реальному и локализованному в рамках Западной цивилизации Постмодерну, для которого остающиеся на нижних этажах миры служат источником практически всех жизненно важных ресурсов, без привлечения и потребления которых передовой и вырвавшийся вперед во внеисторическое бытие постмодерновый мир существовать не может. Задача мирового глобального управляющего центра — подогнать планетарный мир к ориентированной на благосостояние «золотого миллиарда» иерархической конструкции, удерживать планетарный мир в ее рамках, при необходимости, проводить необходимую селекцию. Если это империализм, то это, безусловно — *ультраимпериализм*.

2. Национальные (страновые) хозяйственные образования, обычно называемые *национальными экономиками*, утрачивают свои прежние самостоятельность, выраженность и полноценность, становясь все более производными от глобального мирохозяйственного целого. Не самостояние во главе с национальным хозяйственным центром теперь актуально, а максимально эффективное встраивание в глобальную экономику — все чаще на указанное ей, а не желаемое ею, место. Национальный центр все более превращается в передаточный в пользу глобализма узел решений, это уже скорее исполнительный — для глобализма, чем самостоятельно действующий — для нации-страны, центр.

3. Без *власти*, реализуемой сверху и из центра, вообще нет экономики. Полностью самоорганизующаяся, как бы безвластная, экономика — дурной и бездарный миф. Мало того, что власть всегда есть и всегда ежемоментно реализующаяся, но она имеет еще и вполне неэкономическую природу, обычно государственную, т. е. власть в сфере экономики обязательно не только экономическая (можно, конечно, попробовать обойтись в развитой

экономике без законов, инспекций, полиции, таможен, судов, тюрем и т. п., но пусть кто-нибудь попробует, как и попробует обойтись без неэкономически устанавливаемых и поддерживаемых денег — экономическая наука, сосредоточив внимание на экономической природе и экономических функциях денег, почему-то забывает об их политической природе, совершенно при этом насильственной, как и положено в цивилизации, которая предполагает и насильственную, а не только добровольную, организацию разноплеменного и атомарного населения). И если национально-страновые образования и центры ослабевают и таят на глазах, то это означает не исчезновение вообще власти и характерного для нее экономического и неэкономического насилия, а лишь перемещение всего этого властного в иные — наднациональные и надгосударственные — веси. Власть уходит из национально-страновых образований и сосредоточивается в международном пространстве, разумеется, не вся власть, но... *главная*. И тут необходимо принять во внимание, что эта новая — в общем-то *глобалистская* — власть имеет иную выраженность и иные механизмы реализации, она не столь заметна, как бы куда-то отдалена, почти что и призрачна.

4. Планетарный мир переживает сейчас не просто мощные трансформационные процессы, гигантскую ломку и перестройку, что в общем-то уже очевидно, но он переживает вхождение человечества в какой-то *новый мир*, уже решительно отрицающий старый. Наступает мир, который как бы без времени и пространства, без прошлого, настоящего и будущего, без истории и действительности, т. е. это как бы порхающий в пустоте, какой-то невесомый, иллюзионный мир, для которого прошлое уже ничего не значит, настоящее слишком неустойчиво, чтобы успеть стать неоспоримой ценностью, а будущее просто вольно изыгрывается. И этот новый мир, при всей своей легкости и даже мягкости, удивительно последователен и жесток в отрицании старого мира, в его обесценении и умалении. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в мире ныне идет *великая война нового мира со старым* — по всем, прежде всего качественным, азимутам, и эта война прямо проходит через человека, общество, нации, государства, коллективы, семьи, пары.

5. Быстро, почти что мгновенно, рождается *новая экономика*, отличительными признаками которой являются:

- абсолютно выдающаяся роль *субъективного фактора*, действующего в планетарном масштабе — *сверху и из центра*, что переводит организацию экономики в совершенно новый режим реализации, который можно определить как *организацию самоорганизации* (что ставит крест на понятии «рыночная экономика», ибо рынок сегодня уже не главное, а второстепенное, не основное, а производное, не решающее, а вспомогательное, не ведущее, а ведомое, не управляющее, а подстроечное — 10% рынку, остальное — *нерынку*);

- *глобальный характер экономики, ее организации*, что позволяет говорить о формировании в планетарном масштабе иерархически построенной хозяйственной пирамиды, где наверху так называемый «передовой мир», а внизу в той или иной степени «отсталые миры», в задачу которых входит поддерживать и питать «передовой мир», управляющий отсталыми (отсюда идея *экономического ультраимпериализма*);

- *финансовый характер экономики, ее организации*, когда финансовые факторы, т. е. относящиеся к деньгам или прямо обусловленным деньгами их заместителям вроде ценных бумаг, а лучше сказать, *финансовых расчетных фикций*, что есть собственно самое экономическое в экономике, оказываются главными, доминирующими и решающими во всем хозяйственном процессе (переход от производственной экономики к *финансовой экономике*, или *финансомике*, завершился, установлено господство финансового начала над любым нефинансовым, производство финансовых фикций важнее в функциональном отношении производства благ);

- высокая и всеобщая *технологизация экономики, ее организации*, равным образом и всей жизни, когда технический мир уже доминирует в человеческом мире, человек целостно бытует в технической среде, от нее сильно зависит, становится элементом (придатком) технологических систем, превращаясь в «чиповея», «киборга» и т. п. существо (экономика как социальное нечто все

более превращается в техническое нечто, или в *техномику*, а цивилизация — в некую *технолизацию*);

- *особого рода информатизация экономики и ее организации*, при которой информация и информационные потоки обретают некую самостоятельность по отношению к реальности, ее как бы замещают, становятся параллельной реальностью (ирреальной реальностью) и, что самое важное, будучи «невесомыми», доминируют над «весомой» реальностью, ее определяют, и если принять во внимание, что есть не только первичная, непосредственно сопряженная с реальностью, но и вторичная, как и, разумеется, третичная, информация, т. е. информация об или от информации, то современная экономика предстает как гигантское *информационное действие*, в котором, с одной стороны, заняты все агенты экономики, а с другой — не могут не доминировать те из них, которые способны овладеть либо очень большой, либо уникальной, либо очень действенной информацией (переход к *информаномике*);

- *интеллектуализация экономики и ее организации*, или нарастание так называемой *экономики знания*, что означает, выражаясь в терминах современной философии, *ноосферизацию экономики*, т. е. рост значения умственного расчета в ущерб какому-либо нравственным, не говоря уже о сакральных, установкам (завершение денатурализации и десакрализации хозяйства и жизни, их полная секуляризация, когда и бороться-то с Природой и Богом нет никакой нужды — можно даже согласиться на экологию и признать религиозные процедуры);

- *менеджеризация экономики и ее организации*, что означает, с одной стороны, рост значения такой фигуры, как менеджер, а с другой — рост степени управляемости всем хозяйственным процессом — сверху и из центра (мириады менеджеров, подготовленных стандартно и действующих единообразно, делают свое тупое управленческое дело, а вот то, что им делать — соответственно меняющимся ситуациям — определяет уже *концептуальная элита*, подготовленная особым образом и действующая сообразно изменяющимся субъективным намерениям — в итоге получается не управление со стороны рынка и объективности, а управление рынком и объективностью);

• *конструктуризация экономики, как и всей жизни*, что означает уже не самовозникновение человеческого мира, хозяйства, экономики, а их постоянное *целостное конструирование*, при котором ни настоящее, ни будущее не воспринимаются уже таковыми, они не представляют независимой тайны, с которой надо считаться, они становятся буквально деланными, что не исключает, вследствие имманентной внутренней пустоты, конечной неизвестности реальности, ее предельной неподвластности, что обнаруживается наиболее ярко через катастрофы;

• *виртуализация экономики, ее организации*, что означает не просто наличие идеальной возможности, выходящей из реальности и в нее же входящей, или простое и естественное опережение вышедшей из действительности возможностью самой этой действительности, а такое освоение человеком и сознанием фактора возможности, когда последняя исходит уже не из реальности, а из возможности как таковой, становясь в полном смысле слова в начальное по отношению к реальности положение, что находит проявление в покорении человеком времени и пространства, их сжатием в точку, а потому и в возможности созидания как бы оторванного от реальности мира, замещающего эту реальность, делающего саму реальность ирреальностью, *фикцией* (отсюда виртуальные связи, сети, конструкции, институты, права, продукты, блага, которых как бы нет, но которые все-таки есть, которые как бы есть, но которых тем не менее нет, — настойчивое употребление сегодня «как бы» вовсе не случайно, ибо наступает *как бы* реальность, *как бы* мир, *как бы* экономика, *как бы* деньги и т. д. и т. п.);

• *стандартизация жизни, хозяйства, экономики, их ободноображивание*, что, будучи естественным в технологическом и функциональном планах, не столь уж приемлемо в социальном, культурном, психологическом планах, ибо потеря разнообразия, т. е. фактически *энтропия*, ведет сначала к нежизни, а затем и к смерти (как бы тепловой смерти);

• формирование новой по характеру и механизмам реализации *экономической собственности*, а лучше сказать, *хозяйственной собственности*, когда собственность не только услож-

няется по структуре (иерархизируется) и организации (становится все более сетевой), как и становится более подвижной, но и обретает как бы невыраженное, довольно-таки скрытое, где-то там свершающееся, бытие, она деперсонализируется, освобождается от локальных зависимостей, от давления времени и пространства, традиционных политических структур, дематериализуется, все более переходя в правовую и «бумажную» сферы, виртуализуется, находя для себя все более мгновенные (одноактные) разрешения, становится как бы игровой, а среди объектов собственности все большую роль играют финансовые, правовые, институциональные «вещи», равным образом и всякие возможности — хозяйствовать (быть на рынке), принимать решения (в том числе и неэкономические по своей природе), властвовать (экономически и иначе), что-то перераспределять, образовывать, основывать, сотворять и т. д. и т. п.

- изменение характера *доходообразования и доходообретения*, когда на первый план выходят прямые и косвенные *займования* (не путать с обычными займами) — в виде *рентных* (не путать эту ренту с обычной рентой) или *процентных* отчислений (не путать с обычными отчислениями), что означает, что доходы не столько зарабатываются или «делаются» в ходе реального хозяйственного процесса, сколько *берутся* из этого последнего (через кредиты, выплаты по ценным бумагам, посредством принудительного страхования, разницы в валютных курсах и их изменения, через налоги, выплаты по долгам, в том числе государственным, транзитные платы, таможенные и всякие иные сборы, государственное инвестирование, заказы, покупки и т. д.), а также означает то, что прибыль перестает быть главным показателем и способом доходообразования;

- *тотальная экономизация хозяйства, жизни, всего человеческого бытия*, их полное подчинение феномену денег, экономизму и финансизму (ничего без денег и их так называемого оптимального использования, ничего без денежных оценок, ничего без превращения в деньги, ничего, не выходящего из денег, и т. д. и т. п.).

б. Судьба *национальных экономик* оказалась незавидной, ибо, теряя в ходе сначала интернационализации, а затем и глоба-

лизации свойственные им черты и функции, отдавая наверх те или иные полномочия, национальные экономики, во-первых, утрачивали все более свой макроэкономизм, становясь все менее целостными образованиями; во-вторых, теряли все более свою националистичность, становясь все более открытыми и денационализированными, соответственно менее самостоятельными и все более зависимыми от внешней среды и... международного верха, который, надо заметить, возник не сегодня, а лишь явился сейчас во всей красе и стал совершенно заметен; в-третьих, утрачивали все более и свой статус не только национальных экономик, но и экономик вообще, переходя в иной — пониженный — статус, а именно *субэкономик*, или *подэкономик*, оказываясь, с одной стороны, ведомыми одной истинной национальной экономикой — *экономикой США*, а с другой — включенными в другую истинную экономику — *глобальную экономику*. (Мир не сразу почувствовал, а тем более узнал действительную роль и ценность таких «вещей», как Бреттон-Вудская международная валютная система или тот же План Маршалла для Европы. Против последнего выступил, как известно, руководитель СССР И.В. Сталин, а против первой — глава Франции Ш. де Голль. Глобализм рожден не сегодня, у него своя пламенная история.)

7. Россия в ходе великой буржуазной революции конца XX в., не просто стала переходить к капиталистической системе хозяйства, а влилась, сама того особенно и не ведая, в *глобальную систему новой экономики*, что-то от нее восприняв, став при этом и самой откровенной и пошлой *субэкономикой*, но и породив неизбежно и нечто сугубо свое, главным образом, криминального или во всяком случае нецивилизованного порядка (беспорядка), резко *инфернализовав* хозяйственную, социальную и личную жизнь. Недаром характерным словом стал *беспредел*. Россия окунулась в *хаос*, из которого постепенно выбирается, «построя» некое подобие *новой экономики финансово-олигархического типа, основанной на первичном производстве (сырья, металлов, леса, энергоресурсов)*, но *лишенной, или почти лишенной, производства высокотехнологичной и высокоинтеллектуальной продукции*. Отсюда порожденный революцией феномен *антихозяйства*, когда есть убытие нужного и вовсе не всегда устаревшего, но нет

приращения передового и воистину жизненного. Антихозяйство, когда к тому же нет нормальной, эффективной и перспективной занятости населения, с неизбежностью сопрягается с *антижизнью*, когда по большей части люди всего лишь влачат существование, еле-еле выживают, быстро и мигом умирают, кончают самоубийствами, не рождаются, толком не воспитываются, уходят в криминал, потребляют наркотики, бомжатничают, бегут за границу и т. д., а главное, когда нет *перспективы жизни*, нет воистину *родной среды*, нет *отечественной опоры*. Все, что широко и густо происходило и до сих пор и еще происходит в России, просто искривленьем не назовешь, это хуже — это *инферно!* Вот почему кризис наш не только не просто циклического, не только не просто структурного, не только и даже не просто системного характера, хотя все это и есть, это воистину *апокалиптический кризис*.

Опорные понимания

Сегодня очень важно осознать в концептуальном ключе новый мир и новую Россию — саму по себе и как часть этого нового мира. Соответственно, осознать новую экономику и российскую экономику — саму по себе и как часть глобальной экономики. И далее прозревать концептуальные разрешения для России и мира.

1. *Новый мир* есть и он всюду раскатился. Полезно поначалу исходить из того, что он в ближайшее время не остановится в своем раскате и не рассыпется внезапно, даже если и будет переживать какие-то кризисные потрясения. Кризис сегодня — нечто уже перманентное, а потому и привычное, как, собственно, и идущая в мире революция, увы!, другая — не пролетарская. Революция делается, и она подконтрольна, кризисы тоже сплошь и рядом делаются, и они тоже подконтрольны. Новый мир — новые кризисы и новые революции. Недаром же вокруг господство *ноосферы!*

2. Новый мир предложил *новую экономику*, из ряда основных обобщающих параметров которой — *глобальность*. Это уже не просто взаимозависимость всех и вся в масштабе планеты, хотя и это, конечно же, есть, а нарастающая изо дня в день *всеоб-*

щая иерархическая соподчиненность, сопровождаемая развивающимся управлением сверху и из центра и упорно побуждаемой управляемостью мирового низа и мировой периферии по отношению к мировому верху и мировому центру. Не учитывать этого — не понимать самого существа глобализации! Для простой взаимозависимости достаточно интернационализации, которой уже или нет — как явления и понятия, или же в текущей реальности она не имеет серьезного значения. Представлять глобализацию сугубо объективным процессом — верх наивности. Глобализация субъектна и субъективна, что не исключает и ее объективной стороны. Представить себе иную глобализацию — всего лишь представить себе ее другого лидера и реализатора. Нет двух реальных или возможных глобализаций, она одна — именно такая, какая есть.

3. Если это так, то национальным, как и большим региональным, образованиям, уготована роль встроенных во всемирную пирамиду и производных от мирового целого, второстепенных по отношению к нему, вспомогательных и исполнительных, паразитарных или вспомоществовательных, а то и просто вчистую эксплуатируемых, частей. Какие-то частные (от части) образования — наследники наций, стран и независимых государств, останутся, но с новой ролью и новыми функциями — *служебными*.

4. Глобальное начало доминирует, ему принадлежит основная *власть*, национальное же начало (бывшее национальное) занимает подчиненное положение, ему дается лишь возможность служить глобальному началу: либо в пользу паразитизма — для избранных, либо для реализации эксплуатации — тоже по-своему избранных. Глобальное начало ныне — господин, национальное же (бывшее национальное) — его и для него уполномоченный надсмотрщик, старательный сборщик податей и исправный плательщик навязанного долга (ренты). Схема довольно проста, хотя механизм ее реализации достаточно сложен, ибо нарочито запутан, сознательно скрыт и вообще неотчетливо выражен (эфмерен).

5. Глобализм — вершина развития Западной цивилизации, никогда не порывавшей с идеей *мирового господства*. Сегодня

реализация данной идеи как никогда близка к завершению. Еще каких-нибудь полтора десятка лет назад никто или почти никто, во всяком случае в России, не говорил об этом, сейчас это уже стало общеизвестным фактом. Здесь уже не просто выявленное намерение, а сама явленная реальность, правда, еще полностью не исполненная. В наличии же *амбициозного, империального* намерения никто из здравомыслящих людей уже не сомневается.

6. Совершенно иначе теперь смотрится и воспринимается *Революция*, свершившаяся в СССР-России. Это революция в пользу глобализма, его выхода на открытую мировую арену, последнего империального прыжка. Западный глобализм, ликвидировав явного противника-соперника в лице СССР и так называемой социалистической системы, почувствовал наконец-то лютый кураж и ринулся буквально во все тяжкие. Глобализм вышел из подполья и перестал быть тайной. Революционизированной России уготована участь либо безоговорочного встраивания в систему глобализма, либо полного исчезновения в случае отказа. Факты показывают, что в хозяйственном аспекте такое встраивание предполагает для России место и роль *ресурсного придатка*, не обладающего при этом собственной экономической обустроенностью. Фактически речь идет о бытии российской экономики даже не в качестве субэкономики, а прямо-таки *субсубэкономики*.

7. Однако:

- *западный глобалистский проект* явлен, он известен, его анализируют, обсуждают, оценивают, с ним даже борются, все менее почитая это явление за объективный процесс, все более находя в нем признаки субъектно-субъективного действия;

- качественная оценка проекта извне, т. е. за его собственными пределами, что касается и среды самого западного мира, не только не однозначна, но и все более негативна, хотя манипулирование сознанием по всему миру в пользу проекта сильно, настойчиво и многообразно;

- дело здесь не в одной лишь агрессивности глобального империального субъекта и в факте изысканной эксплуатации им всего мира, а и в *глобальной угрозе* человеку и человечеству, которую несет в себе и за собой данный эгоистический проект — как по линии сознательного уничтожения человеческого начала в

человеке, следовательно, начала окончательного выветривания остатков божественного, так и по линии возможного самоуничтожения человечества в горниле гигантского военного столкновения или гибели человечества в незапланированной, но тем не менее рукотворной, тотальной катастрофе, спровоцированных ожесточенной борьбой *за* и *против* проекта, что то же самое — *нового мирового порядка*;

- проект, как и его реализация, беременны острым *апокалиптическим кризисом*, из которого нет и не может быть простого маложертвенного выхода (Россия это сейчас ясно показывает, как бы моделируя и возможный ход актуального мира);

- отсюда растущее желание не просто ослабить давление проекта, но и развернуть ход мировой эволюции, перевести ее на другой путь, вывести на *дорогу жизни*, что предполагает не глобализм и его господство, когда какая-то таинственная высшая элита правит атомарным, т. е. лишенным выраженных сообществ и качественного разнообразия, планетарным пространством, его под себя постоянно переделывая, а *взаимоположенное общежитие сообществ*, в рамках которых человек не атом, а полноценная *личность, соотносимая с другими личностями*;

- целостная и наличествующая во всем мире неудовлетворенность от глобалистского проекта создает почву и мотивы для выработки разнообразных *антиглобалистских поведений*, в ряду которых как поведение уже включенных в глобальную структуру, так и еще включаемых в нее *сообществ* (стран, наций, народов, государств, региональных, конфессиональных и цивилизационных образований и т. д. и т. п.);

- в момент, казалось бы, полного и окончательного отрицания всего, что якобы противостоит на общественном уровне отдельному человеку — *индивиду*, стесняет его свободу, что его угнетает, т. е. в момент отрицания любых стоящих над отдельным человеком явленных ему и его поглощающих образований — родственных, кровных, языковых, культурных, религиозных, гражданских, политических, хозяйственных и т. д., вдруг резко возрастают значение и ценность как раз *подобного рода надличностных образований*, без которых, оказывается, несть

человека как человека, а есть лишь подобие человека, начиненное уже нечеловеческим, хотя бы тем же механическим, содержанием;

- подвергаемый глобогенному прессингу человек — что принадлежащий якобы передовой западной части мира, что принадлежащий якобы отсталой мировой периферии — все более идет на *осознанное сопротивление* азартному и бесцеремонному глобализму, не только выставляя вперед шеренги явных антиглобалистов, но и стремясь всем своим поведением сохранить приемлемый для себя образ жизни, а соответственно, и сохранить самого себя, обеспечивая так или иначе сохранение тех *надличностных образований*, в том числе и различного рода *институтов*, в рамках которых и при активности которых он предполагает сохранить себя как человека, обрести *новое полноценное бытие*, позитивно измениться;

- мало того, растет осознание того, что необходимо наполнить ставшие вдруг значимыми и ценными образования и институты *новым содержанием*, ибо консервация их невозможна и вредна, а обновление как раз является залогом не только их и самого человека выживания, но и движения вперед — к новой жизни, по дороге жизни, — при этом наполнить явно антиглобалистским содержанием, которое и должно явиться под мощнейшим прессом глобализма, т. е. в концептуальной и любой иной, кроме катастрофической по исполнению и результатам, борьбе с ним;

- эпоха Постмодерна — эпоха не только утверждения и доминирования глобализма со всеми сопряженными с ним постмодерновыми моментами, но это и эпоха *антипостмодернового противостояния глобализму*, сопротивления ему, борьбы с ним, его преодоления, а в целом — эпоха перехода от *античеловеческого пустотного постмодернизма к какому-то иному полноценному человеческому бытию*;

- сопротивление постмодернизму и его преодоление, как и соответствующая гигантская операция с глобализмом — дело людей, населяющих земной шар, обществ, которые все еще наличествуют на Земле, разного рода образований и институтов, для человеческой жизни характерных и нужных, а потому действительное и повсеместное антиглобальное движение не может не

быть качественно разнообразным, хотя в то же время и единым образом — под давлением глобализма — вдохновенным и сориентированным, — очарованный собою и спущенный с тормозов империальный, но при этом крайне эгоистический, глобализм не может не вызывать к действию своего противника и могильщика — новую, вопреки глобализму возникающую, общепланетарную жизнь;

- на место опасного и гибельного глобализма должен прийти *животворящий планетаризм*, способный уважать *единство в разнообразии*, а потому не только не стирающий с лица Земли *мир различных сообществ*, генетически обусловленных и вовсе не напрасно существующих, но его заведомо предполагающий, более того, обеспечивающий ему выживание и процветание;

- в мире так или иначе возникает самой жизнью при этом вырабатываемый, вполне противный глобализации проект, еще не оформившийся, но уже почувствованный — *проект добровольного планетаризма*, который не только не отрицает общемировой взаимообусловленности человеческого бытия, а способен дать на эту обусловленность приемлемый для всего или большинства человечества ответ, в итоге которого может сложиться и эффективно действовать *всемирное общежитие локальных сообществ*, оформленных не только *договорным*, но и обновленным по сути *властным* образом.

Планетарный ответ

Планетарный ответ, становящийся в принятом контексте, *планетаристским*, не просто субъективно желаем, хотя бы антиглобалистским сознанием, он неизбежен — глобализм ведет войну со всем миром, а это в любом роде провоцирует мир на адекватный, не обязательно военный, но и не непременно мирный, ответ. *Глобализм зарится на мир, мир отвечает — планетаризмом!*

Особенность планетарного ответа, становящегося планетаристским, состоит в опоре на то, что глобализмом с пренебрежением отвергается — на исторически обусловленные, но *обновляющиеся по форме и содержанию*, общественные локальные обра-

зования — *жизнетворные сообщества*, в которых только и может рождаться и быть человек-личность. Соответственно, речь может идти в рамках указанных сообществ только о *поддержке* человека-личности, его *защите*, *воспитании* и *здоровом жизнеотправлении*, но никак не о подавлении человека. Выходит, что это должны быть обновленные сообщества, через которые и в рамках которых человек-личность находит и воспроизводит свое единение с природой, миром, обществом, Богом, т. е. реализует себя как общественное, сориентированное на общий жизненный интерес, солидарное существо. Для этого должны существенно измениться все бытийственные установки человека и сообществ, и такое изменение должно стать отрицательным по отношению к постмодернизму и глобализму, т. е. противоположно иным. На очереди полная идеологическая переориентация человека относительно себя и мира, особого рода новое вчувствование в этот мир и в самого себя, преодоление идеологии, породившей глобальный апокалиптический кризис и угрозу самому человечеству. Перед человеком еще не стояло столь грандиозной задачи, эта задача необычайно сложна, а ее решение почти невероятно. Однако иного пути нет, ибо глобалистский вариант стратегически неприемлем, он в любом варианте гибелен, хоть и весьма соблазнителен — в чем и его известная сила, так как вызывает желание впрыгнуть побыстрее в уже практически сформированный «золотой поезд» и ускользнуть от возможности провинциального недобытия, если и вообще от небытия.

Идти или нет по дороге жизни на основе планетаризма — решать самому человечеству. Однако попытки такого рода ему не миновать. И сегодня важно определиться, чем дорожить, что отбросить, как обновляться, кем стать. Это особого рода и еще небывалая в истории, вполне, кстати, и *ноосферная*, идеологическая, социальная, хозяйственная, политическая, культурная, цивилизационная и т. д. *демиургия*, крайне трудная и ответственная, к тому же и необычайно рисковая, когда человек демиургирует, принципиально считаясь не только с собой, но и со всем миром в целом, демонстрируя не свою особенность по отношению к переделываемому им миру, а свое единство с миром, который им не

переделяется эгоистически и пренебрежительно, а преобразуется любовно и ради самого мира.

Разумеется, это утопично, но без утопий нет вырывов вперед. К тому же мы не конструируем мир за других, а предвидим возможность творческого действия самого человечества, его элит. Глобализм на то и свалился на человечество, чтобы оно могло развернуться в своей хозяйственной демиургии в нужном направлении. Постмодерновый глобализм дает уникальный шанс, и этим шансом грех не воспользоваться.

Реальность, конечно, не столь благосклонна к новым, т. е. антипостмодерновым и антиглобалистским, вариантам, а в нашем случае, к планетаризму, тем более, что планетаризм рассматривается нами как более глубокий и важный по смыслу разворот, чем простое сопротивление глобализму: человеку пора всерьез задуматься над тем, куда он зашел и кем стал, как и над тем, каким ему быть дальше. Изменение человека по существу — возможность выбраться на планетарную и планетаристскую дорогу жизни.

И вот тут о главном: о *власти*. Сколько бы ни поносили власть, а без нее никуда. Глобализм — власть, однако не устраивающая планету, планетаризм требует уже иной власти, иного ее распределения, иной системы, иных проявлений. Не на безвластии может базироваться планетаризм, а как раз на власти, но иного рода, чем глобализм — противоположного.

Отсюда первый императив: локальные сообщества, которые могли бы реализовать новое планетарное общежитие, должны быть *субъектно-властными сообществами*, возможно, и *национально-государственными*, ибо нет никакой необходимости изобретать велосипед, но, возможно, и какими-то другими. Однако они должны быть аналогами нынешних национально-государственных образований, наполненными, надо полагать, каким-то иным содержанием, т. е. обновленными.

Первый императив с неизбежностью дополняется вторым: субъектно-властные сообщества должны будут составить между собой многослойную и разнообразную *планетарную кооперацию*. Иного выхода тут нет: либо империяльный, а лучше сказать, ультраимперияльный, глобализм, либо планетарная кооперация. Эта

последняя должна реализовать себя не как благодушное ничто, а как *субъектно-властное нечто*, что сделать непросто, но можно — жизнь к тому же заставит. Планетарная кооперация сообществ возможна лишь как *напряженное нечто*, и спасительное архитектурное напряжение может ей сообщить только соответствующее властное напряжение внутри составляющих планетарную кооперацию «национально-государственных сообществ».

Выходит, что национально-государственные образования не только не достояния истории *как прошлого*, но вполне оправдываемые достояния истории *как будущего*. Им предстоит пережить лишь новые воплощения.

А как же глобальная экономика? Ведь экономику в ее высшем на сегодня выражении как будто бы не отменить.

Экономике, видно, придется меняться, не теряя своей уже достигнутой мирообусловленности, и меняться, во-первых, в сторону от глобальности, во-вторых, в сторону... от экономики.

Современная экономика — экономика *корпорационная*, что означает наличие и господство в мировой экономике уже по сути глобальных, а не международных или даже транснациональных, корпораций. Без этих корпораций не могла бы вообще осуществиться глобальная экономика — экономика сверху и из центра. Глобальная экономика — их, этих корпораций, экономика. И именно этим корпорациям не нужны сегодня национально-государственные образования: ни нынешние, ни обновленные. Мир должен решиться на *антикорпорационную революцию*, разумеется, решиться не сразу и не на мгновенную революцию, но вряд ли у мира есть иные варианты.

Мир должен решиться и на *антиэкономическую эволюцию*, т. е. на переход к *постэкономике*, к такому хозяйству, которое не основано на властном доминировании денег, финансов, отвлеченных чисел. Было время, когда хозяйство было неэкономическим — *натуральным*, затем *полуэкономическим*, когда деньги имели второстепенное, служебное, посредническое значение, теперь подступает время нового обращения к *неэкономическому* по сути хозяйству, хотя уже и не натуральному в полном смысле слова. Деньги должны быть взяты под контроль общества, а их глобализующая функция должна быть ослаблена и устранена.

Планетарная кооперация должна позволить не только преодолеть глобализм и адекватную ему экономику, но и создать и поддержать иное мирохозяйствование, в котором договорный процесс будет превалировать над конкуренцией и командованием. Глобальный центр должен уступить место *планетарному центру*, подконтрольному *субъектам планетаризма, планетарной кооперации*.

Нетрудно предвидеть упреки в новом утопизме. Но, во-первых, без ориентирующих утопий ведь никуда, а во-вторых, жизнь должна разворачиваться именно в этих, или им подобных, утопических направлениях, осваивая *новые алгоритмы бытия*, а если мир этого не поймет или не сможет реально идти к дороге жизни, то катастрофы, принимающие, увы, глобальный характер, ему будут в этом споспешествовать.

Соло России

Двинувшись на Запад, Россия попала в западную, в ту самую западную, о которой кто только из отечественных мыслителей не предупреждал. Что не удалось в 1917 г., удалось в 1990-е гг. Западнизация России имеет две стороны: изменение характера страны и способа ее бытия, но так же и попадание в западную. А западная эта не просто западная, но еще и глобалистская.

Что делать России?

Обсуждать ее покорное бытие в рамках глобального миропорядка в качестве *субсубобразования* нет никакого смысла. Это устраивает революционеров, стремившихся — вольно или невольно — к подобному положению дел. Им остается лишь защищать статус-кво. И если уж размышлять над дальнейшей судьбой России — как чего-то *самовыраженного*, то лишь в ключе обретения ею статуса *самостоятельной великой державы*, располагающей соответствующим ей *великодержавным хозяйством*, способным к утверждению *перспективы полноценной жизни*. Соответственно, обсуждать стоит возможность (проект) *антиреволюционного*, хотя и, по-видимому, *эволюционного*, выхода из тупиковой и чреватой исчезновением самой страны ситуации. И от этого, видно, не уйти, хотя бы согласно действию закона отрица-

ния отрицания, не говоря уже о синергетических эффектах. Это подсказывает и обыкновенный здравый смысл.

Созрела ли Россия для такого антиреволюционного поворота? Думается, что да, но с учетом того, что Россия в целом возврата к дореволюционному прошлому не ожидает. Отсюда антиреволюцию не надо путать с контрреволюцией: второе есть защита прошлого и возврат к прошлому, а вот первое — движение вперед на основе отрицания свершившейся, но уже не устраивающей общество, революции.

В аспекте мирообусловленных экономических процессов речь теперь должна идти об обретении Россией статуса *самостоятельного хозяйствующего субъекта*, что вовсе не предполагает отделения от *мирового целого*, а предполагает воссоздание *национального хозяйственного центра*, способного, не отделяя национальную экономику от внешней хозяйственной среды, *управлять* внутренними и внешними хозяйственными процессами, соблюдая *национальные интересы*.

Здесь необходимо иметь в виду новое содержание традиционных понятий.

Под *самостоятельным хозяйствующим субъектом* национального уровня и статуса следует понимать, с одной стороны, *национальное хозяйство* в целом и как целое, способное к обеспечению полноценного воспроизводства населения страны, а с другой — имеющий возможность принимать решения национальной значимости и добиваться их реализации в интересах национального сообщества *национальный управляющий центр*. Национальное хозяйство и национальный хозяйственный центр, признаваемые независимыми от внешнего управляющего давления, а потому самостоятельными, составляют то, что можно определить как *национальный хозяйствующий субъект*.

Под национальным хозяйством следует понимать все ведущееся в пределах страны хозяйство, эффективность которого оценивается качеством воспроизводства населения страны с учетом не только уровня, но и самой перспективы жизни. *Полнота жизнеотправления* — основной критерий действенности и самоценности национального хозяйства.

Под национальным интересом следует понимать *полноценное воспроизводство населения страны*, что находит выражение в соответствующей обобщающей *потребности* и всеобщем *стремлении*, равным образом и *обязанности*. Данный обобщающий интерес распадается на различные интересы производного порядка, как то: безопасность, здоровье, творчество и т. д.

Под национальным хозяйственным центром стоит понимать *властную институциональную структуру*, способную создавать необходимые условия для нормальной, т. е. вполне цивилизованной, хозяйственной жизни внутри страны и за ее пределами, исполнять разнообразные общественные функции и решать общественные задачи, а главное, управлять по мере необходимого внутренними и внешними хозяйственными процессами, избегая, за определенным исключением, прямого и комплексного управления экономическими субъектами.

В связи с вышеизложенным стоит обратить внимание на термин *управление*, что означает никак не директивное командование субъектами, а более всего побуждение, ориентирование, стимулирование и т. п., к тому же по возможности косвенными, согласительными, договорными методами.

Национальный хозяйственный центр не должен быть рыхлым и инертным, он должен быть оперативным и решительным, в его руках должны быть необходимые возможности управления: властные, административные, финансовые, правовые. Главное здесь — поставленные задачи и предоставленные механизмы реализации. Такой центр должен иметь полную возможность осуществлять *организацию самоорганизации* контролируемого и опекаемого им хозяйственного пространства (по типу того же глобального всемирного центра — только для и ради *своего* пространства).

Сколько-нибудь изолированного от внешней сферы сегодня национального хозяйства не создать, да это и не надо, но это не означает, что не может быть, что как раз надо, контролируемого и опекаемого из национального центра хозяйственного пространства, тем более, если само национальное хозяйство требует как наличия действенного центра, так и его реальной контролирующей и опекающей деятельности. Именно нечто подобное требует

российское хозяйство, да что требует, оно в той или иной степени таковым и является — в том или ином виде в разные исторические моменты, в том числе и в сегодняшний: революция, разгромив предшествующую систему *централизованного суперхозяйства*, до конца от центра и некоторых его функций не отказалась и отказаться не могла, весьма эффективно используя центр и его функциональность уже в своих интересах, как и в интересах установления системы олигархической субэкономики.

Так что дело не в создании национального центра, как и не в его воссоздании, а в его *переориентации* на интересы национального хозяйства в целом и интересы всего населения страны, равным образом и на интересы общего и солидарного движения вперед по дороге жизни.

Российское хозяйство — воистину *большое хозяйство*. По сути это не страновое хозяйство, даже и не национальное, а некое *сверххозяйство*, которое можно определить как *хозяйство-мир*, или как *мир-хозяйство*. Такое хозяйство не просто масштабно и разнообразно географически, оно вообще сложно, как и по своему целостно, ибо способно к хозяйственной автаркии, т. е. к самостоянию и самовоспроизводству, иначе говоря, оно в главном *самодостаточно*. Большой пространственно-качественный объем российского хозяйства делает его мир-хозяйством, а соответственно с учетом расстояний, всяческого разнообразия и тенденции к целостной самодостаточности создает непреходящую потребность в наличии действенного общественного центра, без которого жизнедеятельность российского хозяйства оказывается невозможной, точнее, национально и жизненно неэффективной.

Совсем не случайно Россия все время реализуется как *империя*, причем не только в государственном аспекте, но и в социальном, хозяйственном, культурном. Даже сегодня Россия — самоуничтожающаяся, во всяком случае, лежащая в обмороке, империя. *Имперскость* — вовсе не всегда открыто и четко явленная империя, это и скрытое свойство, однако непременно у России присутствующее. Здесь нет априорно ничего ни плохого, ни хорошего — это прежде всего бытийственный факт, хотя во многом и таинственный. И с этим фактом надо считаться.

Имперскость, под которой мы понимаем здесь *внутреннее свойство организации*, а не, как это обычно принято, способность к внешней экспансии и господству над внешней средой, присуща и российскому хозяйству. Нет нужды это обстоятельно доказывать — знающий да признает. И выходит, что либо *имперское хозяйство*, либо вообще *нероссийское хозяйство*, соответственно, не мир-хозяйство и не Россия-хозяйство. Пока имперскость сохраняется, даже в угоду революционной антиимперскости, есть российское хозяйство. Никакой пресловутый рынок, которого не то что в чистом, но даже в целостном виде, давно уже нет, российского хозяйства не осуществит и не удержит.

Полезно обратить внимание на то, что западный мир вовсе не отвергает *империальности*, он ее всячески культивирует, в том числе и в экономике. Доказывать это было бы просто наивно. Мало того, воюя с российской имперскостью, он не забывает не только культивировать свою собственную империальность, но и, что самое поразительное, заимствовать нечто для нее и из российской имперскости, даже и сталинского образца.

Свободное, в смысле непредвзятости, движение по имперскому пути является вполне спасительным для России и ее хозяйства, однако это движение должно предполагать и антиреволюционный разворот для выбора приемлемого азимута. Имперскость имперскости рознь, как и империя — империи. А потому Россия должна вступить на путь созидания *солидарной империи*, а не какой-то там *либеральной*. Только солидарная империя, основанная на всеобщем согласии и на бескорыстном служении, способна вывести Россию из охватившего ее апокалиптического кризиса — революционного по своему происхождению, — и обеспечить не пустой и бессмысленный для страны экономический рост, а действительное хозяйственное жизнетворчество в пространстве необъятной России.

Возможность движения по такому пути зависит от массы обстоятельств, перечислять которые здесь нет никакой необходимости. Разумеется, надо осмыслить суть и форму *новой империи*, почувствовать ее содержательную новизну, узреть новые механизмы реализации и т. д., но главное все-таки состоит в осознании самого трансцендентного факта российской имперскости,

ее непреходящего значения для истории и судьбы России. Имперское строительство — совсем не простая задача. Но решать эту задачу надо, не пренебрегая пробами и не убоясь ошибок, — и занимаясь ее решением, надо не упускать шансов, предоставляемых сложной и вовсе не такой уж тотально враждебной к России реальностью.

Свершается-то ведь все прежде всего на метафизическом уровне, в который как раз окунуться и не вредно — что тем, что этим!

2003 г.

**Постмодерн,
Россия
и Империя**

Россия перед лицом глобализации

Никто не знает толком, что есть на сегодня Россия. Ясно одно — нечто остающееся и пока стоящее, а потому и стоящее — для тех, для кого Россия является Родным Миром. Каким бы он ни был этот мир, но он есть, и он родной.

Мало кто сегодня представляет, что есть глобализм — GLOBO, но все уже знают, что он есть, что он не остается, как Россия, а надвигается, пожирая вокруг себя все и вся, т. е. глобализуя мир — весь планетарный мир, не считаясь ни с какими родными мирами.

Глобализм — не абсолютная одинаковость, но принципиальная похожесть, это, во-первых, а во-вторых, общая управляемость из одного центра, однако не глупо-открытая, а умно-скрытая — качественная, концептуальная, поведенческая. Деньги и наука (бескорыстная?!) сделали свое дело — над планетарным миром нависла возможность «объединообразиться» и «объединоуправлениваться». Этому служат глобальный финансизм, глобальный информатизм и глобальный менеджериизм.

Россия в раздрае (не первый раз в истории). Властвующая элита тянет в глобализм, точнее, под глобализм (под зонтик глобализма); недоумевающий народ, родившийся в России и считающий ее родным миром, по мере возможности упирается; кое-кто, правда, как это и бывает в подобных случаях, уже бежит — навстречу глобализму, изучая английский и компьютер, устремляясь за пределы России, а то и просто сидя на месте — в замороженном ожидании.

Глобализм объективен, насколько объективны феномен экономического хозяйства и феномен науки, насколько вообще объективен созданный человеком европейским (не путать с человеком, проживающим в Европе) искусственный мир, целостно противостоящий ныне миру естественному, т. е. человеком не созданному.

Глобализм и субъективен, насколько в мире действует человеческая воля и человеческий замысел, насколько происходящее вокруг сознательно управляемо.

Как бы там ни было, но в настоящий момент в человеческом мире разыгралась глобальная глобалистская революция, знаменующая собою переход к принципиально иному качеству мира, его состоянию и устройству.

На человека озирающегося наплывает что-то поразительно другое, чего не только не было ранее, но что и не подлежит осмыслению в рамках моментально устаревающего привычного дискурса.

Слов не хватает, слова не те, слов просто нет.

Конец истории в дверях, там же и начало послеистории. Истории больше нет, ибо истоки никому не нужны в новом мире — теперь мир без истоков. Сам по себе. Сам себя источающий.

В то же время это уже и не мир, ибо мир — это еще что-то, сотворенное не человеком, имеющее объективность и разнообразие, бытие и жизнь.

Еще нет слова (скорее, знака), обозначающего «новинку», разве лишь GLOBO. И не надо удивляться, что с утверждением этого GLOBO исчезнут такие понятия, как страна, народ, нация, государство, общество и даже... человек (!). Впереди GLOBO, все и вся поглощающее, все и вся перedefиnирующее — на свой лад (лад ли?), по своему велению, по своему проекту.

GLOBO. Оно же и ОНО. Именно ОНО, а не что-либо другое — без различений, без полов, без характеров, без имен, но... с цифрами. Некое ЦИФИРО, некое ИНФОРМО, некое ТЕХНО.

А что Россия?

Россия в изумлении. Россия выходит из ума. Но Россия и за ум берется. Со старым хламом ей придется расстаться; новым хламом не прельститься; древние ценности учесть; новое видение окружающего мира заполучить. Великий духовно-умственный подвиг совершить ей надо. Только Россия и может что-то сообразить, а затем и Новое Слово дать. Разве этого мало перед лицом (лицом ли?) все-и-вся-глобализма, как и... перед лицом (лицом ли?) еще-человечества?

2000 г.

Русский вызов XXI веку

Возможен ли он — *вызов XXI веку*, да еще и от лица *русского человека* — запутавшегося, вымирающего, дурашливого? Не смешно ли?..

Смешно, господа, смешно!

Что тут поделать?

Смешно!

Смех, это когда все *смешивается*, искажается, искривляется. Когда *неправда*. Не ложь обязательно, а попросту неправда.

Вот и время нынче смешное — и смешанное, и неправильное, если не просто лживое. Кому смех, а кому и не до смеха!

Смеется, как известно, последний, да и это не обязательно. Вообще смеяться нужно в меру, даже победителям, ибо победители все временные. И последним оставшимся не резон смеяться — с чем-то еще они останутся?..

Время сейчас действительно жутко смешное. Не будем гадать за Европу или Китай, а вот в России и в самом деле так: *что-то* вселилось в Россию, что заставило ее и смешаться, и смеяться. Смешение вокруг и всеобщее смеяние. Куда ни кинь — все одно! Смешные (они же и смешанные) президенты, парламентарии, политики, олигархи, бизнесмены, писатели, журналисты, артисты... Все тусовки смешные, все съезды, все фестивали, все заседания. Даже убийства и войны... нет, конечно, не смешные, но какие-то... несерьезные. Несерьезное нынче время!

Какое-то развлекательное, игровое, пляшущее. Мелькающее. Но не то чтобы не стабильное, а именно *мелькающее*. Во всяком времени есть мгновения, а это прямо-таки только из мгновений и состоит — что в течении, что вокруг. *Измгновенное время*. И пространство такое же — мгновенно меняющееся, тоже *измгновенное*. Тут, там — там, сям. То ли вчера, то ли завтра, то ли здесь, то ли где-то. Все течет, все изменяется. Но как-то не так, не постепенно, не причинно-следственно, не логично, не закономерно, не по-нашему, не по-научному, не по-модерновому...

Время *постмодерна!*

Вот оно, открытие! Чего? Да ничего! Что есть постмодерн, кроме того, что он *ничто*, ибо «пост» означает, конечно, новизну и даже отрицание — того же модерна, но что есть постмодерн по своей сути? *Ничто*. Ибо в слове «постмодерн» ничего такого не содержится, как, собственно, и в слове «модерн», как и в слове «премодерн». Красиво, здорово, умно, а бес-смысл-енно. Но, может, смысла-то никакого не надо? И давно, заметим, не надо. Зачем смысл? Достаточно и *знака*, вовсе от смысла оторванного. Апофатическое, так сказать, бытие — со знаками, но без смыслов, что означает не одно лишь многосмыслие, за знаками скрывающееся, и даже не простое двусмыслие, а прямо-таки любосмыслие, но не от «любо» (что от любви), а от «любой» (где любви вовсе и нет). Постмодерн, похоже, это знак с любым смыслом — каким нравится! Любопытная получается вещь. Что там химера, которая есть соединение разнородного, а потому и что-то даже понятное, — тут, пожалуй, позамысловатее. Слово сказано, а что за словом — поди, узнай! Нет больше слов, что-то значащих для всех. Теперь нет ни этого *что-то*, ни этих *всех*. Слово (слово ли?) вроде бы есть, но его как бы и нет. Что-то иное. *Конец слова*. А вместе с ним, приходится заметить, и конец многого другого: *литературы*, к примеру, *истории* (как знания), *философии*, той же *науки*, не говоря уже о каком-нибудь *гуманизме*.

Язык. Что это теперь? Мир знаков? Да, конечно. Но каких знаков, что отражающих и что выражающих? Ясно, что все более что-то неприродное, виртуальное, издуманное. Без особой привязки к смыслам, а если и к смыслам, то случайно и невнятно введенным — ненадолго. Знаки сами по себе, т. е. как бы и не знаки вовсе, ибо что-то они там обозначают? Изучай, не изучай, все одно — не разобраться. Мало того, что знаки сами по себе, да еще и в нарастающем потоке, да еще и в условном межъязыковом образе, да еще и... Язык ли это? Или что-то другое? То ли это *твой* язык, *твоя* культура и *твое* средство общения, то ли это уже не *твой* и не язык, вовсе не *твоя* и не культура, не *твое* и не средство общения? *Чем*, собственно, пользуешься, пользуясь языком? Не средством ли на тебя влияния и тобою управления? Не чуждым ли тебе становится язык, не враждебным ли? И на

место слов все более изображения какие-то приходят, звуки невербальные, как и передача мыслей на расстоянии без каких бы то ни было слов все более грозит осуществиться. То, что язык уже другой, — факт, но вот язык ли это, — вопрос?

Мир стремительно меняется, а лучше сказать, рушится-рождается. Конец одного мира (пусть современного) и возникновение другого мира (пусть постмодернового). А мы, стало быть, в расщелине.

И это надо воспринять.

Западнизм — это не Запад только, т. е. не то, что только на Западе. Мало того, что западнизм повсюду, но он еще и есть тот самый *новый мир* (не за этот ли новый мир боролся в свое время наш страстнотерпный журнал «Новый мир»?), который чудовищным образом рождается и чудовищным образом всюду распространяется. Вспомним «Роковые яйца» незабвенного М. Булгакова, лишь чуть-чуть сменив ориентировочные акценты. Разве непонятно?

В русской литературе (вместе с философией), кстати, все давно замечено, показано и высмеяно. А мы все еще над собой смеемся, хотя это совсем и не плохо, а ведь пора уже кое над чем иным посмеяться — над нездешним. Пора!

Смешной на нас мир надвинулся, смешной, что не значит, конечно, добрый. Он вполне злой, но, как бы это лучше выразиться, как-то по-доброму злой, даже по-милому. С улыбкой, с участием, с поддержечкой. Это вовсе не злющий Карабас Барабас, а скорее, нежная Лиса Алиса с приятным Котом Базилио. А мы — мы, конечно... и так понятно!

Новый мир.

Постмодерн.

Не уйти, не спрятаться, не отгородиться.

Где ты, родимая Берлинская стена? За бананы на сувениры распроданная? Какая ирония! И со стеной было не очень, а без стены и совсем дурно.

Но до времени!

До времени обнаружения — поначалу.

Увидеть — много значит.

Понять — еще больше.

Противостоять... совсем уж много.

Противостоять? В наше-то скользкое, обволакивающее и дурманящее время. Это как же?

Самими собою. Своим умом, своим сердцем, своей душой.

Это нам-то?

Да, *нам*. Ибо подниматься нам надо, возвышаться. С Богом и к Богу! Встать, а затем и против-встать, ничего не боясь, но во всем разбираясь. На то и апокалипсис нам дан, чтоб разобраться и восстать.

Идейно.

Альтернатива XXI веку нужна, как и веку XX. Вот она, сшибка веков. И это не шутки. Смех смехом, а жить-то надо. И нет *нас* в этом XXI веке, нет. Во всяком случае, таких вот — русских. *Нет!* И никак понять этого мы не хотим. Схватка ведь смертельная. На сшибке веков.

Назад не уйти. Ни в социализм прежний не податься, ни в империю, ни в государственность. В то, что было, уже не войти. Мы теперь здесь — в *иной* точке *иного* времени-пространства. Вокруг все неведомое, все непонятное, все враждебное. А жить-то надо, идти надо. Куда? Как? С кем? Изучать и приспособляться просто некогда. Решать надо. Здесь и сейчас! Немедленно!

Как?

А, может, с помощью... *обратной перспективы*, обзрев зараз все: прошлое и будущее, ближнее и дальнее, микрокосмос и макрокосмос, поюстороннее и потустороннее... *весь многомерный и многомирный мир*... Почему нет? А что еще остается?

Обзреть и схватить!

Убедиться, что мир рядом, Дух рядом, Бог рядом.

Сил набраться.

Понимание обрести.

Целостность узреть и самость свою почувствовать. Искренность. Право свое ощутить на жизнь на Земле — на *свою* жизнь. На *свое миропонимание*. На понимание того мира, который надвигается, и на понимание того мира, который потребен.

Во лжи надо разбираться.

Во всякой.

И от лжи бежать.

Возьмем все тот же постмодерн. Оказывается, что он-де есть... *отсутствие стиля*... А стиль, как известно, что-то от нормы. Постмодерн, стало быть, есть отсутствие нормы. Нет, не будем говорить о ненормальности, а просто об отсутствии нормы, во всяком случае о ее непостоянстве. *Непостоянство нормы*. Как бы и всеобщая свобода: человека, мыслей, вещей. Но ведь при этом и самого мира. Больше нет и не может быть сцепки между человеком и миром. Мало того, что мир человека уже практически неприроден (искусствен), так он еще и неуловим — виртуален, изменчив, бегл.

Карнавальный мир!

Как же все-таки войти в непрерывный карнавал и с ума не сойти?

Для начала хотя бы знать, что это все-таки карнавал — с отсутствием стилей и непостоянством норм. Не искать стилей и норм, но и не впадать в полное отсутствие стилей и в полное непостоянство норм. Задача, прямо скажем, не из легких, а в основе своей прямо-таки *трансцендентного свойства*.

Быть в карнавале и не быть в нем. Присутствовать и отсутствовать. Не видеть перед собой стилей и норм, но иметь их таки в себе... Стоп! Вот мы и проговорились. Не видеть вокруг себя, но иметь в себе. Чем не выход?

Причем альтернативный: не карнавальный, но и некарнавальный (т. е. не без карнавала, но и не по-карнавальному).

Двойная жизнь, выходит?..

А как же правда?

Эх, Буратино, Буратино, ведь не на поле же правды ты, а всего лишь на поле чудес, и, надо заметить, давненько уже... пора бы и понять кое-что!.. Поле-то чудес *контролировать* надо, чтоб чудес на нем вовсе не было.

Контроль над временем-пространством. Идеальный контроль над идейным временем-пространством. Освобождение от идейного миража — мýрока.

Овладение идеей.

Какой? Раз спрашиваешь, то, стало быть, не готов.

Русской идеей.

Не по закону ведь, а по *благодати*!

Сказано уже.
Давно сказано.
Напрасно, что ли?

А благодать просто так не дается. Ее еще заслужить надо, в том числе и умом, действием, стилем. А что говорить о достоинстве, чести, переживании? Всей жизнью — *праведной*.

А вот праведной-то жизнью никто жить особенно и не хочет. Верно, не хочет. Но предел тут все-таки есть — тот самый, *апокалиптический*. Так что выбирать все же приходится: то ли вверх, то ли вниз.

Основное — *человек*! Все-еще-человек. Не гуманоид, не европеоид, не западноид. Просто человек. Такой, каким его Бог создал, во всяком случае источниковый человек, человеком еще не переделанный. Все вокруг хорошо: и изобилие благ, и коммуникации, и мир даже относительный, и торговля всемирная, и жизнь долгая, и туризм старческий, а вот человек куда-то исчезает, как бы выветривается. *Суетливое улыбающееся специализированное существо*. Как бы ходячая мембрана, нет, не ходячая — бегающая, да, пожалуй, так: *бегающая стремительно туда-сюда мембрана*.

Оглянуться бы, осмотреться, опротиветься.

А все некогда.

Вперед!

Куда?

Не постмодерн нам нужен, этот постзападнизм, как и не премодерн должен нас вдохновлять, а про-Россия, т. е. Святая Русь, но в будущем облике.

Идейную устойчивость надо обрести.

Опору.

А что может быть лучше и честнее, чем идеал Богом вдохновленного человека? *Божьего сына*. Здесь все: и Бог, и человек, и ум с душой, и сдержанность, и братство... да все, что угодно — истинно человеческое, однако *сыновнее*, гордыней не объятые.

Человек создан свободным, точнее, свободу выбора имеющим. Критерий выбора, однако, не здесь, не в этом мире. Но он известен. И настолько, что человек готов закрыть на него глаза. Свет уж больно слепит, лучше в тень! В тени легче, но как же там

тягостно! У нас есть шанс (у них — тоже). На свет, на свет (как тут не вспомнить А. Чехова с его «В Москву, в Москву!»), правда, тоже ведь... в тень, в тень! Не в Москву сегодня, загаженную неведомыми странниками (тут как раз вновь всплывает М. Булгаков с его «Мастером и Маргаритой»), а из Москвы, из Москвы... хотя бы мысленно... ну, как, примерно, и булгаковские герои (или антигерои?), но за светом, за светом, к Святой Руси, к Богу.

Дело не в технике, не в отношениях, не в собственности и не в распределении благ, хотя в чем-то и в них тоже, а в *человеке* — только в *человеке*, в его падении и в его возвышении.

Вот и спрос с человека!

Вот и апокалипсис!

Мировой глобализм, каким он видится из XXI века, нас не устраивает, как не устраивает нас и мировой финансизм, который видится уже на рубеже XX и XXI веков. Не можем мы согласиться с составом ценностей, нам предлагаемых, как и с антикультурой, на нас наступающей. Никак нельзя согласиться и с бесструктурным, феминизированным и инфантилизированным миром, теряющим остойчивость и перспективу. Короче, нас не устраивает антибожеский мир — расслабленный, жующий и глупый.

Да, трудно в наше расплывшееся и рассредоточенное время призывать к дисциплине (самодисциплине) и гармонии, к жесткости и мужественности. Почти наивно. Но иного выхода нет. Или мы возрождаем *напряженную образованность* (во всех, кстати, смыслах), или нас нет и не будет. Образование в России (и как организация общества, и как образ человека, и как просвещение, и как устойчивая культура, и как доброкачественный язык, и как добротное слово) должно быть таким, чтобы выполнить две задачи: *поднять и закрепить человека — российского человека, а также поднять и закрепить Россию*, однако то и другое — с Богом!

И победим!

2000 г.

Безвременье и российские перспективы

1. Оценка социально-культурной ситуации

Уважаемые коллеги! Мы собрались с вами в особое историческое время, которое легче определить *внеисторическим безвременьем*, чем историческим временем. Это феномен своеобразного *асоциального вакуума*, что не исключает при этом ни действий, ни планов, ни каких-то решений. Имеет место не просто деформация исторического времени-пространства, а какое-то его отступление, механизация, исчезновение.

На место как-то организованной и структурированной, наполненной смыслом и ориентируемой ценностями, оплодотворяемой целями и решениями жизни пришла некая *имитация жизни*, более определяемая как суэта, маета, верчение — без ориентиров, без основ, без якорей, без какой-либо позитивной и нравственной устойчивости и, что самое любопытное, без времени и пространства, тех времени и пространства, которые должны быть органичными человеку, служить ему своеобразным кислородом, которым он дышит. Человек обязан жить во времени, т. е. иметь прошлое, настоящее и будущее, человек обязан ощущать свое жизненное пространство, соответствующим образом под него структурированное.

Ничего подобного сегодня нет, как минимум, в России, как максимум, в мире.

Человек *потерян*. Он растерялся, он изгой, у него нет страны, нет мира. По существу, он уже не человек — в нашем традиционном представлении. Это уже какое-то *другое существо*.

Наше с вами время (возьмем просто 2000 год) — не просто *постсоциалистическое время*, даже не просто *постгосударственное время*, (государство никому не служит, ничего не делает, само не знает, есть оно или нет), даже не просто *постцивилизационное время* (одновременно и *посткультурное*), это еще и *поствременное время*, наконец — *постчеловеческое!*

Прошу не упрекать меня в нагнетании «чернухи», а вдуматься в характерные параметры времени, а точнее, в их отсутствие, во всяком случае в отсутствие положительных параметров.

Безвре́мье!

2. Почему я на этом настаиваю?

По очень важной причине. Я хочу нащупать *основную проблему времени*, т. е. определить как положение, в котором мы находимся, так и противника, с которым надо бороться, как возможность такой борьбы, так и ее цели.

Весь мир вдруг устарел и уходит. Мы как будто в селевом потоке, уходящем в Лету. Зацепиться не за что, но что важно, мы не можем даже зацепиться за *слова* (!!!). А это уже совсем поразительное. Слова ничего не значат, они ничего никому не говорят, никого никуда не ведут, ничего не обозначают, в них ничего нельзя сформулировать.

Пожалуйста, я могу сейчас назвать разные привычные слова, но согласимся, что это либо не то, либо это пустота, либо какое-то искажение, либо просто ничто. Любые слова: «социализм», «капитализм», «Россия», «государство», «экономика», «бизнес» и т. д. Это только на первый взгляд кажется, что они полны позитивных смыслов и функций, на самом деле это далеко не так, если, конечно, хоть немного над этим задуматься.

Нет слов-ориентиров...

Что, собственно, происходит? Идет громадный по своему значению и последствиям *мировой слом*, означающий либо переход к новому миру, либо вообще исчезновение мира. Это, конечно, *апокалипсис*. Но не наша с вами вина, что это происходит. Надо хотя бы это *осознавать*, чтобы искать более или менее правильные решения.

Осознание положения сейчас — главное.

3. Что делать?

Надо создавать *новое время-пространство*. Надо *по-новому* структурировать жизнь. Вернуться назад нельзя. Наступило время дискретного, подвижного, нестабильного, если хотите, *калейдоскопического* времени-пространства. Время и пространство постоянно меняются. Нет стабильного содержания. Нет и стабильных слов, нет уважаемых надолго смыслов, нет ориентиров.

(Стратегия и тактика позиционной войны сменились на стратегию и тактику маневренной войны.)

Любые программы, любые умозрительные конструкции, любые слова, мы видим, тщетны, не воспринимаемы, мгновенно устаревают.

Если у нас найдется еще конструктивная и более или менее позитивно настроенная элита, желающая что-то доброе сделать для страны, то она должна понимать, в каком мире ей приходится действовать. Если, к примеру, экономика стала глобальной и финансовой, т. е. стала фактически общемировой финансовикой, то элита должна это ясно понимать и искать возможность действовать в интересах страны, ее населения в рамках этой весьма жуткой среды. Границу закрыть нельзя, а граница должна быть. Тогда *какая?*

4. О государственной власти

Хотим мы того или не хотим, но у нас ничего не получится без сильной и эффективной *государственной власти* (пользуюсь старым термином за неимением другого). Только власть в России может выражать общественные интересы. Нынешнее время это особенно показывает. Однако власть должна быть как-то по-особому *гибкой*. Возможно ли это? Я не знаю, но таково требование времени.

Главное — государственность, причем в ее имперском (вовнутрь) строении и духе, однако при максимальной гибкости. Власть должна задавать структуру и развитие в обструктурном и неразвивающемся мире.

Власть должна на что-то и кого-то опираться. Повидимому, на какие-то крупные образования, однако тоже способные к гибкости. Это уже не могут быть министерства.

Власть уже не может иметь чиновничий характер.

5. О социализме

Я исхожу из того, что социализм — это не общественный строй, а идея, могущая влиять на общественный строй, способствовать его реализации. Если мы оставляем термин *социализм*, то мы должны хотя бы его адекватно понимать. В эпоху устарелости и гибкости слов трудно сохранить слово *социализм*, но уж коли сохраняем, то надо это делать с наполнением его каким-то приемлемым смыслом.

Социализм — это когда никто не брошен, когда у каждого есть возможность полноценного бытия, когда благополучие отдельного человека как-то взаимоувязано с благополучием общества. И в этом смысле в социализме нет ничего плохого.

Однако социализм — это и высокая ответственность человека перед обществом, это особое качество человека, — и такого качества в постсоциалистическое время, кажется, нет. Социализм нельзя внедрить, нельзя построить, нельзя навязать. Он должен присутствовать в человеке и обществе *вместе* с человеком и обществом. Главное не в идее социализма, а в идейности человека.

Учитывая все вышесказанное, надо идти, видимо, по *государственно-демократическому социализированному пути*. Социализация реалистичнее социализма.

2001 г.

Мерцающие контуры российской государственности

Может ли современный человек обойтись без государства? Не будем наивными — *не может!* Может ли российский человек обойтись без сильного государства? Не будем простодушными — *не может!* Можно ли приветствовать разрушение государства в России? Не будем глупыми — *нельзя!*

И неужели во всем этом надо еще убеждать?

Можно быть недовольным государством, но *без государства нельзя*. В том числе и в экономике, с ее деньгами, капиталами и финансами, как и вообще в хозяйственной жизни. Ни общества, ни экономики, ни человека без государства нет и, не побоимся такого заявления, *быть не может*, как бы нас ни уверяли в обратном любители анархизма, марксизма (вспомним известный тезис об отмирании государства), либерализма, глобализма или еще какого-нибудь не столь примечательного «изма».

Да, государство бывает (во многом просто и есть) нехорошим и даже плохим. Оно может показаться и средоточием зла, как и не только показаться, но и быть таковым. Но, во-первых, государство — это в любом случае то или иное *принуждение*, во-

вторых, государству (как аппарату) приходится заниматься отнюдь не радостными делами, скорее, наоборот. Любить государство трудно, если вообще не за что, но признавать, а порой и уважать, все-таки есть за что. Без государства нельзя, — и надо иметь в виду, что государство делается *людьми* (хотя есть и обратная связь), а уж *какие* бывают люди, *таковым* бывает и государство. Качество государства — от людей, разумеется, с учетом всех объективных обстоятельств, а уж потом и качество людей от государства. Само по себе государство, — а это, повторим, так или иначе принудительная, хотя при этом и добровольная организация людей, общества, жизни, — более или менее нейтрально, во всяком случае, это вовсе не обязательный источник зла, как и наоборот — добра, но оно может, в зависимости от «человеческого материала», быть как активным и инициативным создателем как зла, так и добра.

Можно даже согласиться, что государство в своей большей части — зло, но это явно неизбежное зло, в чем-то важном и благодетельное (врач ведь тоже по-своему зло, но никто заведомо врача к злу как будто бы не относит). Государство надо признавать, надо терпеть, ему надо и споспешествовать. Неприятно, быть может, но нужно. Ничего другого, кроме государства, человек ведь, кажется, не придумал и фактически не создал!

Впрочем... на государство, во всяком случае, на так называемые национальные государства, идет упорная атака — не сегодняшнего, заметим, дня. Государства (или царства!) не только самостоятельно гниют, надо полагать, со всеми своими обществами и людьми, но и разрушаются — подчас вполне осознанно, хотя при этом и самому последнему бомжу бывает ясно, что без государства нельзя — если, конечно, желать оставаться человеком и человеческим обществом. Заметим, что на месте и вместо рухнувших государств возникают непременно... другие государства!

И однако!

Однако против национальных государств и вообще государства ведется борьба. Без устали!

Что это? Помешательство? Ладно бы против «плохих» государств, ладно даже против, пусть и хороших, но кому-то сильно

мешающих, государств, а то ведь и против государства вообще, — вот что происходит.

Насчет безгосударственности как таковой мы особенно распространяться не будем: пусть антигосударственники сами и попробуют обойтись без государства хотя бы день, хотя бы час. Ничего не получится! Знают ли об этом антигосударственники? Знают, конечно, и тем не менее... упорно выступают против государственности. Стало быть, что-то имеют в виду, по-видимому, не снятие вообще принудительной организации общества и человека, а замену ее... нет, не на свободную организацию, как мечтают разные интеллектуалы разных времен и народов (некая *мировая интеллигенция*; вряд ли стоит считать, что интеллигенция только у нас, в России, она повсюду, хотя и по-разному бывает выражена и выражается), а на *другую* принудительную организацию, почему-то и не государственную, может, не совсем государственную или почти государственную. Это уже интереснее! Здесь чувствуется предмет для разговора. Тут, может, и утопия, но без характерного для интеллигенции прекраснотушия. Тут уже весьма холодный расчет.

О, неважно чей, а важно *какой, ради чего, с какой стати?* Это важно. Речь может идти о *принудительной, но не государственной, организации*. И чтобы что-то себе уяснить, надо, по-видимому, задуматься сначала над тем, что есть именно государственная принудительная организация. По этому поводу можно бесконечно говорить, но не проще ли ухватиться сразу же за главное — государственная принудительная организация отличается существенной (т. е. не только функциональной) открытостью, а также достаточно ясными пространственными очертаниями. Государство хоть и скрыто в чем-то, но в принципе оно не скрывается, наоборот, главным условием его существования является как раз гласность бытия (не функционирования, конечно, хотя и функционирования тоже, а именно бытия). Государство всегда здесь, на виду, с нами (хотя и там, в тени, без нас). Оно и всегда в границах: есть одно государство, на одной территории, а есть другое, на другой территории. Государство — *явленность*, но не просто в аспекте явления вообще, а в аспекте необходимого для своего бытия и бытия общества легального присутствия. От-

сюда и возможность открытой значимости государства, и необходимость его открытого же учета людьми (гражданами, подданными, принадлежащими, образующими). Отсюда и возможность уважения государства, как и возможность к нему заслуженного презрения. Хорошо — уважаем, плохо — презираем. Все более или менее ясно: знаем, кого и за что уважаем, знаем, кого и за что презираем. Мало того, знаем, кому и зачем служим, от кого и почему бегаем, к кому и зачем прислоняемся, от кого и почему отшатываемся. Государство может быть сакрализовано, ибо открыто и значимо, пусть и не совсем по делу. Государство над нами, но и в нас; оно рядом, а иной раз и впереди, хотя порой и сзади. Государство — необходимое, явное, полезное и в целом понятное образование, пусть во многом и относительно. В феномене «государство» много относительного и даже трансцендентного, но в нем есть и своя абсолютность и ясность, чего нельзя ни проигнорировать, ни замолчать, ни отбросить.

Какой же тогда может быть негосударственная принудительная организация? Заметим, что сам по себе феномен негосударственной принудительной организации не только может быть, но и есть. Повсюду и всегда. Речь идет об образованиях мафиозного, криминального, сообщнического, паразитического и, если угодно, заговорческого типа. *Принципиально тайных*, т. е. самых что ни на есть *отрицательно трансцендентных*.

Любое разрушение государственной организации немедленно восполняется организацией негосударственной, тоже принудительной, но иначе, не просто даже тайной, ибо совсем-то она скрыться не может, не просто даже тайно осуществляемой, ибо совсем незаметной в реальных деяниях она быть не может, а организацией, у которой нет легальной целостности, замкнутости на саму себя, некой закольцованности, т. е. организации без начала и без конца, у которой нет явных мотивов, для которой более всего характерна неизвестность, а лучше сказать, неосведомленность, незнание, неосознание. Что-то управляет, а что — неизвестно. *Феномен тайного управления*. Нелегальная принудительная организация. Организация без границ, без ясно обозначенной территории, без четко определенного пространства.

Феномен сей хорошо известен. В нем нет ничего нового. Новое в другом — в возможности и стремлении перехода к большой *негосударственной принудительной организации*, не сидящей уже где-то под государством или даже в государстве, а действующей уже вместо государства, во всяком случае, при незначительности, вторичности, подчиненности государственной организации.

Фантазии, — получим мы непременно мнение и непременно авторитетное, подкрепленное энциклопедическим образованием и здравым смыслом. Такого быть не может! Да, не может, но случается повсюду как раз именно то, чего в принципе-то быть и не может. Вот, что воистину замечательно! Почему, к примеру, социальные прогнозы не очень-то хороши? Именно потому, что они исходят из действительного и предвидят возможное из действительного, а надо-то просматривать впереди как раз *невозможное*. Сегодня — бред, а завтра, увы — факт! Сегодня застой, завтра перестройка, а послезавтра — революция, да еще *какая!*.. Не просто какая-нибудь (по-научному, по-обществоведчески), а... *криминальная*, притом еще и *великая!* И государство вроде бы было, и *великая криминальная* случилась, и государство оказалось тут как раз самым первым и революционером. Вот, что бывает — в реальности, той самой, которая так успешно наукой-то и прогнозируется (как тот же коммунизм, к примеру).

Государство, выходит, может послужить и негосударственной принудительной организации; может и место ей уступить; может и оборотниться (от оборотничества). Всякое в жизни бывает. Было-было государство, вдруг, бац... и нет его! Нет, и все тут. То есть оно, конечно, есть, но... наряду с ним и в нем самом, как и вместо него... прекрасно чувствует себя и некая негосударственность. А если этой негосударственности (необязательно бандитской, можно, к примеру, и аристократической, и банкирской, и журналистской... и еще какой-нибудь... тоже вполне цивилизованной) по-настоящему поднабраться силы, да свободу действий заполучить, да технологии всякие эффективно заиметь, в том числе и шизофренического свойства, то почему бы тогда ни возникнуть большой (именно *большой!*) негосударственной принудительной организации, способной отодвинуть на задний, вто-

ростепенный, в некотором роде и призрачный, план организацию государственную, сделав ее обслуживающей, камуфляжной, так сказать *ложно*-государственной, фиктивной, фальшивой, однако и по-своему действенной — для решения задач, ей поставленных.

И мировой масштаб уже покоряется, и глобализация активно развивается, и люди передовые уже почувствовали себя гражданами мира, и тесны им уже государственные рамки, и стесняются они уже своих национальностей, и без постылой государственности пожить им хочется (без границ, паспортов, виз... правда, с номерами и карточками, но все равно — на свободе, в планетарном пространстве, т. е. везде и всегда, а не здесь и сейчас).

Большая негосударственная организация вовсе не за горами, она уже тут, над нами и в нас, она активна, она атакует... да, да, именно так: она атакует государственную организацию, она атакует национальные государства, она атакует нас... делая из нас... скажем мягко, негосударственных, ненациональных, непочвенных людей, а может, и не людей уже вовсе, а некие футляры, на людей похожие, да мало ли что, — сказано ведь: наступила эпоха *постмодерна*, а соответственно неопределенности, имитации, игры, а соответственно и *тайны*, той самой, что накрепко с принудительной организацией связана (с негосударственной организацией, хотя и с государствами остаточными мирящейся и ими, бедолагами, пользующейся).

Уход государств и государства вообще — не шутки! Разумеется, государства остаются, но вот государства ли? Государство может уйти, оставшись, как может и остаться, уйдя. Присутствие чего-то такого, что мы по привычке называем государством, вовсе не значит, что это такое и есть *то*, о чем мы так охотно думаем. Государство есть, но его и нет. Овца — не государство. Знак и смысл — не одно и то же. Государство уходит из государства. Тут уже что-то другое и *настолько отвратительное!*..

Побережем эмоции. Наша задача в другом — осмыслить факт ухода государства вообще, его какого-то растворения, как и факт исчезновения, пусть и неполного, национальных государств, во всяком случае, их известной, с одной стороны, денационали-

зации, а с другой — их явного ослабления перед лицом какой-то общемировой надгосударственной силы, и равным образом, осмыслить факт замещения государственности негосударственностью — и вообще, надо заметить, не по проектам анархистов, социалистов, либералистов и прочих «истов». Здесь работает какая-то тайная (лишь приоткрытая в лучшем случае) «энергия силы» (от некой скрытой и не такой уж цивилизованной элиты, а лучше сказать, антиэлиты), прекрасно себя чувствующая в среде, не менее тайной (в аспекте знакомства), «энергии бессилия» (так называемых масс, населения, электората и т. п.). Указанная тенденция выдавливания и замещения сегодня уже почти очевидна, имеет, если и не явно глобальный, то в некотором роде мировой характер. Это важно иметь в виду: нобелевские премии мира, к примеру, вручаются именно тем, кто этой тенденции более всего способствует, а мировая интеллигенция всю спешит оправдать уже свершившееся великое ослабление государств (царств) и наступление эпохи мира, свободы и планетарности (посредством, разумеется, и «последних», т. е. совсем уже окончательных, после которых лишь одна всемирная тишина и всеобщее братство, бомбежек Ирака, Югославии, ну и там еще каких-нибудь Палестины, Приднестровья, Абхазии... может, и Белоруссии, Крыма... да мало кого еще... той же Северной Кореи, Кубы или Малайзии). Вообще, было бы, наверное, по-настоящему хорошо, если бы национальные государства вдруг превратились бы разом в неких Субъектов Всемирной Федерации, а еще лучше в Провинции Земли, естественно, находящихся под общим всемирным управлением, а *каким* — не так уж и важно (какая разница, кем или чем будет это управление формально представлено?).

Фантазии. Разумеется. Но фантазии, за которыми просматриваются кое-какие реальности — *мерцающие реальности* (обратим внимание: не фантазии у нас мерцают, а реальности!).

Мир, жизнь, бытие меняются на наших — весьма замутненных — глазах. Меняются! Идет смена, свершается мена! Какая смена, какая мена? Ответить на эти вопросы непросто. Однако надо же учитывать, что *прогресс* дал в руки «энергистов силы» необыкновенные возможности для управления и господства *поверх* государственных образований и *сквозь* них. Уже не имеет

большого значения, есть государства или их нет, ибо если они и есть, то уже как филиалы большой негосударственной принудительной организации, ее исполнительные (и безынициативные!) органы. Вот и будь тогда энергичным политиком местного масштаба — в среде энергистов бессилья!

Такова, — конечно же, на наш вовсе и не убедительный взгляд, — историческая (а может, и *надисторическая*) ситуация, по причине и посредством которой мерцают во тьме (той самой, что над пропастью) *контуры российской государственности*. Мерцают всяко: как уходящие в прошлое (где ты, СССР?), как шевелящиеся в настоящем (недобитые или недостертые), так и выплывающие робко из будущего (все еще возможные). Россия ныне — *поле тайного сражения*, на котором фронтально сошлись государственность и негосударственность, цивилизованность и криминальность, порядковость и хаосность, реальность и виртуальность, почвенность и глобализованность, истинность и ложность, содержательность и формальность, насыщенность и призрачность... Все сегодня здесь — в России, и все воюет, конечно, по-своему и с разной энергической сосредоточенностью, с разными приемами и ухватками, но исторически проблемно, жестко и трагедийно. Хотя на поверхности и довольно тихо, не везде, конечно, но в целом... как-то и незаметно. Что ж, судьбоносное свершается совсем не обязательно с грохотом и воем, оно способно и на негромкие жесты. Слышащий да услышит!

Надо ли доказывать, что государство уходит как-то в России и куда-то из России? Как в свое никуда, так и не в свое туда — во вне, чтобы либо не вернуться вовсе, либо вернуться... но уже негосударством, а так себе: субъектом федерации, провинцией, в общем, пустышкой. Обидно? Кому обидно, а кому и радость! Расправа-то идет с «империей зла», с «тоталитаризмом», с «фашизмом», наконец. А заодно и с «социализмом», с «красными», с «русскими». Чего жалеть-то? Разваливается колосс на глиняных ногах, так ему, собственно, и надо!

И однако! *России без российского же государства нельзя*. Именно без государства и именно российского! Россия, значит, против потока. Стоять приходится. Бороться. И думать. По поводу своего государства и государственности вообще. Сдаться?

Распасться, размазаться, перестать быть? В придаток, на задний двор, в сточную канаву? Или к возрождению, вверх, к самодостаточной субъектности?..

Ну и вопросы! Их далеко не все себе задают, еще меньше хотят получить на них ответ, и еще меньше желают что-нибудь сделать — в направлении возрождения, а лучше сказать — *возрождения новой российской государственности*.

Да, *государственности*, и несомненно *новой!*

Какой же? А кто ж это знает? Сначала надо хотя бы чего-либо очень захотеть. Само собой такое не возникает. Здесь воля нужна. Воля! Среди воли к разрушению и воли к безволию. Убедить тут никого нельзя, хотя призвать и можно. Чувствующего. Много ли таких? Не много, но и не мало. Жизнь подталкивает, заставляет. Сколько уже потрясений, событий. Сколько знамений! И все за государственность.

Есть ли шанс? Есть. Лишь опомниться надо, от бездны отпрянуть, опасность грозную почуять.

И какая же сила должна эту самую волю проявить? Разная, но прежде всего та самая, что *наверху*, ибо стыдно ей объектом управления быть, прислуживать, а может, и не стыдно вовсе, но очень уж нехорошо, гадко, совсем как-то и невыигрышно. Что ж, с поражением-то, гнусно навязанным, смириться? Почему же от полета отказываться, лишь ползая униженно и неоскорбленно?

Хотим мы того или нет, но есть он — интерес, интерес к самостоятельности и к собственной динамике, к возвышению, к субъектности, к истории. Есть! И не может не быть. Реализовать надо — вопреки противному хору. Как? Смело и... осмотрительно. *Действуя!*

Нельзя, совсем нельзя впадать в прелесть негосударственности. Не нужна России ни мировая, ни собственная негосударственность — бурно, однако, расцветшая восковыми цветами в завершение XX века, под сенью так называемых либеральных реформ. Не нужна! России нужна именно государственность — принудительная, разумеется, но открытая и действующая в интересах общества и человека, организация. Социальная, народная, гражданская — неважно, точнее, не суть важно, главное — *бла-*

годатная! Для чего же тогда такую катастрофу переживать, такое унижение и такой позор, такое сражение, не для благодати ли?

Мерцающие контуры российской государственности. Очень, конечно, хочется эти контуры различить и ясно обозначить. Хотим порядка, свободы, безопасности, воли (как решимости и напористости), закона, совести, справедливости... да мало ли еще чего мы хотим. И это вполне объяснимо. Человек российский желает нормальной жизни — с трудом, занятостью, достатком, миром, благополучием. Это понятно, хотя гораздо менее понятно иное — человек российский упорно всего этого и не хочет, всячески этому сопротивляясь, его, собственно, и разрушая, как разрушая — разными способами — и самого себя.

Кризис. Причем апокалиптического свойства. В кризисном состоянии наш человек, — и все равно какой: что бомж, что бизнесмен, что ученый, что политик. Омерзели мы, сильно омерзели. От добра отшатнулись — как замороженные. Во зле сидим. Не в героическом мы вовсе прорыве, а в обиходном вертепе — плоском и вязком.

Вот и выходит, что ничего другого не остается, как... волевым образом и поступить, — тем, у кого воля к государственности не иссякла, даже как-то и возгорается. И не идеальное (в смысле какой-то совершенности или правильности) государство нам придется строить, а реальное, а лучше сказать, реально возможное. Однако *новое!*

А что значит новое? Ну хотя бы не повторяющее старые образы, уже ушедшие. В то же время и не выдуманное. Тут, конечно, мудрость нужна и любовь — к России! Будет любовь, будет мудрость, будет и строительство нового государства. Не по плану, быть может, но с планом, не по проекту строгому, но с осознанным замыслом. Какая прекрасная историческая (а может, и надисторическая) задача! Для деятельного-то человека! Не правда ли?

Но ведь контуры?.. Помимо красивых общих слов нужны и какие-то простые параметровые слова, может, и не слишком красивые. С какими же главными параметрами может возникнуть в России новая государственность?

И вот, что интересно: на ум приходит все время одно и то же. И что же? Неловко как-то и сказать: на ум приходит... не что иное, как *имперские параметры*. Нет, конечно, не восточных деспотий, не колониальных монстров, не императорских созданий, тем более уж не германских фантазмагорий, как, собственно, и не бывших уже в России нагромождений. Не об этом может идти речь — здесь и сейчас! Во-первых, об империи... без императора-самодержца; во-вторых, об империи лишь как особом устройстве государства — как бы льющемся сверху; в-третьих, об империи, обращенной вовнутрь — в нацию; в-четвертых, об империи, не подавляющей ни общества в целом, ни отдельного народа, ни коллектива, ни личности, наоборот, их всех возвышающей...

Ясно, все уже ясно — продолжать не стоит: и ретроградно, и утопично, и безумно! О какой еще империи можно говорить, когда она только что, на наших глазах, разваливалась, да и не надоело ли все в империях сидеть, дисциплине неизвестно зачем подчиняться, в армии непременно служить, трудиться, можно сказать, подневольно, слова лишнего не вымолвить?.. Не хватает нам еще раз империи! Все, империи нет, она не нужна и быть ее не может!..

И все-таки. Тут потребно хладнокровие, однако с сердцем сопряженное. Возможно ли в нынешней России, находящейся в состоянии опаснейшей разгосударственности и под давлением наступающей активно внутренней и внешней негосударственности, что-либо более естественное, достойное и эффективное, чем *империя*?

С учетом, разумеется, и таких выразительных обстоятельств, как *апокалиптический кризис* страны, общества, населения; как *всеобщая деградация* (никакого самодвижения вверх, кроме отдельных случаев, нет, но зато есть непрерывное движение вниз, может, несколько замедлившееся за последние пару лет); как *отсутствие полноценного воспроизводства*, не говоря уже о *развитии* (все равно каком: хозяйственном, социальном, народонаселенческом, трудовом, интеллектуальном, образовательном, культурном, физическом, идеальном, духовном...); как *отсутствии необходимой упорядоченности и уверенности* (в их беско-

нечном разнообразии, в том числе и в параметрах будущего); как *отсутствие напряженной жизнеобеспеченности и жизнеустойчивости* (в самых различных аспектах); как *самоубийственное ослабление общественного (внеличного) самосознания*; как *невозможность постановки и решения общенациональных задач-целей* (отсутствие общей воли и средств ее реализации), и т. д. и т. п. до бесконечности. Но не только этих, так сказать, громко кричащих обстоятельств, но и иных, менее звонких, но не менее важных: *пространственно-климатических*, к примеру, или тех же *историко-генетических*, как и *идео-культуро-характерных*, или, скажем, *инстинктивно-поведенческих*, и т. д. и т. п. Можно здесь многое перечислять, очень многое, но это не так уж и обязательно, — достаточно чувствовать общую объективную и субъективную потребность в *имперскости*, только и способной ответить адекватно на перечисленные или еще какие-нибудь подобные, т. е. заявляющие о себе и действующие в *эту* сторону обстоятельства.

И опять же дело не только в этих и им подобных обстоятельствах. Есть еще и *внутренняя логика бытия* — России и мира, требующая того же или, по крайней мере, к тому же подталкивающая.

Имперскость в России — не случайность, не наносность, не чья-либо прихоть. Она не произвольна, хотя и грешит произволом. Она закономерна. Тут тебе и седая гиперборейность, и незабываемая монгольщина, и неуютная евразийность, и угрюмое дыхание угроз, особенно внешних. Россия — страна *мобилизационного напряжения*. Здесь нет ни благоденствия, ни курорта, ни легкости. Тут больше всего труда, стойкости, страдания. Холодно, — а как на пожаре; жарко, — а как на морозе. Россия без мобилизационного напряжения — *бездна*. Каркас в России — больше, чем каркас. Это жизнь. Трудно тут с полицией, а без полиции еще хуже. Имперскость — не выдумка.

А США разве не империя? А Германия? А Великобритания? А Франция? А Япония? А Китай?.. Да что говорить: имперскость — явление повсеместное, хотя и вовсе не обязательно, что империи должны быть везде и всюду. А вот великие державы — сплошь империи, разумеется, разные, может, сегодня и не пооди-

ночке, а скопом — семеркой. А НАТО, а ЕС, а ООН? Что это? А МВФ? О, возразят нам, так можно и ФИФА за империю принять. И примем, если немножко подумаем. Так вот ООН для нас сегодня — организация вполне империальная, конечно, со своеобразием, ибо никто из так называемых ее независимых членов ничему там давно не возражает (за редким исключением).

А глобализм пресловутый разве не имеет империальных черт? А мировой финансизм? А транснациональный капитал? А всякие там СМИ? Повсюду империальность, везде империи, отовсюду так и лезет самый грубый и пошлый империализм.

И почему же России не быть империей, с ее-то отчаянной спецификой? Быть, именно быть. Имперскость в России *вынужденна*. Факт. И эту вынужденность надо спокойно и достойно воспринимать, не давая имперскости вырождаться в империализм. Страшна не империя, страшна ее реализация. И демократия ведь страшна, коли нет ее человеческой реализации. Имперскость *необходима*, чтобы не самоустраниться и не быть раздавленным.

Империя, пожалуй, более принудительна, чем демократия, но она и защитить может. Да и принудительность имперская может быть разной. Это уже от людей имперских, ее составляющих и ей служащих, зависит. И коли «принуд» велик, то на это бывает своя обусловленность. Не империи тут надо бояться, а самих себя, империю, кстати, и разрушивших.

Империю нелегко переносить, особенно если она решает великие задачи, да еще и не лучшим материалом людским располагает. Империя — тягость. А потому в ней всегда антиимперские энергии накапливаются, могущие не только ей угрожать, но и время от времени потрясать, а порою и сбрасывать. Трудно империю на себе держать, как и не просто в ней быть. К тому же и «принуд» имперский бывает чрезмерным и непереносимым. Крепки империи, но и уязвимы — как в верхах, так и в низах. Внизу усталость и раздражение, вверху — немощь, дурость и измена. Империи рушатся. Но и восстают, если на то бывает необходимость.

Как раз такая необходимость сегодня в России. Нужна империя, однако *империя новая*. Какая же?

Нет, мы не будем рисовать здесь никакой красиво-желательной картины, хотя и могли бы, — не в этом дело. Отметим лишь главное: насколько необходима империя, настолько необходимо и ее новое качество, и насколько необходима новизна, настолько необходимо учесть уроки прошлого, настоящего и будущего (будущее тоже дает уроки — для умных). Империя не может быть сегодня ни тотальной, ни подавительной, ни неизменной (раз и навсегда данной). Империя не может быть просто охранительной, просто удерживающей. Она не может исходить лишь из служения ей, как не может довольствоваться лишь ее служением всем. Империя должна быть *целостно деятельной*.

Речь так или иначе идет о некоей *мобильной империи*, способной не мешать изменениям и самой изменяться. Нет, мы не желаем никакой идеальной империи (в аспекте совершенности), но мы не можем не желать необходимой сегодня и особенно завтра жизнеутверждающей *гибкости*. Не сковывающая все и вся, не закрытая от внешнего мира, не боящаяся всего и вся, не агрессивная вовне, ни кичащаяся собой, но вполне ответственная и созидательная *альтернативная империя*, — если так можно выразиться (империя, заключающая в самой себе альтернативу, некое жизнеутверждающее отрицание).

Может ли империя созидать? Тогда кто же в России что-либо великое созидал, если не империя? Да, конечно, с издержками, громадными и далеко не так уж и оправданными. Тогда вопрос: а что такого великого создается в нынешней расхлябанной и обезумевшей России при тех невероятных издержках, что она — одурманенная — имеет? Богатый слой? Компрадоров? Капитал? Предпринимательство? Внешние долги? Мировую ренту? Нищету? Деграцию? Собственную гибель?.. Сначала надо бы на эти вопросы ответить, а потом уж и об имперских издержках подумать — отнюдь не таких уж и обязательных, ибо от качества империи они зависят, как и от составляющего империю народа (вместе, разумеется, с элитой).

Дурных качеств сегодня хватает, особенно у элиты. Это так. Но есть и другое: есть коренные народы, составляющие российский суперэтнос (полиэтнос), желающие жить в своей стране и по своим правилам, — и коли такая страна требует имперского

устройства, а правила могут быть лишь империяльными, то ради этой страны и народов, все еще ее населяющих, совсем не вредно необходимую на сегодня и завтра империю — в новом образе, конечно — взять да и построить. Сверху! По инициативе той части элиты, у которой дурных качеств поменьше, или, на крайний случай, они хоть и есть, но не мешают ей осознавать *национально-державно-имперские приоритеты*. Что же касается низа, тоже не так уж погрязшего в пороках, то его вовсе и не мало, это, во-первых, а во вторых, он совсем не против империи и готов активно поучаствовать в ее строительстве.

В стране создалась уникальная ситуация, когда верх и низ могут сойтись в решении насущного и жизненно важного общенационального дела, несмотря на то, что каких-нибудь 10—15 лет назад верхи и низы вяло споспешествовали имперскому распаду. Усталость от империи (той империи) прошла, явилось раздражение против *антиимперии*, продемонстрированной «реформаторами от Запада», возникает стремление к новому государственному строительству, под которым надо понимать не создание лишь новой и огромной полиции (как у Ельцина), а *организацию нового общества*. Дионисийский сброс империи (результат действия темных инстинктов) должен смениться аполлоническим усилием по возведению империи — в принципиально новом облике (как итог действия уже светлых побуждений). Впереди Россию ожидает **имперская демиургия**, высвобождаемая, скажем так, *административной революцией*, таково ее и всей истории трансцендентное ожидание.

Не может такого быть, — возразят нам. Ответим так: во-первых, не надо спешить с так называемыми очевидными умозаключениями; во-вторых, дело сейчас не в конкретном устройстве империи, а в духе и желании, как, разумеется, и в воле; в-третьих, все новое возникает не непосредственно из существующего, даже не вследствие его отрицания, а совсем, из... Ничто, а кому из нас это Ничто доступно?.. Мы ведь исходим из *ожидания*, а не из фактов, того самого ожидания, которое почему-то способно, даже вопреки фактам, обращаться в реальность — ибо не наше оно, не наше!..

2001 г.

Россия и Постмодерн

(предварение к знаменательной конференции)

3, 4 и 5 декабря 2003 г. В Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по инициативе Центра общественных наук при МГУ пройдет международная научная конференция «Россия и Постмодерн: социум, экономика, культура», в ходе которой предполагается продолжить сложный разговор о Постмодерне, начатый апрельской международной конференцией 2003 г. «Экономический постмодерн — как итог и как начало». Однако при этом предстоит говорить о Постмодерне в его взаимодействии с Россией.

Кому-то может показаться, что все эти «постмодерновые» разговоры не так уж важны, что нет большого резона столь горячо реагировать на всего лишь западные интеллектуально-идеологические провокации, что Россия-де сама по себе, что постмодерн ее особенно не касается, что большую волну тут гнать, собственно, не из-за чего.

Что ж, может, оно и так, но разглядеть кое-что актуальное все-таки хочется, ибо мир планетарный что-то уж больно резко меняется, все более тесня и теряя традицию, западнизм наступает по всему фронту, а Постмодерн совсем уж явно торжествует — и Россия ему не такая уж и помеха, а в чем-то даже и союзница, во всяком случае, не очень ему великая противница. Мало того, Постмодерн всюду уже в России, он весьма выгодно в ней обосновался, свободно беснуется, обдуывая и покоряя.

Якобы российская якобы реформа 1990-х гг., а по сути — революция наглая и беспощадная — лучший пример Постмодерна в действии — на чужой территории: что по инициативе, что по целям, что по исполнению. Наличие прозападной внутренней революционной силы тут особенно не при чем, ибо вся она оказалась не то чтобы импортной, но во всяком случае великолепно Западом подготовленной — пусть и не в спецшколах, хотя почему бы немного и не в них. Главное в этой революционной силе — устремленность на Запад, добровольное ему подчинение, желание уцепиться за «самое передовое», выбраться любой ценой

наверх. А верх ныне — это как раз и есть Постмодерн, а коли уж пошла сдача Западу на его милость, то непременно и на милость Постмодерна. В итоге Постмодерн не просто проник в Россию, а мощной волной в нее влился, круша традицию и переделывая было устоявшийся мир — сверху вниз, хотя, быть может, и не до самого низа. Низ, то же, что и навь, то же, что и ненаяву — пока еще за Россией.

Постмодерн — как явь, пришел в Россию и в ней решительно благоденствует. Факт! Он в России, а Россия, пусть и не вся, — с ним.

И, однако, что же такое Постмодерн, как, разумеется, и постмодерн, т. е. с большой и маленькой буквы. То и другое явилось за Модерном и модерном, которым предшествовал Премодерн и премодерн. Поскольку в основании здесь «модерн», то надо уяснить в первую очередь, что есть «модерн», а это как раз то, что явилось в мир в итоге европейского Возрождения, или Ренессанса, т. е. то, что выразилось как явное следствие Возрождения-Ренессанса, как и то, в чем это Возрождение-Ренессанс выразилось, а именно, какое-то определенное время, или определенная эпоха, какое-то особое качество бытия, или особая культура, как и особая цивилизация, наконец — какой-то образ жизнедеятельности, или специфический способ хозяйства. Немало можно употребить слов для характеристики «модерна», но достаточно и того, что это было царство освободившегося из-под опеки Бога и Природы, демиургически настроенного человека, бросившегося на путь преобразования мира, ему данного, в мир, им создаваемый, что означает, что «модерн» — эпоха, культура и цивилизация, способ хозяйства, когда на первый план выходит борьба человека с природой и с любым внешним ограничивающим творчество человека началом, прежде всего, сакральным, однако борьба, имеющая следствием возникновение уже собственного — для человека — мира, не только не бывшего ранее в природе, но и не заповеданного Богом-Творцом. «Модерн» — эпоха, культура и цивилизация, способ хозяйства, реализованные Западной Европой и последовавшими за ней странами во второй половине II тыс. от Р. Х. и выразившиеся в факте строительства свободного по возможности от природы и трансцендентности

совершенно уже человеческого мира. Отсюда Модерн — *эпоха*, но и *культура и цивилизация*, свойственные данной эпохе, но при этом еще и характерный для этой же эпохи *способ хозяйства*. Соответственно Премодерн — тоже эпоха, с культурой и цивилизацией, этой эпохе присущими, равным образом и способа хозяйства, для нее характерным (чтобы не быть голословными, заметим, что Премодерн есть эпоха сакрализованного и природного в целом бытия человека, соответственно, натурального в основе хозяйства). Аналогично мы можем поступить и с Постмодерном, который проявляет себя как в эпохе, так и в адекватных ей культуре и цивилизации, в способе хозяйства. И когда речь заходит о той или иной эпохе, о специфическом качестве или образе бытия, об особом способе хозяйства, т. е. фактически о своеобразном *мире в мире*, то уместно бывает писать *Модерн*, *Премодерн* и *Постмодерн*, т. е. писать с большой буквы, а когда речь идет лишь о каком-то присутствии этих миров, их начал и качеств, в окружающей реальности, то достаточно писать, наверное, все эти глубокомысленные слова уже с маленькой буквы: *модерн*, *премодерн* и *постмодерн*.

Постмодерн — мир, последовавший за Модерном; это такой результат Модерна, который уже перестает быть — на пике Модерна — собственно модерном, обретая черты и суть уже чего-то другого, хоть и наследующего модерн, но уже и несущего что-то дополнительное, что как бы перекрывает модерн, превращая Модерн в Постмодерн. Конечно, постмодерн — это и *сверхмодерн*, или *за-модерн*, даже и *над-модерн*, но также «сверх», «за» и «над», при которых модерн совсем не исчезает, хотя, быть может, и не воспроизводит уже в полной мере ранее себе свойственное, т. е. это еще модерн, но уже и не модерн.

В чем же специфика Постмодерна по отношению к Модерну? Модерн — это и *модернизация* мира, его *обновление*, поступательное *переименование*, его *пересотворение*. Новый мир здесь возникает в борьбе со старым, но не просто с устаревшим миром, а с тем, который человек застал как сын Природы, Господа Творца, во всяком случае, как сын уже существовавшего до него Мира. И сын стал переделывать отцовский мир, его уже в этом смысле целостно обновлять, становясь уже отцом иного мира —

человеческого, от человека исходящего, по человеческому проекту создаваемого. Мало того, человек-таки создал *свой* мир, добившись полной реализации своей творческой свободы. Старый, т. е. данный человеку, мир, или природный мир, занял позицию безгласного материального источника для созданного человеком мира, а человек стал бытовать уже в основе своей в неприродном мире, т. е. в мире искусственном, как бы в *над*-природном, но не в просто надприродном, а в полномасштабно надприродном мире, вполне целостно противостоящем природному миру, им целиком и покоренному. И вот этот-то созданный Модерном искусственный мир и есть по сути своей Постмодерн, т. е. мир, отрывающийся в силу своего полного становления от родительского мира — Модерна, и по факту наследования оказывающийся именно *Пост*-модерном. Постмодерн — сын Модерна и внук Премодерна. От мира-дедушки в нем мало что осталось, от мира-отца — куда как больше, но этот мир уже и сам по себе, он повторяет в чем-то своего родителя, но не во всем, даже и не в главном, у него уже своя фундаментальная специфика.

Каким бы ни был отвратительным местами и временами Модерн, но он был все-таки миром-бойцом, миром-созидателем, миром-жертвователем. Ничего подобного о Постмодерне уже не скажешь: перед нами самый настоящий мир-внук, который более всего уже потребитель, мот, паразит. Прогресс, связанный с огромным напряжением человеческих сил, мощным порывом вперед и даже с известной аскезой, остался в Модерне, и в Постмодерне это всего лишь уже какая-то хорошо управляемая обыденность, во многом реализуемая, кстати, еще остающимися на планете людьми модерна, импортируемыми Постмодерном (феномен «притока мозгов»), т. е. фактически уже в Постмодерне и не прогресс как таковой, ибо нет здесь напряжения и взрыва, а так себе — некий род обычных занятий, вершащийся по преимуществу уже технически. Главное теперь не в прогрессе как таковом, а в удобном обустройстве жизни — в соответствии с представлениями о Царстве Божьем на земле, чуть ли не о самом Рае. Нет заботам, нет бедствиям, нет страданиям — теперь лишь одно счастье! А для этого вовсе не сидение, не лень, не праздность. Наоборот: труд, деятельность, творчество. Но поскольку вопрос с

необходимым потреблением уже решен — даже для масс населения, поскольку производство потребительных благ уже не главный хозяйственный вопрос — меньшая часть населения доставляет в Постмодерне все необходимое для общества в целом и сверх того, а большие массы населения Модерна и даже Премодерна исправно служат умножению материального богатства Постмодерна, то речь в Постмодерне может идти только об особом уже труде, особой деятельности, особом творчестве, а именно: игровых, импровизационных, фантазийных, сатисфакционных, занимательных, развлекательных, во многом при этом и просто имитационных. Такой занятостью либо дополняется имеющееся материальное благополучие, либо оправдывается, либо как-то возмещается, но, конечно же, при необходимости и обеспечивается. Ничего великого не значащая, ни к чему особенно не нужная, пустая по смыслу, но зачастую весьма затейливая по исполнению, занятость. Деятельная ненужность, творческая пустотность, зряшная натужность. Искусственная занятость — чтоб с ума не сойти; вынужденная непоседливость — якобы мир видеть, который уже повсюду в Постмодерне одинаков; смена занятий и декораций — чтоб убить время и не потерять окончательно хоть какое-то воображение. Постмодерн — сплошной Голливуд! Вообще Голливуд — один из характернейших, как и Уолл-стрит, МВФ, Пентагон, ЦРУ, шаттл и т. д., знаков-символов Постмодерна. Да и не просто знаков-символов, но и... непосредственных производителей Постмодерна — последний как бы непрерывно выходит из бездонного чрева Голливуда, сначала виртуально, затем и реально. Кино, как и вообще искусство, давно уже не отражает обдуманно и отважно реальность, а напрямую ее творит — игриво, беспардонно, нагло. Не фабрики одни теперь в хозяйственной реальности, даже и не разбросанные по миру реальные фабрики, а *фабрики самой реальности*, т. е. фабрики, производящие реальность — из ирреальности. И уж не в этом ли кроется главный смысл постиндустриализма: в замене мира фабрик — фабрик благ для жизни — на гигантскую фабрику жизни в целом? На место *мира фабрик* пришла *фабрика мира*: совсем не слабо, не правда ли? И что особенно интересно: из какого такого же источника, если не из реальности как таковой, тем более не из

реальности, данной когда-то человеку Богом и Природой, черпает постмодерновый человек-демиург, он же и человек-голливуд, то самое ирреальное, которое превращается в итоге работы постмодерновой системы управления и строительства, в реальность — в уже так называемую реальность, — уж не из ничто ли, не из пустоты ли, не из бездны ли?.. И не объясняет ли это как раз феномен *о-бес-сущест-вления* жизни, бытия, мира, характерный именно для постмодерна, когда сущность, существенное, сущее ничего уже не значат, а все внимание сосредоточено на явлении, форме, функции, т. е. не на сердцевине всего окружающего, а на укрощающей его и овнешнивающей мишуре, даже не на ней самой, а всего лишь на ее мелькании? Постмодерн ведь — не просто динамичный мир, — и именно таким миром был как раз Модерн, — это уже мир какой-то мелькающий, вертящийся, беснующийся мир, ибо нет уже никакой основы, удерживающей этот мир не то что в статике, но даже и в движении, которое есть все-таки внутренне согласованная направленность. Что ж, тогда Постмодерн есть сплошная стихия, карнавальщина, хаосность? Нет, конечно. Постмодерн не может ведь без порядка, ибо это все-таки мир, требующий и своей возможности, и каких-то разрешений, и нескромного питания. На поверхности-то — беснующаяся мишура, но вот внутри этой поверхности есть кое-какой порядок, но порядок, задаваемый непосредственно постмодерновым человеком и уже обязательно постмодерновым образом, ибо никакого другого основания для порядка, кроме как исходящего непосредственно и обязательно от человека-демиурга, в Постмодерне уже быть не может: на то и были исполнены Модерном денатурализация и десакрализация жизни, бытия, мира, чтобы у человека не осталось никаких иных оснований, кроме задаваемых им непрерывно из самого себя. Вот почему мы и говорим о замене *мира данного* на *мир даваемый* — человеком человеку. Не Бог и не Природа задают теперь тон, а сам человек, который успел стать человеком-голливудом, человеком-фабрикой, человеком-машиной. И вот теперь мир из машины, из фабрики, из Голливуда. Однако не с одним хаосом, но и с порядком, за этим хаосом стоящим, но стоящим не самим по себе, а по воле все того же постмодернового человека, задающего форму не сообразно сущ-

ности, а сообразно функции, точнее, некой воспроизводственной механики мира, ушедшего от сущности и повисшего между небом и землей. Отсюда и необыкновенная вера в институты, право, юридическую ответственность, контракты, сыск, суды, адвокатуру, полицию, наказуемость, как и во всеобщую добровольную доносительность и т. п., но в то же время и не афишируемая убежденность, что истинный порядок может устанавливаться и поддерживаться правящей элитой только неявно, только тайно, только нелегально. Так в Постмодерне сошлись два как будто бы взаимоисключающих начала: *институционально-правовое*, действующее для всех, и *тайно-криминальное*, работающее лишь для некоторых. И что бы ни думала о себе постмодерновая элита, действительно правящая миром, и как бы ей ни хотелось предстать перед собой и перед управляемой ею человечеством возможно более привлекательно, элите этой ничего уже не остается как быть по сути именно тайно-криминальной, осуществляющей скрытое, но проникающее повсюду — до глубин сознания, управляющее воздействие. Реальная власть давно уже перестала быть сколько-нибудь явной, не говоря уже о какой бы то ни было ее прозрачности, а сегодня она просто уже не может быть открытой, — не сознание грехов ее сдерживает, а отсутствие в случае ее выхода на свет чаемого ею управленческого эффекта. А вся легальная представленность власти — не более чем второстепенный, во многом и камуфляционный, рассчитанный к тому же на идиотов, механизм.

Будучи вершиной человеческого хозяйственного прогресса, Постмодерн, само собой, наверху; ниже располагается Модерн, которого все еще много; а в самом низу, конечно же, Премодерн, которого тоже хватает. Разумеется, это совсем уже не классические Модерн и Премодерн, ибо они не могут не испытывать влияния Постмодерна, а Премодерн к тому же не может не подвергаться воздействию Модерна. Все не просто в мире, все сложно, да и не совсем так, как видится тому или иному рефлексирующему сознанию. Но тем не менее вертикаль трехслойная в мире уже есть, а всемирная пирамида, ей соответствующая, в общих чертах уже создана. И вот мало что в современном мире происходит без участия Постмодерна, хотя случиться что-либо может как бы в

зонах Модерна и Премодерна: Постмодерн вездесущ, ему принадлежит инициатива, именно он первый устроитель всего и вся: и ладно бы мегаполисы с коммуникациями создавал, невиданные ранее блага предлагал, наконец, какие-нибудь эффективные организации строил, а то ведь претендует на создание всеобщего идеального мира, на строительство особого мирового порядка, на институциональное обустройство всего человечества. Особенность Постмодерна состоит в том, что он, как, собственно, и Модерн, не может не быть экспансионным и агрессивным, но его экспансия и агрессия носят уже глобальный характер, а истекают непосредственно из единого мирового центра. Теперь открылась возможность управлять большими процессами, в масштабе мира, из мирового центра, мало того, управлять любыми процессами: от материально-реальных до идеально-фиктивных. Не понимать этого феномена управления — не понимать вообще *ничего* в Постмодерне! И дело ведь не в том, чтобы доходить непосредственно до каждого землянина, до каждой социальной ячейки, до каждого вообще явления, — во всем этом нет сейчас никакой необходимости, ибо достаточно направлять управленческие импульсы на *узловые пункты* и *ключевые параметры* всей социокультурной среды, нисколько не заботясь об отдельных элементах, которые сами-то как раз и подстраиваются под вводимые сверху и из центра поведенческие ориентиры, уверенные, что свободны в своем выборе, что самостоятельны, что подвержены лишь объективным интенциям мирового социокультурного поля. Трудно, конечно, признать еще модерновому сознанию, что реформы, революции, кризисы, войны, катастрофы, разные иные крупные, а подчас и судьбоносные, события и процессы не то что могут вполне сознательно делаться, но и повсеместно уже *делаются*, а потому только на поверхности и выглядят еще соответствующими своим наименованиям, а по сути уже ставшими какими-то другими, впрочем, уже не по их собственной сути, ибо они уже обесуществлены, а по сути докапывающегося до этой самой сути рефлексирующего ума. За прежними знаками скрываются уже иные смыслы, хотя, быть может, и не смыслы вовсе, а лишь чьи-то замыслы, ловко, а иной раз и плохо, скрываемые.

Вот и в Россию Постмодерн ворвался соответствующим образом — ему соответствующим, но не ради, разумеется, приобщения России к Постмодерну и его благам — на равных, а ради особого рода постмодернизации России, не ставящей вовсе цели ни обязательного сохранения России, тем более ее ускоренного процветания. Россия оказалась в роли пристыженной страны, в которой не Постмодерн даже поселился, а всего лишь постмодерн — с маленькой буквы, причем не только импортированный, но и в одночасье внутри страны выращенный — жаждавшим Постмодерна и воплощения его в России отечественным подпольем, «повылазившим» вдруг откуда-то на свет божий и быстренько постмодерновую революцию в России свершившим. Однако постмодерн в России получился совершенно особый: мало того, что он вторичный и второсортный, даже клонированный, т. е. не постмодерн, пожалуй, а, скорее, *субпостмодерн*, но он еще и прямо-таки *изнаночный* субпостмодерн, т. е. не фасадный вовсе, а какой-то заднедворный, пошлый и дурно пахнущий, пожалуй что и *помоечный*. Отбросив традицию и устои, Россия, пусто и не вся целиком, но в большущей и очень активной своей части, кинулась сломя голову в омут отпущенной на свободу безнравственности — с какой-то особой страстью и прямо-таки зверским упоением. Представшая вдруг бездна совсем даже не утратила революционных перестройщиков, они не отпрянули от нее в ужасе, а наоборот, почуяв ее мерзкое дыхание, лишь вдохновились на совершение абсолютно немислимых подвигов по разграблению и уничтожению родной страны, а, может, вовсе и не родной, а так — страны временного пребывания. Это было воистину постмодернистское действие, но настолько уродливое, т. е. субпостмодернистское и изнаночное, что не могло не вызывать у каких-нибудь законных, т. е. настоящих постмодернистов чувства гадливости и презрения. И это чувство, заметим, было вовсе не у ангелов!

Взошедший в СССР—России субпостмодернизм быстренько превратил страну в *субпостмодерновую помойку*. И закопошились в ней всякие черви: от паханов и будущих олигархов до политехнологов и шпионов. Такой вот явился вдруг в России обо-

ротень — зачумленный и вонючий, правда, сверкающий нагло люциферическим светом.

Во возвращении такого субпостмодернового оборотня свою непреходящую роль сыграл и господствовавший в СССР режим, причем, возможно, более всего и невольно, а если и вольно, то уже в свое разложенческое (так называемое «застойное») время. И тут важно заметить, что режим сей и сам был во многом постмодернистский, т. е. альтернативный по духу своему Модерну, правда, как бы искусственно постмодернистский, когда Модерн хоть и был уже в перманентном кризисе, но еще себя естественным образом не исчерпал, точнее, еще не уступил места вытекающему из него Постмодерну. Мировая и российская революция XIX—XX вв. работала против Модерна, но еще в рамках эпохи Модерна, т. е. шла на явное историческое опережение, рождая совершенно новое общество, вообще лишенное уже каких бы то ни было сакральных, природных, нравственных, социокультурных, исторических и любых других ограничительных императивов, создавая тем самым возможность механически вводимого постмодернового бытия. На место расслабленного уже Модерна мировая революция предложила вариант *жесткого Постмодерна*, практически воплотившегося в России в сталинской модели социалистического общества. Россия была сведена по возможности к нулю и на ее месте был построен СССР с совершенно новым цивилизационным наполнением, во многом как раз к постмодерновым. Так что к 1990-м гг. Россия уже была постмодерновой страной, что, быть может, плохо еще осознается. И этот официальный постмодернизм сыграл свою выдающуюся роль в подготовке нового постмодернистского, а точнее уже субпостмодернистского, нашествия, частично импровизированного, а в основе своей возвращенного внутри страны — в подполье. Диссидентство, кстати — типичный подпольный субпостмодернизм.

Постмодерн в России — феномен не сегодняшнего дня. Какой-нибудь Серебряный век в российской культуре — один постмодерн (именно постмодерн, а не модерн), а сталинский режим — другой. Вообще постмодернов оказалось в России, как и во всем мире, множество. И все они друг с другом упорно боролись — порою не на жизнь, а на смерть. И победил в России кон-

ца XX в. совершенно отвратительный *изнаночный субпостмодерн* — заднедворный, дурно пахнущий, помоечный. И результаты этой воистину атипичной постмодерновой эпидемии налицо: трудно вообразить себе более наглого и изощренного разграбления и присвоения национального богатства, как и попросту самого пошлого убийства страны, чем попущенного, вдохновенного и реализованного в постсоветской России. Тут уж не только не «трудитесь и живите!», и даже не «трудитесь и обогащайтесь!», мало того, даже «не вкладывайте деньги и обогащайтесь!», а не более не менее, как «грабьте и обогащайтесь, бегите!». Все, что произошло в России-СССР, да во многом и происходит до сих пор, из области какой-то дурной фантастики, — и если мы все-таки верим в реальность всего происходящего, то лишь с учетом наступления действительно нового мира — Постмодерна, однако роковым образом для России преломленного.

Россия давно уже является полем постмодерновых игр — яростных, жестоких, губительных. Постмодерн — не сегодняшний враг России. И Россия не первый день сопротивляется постмодерну. Характерно, что сам постмодерн, какое бы он конкретное обличье не имел, абсолютно нежизнеспособен — ни в нем самом, ни где-то за ним, ни как-то в связи с ним нет и не может быть живительной энергии. Постмодерн абсолютно паразитичен, а его активность есть активность обустроивающегося и пожирающего паразита. В самом постмодерне ничего воистину созидательного нет, разве лишь в меру использования им непостмодернистских сил, начал и источников. Постмодерн — великий душегубец. У него есть, конечно, своя историческая — в смысле антиисторичности — миссия, но это не миссия жизнесозидания. Постмодерн — явное антихозяйство. Наверное, согласно Высшему Промыслу, постмодерн должен был явиться, чтобы... уничтожить Модерн, а может, и еще кое-что, о чем говорить нам здесь не стоит. И в России постмодерн играет свою зловещую роль, не только, кстати, антироссийскую. Все тут сложно переплетено, но ясно, что с постмодерном и постмодернизмом ни у России, ни у мира шансов на выживание нет, отчего актуальным — на сегодня и будущее — является преодоление постмодерна, а вместе с этим и Постмодерна с большой буквы. И если где-то в мире постмо-

дерн еще хорош собой и весьма прельстителен, то в России он, — по-видимому, намеренно, — ужасен, здесь он просто *чудовище*, с которым может быть в любом случае только одно — *борьба*. Разумеется, нынешний российский изначальный субпостмодерн постараются превратить в прельстительный постмодерн, но кроме уродливых румян на наш доморощенный постмодерн сегодня не нанесешь. Восприятие классического постмодерна и прыжок в законный Постмодерн нам не грозит. И это очень важно. России предстоит тяжкий антипостмодерновый путь — самостоятельно-го выздоровления, а в том, что постмодерн в принципе есть болезнь, лишь по-разному протекающая, вряд ли уже стоит сомневаться.

Но и в традицию в полном смысле слова России уже не вернуться: Россия, как и весь передовой мир, от традиции ушла безвозвратно. Однако какое-то *припоминание* традиции, как бы к ней новое обращение — пристальный взгляд в прошлое, может не только иметь место, но и сыграть свою — даже и спасительную — роль. Не возврат в прошлое возможен теперь и нужен, и не прямое заимствование уже когда-то свершившегося, а ощущение и понимание трансцендентно присутствующего в российском пространстве на протяжении всего исторического времени некоего *жизнетворного духа*, который не есть лишь какой-то ограниченный дух, но который есть непосредственно *дух человеческий* (чуть было не сказал «общечеловеческий»), тот самый дух, который упорно преодолевает погибель. И у России был и даже сегодня еще есть этот самый дух, но к нему ведь надо искренне обратиться, отпрянув вполне осознанно от прельстительной бездны. Тогда, может, и *новый образ* России встанет, тот самый образ, который как раз и окажется отрицающим наследником что отворотительного субпостмодерна, что и очень распрекрасного постмодерна.

Но как же это все, господа, проблемно!

P.S. Атипичные итоги

1. Признание идеи *Постмодерна* — как эпохи, наследующей *Модерну*, откинувшего в свое время *Премодерн*, чрезвычайно плодотворно, ибо позволяет не просто по-новому, а неужи-

данно глубоко «смыслово» осознать происходящее с человеком, его жизнью и его хозяйством, наконец, с его историей, мало того, получить удовлетворительную на сегодня идейную картину мира, переживающего гигантские перемены с неизвестным итогом, оживить философское видение мира, но уже на постнаучной основе, не пренебрегая *трансцендентностью* и остро ощущая *метасмыслологию* бытия.

2. *Премодерн* — эпоха бытия человека в *данном ему мире*, данной Природой и Богом, мире природном, сакрализованном, таинственном. Человек хозяйствующий как человек природный, от Бога исходящий, имеющий ограниченную творческую возможность, не выходящий за пределы по-домашнему ощущаемого им локализованного мироздания. Человек в локальном времени и локальном пространстве. Человек равновесия с миром, нарушающий это равновесие, но к нему и возвращающийся. Господство натурального *хозяйства*, или *натураномики*.

3. *Модерн* — эпоха тотального отрицания человеком данного ему мира, перехода к создаемому им миру, или *миру взятому*, соответственно эпоха денатурализации и десакрализации бытия, жизни, хозяйства, самого человеческого сознания. Познаваемость мира, его глобальное переустройство, а человек — *демиург* нового, по своему уже усмотрению, мира. Феномен *пересотворения мира*. Покорение природы, отход от Бога. Преодоление времени и пространства, их сопротивляемости. Эпоха торжества науки и техники. Эпоха *борьбы* и *прогресса* — неуклонного созидания *искусственного мира*, освобожденного от природных и божественных императивов. Эпоха либерализма. Хозяйство как *экономика*. *Экономическая революция*, становление и полное развитие *экономической цивилизации*. Индустриальность, урбанизм, искусственная коммуникационная сеть. Создание *неприродного мира*, целостно противостоящего природному.

4. *Постмодерн* — эпоха торжества Модерна, но торжества уже не столько процессного, сколько результатного; итог Модерна, но такой итог, при котором бытие, жизнь, хозяйство предстают уже новыми по отношению к Модерну; продукт Модерна, отрицающий Модерн; если Модерн — работа, то Постмодерн — Царство Божье на земле. Мир созданный как *мир даваемый* —

человеком человеку. Преодоление времени и пространства: мир как мир без времени и без пространства. То и другое — не тяжесть. Преодоление тяготения. Мировая пустота. Обесусуществление бытия, жизни, человека, сознания, хозяйства. Царство игры, импровизации, имитации. Господство знака над смыслом. Обесмысливание всего и вся. Ликвидация вечности и вечного. Приоритет мгновенного, мимолетного, мнимого. От *фабрик в мире* к *фабрике мира*. Производство *фикций*. Экономика как производство *экономических фикций*. Феномен *финансомики*. Подчинение реальности ирреальности. Созидание ирреальности — *сверху и из центра*. Теневое управление. Манипулирование сознанием. Хаос как прикрытие, управляемый хаос, порядок за хаосом. Обесусуществленный порядок, механический порядок, феноменальный порядок. Постмодерн как опустошенный мир, не знающий ни себя, ни своего пути. Мир-убийца. Феномен нового человека — *чиповея*. Вглядывающийся в самого себя и из самого себя реализующийся чиповея — в пустоту и из пустоты. *Царство пустоты*. Производство пустоты, движение в пустоте, разрешение в пустоте. Мир-итог. *Постмодерновая апокалиптика*.

5. Постмодерн как *глобальный мир*. Глобальный мир — глобус. Пустотелость и оболочковость. Глобализация всего и вся. Полный учет ресурсов и их расходования. Человек как элемент глобального мира — «блошка» на глобусе. Тотальная организация человечества, точнее, чиповейства. *Всемирная пирамида*. Трехсоставная вертикаль: Премодерн, Модерн и Постмодерн. Последний наверху. Тотальный паразитизм Постмодерна.

6. Постмодерн как всеобщий *институционализм*. Феномен *институционального института*, или *института в квадрате*. Непрерывное и тотальное учреждение институтов. Институты сами по себе, голые, нагие, голые. Институт как основной конструкт бытия. *Институциональная сеть*. Человек как институт... человека. Несущественность институтов, их поверхностность, формальность, оболочковость. Институционалы и их подданные. Институциональная неволя. Внеинституциональное поведение как синоним свободы — маргинальной. *Всеобщий контроль* как высшее достижение и эффективная реализация институциональной организации.

7. *Западный Постмодерн* как фасадный, пристойный, хороший. Господствующий в мире. Задающий хаос и вершащий порядок — далеко не из хаоса. Учредитель *нового мирового порядка*. Лидерство в науке, технике, информатике, экономике, но и в культуре, идеологии, информации, пиаре. Созидатель бытия, жизни, сознания. Главный демиург. Властитель пустоты. Великий слепой. Миф о Западном Постмодерне как земном рае. Реальность благополучного земного ада. Свобода и несвобода в передовом постмодерновом мире. Внутренние противоречия. Искушение постмодерном и Постмодерном. Сопротивление. Эсхатологический момент. Апокалиптическая перспектива.

8. *Российский Постмодерн* как заднедворный, отвратительный, плохой. Феномен *субпостмодерна*. *Субпостмодерновая полойка*. Куда как безобразнее, но заметно честнее. Обскуризация и криминализация. Крайности и дисбалансы. Субпостмодерн как болезнь, патология, ненормальности. Субпостмодерн как убийца России. Изгнание России. На краю. Борьба против постмодерна. Отрицание Постмодерна. Субпостмодерн как дурной сон. Апокалиптика и апокатастика России. Шанс обретения *иногo*.

9. Наука и Постмодерн. Демиургическая функция науки. Препарирование реальности, уход и увод от нее. Онаучивание человека, его обездуховление. Созидание Постмодерна. Апологетика постмодерна. На службе у Постмодерна и постмодерна. Синергетика как постмодерн в науке. Синергетизация сознания. Необходимость и важность *метанауки* и *постнаучной философии*. Понять постмодерн и Постмодерн — найти выход.

2003 г.

Русская имперскость

Имперскость — свойство, способность, образ бытия, связанные с реализацией — настоящей, прошлой или будущей — *имперской организации* общества, государства, вообще жизни человека, но также и пространства и времени. Осуществленная в яви и полностью имперская организация есть *империя*, что означает уже сопряжение имперскости с империей.

Когда заходит речь об империи, то на ум не без основания приходит, во-первых, многоэтничность имперского образования, равным образом и любая другая качественная множественность: расовая, конфессиональная, культурная, даже и цивилизационная, во-вторых, этническая или какая-нибудь еще иерархия, когда один этнос или какой-нибудь еще элемент возвышается над другими, осуществляя миссию организации всего и вся в жизнеспособное единство — под своей эгидой. Отсюда: имперский народ (этнос), имперская раса (к примеру, белая северная), имперская культура (той же Англии) и т. д. Империя, это когда есть первый и высший, соответственно — вторые и низшие. Это классика — имперская классика.

Однако не все здесь так просто. Русский этнос, выполняющий имперскую функцию, не был ни первым, ни высшим, хоть и был в главном *ведущим*, разумеется, с отдельными проявлениями «первости» и «высшести». Во всяком случае, русский этнос не только не был в основе своей эксплуатирующим этносом, а сам подвергался эксплуатации, в том числе и от представителей иных этносов, правда, обретавших некое русоподобие. Русская, или как совсем не случайно было изобретено — *российская*, империя осуществлялась не как эксплуататорская относительно вторых и низших элементов, а как по преимуществу *удерживающая пространство и время империя*. Сравнимая в чем-то с китайской — Поднебесной — русская империя имела принципиально иную телеологию, архитектонику и историческую драматургию, чем любая классическая по западному менталитету империя. Даже само расширение русской империи имело совсем иные задачи, способы и плоды реализации. Отсюда принципиально иная имперскость русской империи, русского сознания и самого русского народа (этноса).

Мы являемся свидетелями прелюбопытного феномена: *империльности без империй*, во всяком случае, без *явных* империй. Нет как будто бы британской или той же французской империй, а что-то имперское все-таки есть — на пространствах вроде бы бывших империй; нет, кажется, никакой американской империи, но не видеть американской имперскости, проявляемой в масштабе уже целого мира, может только полный идиот; нет, вроде бы,

русской империи — как явной яви, а она все-таки есть, пусть и как атавизм, конечно, не столько империя, сколько ушедшая в тень имперскость, ибо бытие на территории бывшей империи все еще требует имперской — пусть и не по всем параметрам — организации. Можно поставить вопрос и о других империях без империй, например, финансовых, информационных или спортивных, но сейчас мы склоняемся в сторону социогосударственных империй. Итак: с империями (царствами) вроде бы покончено, а империи все-таки... как-то бытуют, пусть и не совсем в явном виде. Выходит, что империи вовсе не девиация истории, как и не забытое историей прошлое, а что-то естественное, даже и назойливое, к тому же и... весьма актуальное. Это в эпоху-то всеобщей глобализации и подавляющего глобализма, а?!

Именно так: великий глобалист США из кожи вон лезет, чтобы зафиксировать себя в качестве *Великой Глобальной Империи*; Европа явно призадумалась относительно своего собственного шанса — *Евроимперии*; Китай вовсе не собирается отказываться от своей *вечной* империальности, туркам все чаще и отчетливее снится Османская империя; литовцы вдруг вспомнили о былом Великом княжестве литовском, хоть и всего лишь по поводу транзитных виз с российского материка на российский остров Калининград. Империй нигде нет, но они везде и всюду в повседневной реальности. Парадокс какой-то, но парадокс, заметим, из самой реальности, а не от выдумки какого-нибудь удачливого юмориста.

Выходит, что не отмахнуться человечеству от империальности, даже несмотря на крушение империй и антиимперские революции. В самом эгрегоре человечества сидит имперскость, — разная, несомненно, но все-таки имперскость, а не что-либо иное, ее насовсем замещающее.

И что же нам, русским, чуждаться своей собственной, вообще нам органичной, имперскости. Быть против русской имперскости — быть против самой русскости. Русскость — не национальная (этническая) принадлежность, это другое: принадлежность к особому миру, из русского слова проистекающего, который несет в себе и такое свойство, как имперскость. Быть русским — быть имперским! И нет здесь никакого изначального и

фактического превосходства русских над нерусскими, что, собственно, и подтверждается реальной историей, хотя никто не будет отрицать и хорошо известных негативов, правда, далеко не всегда обусловленных самой по себе русскостью (в реальной истории все весьма сложно: кто там сидит на российском троне, русский или не очень русский, будучи вроде бы русским, а зачастую и прямо не русским?; русский вроде бы Петр I и совсем даже не русская Екатерина Великая, а вот кто из них «русее»...?).

Русская имперскость — не прихоть и не выгода, это — необходимость! Не обойти русскому человеку имперскости, разве лишь сбежать от нее — и бегут, надо заметить, хорошо бегут. Но что из того? Русский мир требует имперскости, но... и тут, пожалуй, главное... *особой имперскости*, которая не от силы как таковой, а от слова, а потом уже от силы — силы слова, а слово, если под этим, понимать суть и смысл бытия, а не всего лишь средство общения, т. е. русское слово, выводит из себя имперскость, разумеется, особую, когда русский мир, из русского слова проистекающий, не может образоваться иначе, как через имперскую организацию, равным образом и имперскую телеологию и даже имперскую эсхатологию, ибо русский мир — мир не выгоды, тем более личной, а *служения* — всему сразу: Богу, природе, миру, человеку, но и Чуду тоже. В русском человеке такое по качеству слово сидит, а следственно, и культура, и мироощущение, и жизнеспособие, при котором если что и выговаривается — в том числе и беззвучно — то что-то высокое, великое, недоступное, пожалуй, что и не от мира сего. Так как же тут без имперскости, суть которой именно в многообразном служении и состоит? Вот и получается, что никак, а потому лучшие русские поэты и полководцы как раз в империи-то и случились.

И не надо упрекать русских в ретроградности и консервативности, не к тому вовсе у нас речь, мы говорим всего лишь о корневом свойстве, которого русским никак не избежать, да и избегать не надо, ибо свойство это *вне времени*, а потому если есть вообще будущее, то свойство это как раз в будущее и устремлено. *Будущее русского мира в имперскости!*

Но не в одной лишь внутренней имперскости, о которой пока идет речь, но и во внешней, однако не в той, что антимате-

риалисты усердно клянут, а в оборонной, призванной русский мир всего лишь оборонить, что, согласимся, совсем даже неплохо, а главное, абсолютно необходимо. Имперскость не может реализоваться во всей полноте без имперского же удержания пространства и времени. Имперскость способна не только изнутри русский мир держать, а иначе он не держится — слово у него такое, т. е. суть и смысл, но и этот мир подпирать от границы, мир этот особый — не от мира сего! — а потому особой и великой к себе заботы требующий.

Нет, не хочется перед утратившими имперский дух, а то и прямыми его противниками, если не просто врагами, распинаться, приводя аргумент за аргументом, — кому надо, тот и так почувствует и поймет, что имперскость у русских органичная и вполне особая и не такая уж агрессивная, а кому не надо, тот скорее глухим насовсем прикинется, лишь бы не слышать ужасных слов об ужасной имперскости ужасных русских. Не в аргументах в конце концов дело, а в самоощущении: где тебе, брат, комфортнее — в толчее беснующегося рынка и в шуме обезумевшего мегаполиса или в размеренности бескорыстного порядка и в лоне ненасилюемой природы?

Империя все-таки куда как предпочтительнее «конкурентного самообогащения», из которого только одно и выходит — бессмыслица! Верно, конечно, что сама по себе империя — не панацея. Но ведь смотря как, во-первых, устроить империю, во-вторых, с кем и для кого, в-третьих, для чего... и т. д. И не великий ли сейчас по России идет трансцендентный имперский отбор — на глубоком еще уровне, совсем и не явном — ради имперского самовыражения имперского по сути мира? Разумеется, отбор очень рисковый, страшный, чреватый и гибелью. Да и не лукавые ли имперские имитации развелись вокруг, которые призваны вроде бы отогнать истинную имперскость, выхолостить ее, не допустить в реальность, но которые рискуют ее же невольно, но провиденциально, на свет белый как раз и вытащить — не в потешных ли играх зачиналась когда-то великая петровская империальность?

2003 г.

Постмодерн, Россия и Империя

Постмодерн — это лишенное всякого трансцендентного смысла калейдоскопическое, яркое и блистательное, верчение бытия, наполняемое такой безмятежной суетой, что на место бытия приходит небытие, которое вовсе не смерть как таковая, а всего лишь лишенная остойчивого содержания и сотканная из переменчивых иллюзий бытийная поверхность. Происходит такое «овнешневение» бытия, жизни, самого мира, при котором все внутреннее в них сокрытое теряет всякое значение, а потому и нет уже в полном смысле слова бытия, жизни, мира, а есть что-то другое, — и это другое так «оверхнивается», так истончается, так измельчается, что к нему не льнет уже что-либо высшее, надмирное, грозное и важное. Вечность уходит, она испаряется, не оплодотворяя более это, замкнувшееся в себе, другое, а потому в нем и нет уже ни времени, ни пространства, ни ценностей, ни событий. Даже войны уже не войны, а всего лишь их подобия, а что говорить о государствах и обществах, которых тоже уже нет, а вместо них что-то совсем другое — бестелесное и пузырьчатое?

Постмодерн — гомерическое искажение мира, бытия, жизни, то самое разнокривье, в которое смотрится, игриво куражась, неподражаемый актуальный человек. Хохотал-хохотал над собой и миром ренессансный строптивец, да вот и дохохотался — вокруг него теперь лишь нахохлившееся *ничто*, о котором и сказать-то нечего, разве лишь плюнуть на него да отвернуться. И плюнуть можно, и отвернуться, а вот деться-то куда — все-еще-человеку, ибо распростерлось постмодерновое чудище по всему миру, заполняя собою чуть ли не все земное пространство, заметив собою чуть ли не все поле смыслов, обезжизнивая все вокруг да обесмысливая?

Взращенный любовно Западом и внедряемый им повсюду, Постмодерн оказался совсем не одинаковым: если на Западе это более всего *изошренная веселая игра*, то в незападных весях это скорее *обкрадывающая иллюзия*, а вот в России, принявшей западный постмодерновый вызов всерьез и надолго — преступным

усердием не-России и не менее преступным бездумием России, постмодерн предстал не столько играющей пустотой и сверкающей игрушечкой, сколько цветущим во все стороны... *безобразием*, за которым маячит отнюдь не счастливый карнавал, а самая обыкновенная и уж всюю смердящая *бездна*.

Россия, конечно, вляпалась. Так хотя бы осознать это, хоть в мыслях от этого отвернуться, хоть в душе ужаснуться. Но нет же, подлый танец все более разгорается.

Трудно, почти что и невозможно, зрячему пессимисту среди незрячих оптимистов. А почему же ты не танцуешь — обращается настойчиво и заносчиво оптимист к пессимисту. В самом деле, почему? Ведь танец-то уже стал всеобщим, да и таким захватывающим?

Нейметя что-то пессимисту, грустно ему как-то на вальтсаровом пиру, хочет он чего-то другого, если и не серьезного, то хотя бы возвышенного. Ввысь ему хочется — *всем миром ввысь!* Утопии хочется, ибо никто в эту самую высь, кажется, не устремляется.

И тает Россия, на глазах тает, вовсе и не сосредоточиваясь.

Крепко вцепился в Россию Постмодерн, не отпускает, обезоруживая и рассеивая. Замечает это Россия или нет, но все более к пустому знаку она приближается, теряя в буйной постмодерновой пляске исконные родовые смыслы.

Теперь лишь *инстинкт*: быть России или не быть? И уж если быть, то непременно *имперской!*

Постмодерн, правда, и империю может опустошить — вроде выеденного яйца сделать, как и обкарнавалить ее, исказить, даже и обезобразить. Страшен Постмодерн своей затейливой ласковостью. Но и против него выйти всерьез может только Империя, стало быть, *антипостмодерновая империя*, а не какая-нибудь там либеральная (Постмодерн-то как раз и либерален). Здесь напряжение могучее потребно — *сверху вниз*, и общая ответственность, и общественное движение, и всеобщее служение. Ох, не хочется, как не хочется всего этого — имперского, и не бывать больше в России империи, а без имперскости, пожалуй, что и России быть не может, во всяком случае ее *самостояния!* Империя ведь не государство только и не насилие, как многим

кажется, а *лицо*, а лучше сказать *лик*, за которым и *субъект*, и *слово*, и *речь*. Империя *все!*

Вот и вперед, вопреки всеобщей расслабленности и общему безденежью!

Сверху вниз!

2003 г.

Россия: ни глобальное, ни национальное, а имперское

1. Вопрос о власти — главный вопрос жизнебытия человечества

Только наивный, если не никчемный, человек может не задумываться о *власти*. Власть — не одно лишь и не всегда лишь владение, во всяком случае — явное. Власть — *способность организации в интересах организующего*. Человечество всегда не просто организовано, а организуемо субъективно, всегда есть, пусть и неявный, субъект организации. Самоорганизация — лишь подспорье. Организация — волевое действие, исходящее от субъекта. В современном мире, опутанном законами и институтами, власть становится все менее явной, все более превращаясь *криптократию*. Государство истаивает, передавая власть невидимому, даже и непознаваемому, субъекту. Это означает изменение характера власти, но не ее исчезновение. Нет и не может быть безвластных обществ, как нет и обществ с бессубъектной властью. Сегодня лишь власть как бы уходит куда-то от объекта власти, теряясь где-то в дали и в выси. Но это не власть Бога, даже и не Природы. Это власть непосредственно *человека над человеком*, не освящаемая уже ни Богом, ни Природой, ибо это власть в десакрализованной и денатурализованной человеческой среде. И если это *сверхвласть*, то в пределах самого человечества, без выхода за пределы человеческого мира, не санкционируемая ни Богом, ни Природой. Ничего другого не может быть в среде искусственного мира, демиургически построенного отпрянувшем от Бога и Природы человеком.

Убеждение, что власть ныне не важна и не играет фундаментальной образующей роли — заблуждение. Ослабление государств (царств) не означает растворения власти. Она лишь видоизменяется и иноцентрируется, обретая новые механизмы реализации. Сегодня власть сосредоточивается в надгосударственной сфере, в ней где-то прячется и теряясь. Властные импульсы не требуют сегодня ни отношения «власть — подвласть», ни явного управленческого действия со стороны субъекта власти, ни осознанного, тем более открытого, подчинения «подданных». Сейчас преобладающими становятся связи и сети, побуждения и манипуляции, т. е. все то, что можно было бы определить как *крипто-менеджмент*. Отсюда выходит, что власть не только есть, но она и вполне сильна, став лишь иной по качеству властью. А если учесть, что сегодня все более характерно не само по себе подчинение власти, а такой феномен, как *движение навстречу власти*, мало по существу осознаваемое, то власть оказывается и весьма эффективной, способной достигать вполне незаметно своих целей. А развивающиеся технологические средства (технические, биологические, психологические, социальные) еще более этой власти способствуют.

Власть — не упоение, а *контроль*, причем надо *всем* сразу. И нечему здесь удивляться: современный мир достиг такой тесной и целостной взаимозависимости, что власть становится, или пытается стать, *всеобщей*, т. е. *общемировой*, способной вбирать в себя и извергать из себя уже *целый мир*. А сам этот мир, который принято считать передовым и называть прогрессивным, теряя изначальную одухотворенность и существенность (сущность-то от Духа — как итог одухотворения), все более при этом внутренне опустошаясь, оказывается все более подходящим для целостного овладения им единой общемировой властью, ибо мир этот, лишенный внутренней остойчивости и ориентации на основе и посредством *традиционных культур*, охотно откликается на внешнее и чисто функциональное, по сути для него и обесмысленное — сверху вниз, воздействие. Такому миру все всегда нравится, он на все всегда согласен, он жаждет только действия, а не смысла, ибо он уже вне земли, природы, религии, языка, культуры и т. п., т. е. он существенно пустотен, «оскорлуплен», пожа-

луй что, и оскоплен. Активная игра ему куда как дороже задумчивой неподвижности.

Что бы ни говорили атеизированные глашатаи самости и свободы человека, его самоценности, как бы ни отрицали они новой контролирующей и направляющей власти, такая власть есть и она упорно осуществляется, более того, имеет кое-какие шансы еще более укрепиться и весьма раскатиться на перспективу, никак вроде бы не ограничивая свободы выбора человека, правда, в паутинообразной сети законов, но при этом незаметно заставляя его делать как раз тот выбор, который выгоден власти. Никто никому ничего не указывает и никто никого за руки не держит, но все, или подавляющее большинство, действуют почему-то... по образу и подобию, конечно же, не божественному и природному, а всего лишь... предложенному... *ниоткуда. Власть ниоткуда* — это феномен, феномен *нового мира*, который на самом верху мира вообще и который, выставив свое *правительство*, претендует на главенство и господство в мире.

2. Глобальная власть над глобализуемым миром

Если учесть сказанное выше о власти вообще и о *новой мировой власти*, то нынешняя реальность есть реальность прихода в мир *глобальной власти*, которой не надо особенно и властью выступать, ибо склонность она имеет органическую к *криптократии*. Почему же не быть такой власти, коли мир сам как будто бы *глобализуется*: глобализованному миру и глобальная власть. Однако не все тут просто: мир глобализуется не только сам, он еще и сознательно *глобализуем*, конечно же, совсем даже не со вчерашнего дня. *Глобализация*, которая ранее осуществлялась более как интернационализация и космополитизация — давняя эволюционная и стимуляционная тенденция. Сегодня она лишь стала более явной, а главное, самой себе соответствующей, т. е. не нуждающейся ни в прикрытии, ни к каких-то иных воплощениях. Теперь-то уже ясно, что глобализация — никакая не взаимозависимость, хотя последняя усиленно развивается, а властная организация мира из единого, хотя и по структуре сложного, центра, т. е. она не столько стихийна и объективна, сколько сознательна и

субъективна. И другой она, увы, быть просто не может. Сказки об объективных закономерностях и о само собой происходящих процессах канули в Лету вместе со всем устаревшим миром, ибо теперь не мир, а *супермир*, который есть не потому, что есть, а потому что непрерывно *созидается* — в целом и сверху донизу. И в созидании этого совершенно искусственного мира огромная роль принадлежит как раз власти, которая вовсе не такая уж и полицейская, а в первую очередь — *концептуальная*, мало того — *осознающая*, но, разумеется, по-своему и для себя. Глобализм — не один только мировой (планетарный) масштаб, да и не масштаб прежде всего, а *всеохватывание* и *всепроникновение*, причем более по качеству, а не по количеству, т. е. с изменением самого характера мира, причем *непрерывным*. Кто-то думает, что глобализм сводится к империалистической, а лучше сказать, *ультраимпериалистической*, эксплуатации планетарного мира миром прогрессивным, — и хотя это, по-видимому, так, но лишь на поверхности, — глобализм всего более означает *целостное овладение* перестроенным по замыслу атлантидо-европеоидов планетарным миром, ради исполнения какой-то таинственной сверхзадачи, о которой можно сказать только одно — она явно небожественного свойства. Глобализм намерен, надо полагать, завершить многовековой спор с Богом Творцом по поводу устройства жизни на Земле и в Космосе. И наука в этом деле — великий споспешествователь. Именно она освящает глобальную переделку человека и всего мира, отвергая все природное и сакральное. Глобализация — *установление полного контроля над миром и человеком из единого властного центра*, и контроля, заметим, не ради одного лишь процветания немногих счастливицков (того же «золотого миллиарда»), а ради прорыва в *иные*, т. е. нечеловеческие, миры. Когда-то человек вкусил запретного плода от древа познания, стал познавать и переделывать данный ему мир, теперь он уже в переделанном им мире, продолжая наращивать свои знания, — и коли мир уже освоен и узан, целостно переделан, то почему бы не устремиться за его пределы — к тому же бессмертию, принеся остаточный мир в неизбежную жертву?

3. Глобальная экономика как основа и объект глобальной власти

Пора распрощаться с убеждением, что экономика объемлет все хозяйство, ведущееся человеком, ибо хозяйство не сводимо к манипулированию со стоимостью (деньгами), оно шире, глубже, значимее, что не противоречит тому факту, что экономика выступает мотором хозяйства, его устремленности в неосознаваемую даль; пора также отойти от убеждения, что экономика вертится сама по себе, что она стихийна и объективна, что она не организуема сознательно и субъективно, что она вся «снизу», а не в главном «сверху»; и совсем пора избавиться от убеждения, что экономика-де власть определяет, а сама последней не определяется, что именно экономика владеет властью, а власть-де экономикой не владеет, что не экономика для власти, а всего лишь власть для экономики. Конечно, без экономики нет власти, ибо без экономики, а точнее, хозяйства, нет самой жизни, но и без власти нет экономики, ибо в каждой экономической клеточке сидит власть, а важнее при этом все-таки власть, ибо она действительно всюду, в том числе и в экономике — как экономическая, так и неэкономическая. Вообще власть — источник и условие реализации самой жизни, в том числе хозяйства и экономики, но она же способна быть и источником и условием реализации смерти, выпуская на волю антихозяйство и вообще всяческую inferнальность. Пора менять отношение к власти, саму философию власти и человека, власти и жизни, власти и экономики. И в какой-нибудь Швейцарии граждане не знают имени главы правительства, это не значит, что в Швейцарии нет власти, что она сама по себе именно Швейцария. Власть ведь не только волевой субъект, но и сама по себе воля, которая не одно лишь проявление, но и субстанция. Разумеется, из власти не вытекают сами по себе качества, они идут от жизни, но без власти нет жизни, нет и вытекания из нее качеств. Власть — что-то наподобие тяготения в мироздании, причем еще изменяющегося и побудительного. Власть сама по себе не деньги, но где и когда деньги без власти, а также где и когда власть не сравнима с деньгами, как, собственно, и наоборот.

Глобализация мирового бытия, стягивающегося к мировому центру и стягиваемого мировым центром, что означает и вытекание мирового бытия — в главных параметрах — из мирового центра, означает и *глобализацию экономики*, соответственно, и явление *глобальной экономики*. В самой глобальной экономике ничего сверхестественного нет, тем более, что глобализация не означает всеобщей однородности, а означает лишь *определенное пирамидальное упорядочивание разнородностей*, когда Постмодерн, тот же сверхразвитой «золотой миллиард», наверху, Модерн, или развитый индустриальный мир, посередине, Премодерн, так называемый развивающийся мир, внизу. Все это, конечно, условно, но характеристично. Глобализм — не достижение ни всеобщей однородности, ни одинакового положения, ни всеобщего процветания, а потому под глобальной экономикой не следует понимать супербольшого, а уж тем более — свободного, рынка. Последний давно уже лишь вспомогательный корректировочный подмеханизм, а в основе экономики, как и самого рынка *власть*. Экономика — *не распределение свободы, а распределение власти*. И если уж ощущать себя свободным экономическим субъектом, то лишь при непрременном встраивании себя в структуру власти, ныне стремящейся стать воистину глобальной. *Глобальная экономика — глобальная власть, что экономическая, что неэкономическая.*

4. Глобальная власть и национальная власть

Ясно, что «либо — либо»: глобальное отрицает национальное, а национальное — глобальное. Какого-то равнозначимого синтеза здесь быть не может: если вперед вырывается глобальное, то оно должно смять национальное, во всяком случае, его себе подчинить, оставив в лучшем случае лишь название (в качестве утешительного приза). В полном смысле слова национальное быть уже не может: глобальное — не составленное из национального, а именно *сверхнациональное*, когда не национальное производит глобальное, а глобальное производит национальное — в своих интересах. Победа глобального — победа глобальной власти над национальной, превращение последней в

производное средство реализации первой. И ничего другого тут быть не может. Национальное соответствует, по мысли А.А. Зиновьева, эпохе *обществ*, или, согласно нашему подходу, эпохе *Модерна*, а глобальное — эпохе *сверхобщества*, или эпохе *Постмодерна* (для ясности: эпохе *Премодерна* соответствовала *община*, толкуемая, конечно, шире и значительнее, чем какая-нибудь родовая, сельская или даже городская община). Отсюда во время торжества глобализма никакого самостоятельного национализма уже быть в принципе не может. Отсюда и соответствующая судьба *государств*: либо исчезнуть вовсе, либо войти в связь с глобализмом, ему довольно подчинившись, что означает нелицеприятное выпаривание адекватного им содержания. Государственные аппараты как всего лишь аппараты, встроенные в систему глобализма, а не как аппараты, реализующие национализм — сами по себе и в своих интересах. А тот факт, что глобализм может базироваться на каком-нибудь национальном образовании (на тех же США) ничего в судьбе вообще национального не меняет: просто здесь национальное иначе служит глобальному, в нем не менее последовательно растворяясь.

5. Глобализм и антиглобализм

Хочет того глобализм или нет, но он непременно порождает своего антипода — *антиглобализм*, который не есть только осознанное политическое движение, а многоплановое, масштабное и глубокое, сопротивление глобализму, часто и не особенно осознанное. Жизнь на планете не спешит кидаться в глобальное ложе, воспринимать новый образ бытия, подчиняться глобальной власти. И дело здесь вовсе не в национальных и прочих локальных амбициях, хотя и в них тоже, а в инстинкте самосохранения — как генетически обоснованных локальных образований, так и вообще активного качественного разнообразия. Реальность поставила вопрос о подлинной достоверности глобализма, его жизнетворческой способности, его права на окончательное воцарение на планете. И реакция этой реальности вовсе не абсолютно проглобальная, она и, что совершенно естественно, антиглобальная. И выражается это отнюдь не в пассивном стоянии против

глобализма, но и в активном ему противодействии, мало того, в поиске, пусть пока и идеальном, ему, этому глобализму, альтернативы. Не будет большим преувеличением сказать, что современный мир находится уже в войне глобализма с планетарным миром — здесь глобализм стремится к установлению своего глобального мирового порядка, и в войне планетарного мира с глобализмом — здесь идет сопротивление глобальному мировому порядку. Так глобализм выдавливает из планеты антиглобализм, а антиглобализм ищет иное решение общепланетарной проблемы. Многое уже достигнуто глобализмом, но и антиглобализм крепнет, хотя бы от осознания разворачивающейся на планете супердрамы: что при полной сдаче глобализму, что при ему отчаянном сопротивлении, что, не дай бог, уже при жестком столкновении глобализма и антиглобализма. Положение осложняется и тем, что как глобализм, так и антиглобализм могут получить разные воплощения и центры инициативы: американский, к примеру, глобализм может вполне дополниться в один прекрасный момент каким-нибудь китайским глобализмом, который сегодня-то вроде бы антиглобализм, а вот завтра вдруг может стать самым обыкновенным глобализмом, только иным, а потому противоречия и борьба между глобализмом и антиглобализмом неизбежно дополняется противоречиями и борьбой разных глобализмов; соответственно, возможны и наверняка будут разные антиглобализмы, что тоже не предвещает общепланетарной идиллии. Все в мире сложно и запутанно, что, конечно же, вполне понятно.

А теперь о *санкциях*, только не тех, не наказательных, а совсем наоборот — *разрешительных*. Имеет ли глобализм санкцию вообще быть и реализовать глобальное устройство мира? Вопрос не простой, он носит, безусловно, не причинно-следственный, как обычно принято в науке, а скорее аксеологический (ценностной) характер — что свойственно более философии, чем науке. Вопрос можно поставить и по-другому: имеет ли глобализм какое-либо оправдание — историческое, аксеологическое, футурологическое (от будущего)? Тезис об объективной неизбежности глобализации, почти что механической, никого из сомневающихся в нужности глобализма не устроит. Общемировая взаимообуслов-

ленность планетарной жизни — не довод в пользу именно глобализма, тем более его победы, ибо в глобализме силен ультраимпериалистический момент, предвиденный еще К. Каутским, тот самый момент, с которым можно, но не очень-то хочется, мириться планетарному сообществу, — какая радость от соревнования за возможность быть милостиво эксплуатируемыми? Мало того, не является ли глобализм угрозой, имеющей к тому же тотальный характер, человеческой жизни на планете, поскольку замешан глобализм весьма круто на характерных для Постмодерна античеловеческих началах: бессущественности, бездуховности, игривости, т. е. на всем том, что превращает человека в механизм, футляр, симулякр, а общество в массу, рой, сеть? И разве не страшен глобализм своей неприязнью к традиции, культуре, языкам, причем не в фольклорном их варианте, а в до конца самоопределяющемся, том самом, который представляет и реализует жизнестворное разнообразие человеческого мира?

И отвечая на эти и им подобные вопросы, приходится констатировать, что глобализм и ведомая им глобализация *совсем даже не заслуживают никакой, скажем так, позитивной санкции, тем более, сакральной, а inferнальная санкция*, к которой глобализм, кажется, тяготеет, не может быть принята все еще уважающим *традицию*, а соответственно, *сущность* и *духовность*, планетарным миром. Этот последний вовсе не хочет *конца истории*, отказа от *сакральных ценностей*, согласия на *проектируемое кем-то будущее*. Человек сегодня как никогда страшится демиургически настроенного человека, ибо с покорением природы и Космоса, с отпадением от Бога, человек демиургирующий вступил на единственно возможный в таком случае путь — *конечной inferнализации, соблазнительной и прельстительной, человеческого бытия*. И вот эта-то inferнализация и надвигается сегодня на человечество широким постмодерновым потоком через глобализм и посредством глобализации. Соглашаясь на глобализм и глобализацию, человек рискует обрести не новую жизнь, а самую настоящую *антижизнь*, ибо выветривание из человека и из его бытия всего сакрального, духовного и сущего не может не иметь иного результата, кроме обретения ничтожащей

пустоты, которая полноценной жизни споспешествовать уже никак не может.

Отсюда и *позитивная санкция антиглобализму*, однако не тупому, т. е. консервативно безысходному, а творческому, способному к жизнеутверждающей перспективе. Не назад должен вести антиглобализм, а вперед, будучи воодушевленным иной, чем глобалистская, общемировой альтернативой.

6. От глобализма к планетаризму

Глобализм — не фикция, а реальность, уже шествующая настырно по планете. Человечество в целом не может согласиться на эгоистический и дискриминационный глобо-центризм, тем более, что за ним не одно лишь распространение власти, но и выдвижение таких образов бытия, которые не могут устроить всееще-человека. Глобализм жуток ведь не для одних только современных и премодерновых, т. е. низших, поясов конструируемой реальности, он не менее, а может, и более, страшен для самого высшего слоя — постмодернового, внутри которого растет отчаяние от внедряемой глобализмом постмодерновой пустоты. Постмодерновый глобализм мало кого удовлетворяет на планете. Но он силен, и силу его грех недооценивать. И силен он не столько сам по себе, сколько уже совершенным внедрением в ткань мирового сообщества, его сторонников находим даже в Китае.

Покориться несанкционированному никак позитивно глобализму или поощрить необходимый в случае интенсивного протеста антиглобализм — дело человечества, его элит. Как будут развиваться судьбоносные процессы на планете, мы не знаем, как, пожалуй, не знает сегодня никто, хотя, видимо, вряд ли планетарный мир избегнет напряженной, отнюдь не всегда явной, борьбы. Конечно, хотелось бы избежать Армагеддона, т. е. всеобщей войны всех против всех, но состояние человечества, к сожалению, не свидетельствует с уверенностью о невозможности подобного развития событий. Так или иначе, но человечество вступило сейчас в такой фазис своего бытия, когда на первый план выходят воистину *большие процессы*, причем вовсе не обязательно стихийные, более того, как раз наоборот — вполне и

управляемые. И сегодня никто, даже самый последний шалопаи, не может уклониться от участия в этих процессах, во всяком случае, от их на него влияния. Можно, конечно, зажмуриться и ни о чем не думать, что и делают большие массы населения, но мировая трансформация никого не оставит в покое. Пришло время *всеобщей ответственности*, которую должны осознать в первую очередь элиты, но которая не может быть чуждой и для широкой общественности. На кону ведь *судьба планетарного мира*, что, по-видимому, означает и *Великий Суд Божий*, затрагивающий всех сразу — от погрязших в свободе индивидов до народов и человечества в целом. Под Судом Божиим сегодня неосфера и все, что сотворил на Земле человек демиургирующий, весь его *искусственный мир*.

И коли глобализм и глобализация не санкционированы никак позитивно, то, надо полагать, по Суду Божию они должны уступить место, если человечество имеет какое-то спасительное для себя намерение, каким-то иным исходам общемирового характера. Нет ничего более неблагодарного, чем очерчивать светлое будущее человечества. Мы и не будем делать подобной попытки. Будущее в руках, а лучше сказать, в головах, человечества, его элит, и не предначертанное вовсе, а всего лишь творимое в ходе самой реальной жизни. Здесь важны не картина будущего, не проект ее сотворения, а осознание особого рода заботы о будущем, движимой и осознанием того, что одного личного спасения, видно, недостаточно. На карту поставлено все планетарное человечество.

Нельзя исключать и того, что в деле общемирового спасения могут сыграть какую-то роль — временную, конечно, и относительную — даже и сам глобализм с глобализацией, если они окажутся, сами того не желая, переходным механизмом к иному разрешению актуальной общепланетарной проблемы, которая в общем-то сводится к поиску и утверждению *жизнеспособного устройства планетарного общежития*, не исключающего ни качественного разнообразия человечества, ни эффективного самоопределения бытующих качеств.

Современный мир не может уже строиться на сугубо национальных началах, когда последние не просто суверенны, т. е.

само-уважительны, но и *поведенчески вольны*, т. е. самопроизвольны. Национальный произвол, который не есть обязательно что-то плохое, уже стал для мира в целом непозволительной роскошью. Глобализм, в частности, как раз и пытается через глобализацию и даже прямые карательные действия унять все еще бытующий *произвольный национализм*, не забывая, конечно, о своих авторитарно-эгоистических интересах. Времена национального произвола прошли. Это надо ясно осознать. Но отречься от национального произвола вряд ли целесообразно соглашаться на *глобальный произвол*, чинимый глобальным центром. Отсюда ни глобальный произвол, ни национальный произвол, а потому и иное, чем предлагает глобализм, устройство планетарного мира, однако, вовсе не такое, при котором национальное начало «гуляет на свободе». Так или иначе, но обойтись без *наднационального начала* мир уже не может, причем такого начала, которое способно эффективно сдерживать национальное начало, не допуская самой возможности национального произвола. Власть должна быть распределена по миру так, чтобы, с одной стороны, сохранять суверенное национальное, без которого несть полноценного человека, а с другой — разрешать общемировые проблемы, не допуская вспышек произвольного национализма. Для этого требуется *общемировое согласие*, поддержанное компромиссом и ориентированное на консенсус. Субъектами такого общемирового согласия должны быть *национальные государственные образования*, добровольно образующие *национальные структуры*, свободные от авторитарности. Подобного рода устройство мирового сообщества не содержит ничего особенно утопического, оно в той или иной мере уже было опробовано во второй половине XX в., в какой-то степени реализуется и сейчас. Такое устройство имеет не одни чисто ментальные обоснования, оно восходит корнями в самую практическую реальность. И если здесь и есть что-то утопическое, то сам реальный выход на это устройство находящегося в разноплановой войне мирового сообщества. И вот тут-то потребно отрицание странного, если не органически дефектного, *нового мира*, навязываемого постмодерновой западной цивилизацией и ее нынешним мотором — глобализмом. Именно Постмодерн и глобализм обязаны выда-

вить из планетарного человечества, им сопротивляющегося, более приемлемое устройство мира, которое мы могли бы определить как *добровольный и солидарный планетаризм*.

7. Имперская неизбежность России

Россия — не страна, а *целый мир*, не нация, а *сообщество народов*, а потому национальное в России и на основе России — *сверхнациональное*. Россия уже *сверхобщество*, а потому объявлять Россию национальным образованием можно лишь условно, в ряду с другими национально-государственными образованиями, имеющими место на планете. Россия была и остается *имперским образованием*, или *имперским сверхнациональным образованием*, которое воспроизводится вовсе не внешне насильно, а внутренне органично. Иной, т. е. неимперской, Россия и быть не может (многонациональность, гигантское пространство, великое природное разнообразие, суровый климат, первенство русского начала и языка, евразийские традиции и культура, особый характер общественности и государственности, выдающаяся роль центра, необходимость решения сверхлокальных задач, негражданственность населения и т. д. и т. п.). Даже сейчас, в годину «торжества демократии» (а точнее, мнимого торжества мнимой демократии, т. е. некоего *квазиустройства*, если не *антиустройства*), Россия остается по существу имперской, хотя и ослабленно имперской, а может, и уродливо имперской. Отсюда требуется не более не менее, как *выпрямление империи*, даже не ее реставрация. И у России есть шанс выработки *новой империи*, учитывающей всю наличествующую современность, а потому империи открытой, гибкой, внутри себя *солидарной*. Логичен, а лучше сказать — *металогичен*, для России подобный имперский рывок, который не позволит России окончательно подпасть под власть глобализма и полностью раствориться в антироссийской глобализации. Что же касается возможного в мире *планетаризма*, то как раз имперская и сильная, опять же новая, Россия способна стать не просто его положительным участником, а и *эффективным строителем*: обжегшись на соревновании за мировое империяльное первенство, Россия, пережившая революционные глобалистские и

постмодернистские потрясения, знающая цену пустому постмодернизму и авторитарному глобализму, пережившая крупную социальную катастрофу, многое потерявшая, но все-таки уцелевшая, имперски преодолевшая падение в бездну, не может не стать одним из вдохновителей и устроителей приемлемого для планеты международного порядка, тем более, что Россия уже имеет немалый опыт устройства солидарного общежития народов. Только имперскость, для которой изначально характерно органичное сочетание национального и сверхнационального начал, может спасти Россию, позволив ей как отбиться от несусветного глобализма, так и не впасть в несусветный национализм, мало того, исполнить функцию по поддержке и реализации идеи и практики вполне санкционируемого позитивно *добровольного солидарного планетаризма*. Что же касается самого выхода к новой империи в России, то выход этот должен быть тоже... *имперским!*

Имперскость диктует необходимость и *имперского хозяйства*. Последнее не исключает, скажем привычно, ни *многоукладности*, ни *долевой хозяйственной свободы*, ни добровольно принимаемой *хозяйственной несвободы*. Новая империя не должна, да и не может, стремиться к *абсолютной экономической власти*, что всегда не слишком эффективно и практически нежизнеспособно. Но ничто абсолютное не мешает — ни идеологически, ни функционально — водворению *имперского хозяйственного центра*, способного, не закрывая наглухо границ, эффективно опекать подвластное хозяйственное пространство, решать необходимые общехозяйственные задачи, способствовать внутренней хозяйственной инициативе. Россия не должна, она просто не имеет для этого никакого права, если хочет остаться Россией, отдавать власть над своим пространством кому бы то ни было, как и не контролировать распределение хозяйственной власти по всему российскому пространству. Власть — самое важное, что может быть на этом свете, — здесь не надо питать никаких анархо-постмодернистских иллюзий, ибо без власти, увы!, нет жизни, нет культуры, нет цивилизации, нет хозяйства, ничего нет, — а само обретение и использование власти... тоже дело

властное, а для России еще и имперское, — да пойдем и воспользуемся!

2004 г.

Изыски Постмодерна и искания России

1. Современный мир как мир Постмодерна

Ключевым словом в слове «постмодерн» является *модерн*. Необходимо разобраться в первую очередь с модерном, чтобы уяснить смысл *постмодерна*, тем более, что помимо *постмодерна* есть и *премодерн*. И если «пост» нацеливает на то, что наступило после *мира Модерна*, то «пре» — на то, что было до *мира Модерна*.

Мир Модерна, т. е. и модернизации, обновления, расставания с прошлым — это мир эпохи тотального переустройства мира, того самого, который был дан человеку, как он когда-то сам считал, Природой и Богом, т. е. переустройства *мира данного*, соответственно, в *мир созданный* — уже человеком для человека. Эпоха Модерна началась с глобальной революции, обозначенной феноменом Возрождения, которая оказалась не столько возрождением, сколько зарождением — иного, уже не данного человеку, а берущегося человеком, мира, а в итоге — *мира созданного*. Эпоха Модерна — эпоха созидания человеческого мира в борьбе с природным и божьим мирами, не столько в соответствии с ними, сколько вопреки им. Отсюда различие, установленное европейским модернистским умом, между Древним и Средним мирами, с одной стороны, и Новым и Новейшим мирами — с другой.

С социо-хозяйственной точки зрения весьма удобно рассматривать Новый мир как мир Модерна, Древний и Средний миры как мир Преמודерна, а Новейший, т. е. современный, мир как мир Постмодерна. Это оправдано и тем, что Преמודерн и Модерн не что-то лишь уже бывшее когда-то, а и существующее *здесь и сейчас*, разумеется, в измененном виде, не в таком, как прежде, т. е. модернизированном. Так или иначе, но мир Преמודерна — мир по преимуществу *натурального* и *сакрализованного* хозяйства (когда вокруг Природа и наверху Бог), мир Модерна —

мир по преимуществу *экономического и индустриального* хозяйства (когда идет борьба с Природой и Богом), а мир Постмодерна — мир по преимуществу *суперэкономического*, или же *суперфинансового*, и *постиндустриального* (автоматизированного, электронного, информационного, интеллектуального и т. д.) хозяйства (когда Природы и Бога как бы и нет, с ними даже бороться не надо).

Разберемся с Постмодерном.

На наш взгляд, XX век стал веком перехода от модерна к постмодерну, а рубеж XX и XXI вв. — временем явного утверждения Постмодерна (в лице так называемого Западного мира). Отсюда то, что в искусстве и литературе называлось модерном, или стилем модерн, в социо-хозяйственной реальности было по сути уже постмодерном, а модерном было как раз все, что обычно относится к классике и романтике, т. е. к XIV—XIX вв. В связи с этим XIX в. — век торжества Модерна, т. е. реализма, материализма, сциентизма, секулярности и т. п., а XX век — век нарастания постмодерна, который еще не был достаточно опознан и смысловым образом схвачен, но который уже был, а сегодня он лишь празднует победу, подвергнутый опознанию и *обуслов-ливанию*.

2. Постмодерн как пустотная функциональность

Природы нет, Бога нет: вокруг *неприрода* и *человек в ней*, который как-то все более смахивает даже не на человека, а какого-то *человекообраза*, — что еще, или кто еще, может явиться в денатуризованном и обезбоженном, совершенно искусственном, мегаполисном и пластмассовом, мире. Пересотворив мир, человек-демиург, пересотворил и самого себя, превратившись из человека в некое «человекообразное», даже не существо, ибо у существа — сущность, а в подобие существа, ибо у этого создания сущности особой нет, но зато полно всяких *функций*. И у мира, сотворенного человеком не по-природному и не по-божескому, т. е. сугубо по-своему, по-человечески, не слишком уже сущности, зато много всякой *функциональности*. И это поедание функцией сущности надо непременно иметь в виду,

оценивая весь этот *новейший мир*, созданный человеком непосредственно под себя.

И если денатурализация и обезбоживание человеческого мира в общем-то понятны, даже весьма приветствуются, то обезсуществление как-то не очень воспринимается современным крайне образованным человеком-чиповедем, ибо ему все еще кажется, что мир вокруг и он сам в нем еще содержательны и весомы, — если вокруг материя, тяготение и притяжение, то и в наличии и некая сущностная субстанция, этот мир наполняющая.

Бедный ученый ум: ему и невдомек, что изгнав из сознания *идеальность* и *духовность*, он изгнал из себя и из мира как раз то самое, что ранее было принято называть сущностью — от *сущего*, сущего в природе и в самом Сущем! Ничего и никакого сущего в искусственном мире нет и быть не может, а на месте сущего может только одно — *фикция*, которая функцией не противоречит, наоборот, с ней как раз и роднится.

Если представить себе пустое яйцо, а за скорлупу принять функциональность — яркую и бесшабашную, то получится модель Постмодерна, когда внутри *пустота*, наполненная *фикцией*, а снаружи — *лишь фиктивная функциональность*, с фикционной пустотой активно взаимодействующая. Вот и получается, что Постмодерн — это мир, не имеющий ни весомого нутра, ни обусловленной содержательным нутром внешности. Пустой мир, пустой человекообраз, пустые глаза, — разве на так?

Сущий мир как бы испарился, его больше нет, и его место занял некий парящий мир, обильный пустыми фикциями и функциями. Таков Постмодерн. А если кто-то и подмечает что-нибудь из сущего, идеального и духовного, натурального и сакрального, так это не от постмодерна, а от премодерна и частично модерна, т. е. что-то еще недовыветренное постмодерном.

В самом по себе постмодерне нет никакого *смысла* — кроме разве его отсутствия. Вот почему в нем нет и *культуры*, а есть лишь бессмысленные суррогаты. В постмодерне нет *жизни*, в нем расположилась какая-то *нежизнь*, которая, может, и не смерть как таковая, но и не жизнь. Даже существованием это нельзя назвать, ибо сущего здесь нет, даже и бытием не назовешь, поскольку «быть» это «есть», т. е. опять же быть сущим, стоя-

щим и стоящим, не назовешь даже и реализацией, ибо нет в полном смысле слова реальности, а есть какое-то ее замещение. *Мир данный* уже заменен на *мир даваемый* — *человеком человеку*, даваемый каждый миг и каждый раз по-новому и новым, — и разве такой мир может быть существенным, содержательным и весомым. Такой мир как бы летает — где-то между «землей» и «небом», не основываясь ни на том, ни на другом, т. е. ни на Природе, ни на Боге, он легкий, подвижен, импровизационен и имитационен, он по сути *никакой*, а пожалуй что, и *ничто!* Однако не то ничто, которое в мире данном и которое трансцендентно, которое живительно и с которым надо терпеливо взаимодействовать, а то самое ничто, которое пустотно и которое по сути ничтожит. И ничего миру Постмодерна не остается, как изобретать непрерывно все новый и новый мир, постоянно меняя образ мира — мира даваемого, к тому же изобретать совершенно парадоксальный мир, как бы не от мира сего мир, нездешний, но прямо противоположный при этом трансцендентному миру Бога, или Абсолюта, а потому, увы!, *мир inferнальный*, что блестяще ежесекундно и подтверждается — уходом всего природного и сакрального, воцарением бессущественного и бездуховного, искусственно-пустотного и фиктивно-функционального.

3. Мир Постмодерна и остальной земной мир

Мир Постмодерна, который наступил как детище Модерна с его наукой и техникой, его прогрессом, гуманизмом, правом, театром, музыкой и т. п. «вещами», — не только мир больших скоростей в перемещениях и превращениях, но и мир больших хитростей (позволим себе этот постмодернистский рифмовальный каламбур) — в удержании себя и в управлении собою и окружающей средой. Никогда еще мир не был столь тотально и оправданно лукавым — *крайне лукавым*, поскольку без органичного полноценного лукавства ему просто никуда. Мало того, что Постмодерн пуст, но он еще и сам по себе нежизнеспособен, — это всего лишь рожденное быть неживым детище Модерна. Такой мир должен непременно чем-то и кем-то питаться, он изначально паразитарен, и питательной средой для него должен быть

весь остальной земной мир — без этого последнего постмодерновый мир не продержится ни одного мгновения.

Пустоту надо, во-первых, чем-то прикрывать, а это не нагота вовсе, во-вторых, чем-то замещать, даже и наполнять, чтобы имелась хоть какая-нибудь остойчивость. Одной фиктивной функциональности здесь маловато, ибо требуются какие-то *ценности* и какие-то *весомости*. Ни того, ни другого постмодерн из себя извлечь не может, а потому либо притягательная завеса, либо украденная сущность. Первую постмодерн находит в симуляции превосходной, прелестной и обольстительной, жизни (сначала и прежде всего человек, человек сам по себе и для себя, права человека, свободная личность, человек-кочевник, наслаждение жизнью, польза и полезность, мир для человека, мир равных и неограниченных возможностей, и т. п. призывные сентенции), вторую же находит посредством выборочного заимствования существенного у остального мира, находящегося в Модерне и Премодерне, так сказать, безопасного для себя заимствования, исключая культурные и духовные для себя угрозы. В материальном же плане Постмодерн не может не эксплуатировать остальной мир, но такую эксплуатацию он должен всячески скрывать, ибо прямые эксплуатационные отношения, принадлежавшие прошлому, для него неприемлемы идеологически и физически просто опасны.

Мир-симулякр — вот что такое Постмодерн, причем не просто имеющий внутри себя симулятивную зону и симулятивные эффекты, что характерно в той или иной степени для Модерна и даже Премодерна, а изначально, в основании и в целом, что явно уже не просто новое, а по-настоящему *новенькое*, даже и не только новейшее. Не новый и новейший, а воистину новенький, никогда и нигде не бывавший, прямо от ума, интеллекта, фантазии — в пустоте и от пустоты. Недаром же Голливуд сегодня — не фабрика только кино, а фабрика самого мира, фабрика самого будущего, ибо мир даваемый можно прямо и создавать и создавать прямо из пустоты, или, как у нас принято говорить, «от балды», разве лишь с той разницей, что балда-то в Голливуде совсем даже не глуп, весьма и образован — фиктивно-функционально.

Постмодерну надо непременно управлять остальным земным миром, управлять по необходимости глобально и по возможности скрытно. На весь мир должна быть поэтому наброшена покрывальная постмодернистская вуаль, прикрывающая реальные управленческие сети, расставленные тотально. Остальной мир должен оставаться по сути вне Постмодерна, ибо постмодерновым весь мир просто не может быть — это было бы самоубийственно для всего земного мира, но остальной мир должен быть под Постмодерном, т. е. быть как бы *субпостмодерновым*. Такая субпостмодернизация остального мира и идет сегодня — под бдительным оком Постмодерна. Не надо думать, что будучи существенно пустым, Постмодерн при этом совсем уж слаб функционально, — наоборот, он очень даже силен, ибо волен и изоцирен, к тому же и лукав.

4. Остальной земной мир и Постмодерн

Постмодерн — продукт человеческой истории, замкнувший эту самую историю. Сама мысль о *конце истории* возникла в постмодернистском сознании совершенно не случайно. Новый мир не связан более ни с *истоками*, ни с изначальной *истиной*, он более не обусловлен *исторически*, ибо этот мир уже не есть, т. е. не *ист*, он просто делается, сам по себе, без исторической, не говоря уже о природной и божественной санкции. Постмодерн — высший продукт истории, отрицающий саму историю. Это уже постисторическое нечто, не обязанное апеллировать к истории, с ней считаться. Если историю можно сознательно и глобально творить из себя, то это уже не история, во всяком случае, не история мира, а сам творимый человеком мир уже и не мир, т. е. не сотворенный до истории и замиренный, т. е. ставший (почти что и мертвый), а творимый, а потому не мир, а, скажем так, некий «твор», а лучше — «дан», что сегодня кажется парадоксальным и нелепым, а завтра станет всеобщим и замечательным.

Глобализм, финансизм, технологизм, информатизм, менеджизм, виртуализм в сочетании с субъективизмом, интеллектуализмом, конструктивизмом и стандартизмом, поедающие время и пространство, их ничтожащие, сводящие к нулю обеспечивают

не только наличие нового постмодернового мира, но и перестройку под этот новый постмодерновый мир всего остального земного мира, что имеет результатом создание *околомира*, т. е. подчиненного Постмодерну и зараженного постмодерном, как бы *опрокинутого* в несвойственную и пришедшую откуда-то новизну, закрывающую историю остального мира и не открывающую для него никаких перспектив собственного бытия. Остальной мир заслуживает только одного: слепого для себя существования и зрячей для Постмодерна его эксплуатации.

Однако тут не все просто: остальной мир, т. е. устаревший с постмодернистской точки зрения мир, годный-де лишь для использования, как это происходит с природой, в постмодернистских целях, имеет возможность не считать себя ни устаревшим, ни годным лишь для постмодернистской эксплуатации. Этот мир вовсе не обязан заполнять собою всегда открытую и жадную постмодернистскую пустоту, втягиваясь в «черную дыру» Постмодерна и в ней исчезая. Этот мир призывается самой жизнью к *сопротивлению*, но еще более важно — к *нахождению иного варианта будущего*.

Пришло время, а точнее, пришел срок, ибо время сейчас сжимается в точку, и не чего-нибудь, а *великого сражения* — за *будущее*, причем такого сражения, когда будущее борется с будущим, т. е. в борьбе участвуют силы, которых еще нет, но которые уже есть. Реальность ныне — не то, что вокруг как уже выраженное, а то, что впереди и как еще не выраженное, т. е. не реальность как таковая, а *виртуальная реальность*, которой еще нет, но которая уже есть.

Триумф Постмодерна неизбежно совпадает с мобилизацией антипостмодерновых сил, — и хотя Постмодерн силен и изощрен, но он уже приговорен — тем самым временем, которое он уничтожил. Хотят того Постмодерн и весь остальной земной шар или не хотят, но нарастания *постпостмодерна* миру не миновать. И придти этот самый постпостмодерн должен как раз из остального земного мира через отрицание и преодоление Постмодерна. Не надо при этом забывать, что в рамках самого Постмодерна немало от остального мира, а потому внутри Постмодерна есть свое ему сопротивление.

Ответ остального земного мира на натиск Постмодерна не может быть и не будет плоско консервативным. Законсервировать уже мало что удастся. Остальной мир обязан лишь с помощью консерватизма выработать образ иного *существенного мира*, которого не было ранее, но который отвергнет постмодерновую пустоту, роднящуюся с постмодерновым безумием. Отсюда речь может идти не о новом консерватизме, а о *новой одухотворенности мира*, на что должен быть способен, если он вообще на что-нибудь еще способен, человек остального земного мира. У этого все-еще-человека должно быть острое осознание пагубности Постмодерна, а потому и дикое желание его преодоления через строительство совсем другого мира, этот же все-еще-человек же располагает и духовно-идейными резервами, не говоря о материальных, для исполнения столь грандиозной задачи. И для всего этого потребен *Новый Ренессанс*, способный поставить точку на итогах Старого Ренессанса и вызвать к жизни новые перспективы.

5. Возможный вклад России в несветлое будущее

Не светлое будущее должно вдохновлять все-еще-человека из остального земного мира. Это будущее должно быть не светлым, а *жизненным*, а жизнь человека тогда есть жизнь, когда она *одуховлена*. Отсюда так или иначе речь может идти только о *стяжании Духа*.

Задача, прямо скажем, фантастическая, практически не исполнимая, даже и не от мира сего. Но, во-первых, разве случайно Россия вляпалась в постмодерновую помойку, в которой и отбросы, и уродства, и смрад, но от которой и потребность... мойки, т. е. очищения; и во-вторых, разве Россия и на самом деле не от мира сего, коли никак не может правильно обустроиться, жить по-человечески, обрести земное счастье? — а это означает, что Россия способна на разные ходы, и почему бы не случиться такому неотмирному ходу, как стяжание Духа и преодоление постмодерна? Логически мы тут ничего не выведем и не обоснуем, а вот металогически кое-что почувствовать можно, не особенно и обосновывая.

Россия все-таки открыта для разного рода возможностей. И ничего удивительного не будет в том, что Россия окажется именно тем синергетическим котлом, в котором сможет вывариться необходимая — пока еще трансцендентно — возможность, а там, глядишь, и сама действительность!

Нет смысла обрисовывать какой-либо проект, тем более подробно и «системно», ибо осознание необходимости проекта, т. е. выдвижение не самого по себе проекта, даже его эскиза, а лишь некоего предпроекта, или же образа проекта, бывает гораздо важнее. И вот тут-то потребно лишь важное ключевое слово, страшно консервативное и надежно перспективное, которое органично воспринимаемо и работоспособно, — и этим словом может быть — *империя*, разумеется, *новая империя*, не та, что была, а которая может быть и которая, что весьма вероятно, только и способна принести не личное, а высшее общественное спасение — в потоке всеобщего антипостмодернизма, вдохновляемого *Новым Ренессансом*.

2004 г.

Россия и Постмодерн: кто первый?..

1. Постмодерн как воцарение Пустоты

Раньше это называлось «царством божьем на Земле», «коммунизмом», «ноосферой», «постиндустриализмом», «открытым обществом», а вот сейчас мы называем попросту *Постмодерном*, в чем уже нет, заметим особо, никакой смысловой «заявы», а есть лишь вольный знак, под который еще надо подвести какое-нибудь содержание, ибо *Пост-модерн* это всего лишь то, что стало результатом *Модерна* и заступило вслед за ним на переднюю историческую, а пожалуй что, уже и внеисторическую, вахту. Чтобы хоть как-то уловить, что же представляет собой Постмодерн, надо сначала расквитаться с Модерном, который, соответствуя принятому в западноевропейской исторической науке так называемому Новому времени, есть эпоха, согласно уже философии хозяйства, *пересотворения данного человеку*

Природой и Богом Творцом мира по своему собственному, т. е. человеческому, усмотрению. Отсюда расцвет экономики, науки, техники, щедро оплодотворяемых секулярной, но демиургически настроенной, передовой идеологией. Эпоха *мира данного* тогда есть эпоха *Премодерна*. Выходит, что Модерн отрицал Премодерн, и, как выяснилось потом, а именно с вхождением в III тысячелетие от Р. Х., ради... вдруг внезапно наступившего Постмодерна, которому уже не надо столь упорно бороться с миром данным — уже Модерном переделанным и покоренным. Модерн в любом случае какая-то смесь модерна и премодерна, а вот Постмодерн более или менее чист — это уже *мир созданный*, который если и не сам по себе, ибо модерн и премодерн все равно остаются, то уж *от себя самого* точно. Мир данный был не столько сзади создаваемого Модерном искусственного мира — в прошлом, сколько впереди, ибо с ним приходилось сражаться, изучая научно и технически переделывая. Перед Постмодерном уже ничего такого нет, перед ним простор, позволяющий вытворять *любое* — без сопротивления прошлого и будущего. И если Модерн резвился бойко в природе, стараясь из нее вырваться, то Постмодерн обрел возможность резвиться уже вне природы — *импровизируя*. И если Модерн у атланта-европейца — *история* (как история титанической борьбы с миром данным), то Премодерн — *предыстория* (как история лишь выживания человека вообще и вызревания человека-демиурга, т. е. западного европейца), а уж Постмодерн — *послеистория* (как история без истории, когда история уже не от истоков, а прямо от сейчас, т. е. когда что-то есть, но это есть уже не есть от есть, а от неест — от человека импровизирующего, а потому и дающего — *мир дающего*, что означает, что на место мира данного пришел *мир даваемый* — человеком человеку, а не Природой и Богом Творцом).

И вот итог крутой исторической драмы: жертва мира данного в угоду миру создаемому обернулась миром даваемым, что и обозначило *конец истории*. У Постмодерна нет ни тяжеловесного прошлого, ни остойчивого настоящего, ни навязываемого прошлым и настоящим будущего. Премодерн окутан... пустотой, он — в *Пустоте*, что в аспекте времени можно и с вечностью сравнить, только... уже отрицательного свойства, как бы наобо-

ротной — вроде как с *антивечностью*. Но это не все: лишившись органичной связи с миром данным, с прошлым, настоящим и будущим, став как бы вневременным, Постмодерн... оказался вдруг с необнаруживаемым в себе каким-либо содержательным нутром, ибо был он слишком уж импровизационен, мимолетен и мнимолетен, игроподобен, а потому и стал ощущать себя... тоже каким-то пустым, наполненным *Пустотой*, соответственно без существенности и без духовности, без мудрости, каким-то скорлупообразным, с одними лишь функциями, операциями, актами, связями, сетями, с непрерывающейся калейдоскопической игрой даже и не форм уже, ибо у последних должно быть еще какое-то содержание, а самых обыкновенных *фикций*. *Фикционным*, а потому и *фиктивным*, предстал этот мир — мир Постмодерна, быстро заменившим объективную реальность ее *субъективной имитацией*.

2. Постмодерн как алмазное ожерелье Планеты

Мир миром, Земля Землей, человечество человечеством, а на арену происходящего вокруг, что уже ни историей, ни бытием, ни существованием не назовешь, ибо где все эти «ист», «есть», «быть», «сущее» и т. д.?, вышла теперь *Планета*. Постмодерн — явление *планетарное*, но не потому что столь же объемно, хотя кое в чем это и так, а потому что имеет не локальную, а воистину планетарную, значимость. И уж если воцарился Постмодерн, то явилась и Планета, которая как раз и под ним. Планета — нечто, несущее на себе Постмодерн, его живительная среда, как и полноценная жертва. Планета — Постмодерн, Модерн и Премодерн сразу. Время на себе замкнулось, исчезло, вылившись в одновременность трех миров, из которых первый — вершина и управитель, второй — сердцевина и поставщик, третий — основание и кладовая. И первый не может без второго и третьего, совсем не может, ибо если что и производит, так это фикции, наполняющие собой не только его, но и всей планеты пространство, однако не нейтральные вовсе фикции, а страждущие — всяких из второго и третьего миров благ, тех самых благ, без которых пустому, хоть и затейливому и прельстительному Постмодерну, не выжить. От-

сюда Постмодерн — воистину алмазный в своей пустотной чистоте венец, правда, фальшивый, но очень сверкающий — отраженным люциферическим светом. Постмодерн живет украдываемым с низа содержанием — от Премодерна и Модерна, а потому эти отсталые миры ему ох как нужны, что заставляет Постмодерн натужно консервировать Планету, ее по возможности тотально контролируя, — да вот беда, консервация этой последней означает и консервацию трансцендентной опасности, непременно исходящей от уже меняющих свою былую идентичность Модерна и Премодерна: теперь они уже не столько предшественники и родители Постмодерна, сколько его на себе носители, а родителям что-то с каждым часом все больше становится не по себе.

Отсюда от Постмодерна и достославный *глобализм* с не менее пресловутой *глобализацией*, которые обусловлены не одной лишь всемирной взаимозависимостью и которые уже никак не интернационализм с интернационализацией, а по сути своей уже самый настоящий *ультраимпериализм* с самой настоящей *суперколонизацией*. У Постмодерна нет иного выхода: *это паразитарный продукт паразитарно задуманной демиургии*. И Постмодерн вынужден устанавливать такой *миропорядок*, при котором он мог бы господствовать над миром и выживать, создавая иллюзию своей «вышести» и крайней необходимости.

От Постмодерна, таким образом, мир получает глобализм и глобализацию, т. е. использование всемирной взаимозависимости и мирового масштаба в своих интересах. Предлагается и исключительный мейнстрим — вперед куда-то под водительством Постмодерна, ради него и всего, из него вытекающего. Но тут выясняется, что Планета не очень-то склонна к такому мейнстриму, ей почему-то грезится и что-то другое: не нивелирующее и не унижающее. Что же?

3. Резистансный ответ Планеты

С воцарением алмазного Постмодерна с его решительным глобализмом и всепоглощающей глобализацией все отчетливее зазвучал голос *сопротивления* — со стороны глобализуемой Планеты. Пришло время, когда планете уже нельзя оставаться просто

планетой, т. е. объектом воздействия и пассивной средой, а надо становиться именно Планетой — субъектом действия и активной силой. Постмодерн вызвал к жизни Планету. Нравится это ему или нет, но придется ему иметь дело с осознанным планетарным сопротивлением, что позволяет говорить о феномене *Резистанса* — со стороны Планеты, которая волей-неволей вступает на путь и поиска альтернативы Постмодерну. Нет, Планете не удастся вернуться в какое-либо былое состояние, да вряд ли кто сегодня может об этом помышлять, но Планете нужно преодолеть Постмодерн, опираясь в духовно-идейном аспекте на какие-то источниковые смыслы, которым необходимо дать дорогу. На постмодернистское обесмысливание бытия нужно ответить антипостмодернистским, если не постпостмодернистским, *обосмысливанием* бытия, а это предполагает не консервацию *традиции*, даже, возможно, и не ее развитие, а выработку *нового смысло содержания*, восходящего к *человеку*, а не к какому-то постмодерновому *человекообразу*. Сложная задача, да, пожалуй что, и страшная. Однако решение ее может придти только с планетарной периферии, оттуда, где еще бьется в сопротивлении и в надежде на человека, а не техногенного *послечеловека*, человеческое сознание, способное к конструктивному переживанию. Решение должно выйти из недр резистансной Планеты — таково веление развернувшейся в мире ситуации, которая недалека от ситуации тотальной войны, в которой участники — взаимопроникшие друг в друга уходящие и приходящие миры.

И вот тут важно заметить, что человек в его полной самоценности не может и не должен осуществляться лишь на уровне особи, или индивида, что такой путь самоубийствен, а именно этот путь и есть по сути постмодерновый в чистоте своей путь, когда человекообраз пытается выходить на мир, даже на мироздание, сам по себе, особенно, индивидуально, как бы придавленный своей самостью, ею же и опустошенный, — вот тут как раз и важно заметить, что человек в его полной самоценности должен непременно принадлежать какому-то общественному, т. е. гораздо большему, чем сам он — сам по себе, образованию, которое органично необходимо любой особи, любому индивиду, — только общественное образование возвращает в человеке челове-

ское и удерживает его в человеческом, нет, не омуте, а, скажем так, облаке — духовно-идеальном, от которого человек вовсе не зависит рабски, как часто кажется, а лишь продуктивно питается, ибо несть человека без человек — без родителей, без предков, без братьев и сестер, без учителей, без потомков, соответственно без семьи, без учения, без трудовых и иных сообществ, а главное, без языка и речи, без общения и взаимопонимания, без общих устоев и ценностей, вообще без внеличных опор. И если общественность человека принципиально не оспаривается, то под вопросом оказывается пространственно-содержательный характер этой общественности: либо она должна быть локальной по отношению ко всему миру, т. е. как принято повсюду говорить, *национальной общественностью*, либо она может реализовываться в виде какой-то всемирной, т. е. исходящей сразу от целого мира, *общественностью*, или, как говаривали ранее, *космополитической общественностью*.

Здесь важно обратить внимание на следующее: нужен ли человеку вообще некий *родной мир*, и если все-таки нужен, то может ли быть таковым не какой-нибудь локальный, а весь планетарный мир? Постмодерн, кажется, отвечает отрицательно на первый вопрос, не относясь уважительно к родным по крови и языкам мирам, и скорее положительно на второй вопрос — с той лишь оговоркой, что планетарный мир вообще-то не нуждается в таком предикате, как родной. Возможен, согласно постмодерну, всеобщий планетарный мир, он-то и может дать человеку необходимую ему общественность, что означает, что никакой локальный и в то же время целостный мир, который бы почитался за родной и который бы сообщал человеку необходимую ему органичную общественность, не обязателен, а если такой мир и как-то нужен, то не более как фольклорного типа. Однако с таким постмодернизмом трудно согласиться, ибо родной мир действительно нужен и он возможен лишь локально, — только в таком мире и через него возникает и воспроизводится именно *человек*, а не какой-нибудь *человекообраз*. Во всяком случае, шанс остаться человеком, не превращаясь в человекообраз, выше при наличии локальных родных миров, чем при их растворении в неродном, или даже безродном, всемирье.

Какими придется стать в будущем локальным родным мирам, решать самой реальности. Здесь не надо ничего выдумывать. Эти миры необходимы и они должны быть. Мало того, для своего бытия они должны иметь соответствующую *властную организацию*, пусть и не такую, как сейчас, но достаточно эффективную. Локальное самоопределение должно дополняться локальным же *само-державием* (не путать с царским самодержавием). И если Планета ответит на притязания глобализаторского Постмодерна сохранением и развитием локальных миров и соответствующих им властных образований при их целостной самореализации, то ей придется искать ответ и на всемирную взаимозависимость, и таким ответом может стать *добровольный и солидарный планетаризм*, когда, во-первых, обеспечивается *всемирное общежитие народов*, во-вторых, мирно и эффективно решаются *общемировые проблемы* посредством *международных властных структур*, подотчетных всемирному международному сообществу. Любое иное движение по мировому масштабу чревато напряжением, войнами и катастрофами. Что же касается действительно *нового человека*, то он скорее явится из сопротивляющегося постмодернизму и глобализму мира, а не из самого по себе Постмодерна, ибо последний, наполненный Пустотой, всего лишь тупиковая ветвь общечеловеческой эволюции, ее странное и патогенное отклонение.

4. Призрак новых империй

Жизни без *власти* и *властной организации* в человеческом мире нет, а потому вопрос об эффективной в новых условиях власти никак не обойти. Если Планета не ляжет под модернизм и глобализм, то лишь, во-первых, властным образом, во-вторых, с обновляющейся властью и новыми властными организациями. Всемирная взаимозависимость — факт, как фактом является и необходимость локальных миров, — и вот то и другое, т. е. взаимозависимость и локальность, должны находить взаиморазрешение во взаимодействии, взаимопроникновении и взаимостоянии. Вероятность такого разрешения выше, судя по всему, в рамках больших локальных пространств, которые только и способны, во-

первых, соединить эффективно взаимозависимость и локальность, сохраняя родные миры и полноценного человека в них; во-вторых, не уничтожить властное начало и дать ему приемлемую для нынешнего мира реализацию: лояльную, но крепкую; в-третьих, противостоять ультраимперскому натиску постмодернизма и глобализма; в-четвертых, достичь эффективного планетаризма; в-пятых, удерживать под контролем разного рода патологию; в-шестых, не повредить жизнотворческому разнообразию человечества.

Нравится нам это или нет, но вырисовываются контуры больших локальных образований империяльного типа. По планете забродил призрак *новых империй*, тех империй, которые, не замыкаясь наглухо в себе и не устанавливая внутри себя жестких тоталитарных режимов, способны обеспечить эффективное для современного бытия сосредоточение власти в ряде мировых по сути центров, предоставляя возможность, с одной стороны, ответственному бытию людей и народов, реализующих целостное внутримировое самоопределение под имперским покровом, а с другой — ответственному взаимодействию в рамках планетаризма крупных имперских образований через равноправные межимперские взаимодействия.

Слово «империя» может и в общем-то должно вызывать у многих образованных «по-современному» нехорошие ассоциации, ибо оно давно дискредитировано услужливой наукой и пропагандой: либо как «ужасное», либо как «устаревшее», точнее, говорящее о чем-то ужасном и уже устаревшем. Правда, и слово «государство» сейчас третируется не менее, хотя государства пока еще есть и пока еще необходимы. Но что интересно: есть сегодня и самые настоящие империи, — и они, выходит, необходимы, но вот о них как-то не принято говорить напрямую, т. е. феномен есть (те же, к примеру, демократические США, разные финансовые и СМИ-империи), а слова как бы и нет. Но реальность все ставит на свои места: империи — вовсе не иносказательные образы, они *были, есть и будут*, а потому нет никакого резона закрывать на этот феномен глаза, занимая преглупую страусиную позицию.

Разумеется, совсем не обязательно преклоняться перед имперскими образованиями, как необходимо различать разные по характеру и предназначению империи, но игнорировать данный феномен совершенно непростительно — как чужой, так и свой, иной раз еще только возможный. Строящийся, к примеру, Европейский союз, как бы того не хотелось, быть может, некоторым его создателем, — натуральная в потенции империя, хотя, надо думать, какого-то уже нового типа. Скоропостижное и алчное проглатывание (через якобы добровольное вступление в Союз) новых восточных территорий, освободившихся из-под влияния другой империи — СССР (тоже, кстати, Союза) начисто выдает империльную суть и вполне имперские амбиции объединенной Европы, в рамках которой уже появился-де и новый этнообраз — европеец.

Нет, мы не склонны ни иронизировать по поводу старых и новых империльных образований, ни их недооценивать: мы как раз за то, чтобы считаться с реальностью. Самороспуск СССР ничего в этом плане не изменил — никакой гибели никакой-такой последней империи не было и в помине. Да, был крах конкретной империи, а лучше сказать, одной из конкретных империй, но это не значит вовсе, что был положен конец вообще империям, в первую очередь геополитическим. *Были, есть и будут*, причем *повсюду!* США, Европа, Китай, Индия, атаквистические империи Англии и Франции, восстанавливаемая империя Германии — разве всего этого нет? И разве Турция не грезит о былой империи, как не подумывает об империльном образовании мусульманский мир?

5. Постмодерн и Россия в закипающем новообразовательном котле

Нет особого резона много говорить о духовно-идейном крахе разгулявшейся в России постмодернистской и глобалистской революции. Конечно, старая система разрушена, сделана попытка жить по-новому, обеспечен невозврат к старому. Но нет ни нормальной жизни, ни упорядоченного более или менее строя, ни эффективного способа хозяйства. Пока по российским просто-

рам гуляет вместе с революцией *антимир*, инфернализирующий бытие и стимулирующий *антигосударственность*, *антихозяйственность* и, как итог, *антижизнь*. Обо всем этом тоже нет большого резона много говорить: *нет полноценного на перспективу человеческого бытия*. Революция вполне захлебнулась в собственном *апокалиптическом продукте*.

На марше *антиреволюция*, которую не надо путать с *контрреволюцией*, ибо первая — к новому, а вторая — к старому.

Не надо думать, что постмодерн сугубо заезжее явление, что в России у него нет корней. Но было бы непростительной ошибкой посчитать постмодерн великой находкой для России, тем более внешний глобализующий постмодерн, ныне активно по всему миру внедряемый и девятым валом накативший на Россию. В основании своем Россия все-таки чужда постмодерну, о чем говорит, в частности, неслыханная его в России уродливость и «дурность»: создается впечатление, что Господь недаром попустил постмодернизацию России — чтоб всем тошно от постмодерна стало! Похоже, что Россия относится к числу первых великих стран, настолько наевшихся гадким постмодерном, что у нее может уже сегодня возникнуть желание поскорее избавиться от недоброкачественной пищи. И это вполне возможно, ибо постмодерн в России, в том числе и российский постмодерн, мало что ядовит, но и, как бы то ни было, не органичен. Постмодерн есть в России, но он ей инороден. Отсюда *антипостмодернизм* в России вполне оправдан.

Постмодерновая пустота — Пустота, да еще и вкупе с воцарившимся местным уродством — не российская мечта! Может, американская, но никак не российская. Постмодернизм в России — странное отклонение, вредная пилюля, досадный эпизод. Он должен быть непременно преодолен и возможно скорее. Постмодернизм в России — беда, а против беды у России лишь одно средство — *победа* (по-бед-ить — одолеть беду)!

И выход здесь только один: *развитие имперскости*, которая, во-первых, не исчезла, а лишь ушла в тень, во-вторых, органична России и ей в принципе нужна, в-третьих, с неизбежностью должна обрести новые алгоритмы. Органичная России имперскость должна имперским же образом развиваться и реализо-

ваться в *новую империю*, способную воспринимать всемирную взаимообусловленность и удерживать жизнотворческую локальность, отражать несусветный постмодернизм с глобализмом и оберегать родной мир, споспешествовать солидарному планетаризму и умело взаимодействовать с иными локальными образованиями, находить достойное место в мировой хозяйственной кооперации и обеспечивать целостное развитие хозяйства и жизни внутри имперского образования. Нецентрированных общественных систем и способов хозяйства нет и быть не может, но любой *центр* должен быть работоспособным и эффективным, признаваемым и поддерживаемым периферией, всей отграниченной средой, — и вот в России таким дееспособным центром может быть только *имперский центр* — опекающий, защищающий, поддерживающий, направляющий, но уже не в привычном патерналистическом духе, ибо времена *имперского патернализма*, вместе с его тоталитаризмом, механическим насилием и иждивенчеством, ушли в прошлое. Речь может сегодня идти только о *гражданской империи*, только об *открытой империи*, только о *солидарной империи*, как и об империи, направленной по преимуществу *вовнутрь*. Главное ведь здесь *устройство общества*, а не политика; *самочувствие граждан*, а не управление ими; *полноценная жизнь*, а не подделка под нее. И не ясная логика приведет к имперскому, а может, и какому-то иному, разрешению, не лучшая аргументация, не превосходная разработанность проекта, а металогическая ориентация российского духа, питающего народы и элиты, само российское сознание. Быть или не быть империям, решается не на научных форумах, а в трансцендентных глубинах бытия, но ничто не мешает и ученым доверительно вслушиваться в идущие откуда-то метасмысловые мотивы, выражающие не одну лишь музыку революций, но и музыку жизнеутверждающих империй. Да вслушаемся!

2004 г.

Содержание	
Вступление	5
<i>Часть I. Пришествие Постмодерна</i>	
...И тьма над бездной!.....	9
Конец истории как история конца	21
Эсхатология нового мира.....	36
Переустройство мира	46
Фиктивная сущность Постмодерна.....	49
Резвящийся Постмодерн	55
Неуловимая современность	62
Новое в мире: новая локальная имперскость и солидарный планетаризм	78
Сикстинские откровения.....	92
<i>Часть II. Экономика Постмодерна</i>	
Финансовая экономика как высшая форма бытия экономики.....	129
Неоэкономика.....	145
Глобальная экономика: не миф, а реальность, хотя и трансцендентная.....	166
Экономический Постмодерн (тезисы).....	173
Экономика в лучах философии хозяйства.....	180
Глобальное и национальное в экономике.....	219
<i>Часть III. Постмодерн, Россия и Империя</i>	
Россия перед лицом глобализации.....	255
Русский вызов XXI веку.....	257
Безвременье и российские перспективы	264
Мерцающие контуры российской государственности	267
Россия и Постмодерн (предварение)	282
Русская имперскость	296
Постмодерн, Россия и Империя	301

Россия: ни глобальное, ни национальное, а имперское	303
Изыски Постмодерна и искания России.....	317
Россия и Постмодерн: кто первый?..	325